П. А. КУЛІШЪ.

ИСТОРІЯ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ОТЪ НАЧАЛА КОЛОНИЗАЦІИ ОПУСТОШЕННОЙ ТАТАРСКИМЪ ПОГРОМОМЪ КІЕВО-ГАЛИЦКОЙ РУСИ ДО НАЧАЛА СТОЛѢТНЕЙ КОЗАЦКО-ШЛЯХЕТСКОЙ ВОЙНЫ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА"

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Мойкѣ, № 5.
1874.

ИСТОРІЯ

ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

I

П. А. КУЛІШЪ

ИСТОРІЯ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ОТЪ НАЧАЛА КОЛОНИЗАЦІИ ОПУСТОШЕННОЙ ТАТАРСКИМЪ ПОГРОМОМЪ КІЕВО-ГАЛИЦКОЙ РУСИ ДО НАЧАЛА СТОЛѢТНЕЙ КОЗАЦКО-ШЛЯХЕТСКОЙ ВОЙНЫ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1874

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“, ПО МОЙКѢ, № 5

БЛАГОРОДНОЙ ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ АЛЕКСѢЕВИЧА

МИЛЮТИНА

ПОСВЯЩАЕТЪ

КУЛИШЪ

Но бꙋ́ѧ мíра избра̀ Бг҃ъ, да премꙋ́дрыѧ посрами́тъ: и҆ немѡ́щнаѧ мíра избра̀ Бг҃ъ, да посрами́тъ крѣ̑пкаѧ: И҆ хꙋдоро́днаѧ мíра и҆ ᲂу҆ничиже́ннаѧ избра̀ Бг҃ъ, и҆ не сꙋ́щаѧ, да сꙋ́щаѧ ᲂу҆праздни́тъ.

Но Богъ избралъ безумное міра, дабы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, дабы посрамить сильное; И незнатное и уничиженное и ничего незначущее избралъ Богъ, дабы разрушить значущее.

Первое посланіе къ Коринѳянамъ, гл. I, ст. 27, 28.

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЕ.

Представляемая, какъ говорится, на судъ публики книга, въ глазахъ автора, есть только набросокъ того, какъ, по его мнѣнію, должна быть написана исторія его родины. Еще недавно онъ былъ далекъ отъ мысли—издавать ее въ настоящемъ видѣ; но, зная, какъ часто наши планы остаются безъ выполненія, рѣшился, вмѣсто достиженія идеала, носимаго въ умѣ, высказать нѣсколько мыслей, на которыхъ, какъ ему кажется, можетъ быть утверждена фабула исторіи южнорусскаго міра, то есть все, что̀ составляетъ внѣшнюю, показную, такъ сказать, анекдотическую часть ея. Если авторъ потерялъ отъ этой рѣшимости что-нибудь изъ удовольствія, какое доставляетъ уму работа, совершающаяся безъ свидѣтелей, то, съ другой стороны, умственное общеніе съ читателями доставитъ ему помощь, безъ которой, можетъ быть, онъ никогда не довелъ бы предпринятаго труда до его окончательной формы.

Да не подумаетъ кто-либо, что это „Предупрежденіе" имѣетъ цѣлью—защитить книгу отъ строгости специалистовъ. Не только строгая, но и враждебная критика полезна для историка. Вредить историку могутъ однѣ неумѣренныя похвалы со стороны людей, которые развиты меньше самого автора и, въ простотѣ невѣдѣнія своего, восхищаются тѣмъ, что̀ соотвѣтственно развитой читатель молча въ немъ осуждаетъ. Ничего нѣтъ опаснѣе для самосовершенствованія историка, какъ попасть на вкусъ большинства и наслаждаться единодушнымъ его удивле-

ніемъ работѣ, которую могутъ оцѣнить по достоинству только немногіе. Съ того момента, въ который праведникъ увѣруетъ въ свою святость, онъ перестаетъ приближаться къ идеалу святости, поставленному передъ нами Евангеліемъ. Съ того момента, въ который историкъ предпочтетъ громкое одобреніе многихъ строгому суду меньшинства, онъ останавливается въ своемъ самосовершенствованіи.

Что̀ касается до предлагаемой книги, то автору, болѣе нежели кому-либо другому, видны неполнота ея объема, эскизность нѣкоторыхъ частей и недостатокъ соразмѣрности между ними. Но въ наукѣ исторіи цѣнится не столько доконченность всего труда, сколько проникновеніе въ дѣйствительное положеніе вещей хотя въ нѣкоторыхъ моментахъ изображаемаго времени. Если авторъ „Исторіи Возсоединенія Руси“ проложилъ хоть какой-нибудь путь къ точному уразумѣнію, *какъ* было, и *почему* такъ, а не иначе, было то, что̀ его предшественники понимали сбивчиво,—онъ уже не напрасно трудился. Намѣченный, хотя бы и не проложенный, имъ путь къ уразумѣнію былого заглохнуть не можетъ. Пойдутъ въ томъ же направленіи люди болѣе способные, болѣе свѣдущіе, болѣе энергическіе въ дѣлѣ духовной свободы, алканіе которой выражается умственными работами вообще и историческими трудами въ особенности. Пока тяготѣетъ надъ нами непониманіе нашего прошедшаго, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова, до тѣхъ поръ мы не можемъ дѣйствовать свободно (а это значитъ — съ полнымъ самосознаніемъ) въ настоящемъ и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, лишены будущаго, такъ какъ оно вырабатывается настоящимъ. Пока не выяснится для насъ пройденный уже нами путь, до тѣхъ поръ мы—рабы, лишенные самосознанія (въ чомъ собственно и состоитъ рабство); до тѣхъ поръ мы не вѣдаемъ, что̀ и какъ намъ дѣлать; слѣдовательно, будущность свою предоставляемъ устраивать кому-то другому. И вотъ въ этихъ-то

видахъ авторъ предлагаемой книги приноситъ въ общій складъ свою скромную долю труда, возложеннаго на нашъ вѣкъ и на наше общество. Не жажда ,,суетной славицы", а жажда духовной свободы заставила его появить свою работу раньше возможной для него доконченности. Можетъ быть, она послужитъ хоть къ тому, что нѣкоторыя дѣла, сданныя, по разсмотрѣніи историками, въ архивъ, еще разъ потребуются изъ архива къ пересмотру.

Необходимо сказать слова два и о заглавіи книги. *Возсоединеніе Руси* совершалось, по частямъ, въ короткіе моменты; но то были только результаты предшествовавшей жизни народа, итоги, подведенные къ прежней его дѣятельности. Нельзя приписывать, на примѣръ, дѣяній 1654 года тѣмъ только лицамъ, которыя совершили ихъ. Они, эти лица, были вынуждены совершить ихъ, вынуждены и нравственно, и вещественно; а тѣ сложныя силы, которыя заставили ихъ поступить извѣстнымъ образомъ, развивались въ теченіе долгаго времени и находились въ зависимости отъ множества обстоятельствъ, по видимому, не состоящихъ ни въ какой связи съ актомъ возсоединенія. Поэтому эпоха Богдана Хмельницкаго не достаточна сама по себѣ для того, чтобъ объяснить сліяніе русскаго міра во едино, и о ,,важномъ значеніи" Хмельнищины напрасно мы будемъ говорить, пока не уяснимъ себѣ этого по преимуществу козацкаго эпизода русской исторіи изученіемъ общаго хода дѣлъ во времена предшествовавшія. Вотъ почему, желая изобразить возсоединеніе Руси, авторъ долженъ былъ представить все, что̀ готовило издавна этотъ великій актъ, съ такою полнотою, какая только для него возможна по его научнымъ средствамъ; вотъ почему ,,Исторія Возсоединенія Руси" у него— вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія края, отъ начала его отдѣльнаго существованія.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Авторъ проситъ: на стр. 2, въ строкѣ 17, читать: мира, а не *міра*.

„	3	„	20	„	это, а не *его*.
„	37	„	4	„	входы, а не *уходы*.
„	53	„	49	„	Rada, а не *Tada*.
„	58	„	7	„	1568, а не *1508*.
„	81	„	23	„	двѣ, а не *вењ*.
„	94	„	3	„	держали, а не *содержали*.
„	112	„	10	„	повѣтѣ, а не *уњздњ*.
„	119	„	20	„	Traciey, а не *Franciey*.
„	143	„	24	„	des, а не *ron*.
„	172	„	13	„	панами, а не *попами*.
„	173	„	15	„	въ своей, а не *къ своей*.
„	175	„	19	„	O viros, а не *O vivos*.
„	176	„	6	„	пользовались, а не *воспользовались*.
„	177	„	27	„	captiuus, а не *captinus*.
„	230	„	34	„	Xięstwie, а не *Xieży*.
„	231	„	28	„	поставленіи, а не *постановленіи*.
„	290	„	31	„	Археографическою, а не *Археологическою*.

НѢСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

Есть нѣчто оправдательное въ торжествѣ даже и грубой силы надъ безсиліемъ ея противниковъ, если это торжество идетъ прогрессивно и не измѣняетъ своему характеру въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій. Зрѣлище природы, въ самыхъ грандіозныхъ и въ самыхъ малыхъ ея размѣрахъ, успокаиваетъ наше чувство, возмущающееся противъ этой мысли, которая на каждомъ шагу сказывается намъ въ живыхъ примѣрахъ. Такое оправдывающееся свою послѣдовательностію торжество представляетъ Русь относительно Польши. Первая имѣетъ въ своей исторіи много антипатичнаго для ума, питаемаго новыми человѣчными идеями; вторая, напротивъ, въ исторической жизни своей, часто плѣняетъ умъ нашъ своими дѣяніями. Обращеніе русскихъ людей въ католичество, а тѣмъ самимъ и въ польскую національность, едвали слѣдуетъ объяснять одними матеріяльными выгодами, родственными и другими связями, принужденіемъ и соблазнами, которые весьма искусно устраивали для нихъ ревнители папизма. Перечитывая историческіе памятники польскаго былого, русскій человѣкъ нашего времени, — по крайней мѣрѣ такой, какъ пишущій эти строки, — не разъ пожалѣлъ, почему ему не было дано родиться полякомъ въ такой-то періодъ времени, чтобы вмѣстѣ съ поляками насладиться тогдашней, плѣнительной издали, жизнью. Само собою разумѣется, что одной минуты самоуглубленія достаточно для разсѣянія этой иллюзіи. Но не такъ легко та же иллю-

зія разсѣевалась во времена оны. Польша увлекла вслѣдъ за собой цвѣтъ русской молодежи, увлекла въ свою національность лучшіе, если не всѣ, таланты русскіе и, при ихъ свѣжемъ содѣйствіи, прославила имя польское въ войнѣ, во внѣшней и внутренней политикѣ, наконецъ и въ самой литературѣ. Остались на древнемъ русскомъ займищѣ — или закоренѣлые въ отеческихъ преданіяхъ, такъ сказать, фанатики-староверы, или люди, неспособные увлекаться лучшимъ посреди своего худшаго, или, наконецъ, мало размышляющая масса народа, исправлявшаго низшую службу житейскую. Что въ этой массѣ не было мѣста высокимъ общественнымъ добродѣтелямъ, въ томъ согласится каждый, кто изучилъ въ Украинѣ хоть одно село, наполненное такъ называемыми панка̀ми, полу̀панками и мужиками. Что тутъ порывы къ захвату и насилію регулировались однимъ отпоромъ, это ясно для каждаго, кто занимался скотоводствомъ: ибо низшія существа приводятъ насъ своею жизнью къ уразумѣнію высшихъ гораздо больше, нежели наоборотъ. Просвѣтительное слово любви и міра, обходящее, вотъ уже скоро два тысячелѣтія, моря и земли, понималось тупо, превратно и, при отсутствіи культуры, не оказывало того дѣйствія на жизнь, какое оказываетъ оно такъ очевидно, на примѣръ, въ культурно развитомъ семействѣ, когда исходитъ изъ разумныхъ устъ отца и матери. Коротко сказать: картина жизни была немного развѣ отраднѣе той, какую представляетъ міръ зоологическій. Но этотъ безотрадный составъ южнорусскаго общества заключалъ въ своей, такъ сказать, сути то самое относительно будущаго, что̀ заключаетъ въ себѣ жолудь по отношенію къ великанскому дубу, исключающему менѣе сильныя древесныя породы и дающему подъ широкою сѣнью своею пріютъ лишь низкорослымъ. Какъ ни мало либеральнаго въ этомъ воззрѣніи, но, смиряясь передъ силою вещей въ мірозданіи, невольно соглашаешься съ мнѣніемъ англійскаго экономиста: что вообще о людяхъ слѣдуетъ судить по тому, въ чомъ они успѣли, а не

по тому, въ чомъ они потерпѣли неудачу. Судъ a posteriori — безпощадный судъ, и эту безпощадность приходится историку примѣнять къ падшей Польшѣ, какъ бы ни льнули къ ней его гуманныя симпатіи. Для насъ, русскихъ людей, тѣмъ затруднительнѣе строгое осужденіе польскаго прошедшаго, что политическая система польская поглотила такъ много нашихъ предковъ, и притомъ такихъ, которыми всего болѣе могли бы мы гордиться. Точно какъ-бы торжествуя надъ паденіемъ нашихъ напастниковъ (а это запрещалъ человѣческой душѣ уже и Гомеръ), мы постоянно отдаемъ предпочтеніе тому, что̀ дѣлали русскіе, передъ тѣмъ, что̀ дѣлали поляки. Но это на судѣ исторіи дѣлается не по иному чувству, какъ по сознанію праведности жизненнаго начала сравнительно съ началомъ не столь жизненнымъ, — конечно въ области духа, а не матеріи, въ области идеи, а не формы. Настанетъ время и для суда надъ судящими; они въ свою очередь уступятъ мѣсто болѣе жизненному элементу въ развитіи человѣчества, и ошибки въ ихъ убѣжденіяхъ обнаружатся тогда передъ всѣми; но для нашихъ современниковъ мы обязаны высказывать наше нынѣшнее мнѣніе о быломъ польско-русскомъ прямодушно, даже и подъ опасеніемъ, что его примутъ за грубость торжествующей силы.

Въ тѣ времена, съ которыхъ начинаются историческія польскія и русскія преданія, коренные жители Польши и Руси назывались различными именами, по различнымъ родамъ, общинамъ или племенамъ, къ которымъ принадлежали, но по языку всѣ они были славяне. Языкъ древнихъ славянъ не имѣлъ рѣзкихъ областныхъ отличій: эти отличія выработались впослѣдствіи. Вѣрованія у славянъ были одинаковы, доисторическія преданія — во

многомъ сходны; бытовые и судные обычаи, установившіеся въ незапамятную старину, распространены еще и въ настоящее время по Славянщинѣ всюду; а все это вмѣстѣ заставляетъ предполагать, что раздѣленное на различныя племена населеніе великой польско-русской равнины говорило, вѣровало и управлялось — или одинаково, или съ небольшими мѣстными особенностями.

Когда князья *русь* или, какъ ихъ иначе называютъ, варяго-руссы, были призваны новгородцами и ихъ сосѣдями для поддержанія обычнаго у нихъ порядка [1]), Русью, или русскою землею, сперва назывались только тѣ области, которыя ввѣрили имъ у себя верховный судъ и защиту отъ другихъ полукочевыхъ племенъ. Когда же эти князья взяли подъ свою власть поднѣпровскія и другія славянскія области, когда и въ этихъ областяхъ установили они тотъ же порядокъ, который поддержали на сѣверѣ, тогда вся земля, подвластная князьямъ, называвшимся русью, сохраняя свои областныя имена, называлась русскою землею, и смыслъ этого названія былъ не столько тотъ, что русь княжила и владѣла ею, сколько тотъ, что русь охраняла въ этой землѣ установившійся обычаемъ порядокъ [2]). Когда же наконецъ Владимиръ Кіевскій присоединилъ къ своимъ владѣніямъ отъ Польши такъ называемые червенскіе города, то есть южныя земли до Карпатъ и до рѣки Сана, а къ западу потѣснилъ ляховъ за рѣку Бугъ,— Русью стали называться и тѣ области, которыя прежде находились подъ властью ляховъ. Еслибы князь Владимиръ овладѣлъ

[1]) Мы выражаемся объ этомъ фактѣ такъ, какъ говорятъ: „солнце восходитъ; солнце заходитъ", хотя каждому извѣстно, что это дѣлаетъ не солнце, а земля. Были ли призваны варяги-русь дѣйствительно, и откуда они пришли, это, послѣ ученыхъ споровъ о варягахъ, сдѣлалось для насъ еще болѣе темнымъ вопросомъ, нежели въ доброе карамзинское время.

[2]) Такъ Новгородъ съ его владѣніями, послѣ перехода изъ него князей на югъ въ землю Кіевскую, оставаясь вполнѣ свободнымъ въ выборѣ себѣ то одного, то другого русскаго князя, назывался тѣмъ не менѣе русскою землею, подобно областямъ, находившимся въ несравненно большей зависимости отъ кіевскаго великаго князя и князей удѣльныхъ.

всѣмъ пространствомъ до Вислы или даже до Одера, — все это была бы Русь, въ смыслѣ подчиненности князьямъ, которымъ присвоено было это имя при появленіи ихъ среди сѣверной Славянщины.

Первобытныя названія славянскихъ племенъ, подъ властію русскихъ князей, переставали означать полную отдѣльность одного племени отъ другого и начали употребляться только въ смыслѣ отличія ихъ мѣстности, обычая и нарѣчія. Сохраняя свое областное самоуправленіе, эти племена въ то же время признавали надъ собой верховный судъ русскаго князя, платили ему дань на содержаніе военной дружины и помогали ему въ войнѣ собственными ополченіями. Сколько бы славянскихъ племенъ ни вошло такимъ образомъ въ кругъ княжеской власти, или, какъ говорилось на Украинѣ послѣ, подъ его присудъ, — всѣ они, не переставая называться прежними именами, напримѣръ: бужанами, мазовшанами, куявянами, назывались бы русью или русскимъ народомъ, такъ точно, какъ, на примѣръ, это произошло съ жителями правой стороны рѣки Сана, которые до Владимира, такъ же какъ и славяне, жившіе за Саномъ, были извѣстны подъ именемъ бѣлыхъ хорватовъ, а со временъ Владимира начали называться русью.

Но въ названіи Русь выразилась не одна та мысль, что такія-то области такъ или иначе принадлежали, въ такой или иной степени повиновались князьямъ русскаго рода. До прихода этихъ князей въ Кіевъ, поднѣпровскія области платили дань волжскимъ Козарамъ; до похода князя Владимира на ляховъ (въ 981 году), такъ называемые червенскіе города съ Перемышлемъ были подвластны ляхамъ; имъ же принадлежали и люблинскія земли до временъ галицкаго князя Даніила. Но эти земли не усвоили себѣ названія Козаріи или Ляхіи, напротивъ, сохранили за собой русское имя и послѣ того, какъ ляхи, при королѣ Казимирѣ III, опять захватили ихъ подъ свою власть.

Совсѣмъ иное явленіе представляетъ имя польское. Нынѣшніе польскіе историки не могутъ даже указать, какія именно земли и съ котораго времени назывались Польшею, а старинные польскіе лѣтописцы смутно вспоминаютъ о полянахъ, жившихъ за Вислою, и называютъ ихъ то поляками, то ляхами. Русскіе люди искони знали только *ляховъ*; о полякахъ же въ старину не было и рѣчи. Даже въ подвластныхъ польскимъ королямъ областяхъ, на примѣръ въ землѣ Люблинской, завислянскихъ жителей называли туземцы не иначе, какъ ляхами, а русскія лѣтописи XIII столѣтія, говоря о походахъ князей на ляховъ, подъ именемъ *лядской* земли разумѣли только области по ту сторону Вислы. Имена: *Польша, Польскій край, Польскій народъ,* введены въ употребленіе государственными людьми позднѣйшаго времени и распространены ими по обѣимъ сторонамъ Вислы искуственно. Эти имена были любимы панами и шляхтою, но простой народъ не дорожилъ ими, а во многихъ польскихъ областяхъ и не употреблялъ ихъ — до тѣхъ поръ, пока шляхта не уразумѣла наконецъ, что для нея невыгодно и опасно присвоивать одной себѣ имя польскаго народа. Тогда-то начала она всячески внушать простолюдинамъ, что они такіе же поляки, какъ и помѣщики, что слава древнихъ поляковъ есть и ихъ слава, что прежній порядокъ вещей въ Польшѣ долженъ быть и для нихъ дорогъ, и тому подобное. Но поздно спохватились привилегированные представители польскаго имени. Даже въ наше время простой народъ, не только по сю, но и по ту сторону Вислы, не всюду принялъ польское имя, и называетъ поляками только шляхту да мѣщанъ, а себя отличаетъ отъ нихъ областными названіями, говоря: „Мы — мазуры; мы — куявяне; мы—краковяки", и пр.

Это обстоятельство сдѣлается совершенно понятнымъ, когда мы вспомнимъ, какъ строилось Польское государство. Строилось оно помимо народа и въ противоположность народнымъ обычаямъ, — вовсе не такъ, какъ Русское. Въ то время, когда князья

русь поддержали на сѣверѣ по Днѣпру и до самихъ Карпатъ порядокъ жизни, установившійся обычаемъ, — за Вислою уже рѣзко выдѣлилось изъ народа высшее сословіе, отрознилось отъ него обычаями, позаимствованными отъ нѣмцевъ, выпросило себѣ у королей привилегіи и, живя въ за́мкахъ, обижало тѣхъ, которые продолжали жить селами, постаринному. Изъ этого-то гордаго сословія размножилась впослѣдствіи шляхта, которая только себя считала *народомъ* (naród szlachecki), почему и имя *Польскаго* народа присвоила исключительно своему сословію. Но, пока до этого дошло, притѣсненные и обѣднѣвшіе жители селъ не одинъ разъ возставали противъ жителей за́мковъ, захватывали ихъ имущества, женились насильно на ихъ женахъ и пытались уничтожить ихъ привилегіи (совершенно, какъ дѣлали впослѣдствіи козаки); словомъ — народъ, обиженный привилегированными владѣльцами за́мковъ, стремился возсоздать тотъ естественный порядокъ вещей, который русскіе князья оставляли нетронутымъ въ подвластныхъ имъ областяхъ. Но паны дѣйствовали заодно съ латинскимъ духовенствомъ, которое, въ началѣ польской исторіи, состояло изъ однихъ пришлыхъ нѣмцевъ, и потому всячески помогало панамъ, своимъ питомцамъ, одолѣть поселянъ. По смерти короля Болеслава Храбраго, досада народа на владѣльцевъ за́мковъ, на бискуповъ и ксензовъ дошла до того, что народъ, возставши противъ пановъ, истребилъ всѣхъ бискуповъ и ксензовъ, и возвратился къ прежней славянской вѣрѣ, уничтоженной латинцами. Только съ помощію заграничныхъ нѣмцевъ и новыхъ присланныхъ ими въ Польшу бискуповъ и ксензовъ, владѣльцы за́мковъ успѣли взять верхъ надъ поселянами и принудили ихъ къ латинскому церковному обряду.

Такимъ образомъ исторія земель, составившихъ впослѣдствіи Польшу, по древнимъ письменнымъ свидѣтельствамъ, не заподозрѣннымъ и польскими учеными нашего времени, начинается упорною борьбою притѣсненныхъ классовъ населенія съ тѣми

классами, которые утвердили за повислянскою Славянщиною имя Польши, и побѣдою надъ ними этихъ послѣднихъ, съ помощію латинскаго, пришлаго изъ нѣмецкихъ земель, духовенства. Нельзя не замѣтить, что занятіе княземъ Владимиромъ червенскихъ городовъ и княземъ Даніиломъ земли Люблинской согласовалось вполнѣ съ духомъ возстанія, который искони одушевлялъ обиженныя сильными людьми массы во владѣніяхъ деспотическихъ и гордыхъ представителей польскаго имени. Эти массы естественно должны были дорожить возстановленіемъ гражданской равноправности, нарушенной исконнымъ полноправствомъ пановъ, и стремиться къ тому обычному самоуправленію, которому въ русскихъ областяхъ былъ большой просторъ даже и при случайномъ самовластіи нѣкоторыхъ русскихъ князей, то есть при злоупотребленіи ввѣренною имъ властью. На этомъ основаніи можно полагать, что имена: *Русь, Русская земля, Русскій народъ*, первоначально принимались одинаково на всей равнинѣ, которая впослѣдствіи является въ исторіи въ видѣ двухъ государствъ, Польскаго и Русскаго, и гдѣ только хоть временно господствовало вѣчевое, уравнивающее всѣ классы право, общее русскимъ областямъ, тамъ на вѣки народъ остался въ собственномъ мнѣніи русскимъ, какое бы правительство ни повелѣвало имъ. Это право не было установлено пришельцами: оно получило свое начало отъ исконнаго славянскаго понятія о равноправности и развивалось по мѣрѣ развитія или видоизмѣненія русской гражданственности. Вѣчевое право въ началѣ было свойственно всѣмъ обитателямъ береговъ Вислы, которые, по древнѣйшимъ преданіямъ о славянахъ, ничѣмъ не отличались отъ обитателей береговъ Днѣпра; только на берегахъ Днѣпра и во всей древней Руси оно было общимъ для всѣхъ сословій, а въ областяхъ, составившихъ Польшу, паны присвоили самоуправленіе исключительно своему сословію. Съ одной стороны, они постоянно старались освободить свое сословіе отъ власти короля, а съ другой—подавляли народное самоуправле-

ніе, которое, по старой памяти о сельскихъ громадахъ, сходахъ, копахъ и вѣчахъ, все еще проявлялось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Не мудрено, что каждая область, отторгаемая древними русскими князьями отъ Польши, навсегда усвоивала своимъ жителямъ имя русскихъ. Слово *русскій*, въ періодъ созиданія политическаго тѣла Польши, въ понятіи сельскихъ общинъ, значило, можно сказать, то же, что *славянскій*, не подвластный онѣмеченнымъ, латинизованнымъ панамъ, своеобычный, народоправный.

Но любовь занятыхъ русскими князьями областей къ имени русскому, засвидѣтельствованная прочностію этого имени подъ иноземнымъ владычествомъ, крѣпла еще отъ одного важнаго обстоятельства, — именно отъ того, что въ областяхъ, составившихъ Польшу, прежде римско-католическаго ученія, или латинства, было проповѣдано греческое вѣроученіе, или такъ называемый славянскій обрядъ. Свѣдѣнія объ этомъ событіи можно найти въ сочиненіи безпристрастнаго польскаго ученаго, Александра Мацѣёвскаго, подъ заглавіемъ: „Pamiętniki o Dziejach, Piśmiennictwie i Prawodawstwie Słowian", изъ котораго извлеченіе, подъ заглавіемъ: „Исторія первобытной Христіанской Церкви у Славянъ", издано порусски Евецкимъ, въ 1840 году, въ Варшавѣ. Кто бы захотѣлъ еще ближе узнать, при какихъ обстоятельствахъ распространялось греческое вѣроученіе вмѣстѣ съ славянскимъ богослуженіемъ по берегамъ Вислы, и какъ латинство искони было враждебно обряду славянскому, тому укажемъ на монографію г. Лавровскаго, подъ заглавіемъ: „Кириллъ и Меѳодій", написанную по древнимъ источникамъ и изданную въ Харьковѣ, въ 1863 году. Но, кромѣ историческихъ воспоминаній о проповѣданіи греческаго вѣроученія послѣдователями Кирилла и Меѳодія, остались въ Польшѣ и видимые знаки того, что славянскій обрядъ существовалъ здѣсь раньше латинскаго, и что христіянство пришло въ Польшу сперва въ видѣ славянскаго грековосточнаго обряда, а потомъ уже—въ видѣ латинства. Еще въ 1491 году печатались

въ Краковѣ русско-славянскія книги, а около Опатова за Вислою жили люди, исповѣдывавшіе грековосточную вѣру. Въ Румянцевскомъ Музеѣ, въ Москвѣ, хранится рукописное Евангеліе XV столѣтія, съ современною надписью казимирскаго мѣщанина Ивана Шапника Леонтьевича, пожертвовавшаго это Евангеліе въ церковь Св. Духа (нынѣ костелъ Св. Духа) „въ Казимѣржѣ на Вислѣ". Въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія, на стѣнахъ костеловъ Краковской епархіи были видны образа греческой живописи съ славянскими надписями надъ каждымъ образомъ. Въ то время между латинцами и грекоруссами шелъ книжный споръ о древности обрядовъ той и другой церкви, и защитники „древняго русскаго благочестія", между прочимъ, указывали латинцамъ на эти остатки первобытной вѣры въ Польшѣ. Въ рукописномъ сочиненіи Захаріи Копыстенскаго, 1620 года (автографъ), подъ заглавіемъ: „Оборона Вѣры Церкви Всходней и Патріарховъ", хранящемся въ варшавской библіотекѣ графовъ Красинскихъ, на стр. 381 читаемъ: „Въ діоцезіи епископства Краковскаго по нѣкоторымъ костеламъ найдуются малеванья грецкимъ обычаемъ и кипталтомъ, зъ нáписами славенскимъ языкомъ надъ кождымъ образомъ". Возраженія на эти указанія (сколько намъ извѣстна современная книгѣ Копыстенскаго религіозная полемика) нигдѣ не сдѣлано, а только исчезла на костелахъ улика въ томъ, что латинство въ Польшѣ, такъ же, какъ и въ Литвѣ, утвердилось путемъ захвата. Наконецъ, и въ наше еще время, въ ризницѣ Ченстховскаго монастыря находится образъ благословляющаго спасителя, писанный византійскимъ стилемъ, съ надписью евангельскихъ словъ пославянски.

Когда мы вспомнимъ, что, по смерти Болеслава Храбраго, простонародье избило навязанныхъ ему аристократіею бискуповъ и ксензовъ, и когда сообразимъ, что никогда не было подобнаго факта въ исторіи распространенія славянскаго обряда, то сдѣлается понятнымъ, какимъ чудомъ русскіе князья, отнимая у ля-

ховъ берега Сана и земли, близкія къ Вислѣ, на вѣки утверждали между туземцами русское имя. При народоправной системѣ ихъ господства и при славянскомъ характерѣ русскаго богослуженія, завоеваніе было тутъ нѣкотораго рода освобожденіемъ, или возвращеніемъ народа къ тому порядку вещей, который былъ нарушаемъ олатиненными панами, и который у древнихъ русскихъ князей оставался основою созидаемой ими гражданственности. Кіевскому Владиміру представлялась полная возможность превратить всю Польшу въ Русь, какъ превратилъ онъ въ Русь Червенскую землю, населенную бѣлыми хорватами. Для этого стоило ему только поддержать угнетенныхъ противъ угнетателей; а въ Польшѣ народъ никогда не переставалъ чувствовать, что онъ обиженъ во всѣхъ своихъ правахъ панами, и всегда былъ готовъ возставать противъ шляхты. Порядокъ, устроенный шляхтою въ Польшѣ, тѣмъ только и держался, что народъ былъ убогъ и придавленъ, а шляхта всегда была вооружена и держала на жалованьѣ нѣмецкія роты. Этотъ порядокъ былъ дотого непроченъ, что, когда бывало шляхетское войско начнетъ послѣ похода требовать жалованье и, не получивъ его, грабить королевскія, духовныя и панскія имѣнія, — государственные люди теряли голову и предсказывали на сеймахъ разрушеніе Польши. Но особенно сильно поколебался созданный панами строй жизни въ половинѣ XVII столѣтія, когда Украина Польскаго государства, поднялась противъ шляхты, подъ предводительствомъ Хмельницкаго. Отъ днѣпровскихъ Пороговъ до Вислы все простонародье возстало противъ господствующаго сословія и начало дѣйствовать заодно съ козаками Хмельницкаго. Тогдашній сенаторъ Станиславъ Радзивилъ, въ своемъ дневникѣ, разсказываетъ, что и въ самой Варшавѣ чернь (NB. уже вполнѣ католическая) готовилась подняться противъ шляхты покозацки, и говоритъ, что еслибы хоть одинъ козацкій полкъ появился въ то время на берегахъ Вислы, то всѣ вельможные паны побѣжали бы изъ Варшавы опрометью. Муд-

рено ли же было Владимиру въ X-мъ вѣкѣ расширять географическіе предѣлы русскаго имени въ привислянскихъ областяхъ, которыя, по языку и обычаямъ жителей, были еще очень близки съ областями днѣпровскими? Что въ этихъ областяхъ панская власть во времена Кіевскаго Владимира держалась весьма ненадежно, — видно изъ избіенія бискуповъ и ксензовъ, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ по смерти Владимира. Польскіе писатели даютъ этому событію такой видъ, что это былъ бунтъ язычниковъ противъ христіянства. Но мы знаемъ, во первыхъ, что у старыхъ польскихъ лѣтописцевъ язычниками назывались всѣ не-латинцы, а во вторыхъ, что прежде латинства здѣсь былъ распространенъ славянскій обрядъ. Поэтому война противъ пановъ могла быть предпринята народомъ не за одни притѣсненія въ судныхъ правахъ и въ имуществѣ, но и за вѣру, которая въ однѣхъ мѣстностяхъ была введена здѣсь проповѣдниками славянскаго обряда, въ другихъ же оставалась еще въ первобытномъ своемъ видѣ,— въ томъ видѣ, въ какомъ Кіевскій Владимиръ нашолъ славянское язычество на берегахъ Днѣпра.

Какъ бы то ни было, но шляхетская Польша должна была, во все время своего существованія, поддерживать себя тѣми же способами, какими она первоначально устроилась. Въ ея исторіи, отъ начала до конца, идетъ борьба панства съ началомъ *равноправности*, которой домогались отъ пановъ — сперва весь низшій слой польскаго гражданскаго общества, потомъ мелкая польская шляхта, а наконецъ украинскіе козаки, — не говоря уже о томъ, что, по современному пониманію жизни, стоитъ гораздо ниже, — о ея посягательствахъ на русскую народность путемъ превращенія Руси въ Польшу посредствомъ уніи и католичества. Чѣмъ начала шляхетская Польша свое существованіе, тѣмъ и кончила: до послѣдняго времени не подѣлилась вельможная шляхта правомъ поземельной собственности, равноправностію на судѣ и личною свободою съ тѣми, которые въ началѣ были одинаковыми

съ нею гражданами, и до сихъ поръ готова утверждать, что всѣ возстанія козаковъ были простымъ разбоемъ. Но сила вещей, вразумляющая такъ или иначе всѣхъ деспотовъ и историческихъ нахаловъ, привела къ тому, что права всего народа уравнены наконецъ въ раскроенной на́ трое Польшѣ, на перекоръ закоренѣлой шляхетчинѣ, какое бы значеніе ни придавали историки столѣтней борьбѣ козачества съ польско-русскою шляхтою. Начатое, невѣдомо намъ, по какимъ видамъ, русскимъ княземъ Владимиромъ докончено русскимъ императоромъ Александромъ, въ видахъ ясной для каждаго идеи экономическаго, а слѣдовательно и нравственнаго, преуспѣянія страны.

ВВЕДЕНІЕ.

Развитіе сельскаго хозяйства въ старой Польшѣ.— Стѣсненіе рабочаго класса. — Колонизація пустынныхъ мѣстностей. — Движеніе колонизаціи къ Днѣпру, Бугу, Днѣстру.— Плодородіе новозаселенныхъ земель.— Крупные землевладѣльцы.

Когда юго-западная Русь вошла въ составъ польско-литовской политической системы, она представляла безпорядочное собраніе пустошей, оставшихся послѣ татарскаго погрома ея защитниковъ и послѣ татарскаго господства надъ остатками ея населенія. Задача дѣйствительнаго владѣнія и пользованія малолюдными, или вовсе безлюдными, землями, естественно, была и задачею сплошного заселенія этихъ земель. Но общаго плана колонизаціи окраинъ государства Польша тогда еще не имѣла. Онъ образовался въ шляхетской средѣ мало-помалу, подъ вліяніемъ частныхъ интересовъ отдѣльныхъ домовъ и ихъ приверженцевъ.

Уступивъ крестоносцамъ Поморье, Польша заперла-было себѣ выходъ водянымъ путемъ въ западную Европу. Только во второй половинѣ XV вѣка удалось ей наконецъ подчинить себѣ крестоносцевъ и открыть свободный доступъ водою въ Балтійское море. Съ этого собственно времени начинается то движеніе въ экономическомъ ея развитіи, которое дало полякамъ возможность владѣть пустынными окраинами государства въ качествѣ хозяевъ, а не такъ, какъ владѣли ими татары и ихъ баскаки. Промышленная дѣятельность всей равнины Вислы быстро оживилась.

Панскія имѣнія, пользовавшіяся привилегіями, стали приносить неслыханные до тѣхъ поръ доходы. Громадныя состоянія выростали въ короткое время; малыя хозяйства превращались въ обширныя, а накопленіе богатствъ способствовало распространенію въ панскомъ обществѣ образованности. Это общество, въ силу своихъ наслѣдственныхъ понятій, смотрѣло на городскую торговлю съ препебреженіемъ, и только изъ земли считало для себя неунизительнымъ извлекать доходы. Превосходство богатства, образованности, политическихъ правъ — все было обращено на увеличеніе производительности панскихъ имѣній. Съ ущербомъ для промышленности городской, стало въ Польшѣ процвѣтать сельское хозяйство. Изъ отдаленныхъ странъ Европы — Франціи, Фландріи, Англіи, Шотландіи, Ирландіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи и Германіи — въ Данцигскій и другіе порты приходило по пяти тысячъ кораблей за хлѣбомъ, деревомъ для постройки судовъ, поташемъ, льномъ, пенькою, шерстью, шкурами, воскомъ. Десятки тысячъ воловъ и многочисленные табуны лошадей отправлялись ежегодно въ Германію, Богемію, Моравію. Одного хлѣба отпускалось за границу каждый годъ на 9 милліоновъ талеровъ. И все это производилось большими хозяйствами, которыя еще въ XV вѣкѣ начали быстро выростать на счетъ малыхъ.

На изготовленіе такой массы продуктовъ требовалось множество рукъ, а между тѣмъ число свободныхъ работниковъ, заинтересованныхъ выгодами сельской жизни, не соотвѣтствовало страсти къ земледѣлію, овладѣвшей богатыми и просвѣщенными панами. Поэтому въ законодательныхъ шляхетскихъ собраніяхъ изыскивались мѣры, стѣснявшія рабочій классъ общества въ пользу землевладѣльцевъ. Мало-помалу чиншевая система хозяйства уступила мѣсто системѣ панщины, и положеніе земледѣльческаго населенія вообще ухудшилось до такой степени, что уже въ половинѣ XVI вѣка польскіе писатели начали предостерегать общество о грозившей ему отсюда опасности. Съ одной стороны, лег-

кость пріобрѣтенія малыхъ имѣній богатыми помѣщиками, съ другой, все большее и большее дробленіе наслѣдственныхъ земель въ рукахъ мелкопомѣстной шляхты—увеличивали классъ привилегированныхъ, но необразованныхъ людей, именно такъ-называемую загоновую шляхту, которая, вмѣсто того, чтобы составлять на сеймахъ противовѣсъ магнатамъ, дѣлалась безсознательнымъ орудіемъ ихъ частной и общей политики. Что̀ касается до простолюдиновъ, то они еще въ концѣ XIV вѣка начали по закону терять право свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто; потомъ имъ запрещено во время живъ отправляться за границу, а наконецъ, не позволялось ходить на заработки даже въ польскіе города. Слѣдствіемъ этихъ мѣръ было обѣднѣніе крестьянъ и повсемѣстное бѣгство ихъ изъ панскихъ имѣній. Колонизаторы пустынныхъ мѣстностей пользовались такимъ положеніемъ вещей и переманивали къ себѣ рабочій классъ обѣщаніемъ льготъ, а отъ строгости закона защищались политическимъ своимъ значеніемъ и надворными дружинами. Такимъ образомъ общественный строй Польскаго государства подчинился силѣ сравнительно немногихъ лицъ, и начался порядокъ вещей, основанный на такъ-называемомъ въ польской исторіи можновладствѣ (вельможествѣ).

Всѣ эти явленія общественной польской жизни повторялись, въ своей послѣдовательности, на польской Руси, которая окаймляла коренную Польшу съ юго-востока. По мѣрѣ того, какъ воинственная часть польскаго общества успѣвала въ преслѣдованіи татаръ, потомковъ первоначальныхъ опустошителей Руси и Польши, она открывала просторъ для польской цивилизаціи, со всѣми ея достоинствами и недостатками. На пространствѣ отъ Карпатъ до рѣки Нарева прибывали новоустроенные повѣты и воеводства. Вскорѣ по основаніи въ Галиціи Русскаго воеводства въ 1462 году появилось воеводство Белзское, въ восточной части того же края. Тогда же населеніе русскаго берега Вислы у Сандомира увеличилось до такой степени, что надобно было,

около 1471 года, заложить тамъ новое воеводство, Люблинское. Спустя немного времени, въ землѣ исчезнувшихъ ятвяговъ появилось воеводство Подляское. Въ 1563 году, „по причинѣ сгущенія рыцарской людности“ въ землѣ Галицкой, признано было нужнымъ установить въ Галичѣ другой сеймикъ для Русскаго воеводства, а черезъ четыре года, по той же самой причинѣ, южная оконечность Волыни получила отдѣльное устройство, подъ названіемъ воеводства Брацлавскаго.

Страхъ татарскихъ набѣговъ сгущалъ хутора и села сперва у такихъ мѣстъ, которыя представляли больше защиты и убѣжища во время внезапной опасности. По этой причинѣ прежде всего дѣлались людными окрестности укрѣпленныхъ городовъ, каковы были: Баръ, Брацлавъ, Винница, Кіевъ. Но потомъ всего больше начала привлекать къ себѣ богатая травами черноземная мѣстность, лежавшая широкою пустынею ниже Канева и Бѣлой-Церкви, отъ Сулы и Днѣпра до Буга и далеко еще за Бугъ,— мѣстность, которую успѣли отстоять противъ половцевъ древніе русичи, и которую теперь потомкамъ ихъ приходилось отстаивать противъ татаръ. Сюда спѣшили изъ глубины внутреннихъ областей предпріимчивые люди искать новаго счастья. Знатные паны выпрашивали себѣ здѣсь у короля обширныя украинскія староства; мелкая шляхта добивалась должностей второстепеннаго, „не-городового“, старосты, управляющаго, подъ именемъ дозорцы, королевскимъ имѣніемъ, безъ права суда и расправы; простолюдиновъ манила льгота отъ всякихъ платежей и повинностей, которую основатели новыхъ „осадъ“ давали поселенцамъ на много лѣтъ впередъ. Плодородіе земли украинской вознаграждало труды каждаго. Молва прославила эту землю, какъ обѣтованную, а современные польскіе публицисты печатали, для распространенія между сеймующими панами, брошюры о томъ, какъ слѣдовало бы распорядиться этимъ краемъ, для извлеченія изъ него наибольшихъ выгодъ. Одни совѣтовали завести на лѣвой сторонѣ

Днѣпра рыцарскую школу, для которой образцомъ предполагалось избрать нѣмецкихъ крестоносцевъ; другіе находили удобнымъ раздѣлить всю порожнюю землю на Украинѣ между убогою шляхтою, и пророчили, что этимъ способомъ здѣсь образуется новая Рѣчь-Посполитая, такъ какъ порожней земли считалось тогда въ Украинѣ больше, нежели вся Великая и Малая Польша, взятыя вмѣстѣ. „Дивное дѣло", толковали паны на сеймахъ, „что лузитанцы и голландцы овладѣли антиподами и Новымъ Свѣтомъ, а мы до сихъ поръ не въ состояніи совершенно заселить такого близкаго и плодоноснаго края, который такъ легко намъ занять! Мы знаемъ этотъ край меньше, нежели голландцы Индію" [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, не только польскимъ государственнымъ людямъ, но и московскимъ думнымъ дьякамъ не было тогда извѣстно, гдѣ оканчивается земля одного государства, и гдѣ начинается — другого. Поляки сознавались, что украинскія пустыни „еще не присоединены къ ихъ государству опредѣленными границами и не составляютъ ничьей собственности"; а царь Ѳеодоръ, въ 1592 году, называлъ „своимъ путивльскимъ рубежемъ" берега рѣки Сулы, гдѣ князь Вишневецкій заложилъ тогда, на старомъ пепелищѣ, городъ Лубны, уничтоженный нѣкогда татарскимъ нашествіемъ. Когда мысль о заселеніи украинскихъ „пустынь" начала занимать умы знатныхъ пановъ, никто не умѣлъ опредѣлить границъ, до которыхъ эти пустыни простирались, и даже самое положеніе жалованныхъ панамъ земель обозначалось въ актахъ весьма неясно. Въ 1590 году, князю Александру Вишневецкому, черкасскому старостѣ, пожалована „пустыня рѣки Сулы за Черкасами". Въ слѣдующемъ году, князь Николай Рожинскій получилъ во владѣніе „пустыню урочища надъ рѣками

---

[1]) Весьма рѣдкая брошюра: „O nowych Osadach i Słobodach ukrainnych Zdanie i Rozsądek", безъ означенія года и имени автора. По печати и правописанію, относится къ концу XVI вѣка.

Сквирою, Раставицею, Упавою, Ольшанкою и Каменицею". Сеймовымъ постановленіемъ 1609 года, Валентію-Александру Калиновскому отдана „извѣстная пустыня Умань, во всемъ объемѣ своихъ урочищъ".

Мысль, положенная въ основаніе такихъ, можно сказать, фантастическихъ пожалованій, выражена въ сеймовомъ постановленіи 1590 года, которое, отъ имени короля, гласитъ слѣдующее: „Государственныя сословія обратили наше вниманіе на то обстоятельство, что ни государство, ни частныя лица не извлекаютъ никакихъ доходовъ изъ обширныхъ лежащихъ впустѣ нашихъ владѣній на украинскомъ пограничьѣ за Бѣлою-Церковью. Дабы тамошнія земли не оставались пустыми и приносили какую-нибудь пользу, мы, на основаніи предоставленнаго намъ всѣми сословіями права, будемъ раздавать эти пустыни, по нашему усмотрѣнію, въ вѣчное владѣніе лицамъ шляхетскаго происхожденія за ихъ заслуги передъ нами и Рѣчью-Посполитою".

Легко вообразить, какъ послѣ этого заслуженные и незаслуженные люди принялись добиваться въ Украинѣ—или пожизненныхъ владѣній въ королевскихъ имѣніяхъ, или урочищъ для заложенія наслѣдственныхъ волостей, или арендъ въ новыхъ староствахъ.

Заводя новыя и новыя осады, паны нуждались въ рабочемъ народѣ, и привлекали его къ себѣ разными заманчивыми средствами. На ярмаркахъ, въ корчмахъ и въ другихъ многолюдныхъ сборищахъ, панскіе агенты объявляли, что въ такомъ-то мѣстѣ основана слобода, и что, кто захочетъ въ ней поселиться, тотъ на столько-то лѣтъ будетъ свободенъ отъ всякихъ податей и повинностей въ пользу землевладѣльца. Соперничая одинъ съ другимъ въ предоставленіи новымъ поселенцамъ льготъ, паны доводили льготное время до двадцати, иногда до тридцати лѣтъ. Чтобы судить, до какой степени такая льгота была заманчива, надобно вспомнить, что въ глубинѣ королевства только въ XIII вѣ-

кѣ, послѣ татарскаго нашествія, зазывались поселенцы съ обѣщаніемъ 30-лѣтней воли, да и то въ лѣсахъ; на зарösляхъ обѣщалось только 12 лѣтъ воли, а на поляхъ 8. По истеченіи льготнаго срока, поселяне обязывались платить извѣстныя подати и отбывать нѣкоторыя повинности; но о панщинѣ на Украинѣ не было рѣчи. Кромѣ того, заохочивали народъ къ заселенію новыхъ мѣстъ надеждою избѣжать отвѣтственности за проступки, сдѣланные въ другихъ мѣстахъ; а нѣкоторые прямо обѣщали защищать своихъ поселянъ отъ преслѣдованія закона, каковы бы ни были ихъ преступленія. Не только люди темные, но и такіе, какъ Янъ Замойскій, не считали для себя унизительнымъ прибѣгать къ этому способу для заселенія своихъ украинскихъ владѣній. Въ одномъ изъ современныхъ списковъ „экзорбитацій, сдѣланныхъ Яномъ Замойскимъ", 36-ою экзорбитаціею помѣщено то, что онъ, зазывая къ себѣ на слободы народъ по мѣстечкамъ, „населялъ свои имѣнія бѣглецами и гультаями съ неслыханными вольностями. Даже такимъ негодяямъ, которые убивали отца, мать, родного брата или пана, давалъ онъ у себя безопасное пристанище, лишь бы сдѣлать свои села многолюдными, не позволяя никому преслѣдовать этихъ преступниковъ законами" [1]).

Здѣсь надо вспомнить, что сельское хозяйство въ Польшѣ, къ концу XVI вѣка, окончательно перешло изъ мелкопомѣстнаго въ великопомѣстное, что система чиншевого дохода съ имѣній окончательно замѣнилась тамъ панщиною, и что, вслѣдствіе принужденій къ работѣ со стороны владѣльцевъ и ихъ прикащи-

---

[1]) Въ этомъ и другихъ мѣстахъ авторъ заимствовалъ свѣдѣнія о колонизаціи польской Руси изъ неоконченнаго сочиненія покойнаго Шайнохи: „Dwa Lata Dziejów naszych", которое грѣшитъ игнорированіемъ русскаго элемента въ экономическомъ и соціальномъ движеніи на древней русской территоріи въ XVI и XVII вѣкѣ, но къ статистическимъ и топографическимъ даннымъ относится съ надлежащимъ вниманіемъ.

ковъ, усилились, болѣе нежели когда-либо, побѣги крестьянъ отъ помѣщиковъ. Что̀ касается до Литвы, то Герберштейнъ говоритъ, что тамъ народъ, со временъ Витовта, находился въ полномъ распоряженіи панскихъ урядниковъ и доведенъ до крайней бѣдности; а Михалонъ Литвинъ, въ сочиненіи, писанномъ для Сигизмунда-Августа, сравниваетъ порабощеніе литовскихъ простолюдиновъ съ татарскою неволею, и упрекаетъ пановъ литовскихъ въ томъ, что они своихъ людей мучатъ, уродуютъ и убиваютъ безъ суда. Всѣ эти обстоятельства содѣйствовали движенію народонаселенія отъ береговъ Вислы и Нѣмана въ юговосточныя пустыни, которыя, подъ конецъ XVI вѣка, сдѣлались болѣе или менѣе безопасными, благодаря воинственности пограничныхъ жителей.

Такимъ образомъ колонизаторы пространствъ, лежащихъ между Сулой, Днѣпромъ и Днѣстромъ, не имѣли недостатка въ поселеніяхъ. Слухи о плодородіи украинской почвы привлекали сюда хозяевъ, которые умѣли извлекать большіе доходы даже изъ песчаныхъ равнинъ недавно заселеннаго Подлясья. Здѣсь они находили неисчерпаемый источникъ обогащенія. То, что̀ писано современниками объ этой землѣ, „текущей молокомъ и медомъ", не должно быть принимаемо нами въ буквальномъ смыслѣ: славянинъ XVI и XVII вѣка, да еще притомъ и польскій шляхтичъ, не способенъ былъ восхищаться въ мѣру; но самый восторгъ, съ которымъ передавались изъ устъ въ уста слухи о плодородіи Украины, показываетъ, что эта страна была плодородна въ поражающей степени. Тогдашній экономистъ, если можно такъ выразиться о писателѣ первой половины XVII вѣка, Опалинскій, говоритъ, что всякое зерно, брошенное въ землю, взрыхленную деревянною сохою, давало урожай баснословный. Другой писатель въ томъ же родѣ, Ржончинскій, приводитъ одинъ случай, что изъ посѣва 50 корцевъ собрано жита 1500 копъ. Травы были такъ высоки, что огромные волы скрывались въ нихъ почти по самые

рога; а плугъ, оставленный на полѣ, въ нѣсколько дней покрывался густою растительностью. По свидѣтельству того же писателя, плодородіе земли, душистость злаковъ и обиліе цвѣтовъ до такой степени благопріятствуютъ въ Украинѣ пчеловодству, что пчолы водятся не только въ лѣсахъ и деревьяхъ, но по берегамъ рѣкъ и даже просто въ землѣ; что тамъ поселяне истребляютъ скитающіеся рои пчолъ для защиты отъ нихъ роевъ осѣдлыхъ, и что образовавшіяся случайно въ землѣ ямы часто бываютъ наполнены медомъ, такъ что огромные медвѣди, допавшись до него, околѣваютъ отъ обжорства. Въ окрестностяхъ Подольскаго Каменца Ржончинскій зналъ пасічника, у котораго 12 ульевъ дали въ одно лѣто 100 роевъ, изъ нихъ 40 было сохранено, а остальные побиты, ради меду; а Опалинскій, говоря объ обиліи пасікъ въ Червоной Руси, упоминаетъ объ одномъ землевладѣльцѣ, который собиралъ ежегодно по тысячѣ бочекъ медовой десятины. Подобнымъ образомъ, по словамъ Опалинскаго, одинъ изъ крупныхъ украинскихъ землевладѣльцевъ собралъ за одинъ разъ 10 тысячъ воловъ въ видѣ десятины со стадъ; а когда семилѣтній сборъ поволовщины замѣненъ былъ ежегоднымъ, ему каждый годъ приходилось по тысячѣ воловъ съ его имѣній.

Польскіе паны, видя богатства своихъ украинскихъ собратій въ короткое время удвоенными, утроенными, удесятеренными, принялись работать надъ колонизаціею пустынь съ какой-то лихорадочной поспѣшностію. Чѣмъ больше было опасности со стороны татарскихъ набѣговъ, тѣмъ большею настойчивостью отличались и сами колонизаторы, и привлеченные ими поселяне. Съ своей стороны татары, направляемые турками, противодѣйствовали заселенію степныхъ мѣстъ, черезъ которыя они привыкли проходить внутрь края безъ всякой задержки. Набѣги ихъ сдѣлались чаще и опустошительнѣе. За каждымъ разомъ уводили они въ неволю тысячи новыхъ поселенцевъ. Но на мѣсто исчезнувшихъ

жителей, на пепелищахъ ихъ осадъ, являлись новые выходцы изъ внутреннихъ областей, и этакъ одно и то же село возобновлялось по нѣскольку разъ. Движеніе извнутри государства къ украинскимъ пустынямъ было такъ велико, что, по словамъ одного изъ современныхъ наблюдателей, „многолюдныя нѣкогда земли, мѣстечка и села серединныхъ областей совсѣмъ дѣлались пусты, а необитаемыя прежде пространства украинныя наполнялись жителями, къ неисчислимому вреду ихъ прежнихъ помѣщиковъ“.

Начало XVII-го вѣка было временемъ, когда экономическое богатство внутреннихъ польскихъ провинцій, достигнувъ размѣровъ, никогда уже не повторявшихся, начало клониться къ упадку [1]). Обѣднѣніе крестьянъ уменьшило производительность городской промышленности, а упадокъ городовъ отразился на внутренней торговлѣ. Богатые люди получали необходимыя для нихъ издѣлія отъ иноземныхъ купцовъ, которыхъ множество сновало по всей Польшѣ, а мѣстныя произведенія отправлялись за границу въ сыромъ видѣ. Ремесленные цехи, которыхъ прежде насчитывалось до двадцати и болѣе во многихъ городахъ, исчезали съ каждымъ годомъ; городскія улицы пустѣли; каменныя зданія чаще и чаще превращались въ развалины; городскіе ремесленники, такъ же какъ и сельскіе хлѣборобы, оставляли старую Польшу и стремились на ея окраины. Приливъ жителей въ новыхъ поселеніяхъ, не смотря на татарскіе набѣги, былъ такъ ощутителенъ, что вокругъ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ мѣстечекъ ежегодно прибывало по семи новыхъ селъ; а одинъ землемѣръ, именно инженеръ Бопланъ, могъ въ короткое время заложить въ имѣніяхъ коронпаго гетмана Конецпольскаго 50 большихъ

[1]) Во времена Кромера, изъ Польши вывозилось за границу до 100.000 лаштовъ хлѣба; въ послѣдующія времена, до конца XVIII столѣтія, никогда не вывозилось больше 50.000 лаштовъ. Поляки ближайшаго къ нашему времени приписывали этотъ упадокъ, главнымъ образомъ, ограниченію монархической власти въ пользу шляхты.

слободъ, изъ которыхъ, во время его 17-лѣтняго пребыванія въ польской службѣ, образовалось до 1.000 селъ. Читатель благоволитъ скинуть нѣсколько процентовъ съ показанія француза, любившаго эфекты; но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ согласиться, что населеніе Украины росло съ быстротой почти невѣроятною. „Лишь только увидѣли богатѣйшіе магнаты", говоритъ современный лѣтописецъ, русинъ Пясецкій, (а онъ отличался правдолюбіемъ), „что Украина будетъ защищена, — немедленно вывели туда безчисленныя колоніи и устроили въ удобнѣйшихъ мѣстахъ укрѣпленія. Прежде за Кіевомъ, Баромъ и Брацлавомъ лежали пустыни, въ которыхъ водились одни дикіе звѣри; въ короткое время онѣ наполнились многолюдными селами и городами".

Но въ эти города и села, подъ приманкою льготныхъ лѣтъ и прославленной украинской вольности, вносился тотъ же духъ вельможества, который въ глубинѣ государства, подъ конецъ XVI-го вѣка, соединилъ почти всѣ свободныя солтыства въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а мелкія шляхетскія имѣнія обременилъ разорительными повинностями. Напрасно на сеймахъ появлялись брошюры о раздѣленіи украинскихъ пустынь на малыя хозяйства. Государственный порядокъ, или лучше сказать безпорядокъ, Рѣчи-Посполитой привелъ къ тому, что здѣсь, вмѣсто дробныхъ участковъ, образовались такъ-называемыя волости, то есть огромныя панскія имѣнія, заключавшія въ себѣ по нѣскольку „ключей", или по нѣскольку десятковъ селъ и мѣстечекъ. И такихъ волостей у каждаго украинскаго магната было по нѣскольку. Кромѣ того, многіе изъ нихъ владѣли тремя, четырьмя, пятью и болѣе староствами, съ которыхъ, подъ разными предлогами, платили въ королевскую казну весьма немного, а часто и совсѣмъ ничего не платили. Таковъ именно былъ, въ числѣ прочихъ, князь Константинъ Острожскій, который, владѣя четырьмя обширными староствами, на сеймѣ 1575 года выпрашивалъ денегъ на починку

кіевскаго замка, къ соблазну пановъ, сравнительно небогатыхъ [1]). Кромѣ старостинскихъ городовъ и селъ, кромѣ другихъ имѣній князей Острожскихъ, въ одномъ майоратѣ, принадлежавшемъ этому дому, считалось 80 городовъ и мѣстечекъ, и 2.760 селъ. По смерти князя Януша Острожскаго въ 1620 году, оказалось у него въ наличности 600.000 червонцевъ, 400.000 битыхъ талеровъ, на 29 милліоновъ злотыхъ разной монеты и 30 бочекъ ломаннаго серебра; сверхъ того, 50 цуговъ, 700 верховыхъ лошадей, 4.000 кобылицъ, безчисленное множество рогатаго скота и овецъ. Такъ какъ Янушъ Острожскій умеръ бездѣтнымъ, то его майоратъ наслѣдовалъ князь Владиславъ Доминикъ Заславскій, и безъ того чрезвычайно богатый. Теперь его владѣнія обнимали такія громадныя пространства, что впослѣдствіи половина народа, сражавшагося подъ знаменами Богдана Хмельницкаго, считалась его подданными. Наслѣдники пресѣкшагося тогда же рода князей Збаражскихъ, князья Вишневецкіе, владѣли на одной лѣвой сторонѣ Днѣпра десятками городовъ и мѣстечекъ съ тысячью селъ, а принадлежавшія имъ съ правой стороны имѣнія тянулись широкою полосою отъ Днѣпра черезъ воеводства Кіевское, Волынское, Русское и Сендомирское [2]). На побережьяхъ ниж-

[1]) Въ 1597 году король Сигизмундъ III требовалъ отъ него со всѣхъ его земель подымнаго, котораго онъ не платилъ со времени присоединенія Волынскаго воеводства къ коронѣ и котораго накопилось за нимъ 4.000 копъ литовскихъ грошей (Рукоп. Императорской Публ. Библіот., отдѣлъ польскій, № 223, fol. IV).

[2]) По инвентарю, сохранившемуся между рукописями послѣдняго изъ Вишневецкихъ (ум. 1743 г.), Михаила-Серваціа Вишневецкаго, въ Черноостровской библіотекѣ, Іеремія Вишневецкій владѣлъ слѣдующими городами и селами въ Украинѣ:

Лубны, въ нихъ хозяевъ 2.646, мельничныхъ колесъ 40; Хороль — 1.297 — 8; Горошинъ — 107 — 11; Лукомль — 524; Оржица — 91; Буромль — 158 — 6; Еремеевка — 327; Жовнинъ — 312 — 9; Чигиринъ-Дуброва — 137 — 6; Пирятинъ — 1.749 — 38; Бѣлошапки — 374 — 3: Держикрай — 318; Золотоноша — 273 — 13; Песчана — 230 — 8; Домонтовъ — 243 — 5; Прилука — 366 — 36; Полтава — 812 — 11; Монастырище — 939 — 12; Галка — 824 — 6; Журавка — 474 — 16; Городня — 312 — 12; Гмировка — 135 — 2; Ичня — 1.494 — 3; Иваня — 336 — 3; Голінка — 304 — 2; Красне — 995 — 4; Липове — 381 — 9; Крапивна — 184; Самборъ — 198; Глинскъ — 1.264 — 16; Варва —

няго Днѣстра живописнѣйшими и плодороднѣйшими пространствами, какія гдѣ-либо принадлежали Польшѣ, владѣли почти исключительно Потоцкіе и Конецпольскіе. Эти послѣдніе захва-

2,037 — 21; Переволочня — 426 — 10; Сокиринці—128—12; Срібне—1.830—11; Цернюхи—944—9; Снятынка—436—14; Воронки—145—1: Мнока—285—3; Куринка—346—24; Лохвиця—3.325—35; Піски — 349—6; Сенча—1.403—31; Комышно и Ручинці—1.194—9; Гмутечъ—446—8; Серкіевка и Робишівка—214; Царівъ-Бродъ—104—2; Липова-Долина—150—2; Райгородъ—137; Опанасовка—17; Талалаівка—60; Ромны—6.000; Мошны—1.400; Корибутовъ—600; Кулигородище—80. Всего хозяевъ 39.610, мельничныхъ колесъ 423. Каждый изъ этихъ хозяевъ, для увольненія отъ панщины, давалъ по 5 талеровъ; мельники платили отъ колеса по 2 черв. Кромѣ того пану принадлежалъ доходъ съ шинковъ и выдѣлены были ему фольварки.

Искаженныя въ рукописи или въ печати названія городовъ и селъ возстановлены мною по картѣ, но сомнительныя оставлены безъ перемѣны.

Въ той же рукописи Михаила - Сервація Вишневецкаго означены слѣдующія ключи Вишневецкихъ въ послѣднее ихъ время.

1) *Старый Вишнёвець и 16 селъ.*

Квачівка, Окнины - Великі, Окнины-Малі, Горынка, Кушлинъ, Подгайчики, Янківці, Кодзаівка, Вербиця, Маніівъ, Котюжинці, Хведькове. Чайчинці, Гришкове, Кривчики, Раковець.

2) *Новый Вишнёвець и 23 села.*

Лозы, Бодаки, Коханівка, Гнідова, Вербовиці, Шепелівка, Лопушна, Пахина, Коннячівка, Голубиці, Білка, Битечка, Раковець, Раковець - другий, Мишківці, Поляны, Купаківці, Бутынь, Млиновці, Баготы, Дзвінячъ, Залісье.

3) *Черный - Островъ.*

Гружовиця, Марты івка, Війтовці, Педосы, Захарівці, Осташки.

4) *Чехівці и 30 селъ.*

Соболівка, Гнилиця, Мялова, Кослючки-Малі, Гнилиця-Вища, Голотки, Кошляки-Великі, Москатівка, Ваджулів, Білозірка - Вища, Білозірка-Нижча, Янківці, Шибенна, Щаснівка, Пальчинці, Почапинці, Иваньківці, Гавратинъ, Гельченці, Медешівка; Колісець, Гавриловка, Свинна, Собківці, Якимовці, Смойлівка, Ловківці, Купіль, Голатки-підъ-Купелемъ, Махівці або Чорнява.

5) *Даниловщина и 12 селъ.*

Снирівка, Передимирка, Бурсаківці, Нападівка, Гнилорудка, Бадка, Заглотці, Куковці-Великі, Сінявці, Жуковці, Ондріівка, Борщіівка.

6) *Комарно и 22 села.*

Хлопы, Германъ, Бучки, Татаринівъ, Андріянівъ, Лувчиці-Церковні, Лувчиці-Дольні, Свинюша, Чумівці, Порічи, Буні, Зарковичи, Якимчиці, Клицко, Колодруги, Брежець, Подвысоке, Новосілка, Саско, Ромны, Поверховъ, Литовка.

тили въ свои руки столько староствъ и вотчинныхъ имѣній, что, путешествуя изъ своего родного гнѣзда, Конецполя, въ воеводствѣ Сѣрадзскомъ, въ недавно основанное Нове-Конецполе, на степяхъ прибугской Украины, они могли, отъ конца до конца

7) *Новый Дольскъ и 18 селъ.*

Любешівъ, Урпничі, Берчпці, Червище, Ляхвпці, Пнівка, Вулька-Любешівська, Залізниця, Деревокъ, Горки, Быховъ, Одрыжинъ, Вулька-Одрыжинська, Лубяшъ, Старый-Дольскъ, Шлепанъ, Хоцішъ, Болянпчі.

8) *Каролинъ и 4 села.*

Пісочна, Хведоры, Косляковичі, Пинковичі.

Названія однихъ *ключей*, безъ означенія селъ.

9). *Дубровиця*, 10) *Столинъ*, 11) *Хомскъ*, 12) *Ополье*, 13) *Телеханъ*, 14) *Межирічъ*, 15) *Вильковишки*, 16) *Брагинъ*.

Владѣнія Вишневецкихъ въ Литвѣ, по той же рукописи:

17) *Дзильва и 7 селъ:*

Радзивонишки, Войшнаровъ, Ользевъ, Пальчевъ, Папьеня, Ворошиловъ, Нщольня.

18) *Можейковъ-Великій и 5 селъ.*

Дзикушки, Лебёдка, Манінішки, Шумѣнілішки, Гайковщина.

Въ правобережной Украинѣ:

19) *Володарка и 18 селъ.*

Березна, Косівка, Будешло, Гайворонівка, Петрашівка, Сквпрка, Салерівка, Токарівка.

20) *Гдашівъ и 8 селъ.*

Юрківці, Дзярпнці, Бплпчъ, Крубштівка, Бондарі, Цітковці, Лоівці, Носівці.

21) *Борщівка и 12 селъ.*

Курлянці, Бабенки, Каленна, Варпсівка, Голохвасты, Свирна, Сахнівка, Ставичка, Лавенки, Шорнплпнці, Капустинці, Мармолівка.

22) *Торчиця*
23) *Дзюнківъ* } при этихъ *ключахъ* села не означены.

24) *Антонівъ и 13 селъ.*

Терешки, Білівка, Семенівка, Гудченки, Лаврпшки, Лучники, Выробіівка, Началівка, Щербинівка, Донаівка, Шабіівка, Семпшівка, Токарівка.

25) *Монастырище*
26) *Таганча,* } села не означены.

государства, каждый ночлегъ проводить подъ собственнымъ кровомъ. На однихъ „татарскихъ шляхахъ“ принадлежало имъ, передъ возстаніемъ Хмельницкаго, 170 городовъ и 740 селъ. Владѣнія Потоцкихъ также были очень обширны. Кромѣ Нѣжинскаго староства на восточной сторонѣ Днѣпра, кромѣ Кременчуга, Потока и другихъ урочищъ, заселенныхъ въ ихъ пользу по Днѣпру, все Поднѣстріе такъ густо было занято ихъ владѣніями, что надднѣстрянскую шляхту называли въ Польшѣ „хлѣбоѣдами Потоцкихъ“. Вдоль всего Подолья широко разселились Калиновскіе, которымъ достались также многія имѣнія вокругъ Чернигова и Новгорода-Сѣверскаго, послѣ того, какъ Сѣверскій край былъ примежованъ отъ Московскаго царства къ Польшѣ. Не менѣе обширныя владѣнія принадлежали также въ разныхъ мѣстахъ Кіевскаго и Волынскаго воеводствъ древнему роду князей Рожинскихъ, а по пресѣченіи этого рода, перешли къ Замойскимъ, Любомирскимъ и Даниловичамъ. Такимъ образомъ кіевская, волынская, брацлавская и подольская Украина, а равно и Заднѣпріе, какъ называлась у поляковъ лѣвая сторона Днѣпра, мало-помалу очутились въ рукахъ у нѣсколькихъ магнатовъ, которые имѣли тамъ собственныя крѣпости, артиллерію, войско, и которые, по отношенію къ своимъ „подданнымъ“, то-есть жителямъ вотчинныхъ владѣній, пользовались *польскимъ* или *княжескимъ* правомъ, а по отношенію къ населенію владѣній помѣстныхъ, то есть королевщинъ или старостѣ, назывались „королевскими руками“ (brachia regalia). Нѣкоторые изъ нихъ, какъ на примѣръ князья Острожскіе, происходили отъ варяго-русскихъ и литовско-русскихъ князей. Короли жаловали имъ не только населенныя крестьянами земли, какъ панамъ, но и право надъ боярами, мѣщанами и мужиками, какъ государямъ. „Дали есмо“, пишетъ Сигизмундъ I въ грамотѣ князю Константину Ивановичу Острожскому, „и вечне даровали и записали замокъ Степань съ мѣстомъ и зъ ихъ бояры, и зъ слугами пут-

пыми, и зъ мещаны, и зъ данники, людьми тяглыми, зъ селы боярскими, зо всимъ правомъ и панствомъ и властью, ничего па насъ и на наши наслѣдники не оставляючи".

Не иначе и разумѣли себя владѣльцы громадныхъ королевщинъ и вотчинъ украинскихъ, какъ государями, уже по одному тому, что многіе изъ нихъ были богаче короля. Они не подписывались въ письменныхъ сношеніяхъ съ королемъ *подданными*, какъ прочая шляхта, а только „вѣрными совѣтниками". Они соперничали съ королями въ постройкѣ зáмковъ и городовъ, которымъ давали такія вольности, что старые королевскіе города, какъ на примѣръ Луцкъ, по словамъ самихъ королей, „пустѣли". Они заключали отдѣльные договоры съ крымскимъ ханомъ и совершенно отдѣльные мирные трактаты съ запорожскими козаками. Они были до того самостоятельны, что заграничные льстецы величали польскихъ государей *королями королей*, чтò было похоже на иронію, а украинскій народъ и польская шляхта, съ досадою, прозвали магнатовъ *королятами*.

Въ старой Польшѣ вельможество, превращая государство въ независимыя панскія владѣнія, не встрѣчало препятствій ни въ массѣ мелкопомѣстной шляхты, ни въ мѣщанахъ, ни — всего меньше — въ хлопахъ. Колонизація русскихъ пустынь во имя магнатовъ и ихъ кліентовъ совершалась, до нѣкотораго времени, также невозбранно. Но, когда новая Польша, устроенная на русской территоріи и населенная почти исключительно народомъ русскимъ, превзошла размѣрами, обиліемъ произведеній земли и количествомъ жителей метрополію польскаго, или, чтò все равно, панскаго права,—это право, кодифицированное сеймовыми постановленіями, пришло здѣсь въ столкновеніе съ пренебреженнымъ правомъ народной массы, и борьба между ними повлекла за собой рядъ событій, которыя мало-помалу, не только уничтожили всѣ плоды дѣятельности пановъ-колонизаторовъ, но и самую колыбель вельможества лишили прежней уютности.

ГЛАВА I.

Появленіе козачества.— Мирныя отношенія славянскихъ кочевниковъ къ монгольскимъ.— Перемѣна въ политической жизни татаръ.— Русскія поселенія отодвинулись передъ ними.— Козаки прикрываютъ колонизацію сторожевыми линіями.— Козаки прикрываютъ рыбный и звѣрпный промыслы вооруженными походами на днѣпровскій Низъ.— Козаки въ мѣщанскомъ быту.— Козаки подвигаются своими займищами внизъ по Днѣпру и пытаются основаться за Порогами.

Ратоборцами непризнаваемаго панами права народной массы явились люди, которые въ началѣ были необходимыми орудіями для успѣховъ колонизаціи украинскихъ пустынь, а потомъ очутились внѣ закона и стали въ упоръ всѣмъ стремленіямъ шляхты,—именно украинскіе козаки.

Это всѣмъ знакомое имя понимается многими такъ различно, что необходимо прослѣдить появленіе его въ историческихъ источникахъ, прежде чѣмъ приступимъ къ повѣствованію о напрасныхъ усиліяхъ пановъ-колонизаторовъ образовать изъ Южной Руси новую Польшу.

Слово *козакъ* значило сперва то же самое, что̀ вольный добычникъ, пожалуй, даже — грабитель и разбойникъ, вообще же на сѣверѣ и югѣ Московскаго царства, въ Польшѣ и Татаріи, оно означало человѣка бездомнаго и безземельнаго.

Когда южныя области варяжскихъ князей, послѣ татарскаго нашествія, залегли пустынями, въ виду этихъ пустынь располо-

жился кочевой монгольскій міръ. Степи, отдѣлявшія поселенія славянскія отъ поселеній монгольскихъ, сперва не принадлежали никому. Татары смотрѣли на нихъ, какъ на естественную охрану своихъ кочевьевъ отъ покушеній со стороны данниковъ. Для русскаго міра онѣ долго были какъ-бы моремъ, въ которое выходить никто не отваживался. Но, когда съ одной и съ другой стороны явилась потребность выдвинуться за предѣлы постоянныхъ займищъ, у татаръ и у русскихъ образовались товарищества предпріимчивыхъ людей, которые находили возможность держаться въ безлюдной степи, вдали отъ отеческихъ куреней своихъ. Такія товарищества имѣли видъ отдѣльной орды, которая въ спокойное время терялась между населеніемъ, послушнымъ общему управленію края, а во время войны или вольнаго похода на рыбные и звѣриные промыслы, устраивала избирательное начальство и дѣйствовала такъ или иначе въ интересахъ своей корпораціи. Эти полувоенныя, полупромышленныя сборища извѣстны издавна у татаръ подъ именемъ козаковъ; у русскихъ же и поляковъ козачество, по письменнымъ извѣстіямъ, появилось одновременно, въ разныхъ отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ не раньше конца XV-го вѣка.

Польскіе лѣтописцы знали четыре татарскія орды, изъ которыхъ у каждой былъ свой ханъ, именно: заволжскую, астраханскую, казанскую и перекопскую. Къ этимъ четыремъ ордамъ иногда причисляютъ они и пятую — козацкую. Орда козацкая не признавала надъ собой власти никакого хана и, кочуя въ разныхъ мѣстахъ, считалась во всей Татарщинѣ самымъ отважнымъ народомъ. Со временъ московскаго великаго князя Іоанна III-го, въ русскихъ лѣтописяхъ упоминаются азовскіе татарскіе козаки, какъ злые разбойники. Они выдѣлялись изъ ослабѣвшей въ это время Золотой-Орды, какъ самостоятельный народецъ, самый подвижной и самый смѣлый между татарами. Раскинувшись по степи между Крымомъ и московской Украиной, азовскіе козаки

жили разбоемъ, иногда нападали небольшими купами на пограничные города, но въ особенности были вредны для сношеній между Крымомъ и Московскимъ государствомъ. „Поле не чисто отъ азовскихъ козаковъ", доносили послы князю московскому, поджидая въ Украинѣ безопаснаго проѣзда въ Крымъ, какъ у моря погоды. Василій Іоанновичъ домогался отъ султана, чтобъ онъ запретилъ азовскимъ и бѣлогородскимъ козакамъ помогать Литвѣ противъ русскихъ; но подобныя домогательства были напрасны уже по одному тому, что эти козаки никогда не жили на одномъ и томъ же мѣстѣ. Когда русскій посолъ Коробовъ требовалъ, чтобы ему дали провожатыхъ изъ Азова, ему отвѣчали, что въ Азовѣ нѣтъ азовскихъ козаковъ.

До послѣдняго времени существованія Крымскаго Ханства, козаками у татаръ назывался особый отдѣлъ войска, состоявшій изъ улановъ, князей и козаковъ. У московскихъ великихъ и удѣльныхъ князей также были служивые татары-козаки, которыхъ они употребляли для степныхъ дѣлъ, то какъ провожатыхъ, то какъ наѣздниковъ. Въ Перекопѣ, Бѣлгородѣ на Днѣстрѣ и вообще въ тамошнемъ Чорноморьѣ издавна были извѣстны воины, называвшіеся козаками. Въ 1492 году Менгли-Гирей писалъ къ великому князю московскому Іоанну III-му, что войско его, возвращаясь изъ-подъ Кіева съ добычею, встрѣтилось на степи съ „ордынскими козаками" и было ими ограблено. Король Сигизмундъ I-й, въ 1510 году, предостерегалъ пограничныхъ своихъ пановъ окружнымъ листомъ о татарскомъ набѣгѣ, прибавляя, что опасность еще не велика, потому что идутъ одни перекопскіе козаки да немного бѣлгородцевъ. Въ 1516 году крымскій ханъ Магометъ-Гирей оправдывался передъ Сигизмундомъ въ набѣгѣ бѣлогородскихъ козаковъ тѣмъ, что они не слушаются его приказаній, и выбрали себѣ предводителемъ враждебнаго ему царевича Алыка. По документу 1560 года, бѣлгородскіе козаки, безъ вѣдома мѣстнаго санджака, на-

падали на украинскіе за̀мки тѣмъ же обычаемъ, какимъ украинскіе козаки хаживали на пограничные за̀мки турецко-татарскіе. По соглашенію съ крымскимъ ханомъ, король Сигизмундъ-Августъ зазывалъ этихъ козаковъ къ себѣ на службу одновременно съ козаками русскими, проживавшими въ низовьяхъ Днѣпра, и посылалъ имъ сукно, что̀ дѣлалось и для козаковъ днѣпровскихъ; а въ 1561 году, увѣдомляя черкасскаго старосту, что 24 бѣлгородскіе козака желаютъ поступить къ нему въ службу, онъ приложилъ при своей грамотѣ ихъ имена. Эти имена всѣ до одного—татарскія.

Въ русскихъ лѣтописяхъ прежде всего являются извѣстія о козакахъ рязанскихъ, такъ какъ юго-восточная рязанская Украина болѣе другихъ странъ подвергалась нападеніямъ степныхъ ордъ. На границахъ литовскихъ, въ княженіе Василія, упоминаются козаки смоленскіе. Король Сигизмундъ не разъ жаловался великому князю, что они нападали на литовскія владѣнія. Потомъ появились козаки путивльскіе и наконецъ—донскіе. Послѣдніе, въ Сѣверной Руси, соотвѣтствовали, по своему удаленію отъ населенныхъ мѣстъ, южно-русскимъ козакамъ, низовымъ или запорожскимъ.

Въ первыя, до-историческія времена южно-русскаго козачества, пастушеская жизнь въ „дикихъ поляхъ“ была, какъ видно, развита у татаръ сильнѣе, нежели у русскихъ. Днѣпровскіе козаки позаимствовались отъ своихъ сосѣдей нѣсколькими терминами и навсегда усвоили ихъ своему быту. У татаръ, такъ же какъ и у днѣпровскихъ козаковъ, *чабанъ* значило пастухъ овецъ. Расторопнѣйшій изъ пастуховъ дѣлался у татаръ начальникомъ чабановъ сводного стада и назывался *одаманъ*. Это — козацкое *отаманъ*. Сводное же стадо составляли десять соединенныхъ стадъ, въ каждомъ по тысячѣ овецъ, и называлось такое стадо *кхошъ*. Отсюда, очевидно, произошло козацкое слово *кошъ*, означавшее

становище, сборное мѣсто, лагерь [1]). Наконецъ, самая манера носить чубы, прозванные „оселéдцями“, позаимствована козаками отъ татаръ (если не вспоминать о чубѣ Святославовомъ), у которыхъ воинственная молодежь, царьки и мурзы, не брили головы, какъ прочіе, а оставляли на макушкѣ чубы и закручивали ихъ вокругъ уха.

Въ политической жизни крымскихъ татаръ былъ періодъ мирныхъ промысловъ, способствовавшій сближенію ихъ съ сосѣдями. Періодъ этотъ предшествовалъ паденію Цареграда и распространенію турецкаго владычества вокругъ Чорнаго моря. Истощивъ свои силы во внутреннихъ раздорахъ, татары обратились въ то состояніе, изъ котораго вывели ихъ предводители, вдохновленные мыслью объ опустошеніи всего не-монгольскаго. Пастушество сдѣлалось для татаръ идеаломъ счастливой жизни. Въ гонимомъ бурями усобицъ населеніи татарскомъ явилась потребность отдыха, который оно и нашло въ богатыхъ растительностію степныхъ мѣстностяхъ по-надъ Азовскимъ и Чорнымъ морями и по берегамъ нижняго Днѣпра, Буга, Днѣстра. Если когда-либо, то преимущественно въ этотъ періодъ времени могло произойти сближеніе славянскихъ кочевниковъ съ монгольскими, когда и со стороны крымскаго хана, и со стороны молдавскаго господаря дѣла съ Литовско-Русскимъ княжествомъ и Польскимъ королевствомъ были приведены въ спокойное состояніе.

У крымскихъ татаръ сохранилось преданіе, что литовскій выходецъ, по имены Гирей, воспиталъ одного изъ потомковъ Чингиза тайно отъ враждовавшихъ между собою царьковъ, и что, когда этотъ питомецъ литвина Гирея (можетъ быть, литовскаго русина [2]) былъ избранъ татарами на ханство, — онъ, въ благо-

---

[1]) Хартахай, *Историч. Судьбы Крымскихъ Татаръ.*

[2]) *Гиря* въ украинскомъ языкѣ значитъ стриженая голова. *Гирéй* будетъ значить гúрявый. Слѣдовало бы говорить *гирій*; однакожъ мы имѣемъ двойную форму въ подобномъ словѣ: *мурій* и *мурéй*, человѣкъ маврскаго происхожденія, или *мурый*, смуглый.

*

дарность къ Гирею, соединилъ свое имя съ его именемъ и завѣщалъ своимъ потомкамъ дѣлать то же самое. Этимъ способомъ началась династія хановъ Гиреевъ. Первый изъ нихъ, Девлетъ-Гирей, названный впослѣдствіи, за путешествіе въ Мекку, Хаджи [1]) Девлетъ-Гиреемъ, старался пріучить татаръ къ осѣдлой жизни, къ мирнымъ занятіямъ, ремесламъ и торговлѣ. Его царствованіе, продолжавшееся 29 лѣтъ, было временемъ дружескихъ отношеній къ Россіи и мирнаго союза съ Польшею. Дѣйствуя на смягченіе татарскихъ нравовъ посредствомъ распространенія въ Крыму магометанства на мѣсто язычества, онъ въ то же время отличался вѣротерпимостію ко всѣмъ исповѣданіямъ, доходившею до величайшей кротости, и дѣлалъ вспомоществованія даже христіянскимъ монастырямъ. При такомъ настроеніи хана, сношенія между ордою монгольскою съ одной—и ордою славянскою съ другой стороны ограничивались торговыми сдѣлками: злопамятство русскихъ къ татарамъ было усыплено; они, можетъ быть, и дрались по немногу, но не воевали.

Со вступленіемъ на ханство Менгли-Гирея, одного изъ восьми его сыновей, дѣла въ Крыму приняли противоположный ходъ. Этотъ ханъ возбуждалъ въ татарахъ дикій, воинственный духъ и безпрестанно водилъ ихъ въ русскія области за добычею. Поэтому завзятыя ссоры между татарами и русскими козаками могли начаться только въ концѣ XV вѣка.

Въ 1453 году турки завоевали Цареградъ. Черезъ 22 года Менгли-Гирей помогъ имъ овладѣть генуэзскимъ городомъ Кафою и уничтожить въ Крыму генуэзскую колонію. Рѣзня, произведенная татарами въ Кафѣ, и мусульманскій фанатизмъ, привитый турками татарамъ, вмѣстѣ съ повсемѣстными слухами о страданіяхъ христіянъ подъ игомъ невѣрныхъ, наступавшихъ на Европу съ востока, должны были поселить въ южно-русскихъ козакахъ враждебное чувство къ сосѣдямъ; а набѣги татаръ на кіевскую,

---

[1]) *Хаджи* значитъ богомолецъ.

брацлавскую и подольскую Украину, начавшіеся съ воцареніемъ Менгли-Гирея, возбудили въ нихъ жажду мести къ невѣрнымъ. Если къ этому примѣшались еще сосѣдскія ссоры за пастбища, за стада, за звѣриные гоны и рыбные уходы, то въ днѣпровскихъ и днѣстровскихъ пустыняхъ должна была начаться постоянная борьба между выходцами изъ европейскихъ и выходцами изъ азіятскихъ поселеній.

Съ водвореніемъ турокъ въ Греческой имперіи, понадобились имъ толпы невольниковъ и невольницъ для служенія ихъ азіятской роскоши и нѣгѣ. Убогіе татары, находя поставку плѣнниковъ богатымъ туркамъ весьма выгодною, обратили набѣги въ постоянный промыселъ, и вывозили въ Крымъ изъ Черновой Руси, Польши и литовской Украины сотни и тысячи захваченныхъ врасплохъ людей. Съ каждымъ годомъ этотъ промыселъ принималъ болѣе широкіе размѣры, такъ что, по сказанію Михалона Литвина, относящемуся къ половинѣ XVI вѣка, корабли, приходившіе въ Крымъ изъ-за моря съ оружіемъ, одеждами и лошадьми, отплывали обратно, нагруженные невольниками. Это обстоятельство измѣнило, не только отношенія между монгольскимъ и славянскимъ міромъ, но и самыя границы между ними.

До подчиненія султану Крымскаго Юрта, граница между владѣніями литовскими и землями, принадлежавшими перекопскимъ, очаковскимъ и бѣлгородскимъ татарамъ, а далѣе — молдавскому господарю, шла такимъ образомъ. Начиналась Литва отъ рѣчки Морахвы, впадающей въ Днѣстръ. Отсюда шла граница срединою Днѣстра мимо Тягини (Бендеръ) къ устью Днѣстра и къ морю. Далѣе шла она днѣпровскимъ Лиманомъ мимо Очакова, который стоялъ на литовской землѣ, и только въ 1492 году былъ отстроенъ крымцами на старомъ городищѣ [1]); потомъ входила

[1]) Тогда же и „городище" Тягинь, впослѣдствіи цѣль наѣздовъ козацкихъ, было „оправлено" Менгли-Гиреемъ, не смотря на протестъ Александра Казимировича, который называлъ Тягинь своею „отчиною."

въ устье Днѣстра и шла ложемъ рѣки до острова Тавани. У Тавани были перевозы, съ которыхъ половина дохода принадлежала литовскому великому князю, а другая — крымскому хану. Начиная отъ Тавани, Днѣпръ принадлежалъ уже весь Литвѣ; граница поворачивала къ юго-востоку до Овечей-Воды, потомъ шла вверхъ по теченію этой рѣчки и по верховьямъ рѣкъ Самары и Оргея до Донца, а отъ Донца по Тихую-Сосну, гдѣ литовскія владѣнія прикасались къ московскимъ. На эти границы послѣдній кіевскій князь Симеонъ Олельковичъ посылалъ своего черкасскаго намѣстника Свиридова, и тотъ, разъѣзжая по всему рубежу, обозначалъ предѣлы земли литовской отъ земли татарской, Бѣлгородчины и владѣній волошскихъ.

Въ устьѣ Днѣстра, повыше моря, по направленію къ городу Тягинѣ, на лѣвомъ берегу, находился встарину литовско-русскій портъ Кочубей (нынѣ Одесса), откуда доставлялся хлѣбъ въ незавоеванную еще турками Грецію. Длугошъ, современникъ Владислава Ягайла, подъ 1415 годомъ, говоритъ, что въ этомъ году прибыли цареградскіе послы къ Ягайлу съ просьбою о вспоможеніи хлѣбомъ ихъ столицѣ, тѣснимой турками, и что Ягайло назначилъ имъ въ Кочубеѣ мѣсто, куда для нихъ будетъ сплавленъ хлѣбъ. Невдалекѣ отъ Бѣлгорода и Очакова лежали займища русскихъ пановъ: Бучацкихъ, Язловецкихъ и Сінявскихъ. Сохранились акты граничныхъ споровъ между панами Язловецкими и королемъ Владиславомъ III о правѣ собственности на какія-то морскія насыпи. Еще король Сигизмундъ I договаривался съ султаномъ Солиманомъ, чтобы жители Бѣлгорода, лежавшаго на противоположномъ берегу Днѣстра, платили въ его казну ежегодную дань за пользованіе пастбищами восточнаго берега. Но уже и въ то время обладаніе черноморскимъ берегомъ сдѣлалось для литовско-польскаго правительства темнымъ преданіемъ, такъ что оно за справкою о бывшихъ границахъ со стороны татаръ обратилось къ кіевскимъ, каневскимъ и черкас-

скимъ старожиламъ; а спустя немного времени, королевскій ревизоръ пограничныхъ за́мковъ, Михалонъ Литвинъ, въ своемъ докладѣ королю Сигизмунду-Августу, смѣшалъ таванскіе перевозы на Днѣпрѣ съ древними развалинами на рѣкѣ Бугѣ, которыя были прозваны Витовтовою Банею, и въ которыхъ будтобы жили откупщики великаго княжества Литовскаго, взимавшіе съ купцовъ пошлину. Но послѣ паденія Цареграда быстро отхлынуло промышленное населеніе русское къ сѣверо-западу. Торговля русскимъ хлѣбомъ уступила мѣсто торговлѣ русскими плѣнниками. Плодоносное междурѣчье нижняго Днѣпра, Буга, Днѣстра превратилось въ такую дикую пустыню, что во времена Стефана Баторія войско Самуила Зборовскаго, скитаясь вдоль Буга и Ингула, умирало съ голоду, а въ концѣ XVI вѣка козацкій гетманъ Наливайко писалъ къ Сигизмунду III, будтобы въ этой пустынѣ отъ сотворенія міра никто никогда не жилъ.

Утвердясь въ Царьградѣ, турки подчинили Крымское Ханство верховной власти своего султана, который владѣлъ Кафою, главнымъ рынкомъ тогдашняго Крыма, и содержалъ въ Козловѣ (Евпаторіи) гарнизонъ турецкій. По договору 1478 года, заключенному между султаномъ и ханомъ Менгли-Гиреемъ, султанъ, какъ верховный государь Крымскаго Юрта, могъ вести хана съ его народомъ на войну, давая ему содержаніе; самъ же ханъ не имѣлъ права начинать войну и заключать миръ. Направляя орду то въ одну, то въ другую сторону, султаны скоро оттѣснили отъ Чорнаго моря прежнихъ поселенцевъ и сдѣлали бѣлгородскія и очаковскія побережья путемъ сообщенія между Крымомъ и задунайскою Турціею. Вслѣдъ затѣмъ, подчинивъ своему господству Молдавію и Валахію, они распространили свои владѣнія до Днѣстра. Сынъ Казимира Ягеллона, Альбрехтъ, сражался съ ними уже въ собственныхъ предѣлахъ; внукъ Казимира, Людовикъ Венгерскій, палъ въ битвѣ съ турками подъ Могачемъ; а внука Казимира, Изабелла Запольская, венгерская

королева, въ 1541 году, отдала султану Солиману своего малолѣтняго сына въ опеку съ половиною Венгріи. [1]) Вслѣдъ за осадою Вѣны, войска Солимана готовы были проложить себѣ путь къ завоеванію остальной Европы. Ужаснувшись турецкаго могущества, польское правительство согласилось на всѣ статьи мирнаго договора съ Турціей и, обѣщавъ платить ежегодную да́нь татарамъ, отказалось отъ устьевъ Днѣстра и Днѣпра.

Татарскіе набѣги во времена Менгли-Гирея были такъ опустошительны, что въ началѣ XVI вѣка Украина Польскаго государства обозначалась пограничными крѣпостями Бускомъ и Галичемъ, а Баръ, Хмельникъ и Винница считались опасными форпостами, въ которыхъ могли держаться только отважнѣйшіе воины. Даже въ концѣ XVI вѣка польскій географъ Сарницкій писалъ, что за́мокъ Баръ построенъ при самомъ входѣ въ Татарію [2]); а турки и въ 1617 году не переставали утверждать, будтобы за́мки: Бершадъ, Корсунь, Бѣлая-Церковь, Каневъ, Черкасы и Чигиринъ, стоятъ на землѣ, принадлежащей султану. Впослѣдствіи сторожевая линія выдвинулась въ степи до Брацлава, который, съ одной стороны, посылалъ свои разъѣзды къ Подольскому Каменцу, а съ другой—къ Бѣлой-Церкви. Бѣлоцерковскіе разъѣзды встрѣчались къ западу съ брацлавскими, а къ востоку съ кіевскими. [3]) По эту черту, до конца XVI вѣка, простиралась Украина, то есть пограничная область Польско-Литовскаго госу-

---

[1]) Послѣ разбитія войска „римскаго короля“ Фердинанда, Изабелла принесла сына въ пеленкахъ въ шатеръ султана. Мать и сынъ были отосланы въ за́мокъ Липу.

[2]) Bar, arx munitissima... in ipso aditu Scythiae excitata.

[3]) Какъ обширна была область подобныхъ разъѣздовъ и каковы были географическія свѣдѣнія о южнорусскихъ земляхъ въ то время, можно видѣть изъ разсказа Папроцкаго, который, какъ видно, имѣлъ подъ рукою дневныя записки русскаго пана Юрія Язловецкаго, совершившаго разъѣздъ, для преслѣдованія татаръ, изъ Подоліи на Кіевъ и т. д., въ 1571 году.

„На моемъ вѣку (говоритъ Папроцкій, Herby Rycerstwa Polskiego, Krakow, 1584) былъ Юрій Язловецкій воеводою русскимъ и гетманомъ коронимъ. Ни

дарства; по эту черту обрабатывались тогда поля и виднѣлись между нихъ села и хутора, съ пасіками, охраняемые стороже-

---

одинъ гетманъ не водилъ такъ много людей и такъ далеко противъ непріятелей. А было это въ 1571 году. Свѣдавъ о множествѣ татаръ, которые шли изъ Московщины съ великою добычею, боялся онъ, чтобы они не причинили вреда и отечеству, и пошолъ противъ нихъ съ людьми до самаго Кіева. Двинулся онъ съ мѣста мая 16. Сперва прибылъ въ Межибожъ 22 числа, а въ Хмельникъ 28-го. Тамъ польская граница оканчивалась въ трехъ миляхъ,—не то чтобы владѣніе королевства Польскаго, а только Короны,—у Дубровы Слободищенской и въ одной милѣ отъ Хмельника. На пути въ Бѣлую-Церковь вотъ какія урочища: Кожухова Дуброва, Слободище мѣстечко, Хворостенка, Вчорашне, Вппа рѣка, Рогозно, Подъ-Дорогами-Гай, гдѣ засѣдаютъ татары, подстерегая сольниковъ (чумаковъ съ солью) со всѣхъ сторонъ, и наши также, кто кого опередитъ; Камяница рѣка, Раставица рѣка, гдѣ убитъ Струсь, славный мужъ. Въ Бѣлую-Церковь пришли 3-го іюня и шли туда слѣдующими урочищами: прежде всего Перепетовы-Курганы, Михалкова Дуброва, Колицянка, Стугна, Борщіевка, Віта, Городище, Кіевъ. А отъ Хмельника до Кіева подольскихъ миль 47. Этотъ городъ Кіевъ имѣетъ возлѣ себя рѣки Днѣпръ, Псёлъ, Орнинъ, Триполь, Тясминъ, Росаву, Припеть, Мошну, Рось. Выѣхали изъ Кіева 18 іюня; пошли въ поля на Ингулецъ и на Великій Ингулъ; съ поджиданьемъ шли слѣдующими урочищами: прежде всего Настаска, Стугна, Ганкова, Ольшаница, Красная-Рѣчка, Каяльникъ, Ресава, и у ней шляхъ татарскій, впадаетъ въ Рось, Острикъ, Бурганъ, гдѣ сторожитъ кіевская стража, Явлодова-Долина, Красный-Рігъ, Баераки, Боятынка, Медвежьи-Головы, Prohi narosy, (Пороги-на-Роси?), Городище, Корсунь, Ольшанка, Ольшаница, Шахаровъ-Курганъ, Громошибне, Peгenothe Лебединске, Шляхъ-Татарскій-Великій, три Ташлыки, Лебединъ, въ которомъ оставили обозъ, и перебравшись пошли въ поля. Шли слѣдующими урочищами: на Ясминъ, Голый-Борóкъ, Лѣсъ Нерубаекъ, Тясминъ-Верхній, Козенки, Чорный-Лѣсъ отъ Лебедова, Ингульцы, trzy Łaznie (Три-Бани); Ингулъ всталъ у Болтовскаго-Лѣсу; черезъ байраки 2 мили; Бочки отъ него 2 мили. Оттуда повернули къ Черкасамъ, переправились черезъ Тясминъ, Чигиринъ, 16 миль. Тамъ же новый зáмокъ, который зовутъ Рытый-Городокъ. Черкасы основалъ какой-то Остафій. Забившись такъ далеко съ великимъ урономъ рыцарства, дали уйти непріятелю za folgą szpiegow. Вернулись, ничего не сдѣлавши, въ Каневъ, 7 миль. Шли такимъ путемъ: Мошна, черезъ которую переправились вплавь, Чортова-Могила, Шкаратулъ, Остаповы-Колодязи, Радимановъ-Переяславъ, Городище, Trebоszny (Три Башни?). Пришли въ Каневъ 11 іюля; до Бѣлой-Церкви 12 миль; отъ Bez baieгakow 7 дней пути до Семи-Байраковъ. Оттуда 7 дней ходьбы пути до Пещанаго-Броду, а оттуда недалеко до Буковыхъ-Байраковъ. Осматривали остроги важнѣйшіе на рѣкѣ Днѣпрѣ, Базавлукъ, въ 35 миляхъ отъ Черкасъ; Бѣлозерскій, 47 миль отъ Черкасъ; Хортица, 40 миль. Пришли въ Пиковъ, городъ Филона Кмиты Чорнобыльскаго, воеводы смоленскаго и пр., іюля 14. Оттуда въ Хмельникъ, въ Винницу того же мѣсяца 20, въ Баръ 24. Потомъ каждый отправился домой.“

выми могилами. На могилахъ стояли за́мковыя команды, готовыя подать условный знакъ, что татарскіе загоны близко. Мѣстами, на нихъ висѣли такъ-называемые королевскіе *дзвóны*; мѣстами зажигались бочки, облитыя смолою. Далѣе, тянулись къ Перекопу, на нѣсколько дней пути, необозримыя степи, или такъ называемыя дикія поля, по которымъ бродили никѣмъ нетревожимыя стада сернъ, оленей, сугаковъ, дикихъ лошадей, буйволовъ. Словомъ—къ востоку отъ русскихъ подвижныхъ поселеній лежало тогда море степей, на которомъ лишь изрѣдка можно было встрѣтить слѣды былой человѣческой жизни.

Черезъ это степное море переправлялись татары въ Украину, которая не всегда могла защищаться отъ нихъ своими укрѣпленными мѣстами. Въ 1482 году ханъ Менгли-Гирей сжегъ и заполонилъ весь Кіевъ, разграбилъ и Печерскій монастырь. Той же участи должны были ожидать и послѣдніе за́мки на Днѣпрѣ, Каневъ и Черкасы. Только неусыпная бдительность сторожевыхъ постовъ спасала ихъ отъ внезапнаго набѣга, а мужество русскихъ пограничныхъ дружинъ заставляло татаръ пробираться на добычу укра́дкою.

При такомъ положеніи края, днѣпровскій Низъ, богатый рыбами и звѣрями, былъ доступенъ однимъ промышленникамъ-воинамъ, которыхъ мы и встрѣчаемъ въ современныхъ актахъ подъ именемъ козаковъ. Предпріимчивые люди съ верхняго Днѣпра и „съ другихъ сторонъ" хаживали въ тѣ времена водою на Низъ къ Черкасамъ и далѣе. Со всего, что̀ тамъ добывали, они были обязаны давать кіевскому воеводѣ десятую часть; а когда сверху или снизу привозили въ Кіевъ просольную вялую или свѣжую рыбу, то отъ бочки соленой рыбы воеводскій урядникъ, называвшійся осминкомъ, бралъ на городъ (то есть на воеводскій за́мокъ) по шести грошей, а со свѣжей—десятую часть. Эти промышленники называются въ актѣ 1499 года козаками и различаются отъ купцовъ, которые, пріѣзжая въ Кіевъ, становились,

такъ же какъ и козаки, на подворьяхъ у мѣщанъ. Пріѣзжій въ Кіевъ народъ предавался, вмѣстѣ съ мѣщанами, буйному разврату. Привычка „дѣлать непочестныя речи съ бѣлыми головами“ (женщинами) вкоренилась тогда въ Кіевѣ до такой степени, что пеня за это составляла одну изъ главныхъ статей дохода митрополита и воеводы. Но пеня за непочестныя речи съ такъ-называемыхъ гостей, которыми въ тѣ времена были турки, татары и армяне, превышала взысканіе съ христіанъ въ 12 разъ.

Что козакъ былъ прежде всего отважный воинъ-добычникъ, это видно изъ появленія козаковъ славянскихъ въ противудѣйствіе разбоямъ козаковъ монгольскихъ. Что онъ былъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, такимъ же степнымъ чабаномъ, какъ и татаринъ, объ этомъ можно заключить изъ приведенныхъ выше кочевыхъ терминовъ, усвоенныхъ козацкому быту. Что, наконецъ, козаки, подобно древнимъ варяго-руссамъ, занимались торговлею въ перемежку съ войною, доказываютъ ихъ промышленные походы на Низъ, недоступные во времена Менгли-Гирея ни для кого, кромѣ людей военныхъ.

Въ польскихъ лѣтописяхъ извѣстіе о козакахъ-воинахъ встрѣчается впервые подъ 1508 годомъ. Децій, оканчивающій свои сказанія 1516 годомъ, упоминаетъ о „славномъ русскомъ воинѣ Полюсѣ“, который, въ одно время съ княземъ Острожскимъ, побилъ татарскіе загоны, опустошавшіе литовскую Русь. Більскій называетъ этого Полюса „русакомъ, славнымъ козакомъ“, а Стрыйковскій — „русскимъ славнымъ козакомъ и рыцаремъ“. Въ позднѣйшихъ польскихъ лѣтописяхъ сохранилось преданіе, которое показываетъ, что старосты сторожевыхъ королевскихъ зáмковъ дѣлали набѣги въ татарскіе улусы такъ точно, какъ татары — на украинскіе города и села. У тогдашнихъ пограничниковъ это называлось *ходить въ козаки*.

„Въ 1516 году“, разсказываетъ Гваньинъ, „Менгли-Гирей, воспользовавшись войною короля Сигизмунда съ московскимъ ца-

ремъ, сдѣлалъ набѣгъ на украинскія земли, хотя получалъ подарки отъ обоихъ государей. Видя тогда, что татары ругаются надъ ними, наши не хотѣли больше вѣрить ихъ клятвѣ и начали содержать больше служилыхъ людей на пограничьѣ. Нѣсколько сотъ воиновъ, подъ предводительствомъ хмельницкаго старосты, Предислава Лянцкоронскаго, пошли въ козаки подъ Бѣлгородъ, заняли турецкія и татарскія стада и погнали домой; а когда татары и турки, догнавшіе ихъ у Овидіева озера, дали имъ битву, наши ихъ побѣдили и съ добычею возвратились къ своимъ. „Съ того-то времени", продолжаетъ лѣтописецъ, „начались у насъ козаки, которые потомъ, что далѣе, то все больше успѣвая въ военномъ ремеслѣ, отплачивали татарамъ тѣмъ самымъ, что наши терпѣли отъ татаръ".

Выраженіе *ходить въ козаки* показываетъ, что козачество существовало сперва независимо отъ пограничной стражи, которою предводительствовали старосты. Они только приспособили свои средства къ обычаямъ козацкимъ, усвоили эти обычаи своей дружинѣ. Тѣмъ не менѣе походы ихъ на татаръ споспѣшествовали развитію козачества, какъ силы, противодѣйствовавшей азіятскому хищничеству. Упомянутый Гваньиномъ Предиславъ Лянцкоронскій происходилъ отъ древняго литовскаго рода Збигнівовъ. Нѣсколько братьевъ его занимали важныя должности въ государствѣ. Онъ много путешествовалъ по Европѣ, изучая военное искусство, къ которому было направлено все тогдашнее образованіе; былъ въ Палестинѣ и, въ заключеніе пройденной имъ школы, пріобрѣлъ опытность въ отраженіи татарскихъ набѣговъ подъ руководствомъ знаменитаго короннаго гетмана Константина Ивановича Острожскаго. Такова была личность, вокругъ которой собирались козаки и пограничные старосты для совмѣстнаго отраженія азіятскихъ наѣздниковъ.

Польскіе лѣтописцы вспоминаютъ о нѣсколькихъ удачныхъ походахъ Лянцкоронскаго на козацкій маперъ, и съ его име-

немъ постоянно соединяютъ другое громкое въ то время имя Остапа Дашковича, старосты черкасскаго и каневскаго. Дашковичъ у лѣтописцевъ прослылъ простолюдиномъ, возвышеннымъ, за воинскія способности, до званія королевскаго старосты; но это опровергается родственными его связями съ панскими домами. Сестра Дашковича, Милохна, была замужемъ сперва за Борисомъ Тишкевичемъ, а потомъ за кіевскимъ воеводою Немиричемъ. Сверхъ того, извѣстно, что у него были наслѣдственныя по отцу и матери села на рѣчкѣ Раставицѣ, подъ кіевскимъ за́мкомъ и возлѣ Путивля. Въ 1503 году Дашковичъ вступилъ въ службу къ московскому царю, и, когда польскій король требовалъ его выдачи, царь отвѣчалъ, что Дашковичъ у короля былъ „мѣтной“ (знатный) человѣкъ, что онъ бывалъ отъ короля во многихъ мѣстахъ на Украинѣ воеводою и, по старому обычаю, перешолъ на службу отъ одного государя къ другому. Служба Дашковича у московскаго царя продолжалась лѣтъ пять, но въ чомъ именно она состояла, не извѣстно. По ходатайству князя Острожскаго, король опять принялъ его къ себѣ и ввѣрилъ ему два украинскіе за́мка, Каневъ и Черкасы. Впослѣдствіи онъ получилъ въ пожизненное владѣніе еще три за́мка внутри литовской Украины, именно: Кричевъ, Чечерскъ и Пропойскъ.

Каневъ и Черкасы были тогда крайними сборными пунктами для днѣпровскихъ козаковъ. Татары, идучи на добычу, держались отъ нихъ какъ можно подальше. Когда ханъ шолъ на Москву въ помощь польскому королю, онъ просилъ короля удержать черкасскихъ и каневскихъ козаковъ отъ нападенія на его войско. Иногда онъ жаловался королю, что черкасскіе и каневскіе козаки ходятъ подъ его улусы вмѣстѣ съ козаками путивльскими, что они становятся подъ татарскими улусами на Днѣпрѣ, (1527 годъ), нападаютъ на татаръ, а кромѣ того, обо всемъ, что̀ здѣсь узнаютъ, сообщаютъ въ Москву; что въ Черкасахъ королевскій староста держитъ на вѣстяхъ путивльскихъ коза-

ковъ, и что, лишь только татары двинутся въ походъ, въ Москвѣ ужъ объ этомъ знаютъ. Очевидно, что такой пограничный староста, какъ Дашковичъ, могъ дѣйствовать почти такъ же самостоятельно, какъ удѣльный князь. Каждый изъ троихъ сосѣднихъ государей одинаково нуждался въ его усердіи; для каждаго онъ могъ быть одинаково опасенъ. Въ разгарѣ войнъ съ московскимъ царемъ, Дашковичъ оставляетъ короля и служитъ его непріятелю; но лишь только вздумалъ вернуться въ родной край, король ввѣряетъ ему два важные пограничные зáмка. Однажды, сражаясь на Днѣпрѣ съ татарами, Дашковичъ былъ захваченъ ими въ плѣнъ, но и тутъ его щадили, какъ знаменитаго воина. Воспользовавшись междоусобною войной въ Ордѣ, онъ ускользнулъ изъ плѣна и возвратился въ Черкасы невредимъ. Дружескія связи его съ Лянцкоронскимъ, а также съ винницкимъ и брацлавскимъ старостами, давали ему возможность предпринимать удачные походы въ самую глубь татарщины. Въ 1531 году Лянцкоронскій умеръ. Дашковичъ одинъ выдерживалъ напоръ татарской силы на пограничья. У короля между тѣмъ шли переговоры съ ханомъ о вѣчномъ мирѣ. Король, чрезъ своего посла Онкія Горностая, предлагалъ платить хану 7.500 червонцевъ и на столько же присылать сукна за всякій годъ, въ который татары оставятъ его владѣнія въ покоѣ. Ханъ постоянно увѣрялъ короля въ своей дружбѣ, а татары между тѣмъ вторгались въ польскія владѣнія. Видя все это, Дашковичъ продолжалъ свое дѣло постарому. Козаки его промышляли рыбою и звѣриною ловлею по Днѣпру до самихъ Пороговъ, или — что̀ все равно — воевали съ татарами въ ихъ займищахъ. Когда татары шли на Московское царство, козаки отрѣзывали у нихъ отъ главнаго войска слабые отряды; когда татары возвращались въ свои улусы, добыча попадала въ козацкія руки. Жалобы хана не имѣли никакихъ послѣдствій. Наконецъ ханъ объявилъ королю, что, не смотря на ихъ дружескія отношенія, пойдетъ на

Черкасы и Каневъ войною. Дѣйствительно, въ 1532 году, Саибъ-Гирей осадилъ Черкасы. По сказанію Більскаго, въ татарскомъ войскѣ было 1.500 янычаръ и 50 пушекъ. Но Дашковичъ тринадцать дней отражалъ приступы съ такимъ успѣхомъ, что наконецъ ханъ былъ вынужденъ примириться. Подружась за трапезою съ Дашковичемъ, Саибъ-Гирей отправилъ къ королю на Пётрковскій сеймъ посольство. Вмѣстѣ съ ханскими послами отправился и Дашковичъ въ Пётрковъ. У него созрѣлъ планъ защиты Украины посредствомъ устройства на Днѣпрѣ постоянной стражи въ 2.000 человѣкъ, которая бы, разъѣзжая на човнахъ-чайкахъ, не давала татарамъ переправляться на правую сторону. Сверхъ того, по его проекту, надобно было содержать конный отрядъ въ нѣсколько сотень, для снабженія защитниковъ Днѣпра пищею.

На сеймѣ приняли Дашковича съ большими похвалами и осыпали подарками. Планъ его всѣмъ понравился. Были предположенія о постройкѣ на днѣпровскихъ островахъ крѣпостей и объ основаніи за Порогами рыцарской школы; но тѣмъ дѣло и кончилось. Дашковичъ послѣ того еще воевалъ противъ татаръ, потомъ вмѣстѣ съ татарами опустошалъ Московскую землю въ отмщеніе за Литву; въ 1535 году онъ умеръ, бездѣтнымъ, какъ и Лянцкоронскій, — можетъ быть, даже и неженатымъ. Его родовыя села и движимое имущество, характеризующее козацкій бытъ: деньги, золото, серебро, драгоцѣнныя вещи, одежды, лошади со сбруей и оружіемъ, рогатый скотъ, овцы, свиньи и пасіки въ Черкасахъ и Каневѣ, достались въ наслѣдство его сестрѣ и племянницѣ.

Проектъ Остапа Дашковича объ устройствѣ на Днѣпрѣ постоянной стражи показываетъ, что опыты въ этомъ родѣ были уже дѣлаемы. Не доставало только помощи со стороны правительства, безъ которой непрочны были за Порогами займища черкасскихъ и каневскихъ козаковъ. Изъ актовъ того времени

мы знаемъ, что ближайшіе къ Черкасамъ бобровые гоны, рыболовныя озера и другіе „входы" принадлежали искони кіевскому Пустынскому монастырю Св. Николы. Остапъ Дашковичъ, по вступленіи на староство, спрашивалъ черкасскихъ старожиловъ, бояръ, мѣщанъ и козаковъ, по какія именно урочища предоставлено Никольскому монастырю исключительно пользоваться правомъ звѣриной и рыбной ловли, и, по своей обязанности, утвердилъ за никольскими старцами это право, отстраняя отъ него козаковъ. Хотя козаки, по своему обычаю, вступались въ монастырскіе входы и живились добычею на счетъ никольскихъ старцевъ, но далеко не удовлетворяли своимъ нуждамъ, —тѣмъ болѣе, что старцы выпросили у короля подтвердительную грамоту. Козаки, вмѣстѣ съ мѣщанами, искали себѣ независимыхъ угодій въ низовьяхъ Днѣпра и, по праву перваго займа, владѣли съобща Звонецкимъ порогомъ, то есть всѣмъ прилегающимъ къ нему урочищемъ. Ссоры мѣщанъ и козаковъ съ воеводами и старостами, оставившія слѣдъ свой въ современныхъ актахъ, даютъ понять, что одна и та же нужда въ средствахъ къ существованію дѣлала изъ козаковъ мѣщанъ и изъ мѣщанъ козаковъ, то-есть—или собирала ихъ въ городъ подъ замковый присудъ, или гнала въ днѣпровскія пустыни для вольной добычи. Такъ, въ 1523 году, кіевскіе мѣщане жаловались королю на своего воеводу Андрея Немировича, что онъ принуждаетъ ихъ ходить въ походъ пѣшкомъ, а ихъ лошадей и оружіе раздаетъ своимъ служебникамъ, заставляетъ мѣщанъ стеречь плѣнныхъ татаръ и караетъ ихъ за бѣгство, а по закону этого дѣлать не слѣдуетъ; сверхъ того, воевода присвоиваетъ себѣ мѣщанскія дворища и угодія, и приневоливаетъ мѣщанъ къ чорной работѣ, которой они не обязаны исполнять. Жалобой ничего не добились мѣщане; надобно было или кориться воеводѣ, или бѣжать изъ Кіева. Въ 1537 году, вскорѣ по смерти Дашковича, черкасцы и каневцы взбунтовались противъ своего старосты Василія Тишкевича. Причина

бунта осталась неразъясненною, но можно догадываться изъ позднѣйшей жалобы черкасцевъ на другого старосту, Яна Пенька, что дѣло шло здѣсь о спорныхъ доходахъ и о предѣлахъ старостинской власти. Янъ Пенько хотѣлъ заставить мѣщанъ и поспольство стеречь зáмокъ, который до тѣхъ поръ охраняли особые „башники", принуждалъ ихъ на себя работать, возить дрова и сѣно, не позволялъ возить въ Кіевъ на продажу медъ, не давалъ ловить рыбу и бобровъ, отнималъ издавна принадлежавшій мѣщанамъ порогъ Звонецъ, собиралъ съ нихъ двойныя колядыʼ на праздникъ Рождества Христова и отягощалъ поставкою подводъ. По королевскому повелѣнію, оный же воевода Андрей Немировичъ, королевскій „дворный гетманъ", вникнувши въ дѣло на мѣстѣ, при содѣйствіи двухъ королевскихъ дворянъ, призналъ Пенька невиновнымъ. Волей-неволей надобно было мириться съ притѣснителемъ. Всего тягостнѣе была для мѣщанъ сторожевая служба. При посредствѣ воеводы Немировича, мѣщане и все поспольство, а также черкасскія вдовы, княжескіе и панскіе люди и духовенство, обязались давать старостѣ по два гроша съ каждаго человѣка, который кормится собственнымъ хлѣбомъ, а староста долженъ на эти деньги нанимать зáмковую сторóжу. На мѣщанахъ лежала обязанность отбывать сторóжу только на урочищѣ Свирнѣ, да у Остроговыхъ воротъ, но и то только лѣтомъ. Сверхъ того, по старому обычаю, мѣщане обязаны были содержать полевую и водяную сторóжу, а также переѣзжать татарскіе шляхи вмѣстѣ съ старостинскими „служебниками".

Изъ этого видно, что на Украинѣ, не только зáмковой гарнизонъ, но и всѣ жившіе возлѣ зáмка участвовали въ его защитѣ. Мѣщане городовъ, лежавшихъ внутри края, были жители мирные; мѣщане „зáмковаго прúсуду", на пограничьѣ, были воины. Прежній, до-татарскій порядокъ вещей въ юго-восточной Руси измѣнился мало; на старыхъ обычаяхъ строилось новое козачество. Въ то же самое время, вокругъ старосты формировался

здѣсь привилегированный классъ, родъ пограничной шляхты. Одни изъ мѣщанъ выпрашивали, то есть покупали, у самого короля, другіе у его дворнаго гетмана, кіевскаго воеводы, такъ-называемые вызволенные листы, которые освобождали ихъ отъ общихъ съ мѣщанами повинностей и обязывали только нести конную службу при старостѣ, да, по старинному обычаю, поддерживать въ порядкѣ зáмковыя укрѣпленія и давать на зáмковую сторóжу каждый годъ по грошу и по четверти жита. Выходитъ, что эти зажиточные люди имѣли земледѣльческое хозяйство (роскошь на татарскомъ пограничьѣ), и потому изъ мѣщанскихъ „потужниковъ" они дѣлались служебниками старостинскими, наравнѣ съ пріѣзжими слугами, которыхъ старосты привлекали на пограничье, предоставляя имъ разныя льготы. За исключеніемъ этихъ избранныхъ, всѣ прочіе мѣщане относились къ старостѣ, какъ подданные къ пану. Староста, какъ мы видѣли, заставлялъ ихъ косить сѣно и доставлять въ зáмокъ дрова; не дозволялъ имъ возить медъ въ Кіевъ, а скупалъ самъ по установленной однажды навсегда цѣнѣ; съ бобровыхъ гоновъ на Днѣпрѣ бралъ цѣлую половину; безъ дозволенія старосты, не могли они ѣздить и ходить въ рыбные и бобровые входы, не имѣли права продавать рыбу и промышлять какими бы то ни было „добычами"; половину, а иногда все имущество безсемейнаго козака послѣ его смерти, или — чтò было все равно — когда его возьмутъ татары, бралъ на себя староста, съ тѣмъ чтобы цѣнныя вещи передать королю; наконецъ, увеличивалъ обычную съ мѣщанъ и козаковъ подать, коляду на рождественскихъ святкахъ, до произвольной цифры. Все вмѣстѣ обнаруживаетъ, что козацкую службу отбывали на пограничьѣ сперва всѣ вообще замковые мѣщане; но старосты нашли необходимымъ окружать себя пріѣзжими людьми и богатѣйшими изъ мѣщанъ, чтобы держать остальныхъ въ рукахъ. По смыслу разбирательства, сдѣланнаго кіевскимъ воеводою въ Черкасахъ, высшій классъ населенія этой столицы днѣпров-

скаго козачества составляли старостинскіе слуги, подъ руководствомъ которыхъ мѣщане переѣзжали татарскіе шляхи, и въ составъ которыхъ входили бывшіе мѣщанскіе „потужники", выпросившіе себѣ у короля вызволенные листы; второй классъ составляли собственно мѣщане, а третій—такъ называемое поспольство, въ томъ числѣ и козаки, то есть люди, жившіе исключительно добычею и заработкомъ, люди большею частью безсемейные и неосѣдлые. Прочіе мѣщане только ходили въ козаки, то-есть бывали иногда козаками по роду занятій. Гонимые нуждою и увлекаемые жаждой вольности, козаки, на перекоръ разсчетамъ старосты, уходили въ днѣпровскія низовья, а оттуда иногда переходили въ „Московскую Землю" на службу царю, съ которымъ воевалъ польскій король. Когда наступала зима, низовые добычники не смѣли показаться въ Черкасы, боясь королевскаго старосты; а старостѣ между тѣмъ былъ нуженъ боевой народъ. Чтобы привлечь своевольныхъ добычниковъ на зимовлю, онъ обѣщалъ бывало не смѣшивать ихъ съ тѣми, которые ушли въ Московщину, и въ доказательство посылалъ за Пороги охранную королевскую грамоту, или такъ-называемый глейтовый листъ, какъ это случилось въ 1540 году.

Таково было положеніе Черкасъ во времена первыхъ извѣстныхъ намъ козацкихъ походовъ, послѣ которыхъ для высшихъ классовъ украинскаго населенія ходить въ козаки и даже называться козаками сдѣлалось дѣломъ почетнымъ. Надобно думать, что промышленное козачество, привлекаемое торговыми интересами въ Кіевъ, усвоивало себѣ военные обычаи въ Черкасахъ. Этотъ городъ отличался боевымъ характеромъ издавна. Когда Менгли-Гирей на приморскомъ городищѣ, принадлежавшемъ Литвѣ, основалъ, въ 1492 году, зáмокъ Очаковъ, изъ Черкасъ предпринятъ былъ противъ этого зáмка походъ. Черкасцы, съ помощію Менгли-Гиреева брата, взяли Очаковъ приступомъ и разрушили до основанія. Прежде нежели запорожскій Низъ, сдѣлавшись постоян-

нымъ пристановищемъ для козаковъ, далъ имъ новое названіе — *низовцы,* днѣпровскіе козаки, въ отличіе отъ сѣверскихъ и донскихъ, назывались у сосѣдней Московской Руси *черкасами.* Это названіе распространилось впослѣдствіи на весь южно-русскій народъ, хотя преимущественно выражало понятіе о людяхъ военныхъ. И дѣйствительно городъ Черкасы, до временъ Хмельницкаго, былъ наиболѣе окозаченный городъ изъ всѣхъ городовъ южнорусскихъ. По люстраціи 1622 года, мѣщанскихъ домовъ было въ немъ только 120, а козацкихъ — болѣе тысячи.

Выше уже сказано, что послѣ паденія Греческаго царства, поддержанное турками хищничество татаръ оттѣснило русское населеніе отъ устьевъ Днѣпра къ сѣверо-западу. Это значитъ — къ западному Бугу и къ верховьямъ Днѣстра. Кіевъ едва держался на старомъ своемъ пепелищѣ и оставался иногда совершенно безлюднымъ. Васильковъ стоялъ до 1586 года пустымъ городищемъ. Бѣлая-Церковь, Каневъ и Черкасы были сборными пунктами для смѣльчаковъ, которыми предводительствовали королевскіе старосты. Населеніе края вообще состояло изъ хуторовъ и пасікъ, которые появлялись и исчезали по мѣрѣ большей или меньшей безопасности со стороны Крыма и нижняго Днѣстра, занятаго ногайцами и турками. Польское правительство не сознавало за собой довольно силы, чтобы устроить прочную защиту восточныхъ своихъ земель, и пришло къ убѣжденію въ необходимости откупаться отъ Орды ежегодною данью [1]). Но обитатели пограничныхъ русскихъ областей далеко не были ограждены

[1]) По Бѣльскому и Стрыйковскому, король Сигизмундъ I заплатилъ татарамъ jurgielt (въ размѣрѣ 15.000 злотыхъ) первый разъ въ 1511 году, съ условіемъ, чтобъ они, въ числѣ 30.000, ежегодно воевали противъ его враговъ, только бы не противъ турокъ. Татары называли этотъ jurgielt *харачемъ* (данью), и, вмѣсто подчиненности польскому королю, въ слѣдующемъ же, 1512 году, вторглись въ его владѣнія. Хотя князь Константинъ Ивановичъ Острожскій разбилъ многочисленную орду у Вишневца надъ рѣчкою Горынью, но тѣмъ не менѣе Сигизмундъ I продолжалъ платить татарамъ дань. Онъ давалъ имъ ежегодно, 1-го ноября, 400 поставовъ сукна, по разсчету на 13.000 червонцевъ, да 2.000 червон-

этою данью отъ татарскихъ вторженій. Не всѣ татары повиновались ханамъ, да и сами ханы не очень ревностно удерживали свой кочевой народъ отъ набѣговъ. Пограничные старосты безпрестанно имѣли дѣло съ хищниками, а отразивъ ихъ, въ свою очередь нападали на татарскія кочевья. Всего лучше объяснено это въ реляціи, представленной, въ 1550 году, краковскому сейму Бернардомъ Претвичемъ, старостою новоустроенной крѣпости Бара.

Три орды кочевали тогда въ виду Польши у Чернаго моря, независимо отъ крымцевъ: болѣе отдаленная—въ Добруджѣ, двѣ ближайшія — при устьяхъ Буга и Днѣстра. Подъ стѣнами крѣпостей Очакова, Бѣлгорода и Киліи расположены были поселенія турецкихъ купцовъ. Эти куцы снабжали татаръ лошадьми и оружіемъ для вторженія въ Украину, съ тѣмъ, чтобы добычу дѣлить пополамъ; а многіе турки и сами хаживали съ татарами на добычу. Турецкое правительство извлекало изъ этой добычи свою пользу: на таможняхъ отъ уведеннаго изъ Украины скота и плѣнниковъ шла въ казну извѣстная плата. Поэтому турецкія власти смотрѣли сквозь пальцы на нарушеніе договорныхъ статей съ Польшею. Приведемъ болѣе важныя мѣста изъ сеймовой рѣчи и реляціи Претвича.

Когда панъ краковскій (Янъ Тарновскій) принялъ должность короннаго гетмана, немедленно отправился онъ на пограничье и объѣхалъ всѣ украинные за́мки и за́мочки. Не только на границѣ вокругъ этихъ за́мковъ, но и около Львова, къ Люблину и Перемышлю, увидѣлъ онъ пустыни, которыхъ надѣлали татары, и которыя теперь заселились, какъ около Львова, такъ и на самой границѣ, гдѣ много лѣтъ было безлюдье. Опустошеніе этой земли

цевъ наличными деньгами. Старовольскій („Tada na Zniesienie Tatarow") называетъ упоминки татарамъ рабскою данью: "Ten iurgielt co mu na szablę albo na kożuchy daiemy, nic inszego nie iest, ieno slicznym tytułem pokryte poddaństwo, którego upominaią się od nas, iak pewnego czynszu od poddanych".

происходило оттого, что одна коронная стража стояла тамъ, гдѣ нынѣ Баръ, а другая тамъ, гдѣ воевода белзскій (Сінявскій) построилъ на Синеполѣ за́мокъ. Пока сторожевыя роты успѣвали дать знать о татарскомъ набѣгѣ въ за́мки и гетманамъ, татары, въ однѣ сутки, оставляли стражу въ 30-ти миляхъ позади себя и безопасно являлись подъ самимъ Опатовымъ. Они захватывали у костеловъ рыдваны съ панскими семействами, полонили простой народъ и исчезали съ своей добычею. Теперь (продолжаетъ Претвичъ) начали мы держать стражу въ 20-ти и болѣе миляхъ дальше прежнихъ сторожевыхъ мѣстъ. Народъ, узнавши заблаговременно, что идутъ татары, имѣетъ время сбѣжаться въ за́мки. Такимъ образомъ пустыни начали населяться, и населяются до сихъ поръ. Между тѣмъ наши гетманы два раза разбили на голову бѣлгородскихъ, очаковскихъ, добруджскихъ и килійскихъ татаръ, которые собирались ордою до тысячи человѣкъ,— одинъ разъ у Зіенькова, въ другой — около Бара. Съ того времени татары начали малыми купами прокрадываться мимо нашихъ сторожъ: чаще всего по 200, по 300, а то и по 50, 60, по 40 по 30, даже и по 10 человѣкъ, потому что трудно открыть слѣды небольшой купы. Онѣ ходятъ каждая особнякомъ, а звѣря въ степяхъ вездѣ много, именно: дикихъ коней, зубровъ, оленей, которыхъ слѣды трудно различить отъ татарскихъ. Этимъ способомъ татары набѣгали разъ двадцать въ годъ и уводили множество плѣнниковъ изъ Украины. При такихъ обстоятельствахъ, пограничные воеводы снаряжали легкіе отряды, человѣкъ въ 200 или 300 изъ отважнѣйшихъ людей и посылали ихъ въ догонку за татарами. Эти отряды скакали по степямъ ночью, не смотря ни на какую темноту, а днемъ залегали въ какой-нибудь балкѣ (долинѣ), укрываясь такимъ образомъ отъ наблюденій татарскихъ сторожевыхъ разъѣздовъ. Иногда они отбивали у татаръ добычу, иногда заграждали имъ путь въ польскія пограничныя поселенія".

Такой способъ войны, по словамъ Претвича, назывался *зале-*

ганьемъ на поль или *козакованьемъ.* Отъ Галича до Черкасъ раскинуты были сборные пункты козацкихъ дружинъ. Съ каждымъ почти годомъ они мѣняли свои становища, то выдвигаясь въ безлюдье, то подаваясь назадъ, къ тогдашней Украинѣ Польскаго государства. Татары вторгались въ эту Украину тремя полосами, на которыхъ были удобныя переправы, и которыя назывались *татарскими шляхами.* Самый сѣверный шляхъ, проходившій мимо Черкасъ, Корсуня, Кіева, Луцка, Сокаля ко Львову, назывался *Чорнымъ;* средній—изъ Очакова черезъ степныя рѣчки: Саврань, Кодыму, Кучмань, и мимо Бара, также ко Львову, назывался *Кучманскимъ;* южный—по берегамъ Буга мимо Зіньковa, черезъ Покутье и Бучачь, назывался *Волошскимъ* или *Покутскимъ.* Между этими-то шляхами, подъ прикрытіемъ козацкихъ стоянокъ и разъѣздовъ, усиливались утвердиться вольныя поселенія, служившія козакамъ пристанищами и пополнявшія ихъ дружины. По нѣскольку разъ приходилось этимъ поселеніямъ исчезать безъ остатка. *Выбрать село,* то есть заполонить всѣхъ жителей, было тогда для татаръ дѣломъ обыкновеннымъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ набѣга, снова на пепелищахъ появлялись кое-какъ слѣпленныя хаты, и снова у жителей начиналась борьба съ хищниками за свое существованіе. Изъ реляціи Претвича видно, что зáмки: Ровъ, Ольчидаевъ и Жванъ, были раззорены въ его время волошскимъ господаремъ, а окружавшее ихъ населеніе переведено за Днѣстръ; когда же, на мѣсто стараго Рова, устроенъ былъ крѣпкій зáмокъ Баръ, вокругъ него снова появились хутора, и многіе изъ загнанныхъ въ Волощину вернулись на старыя свои займища. Такъ было по всей пограничной линіи, которая въ началѣ появленія козачества едва держалась между Галичемъ и Кіевомъ, а при Хмельницкомъ выдвинулась далеко на востокъ, за рѣку Ворсклу. Колебаніе пограничной линіи то въ одну, то въ другую сторону будетъ виднѣе моему читателю изъ того обстоятельства, что даже въ 1624 году, послѣ хотин-

скаго пораженія турокъ коронным и козацкимъ войсками, послѣ многочисленныхъ, весьма серьозныхъ ударовъ, нанесенныхъ козаками крымскимъ и ногайскимъ татарамъ внутри ихъ поселеній, Сигизмундъ III, устанавливая еженедѣльные торги въ Кіевѣ по просьбѣ мѣщанъ, употребилъ въ своей грамотѣ слѣдующее выраженіе: „Miasto nasze Kiiow na granicy y w oczach prawie nieprzyiacielskich położone iest“ [1]).

Но заселеніе украинскихъ пустынь, такъ же какъ и развитіе козачества, совершалось, можно сказать, противъ воли правительства. Реляція Претвича была не что̀ иное, какъ оправданіе въ наѣздахъ, которые козаки дѣлали на татарскіе улусы. Съ одной стороны, онъ доказывалъ необходимость, съ другой — пользу козачества; но жалобы татарскаго хана все-таки заставили короля, въ 1552 году, удалить Претвича изъ Барскаго староства на староство Терембовльское. Король былъ убѣжденъ, что татары оставили бы его владѣнія въ покоѣ, еслибы старостинскіе служебники и козаки пограничныхъ за̀мковъ: Кіева, Канева, Черкасъ, Бѣлой-Церкви, Брацлава и Винницы, не ходили въ поле подстерегать Орду и не угоняли татарскихъ стадъ. Королевскою политикою управляли люди, которымъ украинскія дѣла представлялись далеко не въ истинномъ своемъ положеніи, Козаки, обезпечивавшіе панамъ спокойное пользованіе внутренними землями королевства, казались имъ буйными головами, а не людьми, поставленными въ необходимость козаковать. Мысль о реестровкѣ козаковъ, приписываемая обыкновенно Стефану Баторію, обнаруживается по документамъ еще въ 1540 году, черезъ пять лѣтъ по смерти Дашковича. Въ этомъ году завѣдывавшій Кіевскимъ воеводствомъ князь Коширскій получилъ отъ Сигизмунда августа такой выговоръ: „Многократно прежде писали мы къ тебѣ, обнадеживая тебя нашею милостію и угро-

[1]) Королевскіе автографы въ варшавской библіот. гр. Красинск. подъ литерою С. I.

жая наказаніемъ, и повелѣвали, чтобы ты бдительно наблюдалъ и не допускалъ тамошнихъ козаковъ нападать на татарскіе улусы. Вы же никогда не поступили сообразно нашему господарскому повелѣнію, и не только не удерживали козаковъ, но, ради собственной выгоды, сами давали имъ дозволеніе; и чрезъ такую неосмотрительность вашу, государство наше не могло пребывать въ покоѣ и терпѣло большой вредъ отъ татарскаго поганства". Далѣе король перечисляетъ прежнія козацкія нападенія на татаръ, потомъ пишетъ: „Посылаемъ дворянина нашего Стрета Солтовича. Мы велѣли ему всѣхъ кіевскихъ (находящихся въ Кіевскомъ воеводствѣ) козаковъ переписать въ реестръ и доставить намъ этотъ реестръ. Повелѣваемъ тебѣ, чтобы ты велѣлъ всѣмъ козакамъ непремѣнно записаться въ реестръ и послѣ того никоимъ образомъ не выступать изъ нашихъ повелѣній; а затѣмъ кто осмѣлится впредъ нападать на татарскіе улусы, тѣхъ хватать и казнить, либо къ намъ присылать. Если же перекопскій царь, за вредъ, нанесенный его подданнымъ, нападетъ на наше государство, или пошлетъ на него своихъ людей, тогда никакая твоя отговорка принята не будетъ, и мы, безъ всякаго милосердія, взыщемъ на твоихъ маетностяхъ и на тебѣ самомъ вредъ, нанесенный нашимъ господарскимъ и земскимъ имуществамъ. Въ 1560 году оно снова настаивилъ, чтобы пограничные старосты отнюдь не посылали своихъ служебниковъ и козаковъ на полевую службу. Спустя 32 года послѣ выговора князю коширскому, дѣла козацко-мусульманскія оставались всё томъ же положеніи. Придворная политика была сама по себѣ, а сила вещей на аренѣ татарскаго погрома—сама по себѣ. Въ 1572 году король писалъ къ Дмитрію Вишневецкому, что онъ доволенъ его храбрымъ отраженіемъ татаръ, но не согласился на его предложеніе — содержать гарнизонъ въ замкѣ, устроенномъ имъ на днѣпровскомъ островѣ, и повелѣвалъ ему бдительно смотрѣть, чтобы козаки отнюдь не вторгались въ об-

ласти турецкаго императора, съ которымъ и съ крымскимъ царемъ заключенъ былъ вѣчный миръ. Но королевскіе наказы и угрозы оставались безъ послѣдствій въ силу противодѣйствія причинъ, которыя могла бы указать правительству только исторія недобитаго татарами и литвинами русскаго общества, еслибы она могла существовать въ то время, и еслибы правительство было способно послушаться указаній исторіи. Въ 1508 году, за одинъ годъ до Люблинской политической уніи, которою поляки надѣялись успокоить себя относительно будущности Руси, опять читаемъ въ королевскомъ универсалѣ безсильныя угрозы королевскаго правительства тѣмъ людямъ, которые, подъ видомъ бунтовщиковъ и въ формѣ добычниковъ, работали въ пользу великаго дѣла равноправности на судѣ, достигнутой наконецъ Русью въ наше поворотное время. „Освѣдомились мы", писалъ тотъ же король, „что вы, самовольно выѣхавши изъ нашихъ украинскихъ за́мковъ и городовъ, проживаете на Низу, по Днѣпру, по полямъ и по инымъ входамъ, и причиняете вредъ и грабительство подданнымъ турецкаго царя, также чабанамъ и татарамъ царя перекопскаго, а тѣмъ самимъ приводите границы нашихъ государствъ въ опасность отъ непріятеля. Приказываетъ вамъ возвратиться въ наши за́мки и города съ поля, съ Низу и со всѣхъ входовъ, не отправляться туда своевольно и не безпокоить татарскихъ улусовъ. Если же кто не станетъ повиноваться настоящему нашему повелѣнію, тѣмъ украинскіе наши старосты будутъ чинить жестокое наказаніе".

И дѣйствительно нѣкоторые старосты чинили, какое находили для себя выгоднымъ, наказаніе, но приводили дѣло только къ тому, что мѣщане и другіе люди за́мковаго присуду начали больше прежняго бѣгать за Пороги, то есть ходить въ козаки. Не обращая вниманія на королевскія мѣры къ ихъ обузданію, они повиновались болѣе могущественному въ жизни указанію нуж-

ды и находили по себѣ предводителей, которые давали полный просторъ ихъ промыслу.

Мы видѣли, что Дашковичъ переходилъ отъ одного государя къ другому; что онъ имѣлъ родовыя села подъ Путивлемъ, принадлежавшимъ царю московскому; что онъ соединялъ вокругъ себя козаковъ двухъ сосѣднихъ украинъ, [1]) и служилъ въ одно и то же время двумъ государямъ. По его слѣдамъ пошолъ князь Дмитрій Вишневецкій, сдѣлавшійся черкасскимъ и каневскимъ старостою около 1550 года. Когда король Сигизмундъ-Августъ отказалъ ему въ какомъ-то пожалованіи, онъ грозилъ, что перейдетъ на службу къ турецкому султану, или къ московскому царю; и дѣйствительно, въ 1553 году, простясь въ родномъ Вишневцѣ съ двумя братьями, пустился онъ степями въ Туреччину, въ сопровожденіи преданныхъ ему козаковъ [2]). Король безпокоился о томъ, что турки пріобрѣтутъ въ Вишневецкомъ отличнаго полководца и постарался опять привлечь его къ себѣ. Весною 1554 года, Вишневецкій получилъ королевскій охранный листъ и снова явился на Днѣпрѣ. Владѣя Черкасами и Каневомъ, онъ построилъ ниже Пороговъ, на островѣ Хортицѣ, крѣпость и, подобно Дашковичу, дѣйствовалъ противъ татаръ и турокъ соединенными силами московскихъ и польскихъ козаковъ. Въ 1556 году, путивльскіе козаки, подъ предводительствомъ дьяка Ржевскаго, пришли на рѣку Псёлъ, построили суда и поплыли Днѣпромъ подъ крымскіе улусы. На Днѣпрѣ къ нимъ присоединились 300 каневскихъ козаковъ изъ дружины Вишневецкаго. Они вмѣстѣ раззорили Очаковъ, побили татаръ и турокъ, и пошли обратно вверхъ по Днѣпру. Турки пустились за ними въ

---

[1]) Пограничья Московскаго государства, прилегавшія широкими мало населенными полосами къ Литвѣ и татарскимъ степямъ, назывались въ Московскихъ Приказахъ также *украйнами*, въ смыслѣ окраинъ государства.

[2]) Сигизмундъ-Августъ, отъ 15-го іюня 1553 года, писалъ о немъ къ Радзивилу Чорному: „A ziechał ze wszystką rotą swą, to iest s tym swym wszystkim kozactwem a chłopstwem, które około siebie bawieł“.

погоню, по козаки засѣли въ камышахъ и отразили нападеніе. У Исламъ-Керменя настигли козаковъ крымскіе татары всею своею ордою. Козаки укрѣпились на днѣпровскомъ островѣ, шесть дней перестрѣливались изъ пищалей съ ордою, ночью отогнали у татаръ конскіе табуны, переправили сперва на островъ, потомъ на западный берегъ Днѣпра, и возвратились благополучно восвояси. Въ томъ же году князь Вишневецкій взялъ приступомъ Исламъ-Кермень, людей побилъ, а пушки перевезъ въ свой хортицкій за́мокъ. Въ январѣ 1557 года ханъ пришолъ къ Хортицѣ со всѣми своими силами, штурмовалъ за́мокъ 24 дня, но принужденъ былъ отступить съ большимъ урономъ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять осадилъ Вишневецкаго на Хортицѣ, и уже вмѣстѣ съ турками. Вишневецкій долго выдерживалъ осаду; наконецъ, когда козаки съѣли своихъ коней, поплылъ къ Черкасамъ, а въ ноябрѣ того же года переѣхалъ на службу въ Московское государство, гдѣ получилъ въ вотчину городъ Бѣлевъ, со всѣми волостями и селами, да въ другихъ областяхъ нѣсколько селъ [1]). Царь Іоаннъ Грозный посылалъ его на Днѣпръ, гдѣ у него были старые пріятели козаки, готовые воевать противъ невѣрныхъ въ пользу царя московскаго такъ же усердно, какъ и въ пользу короля польскаго. Потомъ князь Вишневецкій былъ посланъ, вмѣстѣ съ московскими воеводами, въ помощь черкесамъ, которые въ то время воевали противъ крымцевъ. Всѣ эти похожденія имѣли свой смыслъ, согласный съ обстоятельствами времени, мѣстности и международной политики; но до насъ отъ старины нашей часто доходятъ лишь ничего не выражающія замѣтки. Осенью 1561 года, Вишневецкій пришолъ съ окружавшими его козаками на Днѣпръ и, остановясь въ урочищѣ Монастырищѣ, между островомъ Хортицею и Черкасами, вы-

---

[1]) По сказанію Стрыйковскаго, Вишневецкій первый дѣлалъ, вмѣсто обыкновенныхъ човновъ, такъ называемые чайки „изъ зубровыхъ и воловыхъ шкуръ", то есть обшивалъ човны шкурами.

просилъ у короля Сигизмунда-Августа такъ-называемый глейтовый или охранный листъ, по которому пріѣхалъ въ Краковъ. Здѣсь онъ вошолъ въ сношенія съ польскимъ магнатомъ Ляскимъ, который владѣлъ молдавскою крѣпостью Хотиномъ и надѣялся совсѣмъ присоединить Молдавію къ владѣніямъ польскаго короля. Ляскій предложилъ ему господарство молдавское. Вишневецкій, въ 1564 году, съ четырьмя тысячами козаковъ, явился на берегахъ Днѣстра. Въ это время въ Молдавіи, между господаремъ Яковомъ Василидомъ, иначе Ираклидомъ и бояриномъ Томзою шла борьба за господарскую булаву. Томза успѣлъ вооружить молдаванъ противъ Якова и уже осадилъ его въ сучавскомъ его дворцѣ, когда козаки явились оспаривать у него господарство въ пользу своего гетмана. Томза отправилъ къ Вишневецкому избранныхъ бояръ объявить, что онъ принялъ на себя господарскую власть только временно, и что молдаване желаютъ имѣть своимъ господаремъ храбраго предводителя козаковъ. Вишневецкій повѣрилъ и пошолъ съ козаками къ Сучавѣ; но Томза встрѣтилъ его на пути по-непріятельски, одолѣлъ его войско превосходствомъ силъ, захватилъ въ плѣнъ самого Вишневецкаго и отправилъ въ Цареградъ.

Много было примѣровъ, что турки, заставивъ своихъ плѣнниковъ принять магометанство, пріобрѣтали въ нихъ самыхъ ревностныхъ охранителей интересовъ Оттоманской имперіи. Домогались они отступничества и отъ князя Вишневецкаго, но встрѣтили въ немъ непоколебимую твердость. Вишневецкій былъ казненъ въ Цареградѣ мучительною смертью. Его, вмѣстѣ съ другимъ знатнымъ плѣнникомъ, Яномъ Пісецкимъ, сбросили съ башни на желѣзные крючья; онъ зацѣпился ребромъ, повисъ на крюкѣ и трое сутокъ оставался живымъ. Сохранилось преданіе, что, находясь въ такомъ положеніи, Вишневецкій продолжалъ славить Христа и проклинать Магомета; наконецъ вывелъ мусульманъ изъ терпѣнія и былъ убитъ стрѣлой изъ лука.

Украинскіе кобзари воспѣли князя Вишневецкаго подъ именемъ козака Байды, и пѣсня о немъ дожила въ устахъ народа до нашего времени [1]). Въ этой пѣснѣ султанъ предлагаетъ козаку Байдѣ въ замужество свою дочь и господство надъ всей Украиной, если онъ приметъ магометанство. Байда́ осыпаетъ ругательствами султана и его вѣру. За это его вѣшаютъ ребромъ на крюкѣ. Байда́ велитъ своему оруженосцу подать себѣ лукъ со стрѣлами и, вися на крюкѣ, побиваетъ султана, его жену и дочку. Легенда о трагической кончинѣ Вишневецкаго, съ варіяціями, повторяется у многихъ современныхъ писателей. По одной версіи, Вишневецкій, провисѣвъ двое сутокъ, велѣлъ подать себѣ лукъ со стрѣлами и началъ избивать проходящихъ мимо турокъ. Султанъ Солиманъ пожелалъ видѣть столь необыкновеннаго витязя, и Вишневецкій обезсиленными руками направилъ въ него послѣднюю стрѣлу. Тогда султанъ велѣлъ добить Вишневецкаго. Турки (говоритъ легенда) разрѣзали на кусочки и съѣли его сердце, чтобы получить его мужество.

---

[1]) Существовали народныя пѣсни и о Дашковичѣ, но извѣстный Зоріанъ Ходаковскій захватилъ изъ устъ народа только отрывки ихъ, о чемъ сохранилось преданіе въ Tygodniku illustrowanym, 1862, стр. 63.

ГЛАВА II.

Основаніе козацкой колоніи за Порогами.—Правительство старается подчинить ее областному управленію.—Оказаченная пограничная шляхта.—Вмѣшательство ея въ молдавскія дѣла.—Общія черты воинственной жизни у русской шляхты и у козаковъ.—Совмѣстныя предпріятія охранителей колонизаціи.

Изъ актовъ, относящихся къ первымъ временамъ козачества, видно, что козаки, подъ предводительствомъ Вишневецкаго, пытались устроить себѣ постоянное мѣстопребываніе за Порогами. Безъ этого, они, съ одной стороны, очутились бы въ полной зависимости отъ королевскихъ старо́стъ, а съ другой — не могли бы отстаивать родной Днѣпръ противъ татаръ и турокъ. Тяжба черкасскихъ мѣщанъ съ королевскимъ старостою Пенькомъ за Звонецкій порогъ показываетъ, что вольныя займища на днѣпровскомъ Низу были предметомъ соперничества между мѣстною администраціею и свободною промышленностью, между старостами и козаками-мѣщанами. Можно догадываться, что козаки, независимые скитальцы низовыхъ пустынь, втягивали въ свое товарищество осѣдлыхъ жителей и вмѣстѣ съ ними владѣли на Днѣпрѣ рыболовными мѣстами и звѣриными входами, то есть отпугивали отъ нихъ татаръ; а старосты объявляли эти займища королевскимъ имуществомъ, и вольныхъ промышленниковъ облагали пошлинами. Противиться старостамъ въ городахъ не было возможности: тамъ козаки и козакующіе мѣщане были у старосты въ

рукахъ со всѣмъ своимъ имуществомъ. Човны, рыболовные и охотничьи снаряды, а также оружіе, безъ котораго нельзя было держаться на Низу, — на все это староста могъ наложить руку, съ помощью служебниковъ, привязанныхъ къ нему исключительными вольностями. Необходимо было имѣть за Порогами мѣсто, недоступное для пограничныхъ представителей королевской власти, — подальше отъ Звонецкаго порога, на который посягнулъ Пенько, — такое мѣсто, въ которомъ бы не только козацкое добро оставалось цѣлымъ на время зимы, но и сами козаки имѣли бы постоянное убѣжище отъ преслѣдованія украинскихъ старостъ. Вольные добычники козаки не обращали вниманія на мирные договоры короля съ турецкимъ султаномъ и грабили азіятскихъ купцовъ, которые ходили караванами изъ Крыма мимо Черкасъ, въ Путивль и Кіевъ. Уже одно это обстоятельство дѣлало для нихъ необходимымъ притонъ, недосягаемый, какъ для королевскаго правосудія, такъ и для турецкой силы. Испытавъ съ Вишневецкимъ невозможность удержаться на Хортицкомъ островѣ, козаки устроили себѣ пристановище въ другомъ мѣстѣ, гораздо ниже Пороговъ, тамъ, гдѣ Днѣпръ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ и расплывается по лѣсистымъ низинамъ заточинами, именно при устьѣ рѣчки Чортомлыка. Эта рѣчка прикасается своими „вѣтками“ къ другой, еще больше вѣтвистой рѣчкѣ, Базавлуку, и вмѣстѣ съ нею защищаетъ свободный приступъ къ днѣпровскимъ островамъ со стороны прибугскихъ степей. На одномъ изъ покрытыхъ зарослью острововъ, называемомъ лугомъ Базавлукомъ, расположились козаки кошемъ, по нынѣшнему — лагеремъ, и окружили его засѣкою. Все вмѣстѣ называли они Січью. Съ праваго берега Днѣпра защищали это мѣсто степныя рѣчки съ своими вѣтками, по которымъ козаки обыкновенно занимались звѣринымъ и рыбнымъ промыслами, а съ лѣваго — невозможно было переправиться къ січовому острову иначе, какъ на судахъ. Такимъ образомъ сухопутному войску

не было безвозбраннаго доступа къ Січѣ. Что касается до турецкихъ галеръ, которыя могли прійти сюда съ моря, то отъ нихъ січовый островъ былъ защищенъ днѣпровскими рукавами, которыхъ берега, покрытые камышемъ и зарослями, давали козакамъ возможность устроить въ разныхъ мѣстахъ засады. Французскій инженеръ Бопланъ, обозрѣвшій, въ 1638 году, Днѣпръ до острова Хортицы, разсказываетъ, что однажды турецкія галеры, преслѣдуя козацкіе човны съ моря, запутались въ лабиринтѣ днѣпровскихъ рукавовъ между островами; козаки открыли по нимъ пальбу изъ-за камышей, потопили нѣсколько галеръ и такъ напугали турокъ, что съ тѣхъ поръ они не смѣли приближаться къ Січѣ. Наконецъ, со стороны королевскихъ городовъ доступъ къ січовому острову затрудняли девять пороговъ, черезъ которые умѣли проводить суда только низовые козаки. Пороги на Днѣпрѣ состоятъ изъ каменныхъ запрудъ, лежащихъ поперекъ рѣки отъ берега до берега. Вода быстро стремится сквозь промежутки этихъ запрудъ и пѣнится съ оглушительнымъ шумомъ. Каждый порогъ состоитъ изъ нѣсколькихъ уступовъ, болѣе или менѣе правильныхъ. Въ нѣкоторыхъ число такихъ уступовъ доходитъ до двѣнадцати, на протяженіи 640 сажень вдоль рѣки. Весною всѣ пороги понимаются водою, кромѣ одного, прозваннаго Ненасытецкимъ, но плаваніе черезъ нихъ всегда опасно.

Подъ защитой мѣстности, козаки расположились кошемъ въ виду татарскихъ кочевьевъ. Но вещественной ограды было недостаточно. Запорожская колонія могла держаться на своемъ опасномъ займищѣ только чрезвычайнымъ напряженіемъ духовныхъ силъ, которое козаки называли въ своихъ думахъ лица́рствомъ. Оно состояло въ мужественной рѣшимости на все, что̀ бы ни случилось въ удаленіи отъ населенныхъ мѣстъ Украины, состояло въ терпѣливомъ перенесеніи всякихъ трудовъ и лишеній, въ сохраненіи спокойствія при всевозможныхъ случайностяхъ и неудачахъ. Не найдя счастья въ семейномъ и общественномъ быту, за-

порожцы создали себѣ семью безъ женщины. Они другъ друга называли братьями, братчиками, а своего „ота́мана" — батькомъ. Ввести въ Січь женщину запрещалось козаку подъ смертною казнью, хотя бы то была его родная мать. *Січъ — ма́ти, а Вели́кий Лугъ — ба́тько*, говаривали запорожцы, и эти слова вставили въ пѣсню, дошедшую до нашего времени. Мрачное чувство отчужденія отъ свѣта и обычныхъ утѣхъ сказывалось въ запорожскомъ быту. Запорожская веселость, которою низовые братчики гордились и хвалились, которую вмѣняли молодежи своей въ обязанность [1]), была веселость трагическая, происходящая отъ разочарованія въ жизни, и постоянно сопровождалась проніею или сарказмомъ, въ знакъ презрѣнія къ ея обманчивымъ благамъ. Опасность висѣла у запорожца надъ головой каждую минуту, жизнь его была крайне необезпечена, и отсюда—равнодушіе къ смерти, которымъ запорожскіе козаки постоянно удивляли своихъ наблюдателей. Въ основаніи сiчового братства лежалъ своего рода аскетизмъ. Онъ выражался главнымъ образомъ въ готовности на смерть, въ спартанскомъ перенесеніи физическихъ страданій, въ совершенномъ равнодушіи ко всему, чѣмъ дорожитъ человѣкъ въ быту обыкновенномъ. Въ чомъ же запорожецъ находилъ отраду, которую наша душа, этотъ всепобѣждающій инстинктъ жизни, создаетъ себѣ въ какомъ бы то ни было безотрадномъ положеніи? У него была вѣра въ будущую жизнь, противоположную здѣшней [2]). По его убѣж-

---

[1]) Даже во времена упадка Запорожья, по изустнымъ преданіямъ старожиловъ 40-хъ годовъ, отъ поступающаго въ козаки требовалось отсутствіе тоски по дому и умѣнье найти веселую сторону во всемъ непріятномъ. Въ 1595 году посолъ императора Рудольфа II называетъ запорожцевъ, въ своемъ дневникѣ, freudige Volk.

[2]) Сарницкій, въ своей книгѣ: „Descriptio veteris et novae Poloniae", написалъ о козакахъ странную вещь: „Religio apud eos magna ex parte Machometana". Но, если принять во вниманіе: что даже на Волыни въ XVI вѣкѣ бывали люди вовсе некрещенные, что козаки между пріятелями татарами находили такихъ философовъ, каковъ былъ толерантный Хаджи-Гирей; если при этомъ

денію, истреблять мусульманъ, вредить имъ всѣми возможными средствами—было лучшей заслугой передъ божествомъ. Заслугу истребленія и вредоносности, на своемъ опасномъ посту, сознавалъ онъ постоянно, и это сознаніе было отрадой безотрадной жизни его. Въ его глубокомъ чувствѣ вражды къ мусульманамъ было, безъ всякаго сомнѣнія, нѣчто традиціонное. Неожиданный татарскій погромъ, этотъ разбойницкій ударъ по русскому сердцу, запечатлѣлся въ „храбрыхъ русичахъ" вѣчною ненавистью къ монгольскому племени, и она нашла самое сильное выраженіе свое въ запорожскомъ козакѣ. Это чувство для людей, не имѣвшихъ ни церкви, ни священника, на разстояніи трехсотъ верстъ, было замѣною религіозности, которую ошибочно приписываютъ козакамъ въ смыслѣ церковномъ [1]). Оно зародилось до появленія козачества на исторической аренѣ и пережило его паденіе. До сихъ поръ народная пѣсня повторяетъ мотивъ, который былъ основою запорожской завзятости:

вспомнить; какъ наши украинскія бабы, первыя учительницы наслѣдственныхъ вѣрованій, представляютъ жизнь *померлихъ душъ*, то, можетъ быть, и не слѣдуетъ упрекать почтеннаго географа польскаго въ грубой ошибкѣ. Не надобно притомъ упускать изъ виду, что въ составъ новаго населенія Кіевской земли вошли и магометане. Князья Олелько и Симеонъ, какъ это извѣстно изъ современныхъ актовъ, раздавали села и селища кіевскимъ татарамъ наравнѣ съ „архимандритомъ печерскимъ, боярами, слугами, сокольниками". Были татары „служивые" и въ концѣ XVI вѣка на Украинѣ. Князь Острожскій, въ 1580 году, наѣхавъ на Жидичевскій монастырь, оставилъ въ немъ гарнизалъ, въ составъ котораго входили и татары, которыхъ истецъ называетъ *поганцами*.

[1]) Только послѣ Хмельнищины построена въ запорожской Сичѣ церковь. Здѣсь намъ необходимо указать на ошибку автора „Богдана Хмельницкаго". „Запорожецъ", говоритъ онъ, „вступая въ Сѣчу, долженъ былъ ходить въ церковь, хранить посты и обряды по уставу восточной церкви. Такъ жили по описанію, переданному малорусскими лѣтописями, *первые* запорожцы, остававшіеся на болѣе или менѣе продолжительное время въ Сичѣ". („Богданъ Хмельницкій", изданіе третье, исправленное и дополненное, т. I, стр. XXV.) Достопочтенный историкъ сослался на малорусскія лѣтописи. Но кѣмъ и когда онѣ были писаны? . . . .

Въ ту же ошибку впали и В. В. Антоновичъ и М. П Драгомановъ, въ прекрасномъ трудѣ своемъ: „Историческія Пѣсни Малорусскаго Народа" (стр. 288). Конецъ думы о Кишкѣ Самійлѣ—новѣйшая передѣлка кобзарская: ни Сѣчова Покрова, ни Межигорскій Спасъ тогда еще не существовали.

Та вже шаблі заржáвіли,
Мушкéты безъ кýрківъ,
А ще сéрце козáцькее
Не боиться тỳрківъ.

Въ отрывочной замѣткѣ, записанной неизвѣстнымъ полякомъ въ XVI столѣтіи, сохранилось характеристическое воззваніе, съ которымъ появлялись запорожцы въ Украинѣ передъ каждымъ задуманнымъ ими вторженіемъ въ Турещину. Вотъ какъ они заохочивали къ походу на своего исконнаго врага монгола, преобразившагося въ татаръ и турокъ: „Кто хочетъ за христіянскую вѣру быть посаженнымъ на колъ, кто хочетъ быть четвертованъ, колесованъ, кто готовъ претерпѣть всякія мýки за святой крестъ, кто не боится смерти, — приставай къ намъ. Не надо смерти бояться: отъ нея не убережешься. Такова козацкая жизнь!“

И не каждаго принимали они въ свое военное братство. Для того, чтобы вступить въ ихъ курени, требовалось или громкой извѣстности, или суроваго испытанія. Ни породою, ни званіемъ они не считались. Самые отаманы запорожскіе, послѣ выбора на ихъ мѣста другихъ, дѣлались простыми козаками. Въ дѣлахъ частныхъ, судъ и расправу производили запорожцы большинствомъ голосовъ по куренямъ; въ дѣлахъ, общихъ для всего войска, приговоры постановлялись радою, въ которой участвовалъ каждый съ одинаковымъ правомъ голоса. Срокъ пребыванія за Порогами ни для кого не назначался: можно было пріѣхать въ Січъ и уѣхать изъ Січи во всякое время. Какія бы кто ни совершилъ преступленія въ городахъ, запорожскому братству ни до чего не было дѣла; но за то строго карались проступки, совершонные въ предѣлахъ запорожскаго прúсуду. За кражу самой незначительной вещи опредѣлялась смертная казнь [1]). За убій-

[1]) По разсказу Янчара-Поляка, писанному передъ 1500 годомъ, такая же строгость относительно воровства была заведена и у султана Амурата. Лучшіе люди у Амурата, лучшіе воины его были потурнаки-славяне. Заимствованія воен-

ство товарища, преступника зарывали въ землю вмѣстѣ съ убитымъ. Пьянство между запорожцами не считалось порокомъ, но въ походахъ противъ непріятелей, подъ страхомъ смертной казни, соблюдалась трезвость. Опасное положеніе запорожскаго коша требовало строгой дисциплины. Не смотря на свободу пріѣзда и отъѣзда, не смотря на равенство между членами военнаго братства, порядокъ дѣйствій и бдительность сторожевыхъ постовъ на Запорожьѣ, или на Низу, какъ говорилось встарину, славились даже между польскимъ рыцарствомъ. По свидѣтельству геральдика Папроцкаго, не только многіе хорошіе воины изъ мелкой шляхты, но и сыновья знатныхъ пановъ ѣздили за Пороги для изученія „порядка и рыцарскаго дѣла“ [1]).

Это была республика, образовавшаяся въ силу противодѣйствія русскаго духа татарскому. Съ одной стороны, она сохраняла главныя черты своего происхожденія, именно—христіанскую вѣру и богатырскіе обычаи, съ другой — усвоила себѣ наѣздническіе нравы, безъ чего невозможно было бы ей существовать Какъ татары вмѣстѣ съ турками вторгались безпрестанно въ днѣстровскую и днѣпровскую Русь, такъ запорожскіе рыцари нападали на татарскіе улусы и турецкіе зáмки. Какъ татарская орда получала подарки отъ польскаго короля и отъ московскаго

ныхъ обычаевъ возможны на обѣ стороны между христіанами и мусульманами. Когда идетъ бывано цесарское войска (разсказываетъ Янчаръ-Полякъ), никто въ немъ не смѣлъ идти или ѣхать по засѣянному полю, или причинить кому-нибудь малѣйшій убытокъ, или что-нибудь даромъ взять. Кто взялъ у кого только курицу, ничѣмъ инымъ не отвѣчалъ за то, какъ головою. Однажды пожаловалась султану баба, что одинъ азанъ выпилъ у ней молоко. Азанъ отпирался; и султанъ велѣлъ распороть ему брюхо, чтобы посмотрѣть, есть ли тамъ молоко.

[1]) Этотъ современникъ козачества, еще не воевавшаго съ панами, въ рѣдкой нынѣ книгѣ своей „Ogrod krolewski“, подъ 1594 годомъ, пишетъ: „Wiele chudych pacholkow potciwych dla cwiczenia w rycerskich sprawach tam iezdzi, i s paniąt Ruskich, Podolskich, między nie niemalo zaiezdza, bo między niemi dobrze się wycwiczyć może w porządek y w czynność rycerską“.

царя за то, чтобъ не вторгалась въ ихъ предѣлы, такъ и орда козацкая принуждала не только обоихъ государей, но и самихъ татаръ откупаться отъ нея ежегодными подарками [1]).

Первоначальною задачею козачества, какъ мы видѣли изъ реляціи Претвича, было—наблюдать въ степяхъ за движеніемъ татаръ и посылать къ пограничнымъ гарнизонамъ извѣстія о приближеніи опасности. Когда королевскимъ воеводамъ и старостамъ удавалось встрѣтить или настигнуть и поразить орду, обыкновенно вооруженную плохо и неспособную къ продолжительному бою,—козаки пускались въ погоню за остатками разбитой ватаги и, въ награду за свою неутомимость, получали отбитую у ней добычу, всего охотнѣе—лошадей. Утвердясь за Порогами, козаки сторожили татаръ на переправахъ черезъ Днѣпръ, не допускали ихъ переходить съ „татарской" на „русскую", то есть на правую сторону. Но не всегда были у нихъ къ тому средства, и вообще низовцы предпочитали нападать на татаръ, когда они, обремененные плѣнниками и награбленнымъ добромъ, возвращались въ свои улусы.

Польское правительство не поддержало ни Дашковича въ его предложеніи устроить на Днѣпрѣ сильную стражу, ни князя Вишневецкаго во время опаснаго пребыванія его на островѣ Хортицѣ. Дядя польскаго лѣтописца Бѣльскаго, Янъ Орышовскій, долго гетманствовалъ у запорожцевъ при Стефанѣ Баторіи, и также пришолъ къ мысли о необходимости защитить отъ татаръ поднѣпровскіе зáмки. Онъ былъ готовъ заняться этимъ дѣломъ лично, и не сомнѣвался въ успѣхѣ. „Еслибы на днѣпровскихъ островахъ построить зáмки", пишетъ, наслушавшись его, племянникъ, „не лазили бы къ намъ эти вши татары; отняли бы мы у нихъ весь Днѣпръ, только бы захотѣли. Но мы предпочитаемъ отбиваться отъ татаръ у Самбора!"

---

[1]) Объ этомъ упоминается въ той же книгѣ Папроцкаго.

Правительство Сигизмунда-Августа не знало, что̀ ему дѣлать съ козаками. Оно нуждалось въ нихъ во время войны; но войну Польша вела тогда на сѣверѣ, куда козаки шли не охотно. Въ низовыхъ пустыняхъ, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, польская политика старалась поддержать миръ; а въ мирное время козакамъ оставалось только чумачествовать, да — въ отмщеніе татарскимъ козакамъ—грабить степныхъ чабановъ. Въ томъ и другомъ промыслѣ стѣсняли ихъ пограничные воеводы, старосты и другіе урядники, которые уже и тогда смотрѣли на низовыхъ козаковъ, какъ на помѣху въ управленіи краемъ. У каждаго изъ нихъ были *свои* козаки, составлявшіе низшую степень привилегированныхъ служебниковъ. Вольнаго сбора людей, приходившихъ на зиму въ городовую Украину съ днѣпровскаго Низу, они не любили. Съ другой стороны, низовые казаки вели себя въ Украинѣ буйно, не платили долговъ и, какъ люди неосѣдлые, которыхъ „не по чомъ было сыскивать", отличались безнаказанностію. Чтобы держать ихъ въ большей зависимости отъ правительства, король Сигизмундъ-Августъ, въ 1572 году, поручилъ коронному гетману, Юрію Язловецкому, выбрать лучшихъ изъ нихъ на королевскую службу. Этимъ выбраннымъ назначено было изъ королевской казны жалованье; они были освобождены отъ власти и присуду украинскихъ урядниковъ, и подчинены непосредственно коронному гетману; для разбирательства же споровъ между осѣдлыми жителями и козаками, приходившими съ Низу въ королевскіе города и за̀мки, былъ назначенъ *старшимъ* и судьею надъ всѣми низовыми козаками бѣлоцерковскій шляхтичъ Янъ Бадовскій. Чтобы воеводы, старосты и другіе украинскіе урядники не препятствовали ему дѣйствовать по усмотрѣнію короля и короннаго гетмана, онъ освобождался отъ юрисдикціи мѣстныхъ властей, кромѣ случаевъ насилія и кровавыхъ поступковъ, а два дома его въ Бѣлой-Церкви, съ огородами, грунтами и всѣми ихъ принадлежностями, были изъяты изъ за̀мковаго и мѣщанскаго при-

суду бѣлоцерковскаго, освобождены отъ всякихъ платежей и повинностей, и, сверхъ того, дозволено было Бадовскому и его женѣ содержать въ своихъ домахъ вольный шинкъ, медъ, пиво, горілку, не платя установленной за то капщизны и другихъ пошлинъ.

Оставляя Днѣпръ въ спорномъ владѣніи низовыхъ козаковъ и татаръ, Польская Рѣчь-Посполитая какъ-бы отреклась отъ русской территоріи, лежавшей за чертою украинскихъ замковъ; а польскіе писатели XVI вѣка прямо говорили, что запорожцы живутъ на татарскихъ земляхъ. Королю Сигизмунду-Августу и его сенаторамъ казалось возможнымъ оставаться постоянно въ мирныхъ отношеніяхъ съ турецкимъ султаномъ, который обѣщалъ вѣшать на крюкахъ татарскихъ мурзъ, если они осмѣлятся вторгаться въ польскія владѣнія, и, въ замѣнъ того, требовалъ укрощенія козацкихъ разбоевъ. Платить крымскому хану дань и направлять его на московскія земли находили они удобнѣйшимъ, нежели воевать съ азіятцами. Татарскіе набѣги небольшими ордами на пограничныя воеводства считались неизбѣжнымъ зломъ противъ котораго принимались мѣры мѣстными властями, какъ противъ разбоя. Такъ точно и турецкое правительство смотрѣло на козаковъ, нападавшихъ отъ времени до времени на татаръ и турокъ. Между рѣками Днѣпромъ и Бугомъ турецкіе чабаны пасли овецъ на польской землѣ, и уполномоченные съ той и другой стороны дѣлились общею съ нихъ десятиною.

Изъ этого видно, что въ царствованіе Сигизмунда-Августа, не смотря на развитіе козачества, которое было едва замѣтно при Сигизмундѣ I, не смотря на разореніе Очакова и другихъ турецко-татарскихъ крѣпостей, построенныхъ на бывшей территоріи великаго княжества Литовскаго, не смотря даже на столкновеніе русско-польскаго рыцарства съ турками въ Молдавіи, отношенія Польскаго государства къ Турціи были вообще мирныя. Но въ русскихъ областяхъ, противолежащихъ мусульманскому

міру, накоплялся запасъ боевого народу, для котораго война составляла насущную потребность. Молодежь, собираясь на пограничьѣ или за Порогами, съ неудовольствіемъ выслушивала подтвержденія правительства о сохраненіи мира съ султаномъ, который называлъ своими земли, занятыя татарскими кочевниками. Подъ видомъ преслѣдованія хищниковъ, она безпрестанно вторгалась въ чужія владѣнія; а украинскіе землевладѣльцы того времени не столько разсчитывали на доходы съ хозяйства, сколько на военную добычу. Все вмѣстѣ, на перекоръ центральной власти, какъ это часто бывало въ Польшѣ, привело государство къ неизбѣжному столкновенію съ Турціею, отъ исхода котораго должна была зависѣть вся будущность Рѣчи-Посполитой.

Первой причиной столкновенія было стремленіе пограничныхъ пановъ овладѣть Молдавскимъ господарствомъ. Неудачная попытка князя Димитрія Вишневецкаго и его трагическая кончина не только не ослабили, но еще усилили въ нихъ охоту идти по его слѣдамъ. Пограничные представители шаткой политики Рѣчи-Посполитой, русскіе паны Язловецкіе, Сінявскіе, Мелецкіе, Гербурты, Рожинскіе, Лянцкоронскіе, на собственный рискъ, но не безъ тайнаго одобренія королевскихъ совѣтниковъ, издавна соперничали съ турками за господство въ Молдавіи, хаживали въ козаки черезъ ея границы, искали въ ней воинской славы и часто находили смерть.

Эта страна была тогда еще независимымъ княжествомъ, но турки, давъ ей почувствовать свою силу, наложили дань на ея господарей и, чтобы увеличить эту дань, помогали одному господарю низвергнуть другого, лишь только являлся такой претендентъ на молдавскій престолъ, который обѣщалъ платить больше своего предшественника. Вмѣстѣ съ этимъ, они захватывали въ свою власть крѣпкія позиціи въ Молдавіи, заводили въ ней мусульманскія поселенія, и самихъ господарей старались отуречить. Съ своей стороны, пограничные паны Рѣчи-Посполитой вмѣши-

вались въ молдавскія дѣла, на томъ основаніи, что молдавскіе господари издавна были вассалами польскихъ королей. Они помогали то одному, то другому господарю въ борьбѣ за молдавскій престолъ, смотря по тому, кто изъ нихъ былъ полезнѣе для нихъ лично, и отъ кого Рѣчь-Посполитая могла ожидать больше добра.

Населеніе Молдавіи исповѣдывало православную вѣру, совершало богослуженіе на церковно-славянскомъ языкѣ, употребляло письменность русскую и, независимо отъ мѣстнаго румунскаго нарѣчія, во многихъ мѣстахъ говорило языкомъ днѣстровской и днѣпровской Руси. Множество природныхъ русскихъ, во времена татарщины и пограничныхъ бѣдствій въ XV и XVI вѣкѣ, выселялось цѣлыми осадами въ Молдавію. Съ другой стороны, богатые молдаване, тѣснимые турками и деспотизмомъ самихъ господарей, пріобрѣли имѣнія въ Брацлавщинѣ, на Подольѣ, на Покутьѣ, и дѣлались подданными польскаго короля. Родственныя, пріятельскія и торговыя связи между молдаванами и населеніемъ русскимъ были таковы, что Молдавія казалась пограничнымъ панамъ другою Украиною Польскаго государства. Что̀ касается до козаковъ, то между ними многіе были природные молдаване,— волохи, какъ тогда говорилось. Даже за порогами можно было найти людей, бѣжавшихъ изъ Сороки, Яссъ и другихъ молдавскихъ городовъ вслѣдствіе разныхъ случайностей. Молдавскіе бояре служили также и въ пограничномъ, такъ-называемомъ подольскомъ войскѣ, которое состояло почти изъ однихъ русскихъ. И наоборотъ, многіе козаки-дворяне и козаки-мѣщане постоянно находились въ службѣ у молдавскаго господаря Богдана, въ качествѣ его тѣлохранителей.

Самъ Богданъ былъ преданъ интересамъ Рѣчи-Посполитой, готовился купить на Руси имѣнія, чтобы въ нихъ поселиться, въ случаѣ ссоры съ султаномъ, и состоялъ въ родствѣ съ русскими панами. Родная сестра его была замужемъ за Касперомъ Панев-

скимъ, сыномъ жидичевскаго старосты; другую сваталъ у него знатный пограничный панъ, Христофоръ Зборовскій, а самъ онъ былъ женатъ на дочери львовскаго хорунжаго, Яна Тарла. Бракъ этотъ состоялся при посредствѣ пограничныхъ воеводъ—русскаго Яна Язловецкаго и подольскаго Николая Мелецкаго, которымъ Сигизмундъ-Августъ, по смерти Яна Тарла, ввѣрилъ опеку надъ его дочерью. Въ основаніи родственныхъ и дружескихъ связей Богдана съ пограничными панами лежала мысль — возвратить Молдавіи прежнюю независимость отъ турокъ. Эту мысль, безъ сомнѣнія, поддерживали въ немъ его днѣстровскіе пріятели, которые хотѣли заслонить Волощиною Рѣчь-Посполитую отъ турокъ, „какъ щитомъ или стѣною".

Но, пока Богданъ готовился къ борьбѣ, та же самая мысль овладѣла другимъ, болѣе отважнымъ и способнымъ человѣкомъ. Нѣкто Русинъ Ивоня, обогатившійся удачною торговлею, проживая въ Царьградѣ, воспользовался ропотомъ молдавскихъ бояръ на то, что господарь окружилъ себя поляками (такъ назывались тогда безразлично всѣ подданные польскаго короля), которыхъ содержаніе обходится туземцамъ слишкомъ дорого. Онъ вошолъ въ тайныя сношенія съ недовольными, а между тѣмъ расположилъ въ свою пользу султанскій дворъ богатыми подарками. Ивоня домогался господарскаго престола еще прежде, но не успѣлъ въ своихъ стараніяхъ у султана. Теперь онъ рѣшился на самое сильное средство—принялъ магометанскую вѣру. Султанъ позволилъ Ивонѣ составить наемное войско изъ турокъ, грековъ и сербовъ для вторженія въ Молдавію. Съ помощью преданныхъ себѣ знатныхъ молдаванъ, Ивоня овладѣлъ престоломъ, безъ отпора со стороны Богдана. Тогда Богданъ, обезпечивъ за собой Хотинскую крѣпость, обратился за помощью къ подольскимъ своимъ пріятелямъ. Дѣло было представлено королю Сигизмунду-Августу. Король не рѣшился посылать войско въ Молдавію, изъ опасенія нарушить миръ съ турками. Вмѣсто

того, онъ просилъ султана чрезъ своего турецкаго посла, Тарановскаго, возвратить господарство Богдану. Но султанъ, какъ и слѣдовало ожидать, отдалъ господарскій престолъ Ивонѣ. Все это было не болѣе какъ формальности. Правительство польское предоставило пограничнымъ панамъ разрѣшить частнымъ образомъ вопросъ о томъ, кому владѣть Молдавіею. Въ случаѣ неудачи, они поплатятся своими потерями, а въ случаѣ торжества надъ турками, Рѣчь-Посполитая приметъ ихъ дѣло за свое собственное. Такъ постоянно вело себя польское правительство по молдавскому вопросу.

Въ Украинѣ, а подъ это время въ особенности въ Украинѣ Подольской, было много людей, жаждавшихъ идти въ козаки,—кто просто изъ-за добычи, кто для рыцарской славы, а кто съ политическою цѣлью—не дать восторжествовать въ Молдавіи турецкой партіи на счетъ партіи польской. Представителями послѣдняго разряда охотниковъ до козацкаго промысла были такіе люди, какъ подольскій воевода Николай Мелецкій, русскій воеводичъ Сінявскій, скальскій староста Станиславъ Лянцкоронскій и хмельницкій староста Михаилъ Язловецкій. Къ нимъ примкнуло много другихъ пограничныхъ пановъ съ панцырными ротами и козацкими сотнями. Сінявскій составилъ одинъ отрядъ своего ополченія изъ безбородыхъ юношей, жаждавшихъ военной славы, которая на пограничьѣ считалась лучшимъ, чего можетъ желать представитель дворянскаго рода. Набралось всего тысячи двѣ воиновъ: сила сравнительно незначительная; но польская Русь рѣдко выступала противъ азіятцевъ въ бо́льшемъ числѣ. Подобно чешскимъ таборитамъ, пограничные рыцари-козаки вообще стояли на томъ, чтобы малымъ числомъ хорошо вооруженныхъ и опытныхъ воиновъ поражать нестройныя силы противниковъ.

Походъ въ Молдавію 1572 года описанъ польскимъ геральдикомъ Папроцкимъ, который отличался особенною любовью къ

собиранію всякаго рода современныхъ извѣстій. Сочиненіе Папроцкаго утрачено, но оно послужило матеріяломъ для сказанія, составленнаго объ этомъ походѣ славнымъ поборникомъ кальвинизма въ Польшѣ, Яномъ Ласицкимъ. Авторъ посвятилъ свое сказаніе самимъ предводителямъ похода, Мелецкому и Сінявскому. Это обстоятельство не позволяетъ намъ принимать на вѣру всего, что̀ въ немъ говорится о мужественныхъ подвигахъ каждаго изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Обратимъ вниманіе только на тѣ мѣста разсказа Ласицкаго, которыя характеризуютъ панскіе походы того времени вообще и козацкіе въ особенности [1]). Въ нихъ мы получимъ новыя понятія о людяхъ, которые прикрывали колонизацію польской Руси отъ мусульманскаго міра и непосредственно принимали въ ней участіе.

Переправясь за Днѣстръ, Богданъ, съ общаго согласія войска, ввѣрилъ начальство надъ нимъ Мелецкому, а Мелецкій выбралъ помощникомъ и товарищемъ Сінявскаго, которому (замѣчаетъ Ласицкій) король вскорѣ предоставилъ главное предводительство походомъ. Войско начало свое дѣло грабежемъ жителей, подъ предлогомъ обычнаго собиранія съѣстныхъ припасовъ. Мелецкій поставилъ среди лагеря висѣлицу и грозилъ ею грабителямъ; потомъ сдѣлалъ перепись войску; 700 человѣкъ, неспособныхъ къ войнѣ, отослалъ домой, и только съ 13-ю сотнями продолжалъ походъ къ Пруту. Первыя стычки съ отрядами Ивони позволили ему двинуться къ Яссамъ; но у Степановецкихъ-Могилъ узналъ онъ, что Ивоня идетъ навстрѣчу съ превосходными силами. Предпріятіе оказалось безуспѣшнымъ. Мелецкій рѣшился отступить. Это было одно изъ тѣхъ отступленій, которыми войска гордятся, какъ побѣдами. Все свое искуство употребилъ Мелецкій на то, чтобы уклониться отъ битвы съ многочисленнымъ непріятелемъ,

[1]) Что этотъ походъ былъ козацкій по преимуществу, видно и изъ приведеннаго ниже рукописнаго универсала Стефана Баторія, въ которомъ король приписываетъ козакамъ нарушеніе мира съ турками походомъ въ Молдавію.

который преслѣдовалъ его отъ одного становища до другого. Изъ противнаго стана выманивали горячихъ воиновъ на обычное тогда единоборство. Турецкіе удальцы въ золоченыхъ панцыряхъ, говоря пославянски (это, конечно, были „потурнаки", ренегаты-славяне), вызывали прославившихся въ пограничныхъ войнахъ смѣльчаковъ на бой поименно и осыпали ихъ насмѣшками. Тѣ рвались „защищать свою честь", и, не смотря на запрещеніе предводителя, отъ времени до времени закипалъ такъ-называемый грецъ. Сперва сражались въ одиночку; потомъ десятки и сотни воиновъ бросались въ поле на выручку товарищей. Съ трудомъ удерживалъ Мелецкій своихъ спутниковъ отъ общаго боя, который былъ бы для нихъ гибелью. Съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали копьями и закрывались щитами. Употреблялись въ дѣло пушки, но о ружьяхъ у Ласицкаго не упоминается. Простота одежды, свойственная козачеству, была такова, что одного турецкаго богатыря, одѣтаго сверхъ латъ въ леопардовую шкуру и украшеннаго страусовыми перьями (обычная впослѣдствіи роскошь военной шляхты), прозвали шляхтичи святочною маскою. Отражая нападеніе за нападеніемъ, войско Мелецкаго продолжало отступать къ Хотину. Здѣсь непріятели заступили ему дорогу къ переправѣ на родной берегъ. Коронный гетманъ Язловецкій выручилъ своихъ изъ бѣды только угрозою вступить въ Молдавію съ короннымъ войскомъ, котораго, впрочемъ, у него было всего 800 человѣкъ. При этомъ турецкому правительству было заявлено, что будтобы польское войско помогало Богдану отстоять свое господарство безъ вѣдома короннаго гетмана и короля, такъ какъ ему не была извѣстна воля султана о возведеніи на престолъ Ивони вмѣсто Богдана. Все-таки волохи затруднили Мелецкому переправу. По случаю прибывшей въ Днѣстрѣ воды, множество лошадей потонуло.

Какъ характеристическую черту нравовъ ходившей въ козаки русской шляхты, приведемъ слѣдующія слова Ласицкаго: „Гово-

рятъ всѣ, что Мелецкій вымолилъ у Бога спасеніе своего войска: не разъ видали его молящимся по цѣлымъ ночамъ".

Богданъ, потерявъ надежду на возвращеніе господарства, уѣхалъ съ своими сокровищами въ Московское царство. Въ Хотинской крѣпости оставался, между тѣмъ, посаженный имъ гарнизонъ, подъ начальствомъ шляхтича Добросоловскаго. Новый господарь Ивоня воспользовался этимъ случаемъ, чтобы войти въ дружескія сношенія съ пограничными панами. Онъ выразилъ королю готовность присягнуть ему на вѣрность, если крѣпость будетъ ему сдана безъ боя, и дѣйствительно присягнулъ. Отсюда съ новымъ господаремъ начались у пановъ тѣ же отношенія, какія были съ Богданомъ. Ивоня, подобно своему предшественнику, находился въ близкихъ связяхъ съ пограничными панами, тѣмъ болѣе, что по языку былъ русинъ, такъ что русскіе люди даже называли его Иваномъ, а не Ивонею. Магометанскую вѣру Ивоня отбросилъ, лишь только вытѣснилъ изъ Молдавіи Богдана, наемное турецкое войско распустилъ, а вмѣсто того зазывалъ къ себѣ на службу христіанъ и укрѣплялъ важнѣйшіе военные пункты на границахъ своихъ владѣній. Сдѣлалось очевиднымъ, что Ивоня намѣренъ господарствовать по примѣру прежнихъ владѣтелей Молдавіи. Богатырская наружность, цвѣтущая молодость и рѣдкое мужество въ битвахъ привлекали къ нему сердца охотниковъ до войны, а жестокими казнями, на турецкій манеръ, онъ заставлялъ всю Молдавію повиноваться себѣ безпрекословно.

Пользуясь возникшими въ Царьградѣ на счетъ Ивони опасеніями, Петръ, господарь *Закарпатской* Волощины (какъ называли тогда Валахію, въ отличіе отъ Молдавіи, которая называлась просто Волощиною), началъ искать господарскаго престола для своего брата, и предложилъ султану платить вдвое больше подати, противъ того, что̀ платилъ Ивоня, именно 120.000 червонцевъ. Между тѣмъ Сигизмундъ-Августъ скончался, и на польскій престолъ былъ призванъ французскій принцъ Генрихъ, цар-

ствовавшій потомъ во Франціи подъ именемъ Генриха III. Въ то самое время, когда въ Краковѣ совершался обрядъ коронаціи, къ Ивонѣ явился султанскій чаушъ съ требованіемъ двойного харача. По примѣру Богдана, просившаго помощи у Сигизмунда-Августа, Ивоня обратился къ новому королю съ просьбою защитить его отъ султана, или, по крайней мѣрѣ, объявить во Львовѣ, Каменцѣ и другихъ городахъ, что никому не запрещается вступать въ службу къ молдавскому господарю. Но Генрихъ, тѣмъ же порядкомъ, что̀ и Сигизмундъ-Августъ, отказался содѣйствовать къ войнѣ господаря съ турками, ссылаясь на мирные договоры польскаго правительства съ султаномъ.

Прошлый походъ въ Молдавію коронный гетманъ приписывалъ своевольству пограничной шляхты, которая будтобы безъ его, и королевскаго вѣдома поддерживала господарскія права Богдана; теперь надобно было прикрыться своевольными козаками. Шляхтичъ Горецкій, описывая новый походъ въ Молдавію, такъ же какъ и Ласицкій, на основаніи утраченнаго для насъ повѣствованія Папроцкаго, говоритъ, что Ивоня, получивъ отъ Генриха отказъ, обратился къ небольшой горсти польской конницы, которая промышляла добычею въ низовьяхъ Днѣпра, и которую скорѣе можно было назвать наѣздниками, потому что она всюду гонялась за непріятелемъ по бездорожьямъ, скрытнымъ мѣстамъ и пустынямъ. „Козаки, какъ называютъ въ Польшѣ этихъ наѣздниковъ (продолжаетъ Горецкій), не обращая вниманія на короля Генриха, который запрещалъ имъ идти въ Волощину, тотчасъ явились на зовъ господаря“, и т. д. Сочиненіе Горецкаго, посвященное польскому магнату Андрею Гуркѣ и напечатанное на его счетъ во Франкфуртѣ, имѣло характеръ правительственной манифестаціи. Съ одной стороны, оно должно было заявить Европѣ, съ какими малыми силами возможно противустоять страшному въ тѣ времена могуществу турокъ, но съ другой — авторъ, покровительствуемый однимъ изъ правительственныхъ лицъ Рѣчи-

Посполитой, не иначе могъ прославить подвиги поляковъ, какъ прикрывши ихъ именемъ козаковъ, которыхъ и самое существованіе не извѣстно правительству. Между тѣмъ во главѣ предпріятія поставилъ онъ знаменитое имя Сверчовскаго, котораго предокъ, въ 1512 году, подъ предводительствомъ князя Острожскаго, участвовалъ въ прославленномъ на всю Польшу пораженіи татаръ у Вишневца, надъ Горынью. Сверчовскій, по словамъ Горецкаго, „мужъ опытный въ военныхъ дѣлахъ и отличавшійся физическою силою", имѣлъ у себя двѣ сотни конницы. Столько же привелъ съ собой Барсанъ. Къ нимъ присоединились двѣ сотни, составившіяся изъ *браціавянъ* [1]). Какъ понимать это слово у Горецкаго, рѣшить покамѣсть трудно: были ли то дворяне изъ Брацлавщины, или же просто мѣщане города Брацлава, которые, замѣтимъ кстати, такъ же, какъ и корсунцы, долго не подчинялись юрисдикціи королевскаго старосты, считая себя прямыми козаками. Остальное войско, очевидно, состояло изъ дворянскихъ ополченій, ходившихъ въ козаки ради славы и добычи [2]). Козаковъ-дворянъ участвовало въ походѣ Сверчовскаго много, но Горецкій упоминаетъ только о четверыхъ, какъ о предводителяхъ. То были: Козловскій, съ двумя сотнями спутниковъ; Стушенскій, также съ двумя сотнями; Янчи, съ сотнею, и Соколовскій, съ сотнею; всего 12 сотень. Въ числѣ захваченныхъ потомъ тур-

---

[1]) Въ польскомъ переводѣ сочиненія Горецкаго сказано, что всѣ послѣднія сотни привелъ Брацлавскій; но это—извращеніе слѣдующихъ словъ подлинника: Braclaviensium quoque erant ducenti.

[2]) Слава и добыча—значили въ то время почти одно и то же. Горецкій выразился о козазахъ такъ: qui de mori, gloriae ac praedae, tam sibi quam heris suis acquirendae causa, etc. Папроцкій разсказываетъ, что когда одинъ шляхтичъ, крещеный противъ воли родителей въ латинскую вѣру и воспитанный дядею-католикомъ, явился къ отцу съ богатою военною добычею, онъ былъ принятъ, сверхъ чаянія, весьма благосклонно. (Herby Rycerstwa Polskiego, изд. 1584, стр. 543. Рѣдчайшій экземпляръ этой книги, безъ перепечатанныхъ 20-ти листовъ, которые были въ свое время сожжены, находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ).

ками въ плѣнъ упомянуты еще слѣдующія дворянскія имена: Задорскій, Залѣскій, Копытскій, Ресковскій, Либишовскій, Чижовскій, Сущинскій и Богуцкій [1]). Все это, очевидно, были знатные дворяне, такъ какъ родственники выкупили ихъ изъ плѣна „за большія деньги".

Походъ Сверчовскаго извѣстенъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Войны Ивони.* Война эта имѣла исходъ несчастный, но сдѣлала сильное впечатлѣніе на тогдашнее польское общество, благодаря краснорѣчивому описанію Горецкаго. При франкфуртскомъ изданіи книги припечатаны латинскіе стихи познанскаго медика и философа, Линденера, въ которыхъ авторъ поставленъ наравнѣ съ Титомъ Ливіемъ. Знаменитый ученый того времени, Писторій, перепечаталъ сочиненіе Горецкаго въ своемъ собраніи историковъ польскихъ. Трудомъ Горецкаго воспользовался, при составленіи своей хроники, Більскій, а черезъ полвѣка—извѣстный Фредро, въ „Исторіи Польскаго Народа". Послѣдній нѣсколько разъ позволилъ себѣ усумниться, чтобы малочисленное войско Сверчовскаго одержало столько блистательныхъ побѣдъ надъ непріятелемъ, который превышалъ его численностью, по крайней мѣрѣ, въ двадцать разъ, но тѣмъ не менѣе вдается въ описаніе битвъ со всѣми подробностями, очевидно, вымышленными Горецкимъ.

Личность Сверчовскаго, по недостаточному развитію исторической науки въ XVI и XVII вѣкѣ, остается для насъ темною, и въ чомъ именно состояли подвиги козаковъ, помогавшихъ Ивонѣ, трудно сказать навѣрное. Знаемъ только, что козаки заняли, разграбили и до половины сожгли Бѣлгородъ на Днѣстрѣ, ибо на это указываетъ Ахматъ-чаушъ, пріѣзжавшій въ посольствѣ отъ султана на сеймъ 1575 года, и что, кромѣ того, разрушили

---

[1]) Имена эти, напечатанныя не совсѣмъ вѣрно полатыни, исправлены по хроникѣ Більскаго: а что Більскій, какъ современникъ похода, не ошибался, видно изъ того, что всѣ эти имена включены Напроцкимъ въ книгу его „Panosza" etc.

еще какіе-то за́мки, на что̀ жаловался польскому королю великій визирь въ Царьградѣ [1]).

Ивоня, такъ же какъ и Сверчовскій, заслужилъ у современниковъ славу героя. Ласицкій, описывая походъ Богдана, говоритъ, что Мелецкій устранялъ его вмѣшательство въ стратегическія распоряженія. Напротивъ Горецкій отводитъ Ивонѣ, въ своемъ повѣствованіи, широкое поле военной дѣятельности. Чтобы спасти сподвижниковъ (такъ объясняютъ его плѣнъ), онъ отдался въ руки туркамъ, но раздражилъ ихъ гордою рѣчью и былъ убитъ Капудъ-башею. Янычаре воткнули на копье голову Ивони, а тѣло растерзали, привязавъ между двухъ верблюдовъ. Такъ разсказываетъ въ своей реляціи Горецкій, и прибавляетъ, увлекаясь легендарнымъ духомъ времени, будтобы турки намазывали лезвея своихъ сабель кровью Ивони и давали ее лизать своимъ конямъ, прося Бога, чтобъ онъ вдохнулъ въ турецкое войско мужество молдавскаго господаря. Между тѣмъ по другимъ польскимъ сказаніямъ Сверчовскій, безъ всякихъ приключеній, былъ выкупленъ изъ плѣна родными.

[1]) Сказанія украинскихъ лѣтописцевъ о Сверчовскомъ, который у нихъ переименованъ въ Свирговскаго, а равнои напечатанная въ „Запорожской Старинѣ“ И. И. Срезневскаго пѣсня о немъ, подлежатъ еще разбору критики, которой предстоитъ много труда по очищенію лѣтописей украинскихъ отъ вымысловъ, а историческихъ пѣсень отъ подделокъ.

*

ГЛАВА III.

Необычайный татарскій набѣгъ и опустошеніе новозаселенныхъ земель.—Ропотъ на козаковъ между поляками.—Вопросъ о войнѣ съ турками и объ уничтоженіи козаковъ.—Отдѣленіе отъ нихъ козаковъ реестровыхъ.—Составные элементы козачества.—Новый походъ въ Молдавію.

Въ то время, когда козаки геройствовали и погибали въ Молдавіи, новый польскій король Генрихъ, узнавъ, что для него упразднился во Франціи престолъ, ушолъ изъ Кракова въ Парижъ. Все пришло въ безпорядокъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ отрозненной Руси. Шляхта занялась обычными своими сеймиками, на которыхъ каждая партія преслѣдовала собственныя цѣли; а коронное войско разъѣзжало по королевщинамъ и, подъ видомъ вознагражденія себя за недоплату жалованья, занималось грабежемъ. Воспользовавшись общимъ замѣшательствомъ, татары вторгнулись въ отрозненную Русь, и прежде чѣмъ коронный гетманъ, Язловецкій, узналъ объ ихъ набѣгѣ, увели 3.000 плѣнниковъ. Этотъ набѣгъ былъ только пробою. На другой годъ весною, когда Рѣчь-Посполитая всё еще волновалась по случаю безгосударнаго времени, татары предприняли набѣгъ всѣми своими силами. О приготовленіяхъ крымскаго хана къ походу знали. На избирательный сеймъ, происходившій въ маѣ 1575 года, не пріѣхалъ ни одинъ русскій магнатъ. Ожидали татаръ и готовились къ отпору.

Вскорѣ получены были вѣсти, что татары переправляются че-

резъ Днѣпръ. Коронный гетманъ послалъ къ днѣпровскимъ козакамъ освѣдомиться: много ли татарской силы? Козаки отвѣчали, что татары идутъ большою ордою: съ низовыхъ степей, давали они знать, набѣжало въ Украину звѣрей и налетѣло птицъ, испуганныхъ движеніемъ войска. Но орды появилось на русской, то-есть на правой сторонѣ Днѣпра, только 15.000. Она переправилась черезъ Днѣпръ немного ниже Кіева. Главное войско татарское раскинулось кочевьемъ по степи, а 15.000 пустились загонами на грабежъ и дошли до Константинова, города князя Острожскаго. Но противъ нихъ вышли 4.000 боевого народу подъ предводительствомъ кіевскаго и подольскаго воеводъ. Подоспѣлъ и сендомирскій воевода. Татары бѣжали въ разсыпную и очистили русскую сторону Днѣпра. Довольные своимъ подвигомъ, русскія ополченія разошлись по домамъ. Татары между тѣмъ условились съ молдавскимъ господаремъ, чтобы онъ пропустилъ ихъ черезъ свою землю въ польскія владѣнія, и въ сентябрѣ неожиданно вторгнулись въ Подолье изъ-за Днѣстра. Чтобы не встревожить край, татары, не жгли даже селъ. Днемъ и ночью шли они безъ отдыха, распуская хищные загоны во всѣ стороны. Наконецъ, расположась кошемъ у Тернополя, выжгли села и заполонили все живое до самого Львова, а оттуда, съ обычной своей быстротою, бросились на Волынь, обозначая свой путь пожарами. На пространствѣ 40 миль въ длину и 20 въ ширину, остались цѣлыми одни за́мки да панскіе дворы, въ которыхъ были пушки. Успѣхъ татарскихъ набѣговъ зависѣлъ отъ быстроты. Минуя крѣпкія мѣста, орда спѣшила набрать плѣнныхъ и захватить стада. Все, что̀ попало въ руки татаръ, соединили они у Тернополя, а оттуда двинулись къ Каменцу и переправились обратно черезъ Днѣстръ, который въ томъ году дотого высохъ, что даже овцы перешли въ бродъ. Современный лѣтописецъ Оржельскій насчитываетъ до 35.000 плѣнниковъ, уведенныхъ въ этотъ разъ татарами; лошадей угна-

но 40.000; рогатаго скота—до полумилліона, овецъ—безъ счету. Въ числѣ плѣнниковъ было много шляхты. Между прочими, татары захватили въ плѣнъ жену князя Богдана Рожинскаго, гетмана низовыхъ козаковъ, какъ титулуютъ его польскіе лѣтописцы, а мать убили. До сихъ поръ поютъ на Украинѣ сложенную въ то время думу:

Ой Богдане, Богдане, запорозькиї гетьмáне!
Ой чого жъ ты ходишъ въ чорнімъ оксамиті? [1])
Гей, були въ мéне гості, гості татарове;
Одну нічку ночували,
Стару́ неньку зарубали,
А милéньку собі взяли...

Далѣе дума говоритъ о безуспѣшной погонѣ за татарами; но едва-ли князь Рожинскій былъ въ то время на Украинѣ. По сказанію Більскаго, онъ отплатилъ татарамъ за набѣгъ набѣгомъ, въ которомъ козаки не щадили ни женщинъ, ни дѣтей, а потомъ, осаждая татарскую крѣпость на Днѣпрѣ, Асланъ-Городокъ, взлетѣлъ на воздухъ отъ неудачнаго подкопа. Никто не гнался за татарами. Прежде чѣмъ узнали о нихъ въ стратегическихъ пунктахъ, они пошли уже на уходъ. Скота угнали они такъ много, что нѣсколько тысячъ штукъ бросили по сю сторону Днѣстра. Отъ избытка ясыру освободились избіеніемъ старыхъ или неспособныхъ къ работѣ. Богатый край, незнавшій до тѣхъ поръ набѣговъ, остался безъ людей и безъ построекъ. Такъ какъ задолго передъ тѣмъ деревья были почти всюду вырублены на шляхетскіе дворы и мужицкія хаты, то Русь теряла и надежду когда-либо снова обстроиться. Паника разнеслась до Кракова и встревожила даже обитателей Великой Польши. Краковъ нѣ-

[1]) Оржельскій разсказываетъ, что послѣ татарскаго набѣга 1575 года, послы изъ русскихъ провинцій явились на сеймѣ въ траурѣ.

сколько дней стоялъ замкнутый; на башняхъ и стѣнахъ чередовались вооруженные отряды. Уѣхавшіе изъ города купцы разнесли тревогу до самой Вѣны. Когда истина наконецъ выяснилась, много было горя, говоритъ лѣтописецъ, но много и смѣху. Благочестивые люди приписывали общій страхъ Божьему допущенію.

О причинѣ татарскаго набѣга 1575 года ходили въ польскомъ обществѣ самые дикіе толки. Одни обвиняли короля Генриха, что будтобы онъ направилъ въ польскія владѣнія орду для того, чтобы не дать полякамъ избрать короля на свое мѣсто; другіе утверждали, что сами поляки призвали татаръ на грабежъ, лишь бы заставить пановъ, которымъ нравилось безгосударное время, рѣшить поскорѣе выборъ короля. Лѣтописецъ Більскій основательно приписываетъ бѣдствіе, постигшее Рѣчь-Посполитую, походу Сверчовскаго въ Молдавію. Козаки начали возбуждать въ обществѣ сильное неудовольствіе, и, по всей вѣроятности, съ этого уже времени явился въ Польшѣ вопросъ объ ихъ уничтоженіи. До тѣхъ поръ о нихъ можно было слышать только восторженные отзывы. Въ сочиненіи протестанта Эразма Гличнера о воспитаніи дѣтей, напечатанномъ въ Краковѣ 1558 года, говорится: „Школы или коллегіи очень похожи на жолнерство или козачество, о которомъ прилагаютъ попеченіе достойные и искусные люди, которые непріятелей-татаръ, грубыхъ варваровъ, побиваютъ и преслѣдуютъ, какъ то было прежде и теперь есть при Претвичѣ, князѣ Вишневецкомъ, Прокопѣ Сінявскомъ и другихъ, по истинѣ безупречныхъ и знаменитыхъ Геркулесахъ, у которыхъ заведены такія школы, какъ у насъ поляковъ или итальянцевъ, или нѣмцевъ, школы наукъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ школы нужны для ученія, такъ козаки—для обороны (границъ). Тогда только или до тѣхъ только поръ Польша будетъ процвѣтать, пока у нея будутъ добрые козаки. Кто хочетъ быть добрымъ воиномъ, пусть идетъ въ козаки; а кто желаетъ сдѣлаться

хорошимъ латинистомъ, пусть идетъ въ коллегію или въ школу“.

Послѣ татарскаго набѣга 1575 года, вмѣсто похвалъ, начали раздаваться обвиненія противъ козаковъ—не только въ томъ, что они накликаютъ на всю Польшу бѣдствія войны, но и въ томъ, что они умышленно пропускаютъ орду черезъ днѣпровскія переправы, чтобы потомъ отбивать у нея добычу. Шляхтичамъ, которые выставляли свои заслуги въ запорожскомъ войскѣ для покрытія прежнихъ проступковъ, государственные сановники отвѣчали словами короннаго гетмана, Яна Замойскаго: „Не на Низу ищутъ славной смерти, не тамъ возвращаютъ утраченныя права. Каждому разсудительному человѣку понятно, что туда идутъ не изъ любви къ отечеству, а для добычи“. А одинъ изъ польскихъ сенаторовъ, кіевскій бискупъ Верещинскій, въ 1583 году, высказался о козакахъ печатно слѣдующимъ образомъ: „Что̀ отецъ съ матерью собрали по грошу, наживая съ большимъ трудомъ за много лѣтъ имущество, то безразсудный сынокъ пропуститъ черезъ горло въ одинъ годъ, а потомъ, когда ужъ не откуда взять, боясь околѣть съ голоду, слышишь о немъ — или очутился на Низу и грабитъ чабановъ турецкихъ, или въ Слезинскомъ бору вытряхиваетъ у прохожихъ лукошки“. Словомъ—козакъ и мародеръ сдѣлались понятіями однозначащими. Вопросъ о томъ, воевать ли, или не воевать больше съ турками (а татары были послушнымъ орудіемъ турокъ), рѣшенъ былъ въ польскомъ обществѣ отрицательно. Поплатясь дорого за вмѣшательство въ молдавскія дѣла, сеймовые паны взвалили вину съ больной головы на здоровую, и оправдывали себя передъ обществомъ необузданностью козаковъ. Еслибы счастье благопріятствовало имъ въ задорѣ Турціи, козачество слыло бы у нихъ школою рыцарства; поворотъ судьбы въ противную сторону быстро низвелъ эту корпорацію на ступень разбойниковъ. Рѣшено было взять козаковъ, гдѣ бы они ни завелись, въ крѣпкія руки.

Мы видѣли, что еще въ 1568 году король Сигизмундъ-Августъ писалъ къ низовцамъ универсалъ, призывая ихъ въ пограничные зáмки, изъ которыхъ они выѣхали на Низъ безъ вѣдома украинскихъ старостъ, и повелѣвалъ имъ прекратить набѣги на улусы и кочевья подданныхъ турецкаго султана и перекопскаго хана. Этимъ набѣгамъ король приписывалъ вторженія орды въ Украину и въ болѣе внутренніе повѣты государства Польскаго, а потому повелѣвалъ козакамъ, оставивъ свои низовые притоны, возвратиться въ пограничные зáмки и города, и довольствоваться положеннымъ за ихъ службу жалованьемъ.

Ни воззванія короля, ни порицанія со стороны общества на козаковъ не дѣйствовали. Они вели войну съ турками и татарами ради славы и добычи, а каковы были послѣдствія ихъ подвиговъ для государства, — объ этомъ они, натурально, заботились еще меньше, чѣмъ пограничные представители центральной власти.

Въ то время крымскіе татары брали подарки и отъ короля польскаго, и отъ царя московскаго, за то, чтобы не воевать ихъ владѣній, а опустошать владѣнія ихъ противниковъ. Если ханъ ходилъ войною въ Москву, ему платилось денегъ больше; если не ходилъ—меньше. Обыкновенно посолъ съ королевскою данью отправлялся въ Черкасы и на походѣ хана мимо Черкасъ доставлялъ деньги въ его таборъ. Самъ турецкій султанъ считалъ хана состоящимъ на жалованьѣ у польскаго короля. Въ 1569 году писалъ онъ къ Сигизмунду-Августу: „Хотя ханъ и требуетъ отъ васъ прибавки жалованья, но вы давайте ему столько, сколько изстари давали; а онъ долженъ быть готовъ идти всюду, куда вы ему прикажете". По одинаковости положенія, московскій царь, съ своей стороны, подкупалъ хана, чтобъ онъ вредилъ Польшѣ. Въ сеймовой инструкціи послу 1568 года говорится: „Московскій тиранъ, котораго мы считаемъ варваромъ и глупцомъ, вездѣ устраиваетъ противъ насъ ковы. Своего и нашего сосѣда татарина, какъ голоднаго волка, онъ приласкалъ къ себѣ подарками,

дважды направилъ на опустошеніе нашихъ владѣній, обрушилъ на насъ бремя турецкой войны, а низовцовъ подучилъ вторгнуться въ Молдавію“ [1]).

Позаимствовавшись многимъ отъ татаръ, днѣпровскіе козаки усвоили себѣ и ихъ политику. Они служили тому изъ государей, который былъ къ нимъ щедрѣе. О связяхъ днѣпровскихъ козаковъ съ московскими воеводами мы уже знаемъ. Съ донскими козаками было у нихъ много общаго. Иногда переходили они на Донъ цѣлымъ кошемъ своимъ, и вмѣстѣ съ донцами пускались въ Азовское и Чорное море для военнаго промысла. Точно такъ и донцы нерѣдко гостили цѣлыми тысячами на Днѣпрѣ, и вмѣстѣ съ днѣпровцами занимались, какъ мирными промыслами, такъ и войною. Связи днѣпровскихъ козаковъ съ обитателями земель государства московскаго еще болѣе дѣлали для нихъ чужимъ польское правительство, которое, съ своей стороны, готово было отъ нихъ отчуждаться. Особенно стали въ Польшѣ смотрѣть на козаковъ изчужа во времена Стефана Баторія. Отправляя весною 1578 года посла Броневскаго въ Крымъ, Баторій написалъ ему въ инструкціи: „Если козаки нападутъ на татарскіе улусы, то это будетъ навѣрное безъ нашего вѣдома. Мы ихъ не только не желаемъ содержать, напротивъ, желали бы истребить; но у насъ въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ столько военной силы, чтобы совладать съ ними. Для достиженія этой цѣли, ханскій посолъ совѣтовалъ намъ, во первыхъ, запретить украинскимъ старостамъ давать имъ селитру, порохъ, свинецъ и съѣстные припасы; во вторыхъ, не дозволять козакамъ проживать въ украинскихъ селахъ, городахъ и зáмкахъ; и въ третьихъ, пригласить старшихъ козаковъ на королевскую службу. Попробуемъ, можно ли ихъ привлечь къ себѣ; но не ручаюсь за то, чтобы часть этихъ сорванцовъ не перешла къ московскому царю“ [2]).

---

[1]) Рукоп. библ. Красинскихъ въ Варшавѣ, fol A. I. 4, л. 40.
[2]) Тамъ же, л. 54.

Вслѣдъ за симъ Стефанъ Баторій пишетъ два универсала: одинъ къ украинскимъ старостамъ, а другой къ самимъ низовцамъ, какъ называли тогда козаковъ запорожскихъ.

Въ первомъ изъ этихъ важныхъ для нашего предмета документовъ, онъ упрекаетъ пограничныхъ старостъ въ томъ, что они дѣйствовали за-одно съ низовыми козаками, давали имъ у себя пристанище, помогали имъ людьми и снаряжали для походовъ въ турецкія владѣнія. „Не впервые уже (говорилъ король въ универсалѣ) я убѣждалъ пановъ старостъ не скрывать у себя низовцовъ и не снабжать ихъ порохомъ, свинцемъ и съѣстными припасами; но они меня не слушались, и тѣмъ навлекли со стороны татаръ опустошительный набѣгъ на пограничныя области. Въ послѣднее время ханскій посолъ прямо указывалъ, что предводители низовцовъ, Шахъ и Арковскій, зимовали—одинъ въ Немировѣ, а другой въ Кіевѣ, и при этомъ объявилъ, что никакіе подарки не будутъ достаточны для удержанія татаръ отъ набѣговъ, если козаки не перестанутъ безпокоить ихъ владѣнія. Въ такомъ положеніи дѣла (говорится далѣе въ универсалѣ) повелѣли мы Константину Константиновичу князю Острожскому, кіевскому воеводѣ, чтобъ онъ, исполняя свой договоръ съ перекопскимъ царемъ, двинулся къ Днѣпру и прогналъ оттуда разбойниковъ козаковъ, а кто изъ нихъ попадетъ ему въ руки, каралъ бы смертью. Всѣмъ же украинскимъ старостамъ повелѣваемъ содѣйствовать въ этомъ князю Острожскому и также ловить и карать смертью запорожцевъ, когда они разбѣгутся съ низовьевъ Днѣпра“ [1]).

Во второмъ универсалѣ, обращенномъ къ самимъ низовцамъ, король Стефанъ, называя ихъ запорожскими молодцами, выражалъ удивленіе, что они уже въ третій разъ, походомъ въ Молдавію, нарушаютъ мирный договоръ съ Турціею, и приглашалъ ихъ къ себѣ въ службу противъ московскаго царя, „гдѣ каждый

---

[1]) Тамъ же, л. 52.

добудетъ больше славы, чѣмъ въ Молдавіи". Потомъ онъ грозилъ имъ за непослушаніе лишеніемъ достоинствъ, жизни и имущества, и увѣрялъ, что Петръ Волошинъ, котораго они собирались вести въ Молдавію на господарство, вовсе не сынъ господаря Александра, а самозванецъ [1]).

Не извѣстно, каковы были дѣйствія князя Острожскаго въ этомъ случаѣ; но, какъ онъ вступилъ въ договоръ съ крымскимъ ханомъ противъ запорожцевъ, то становится понятно, почему козаки, рѣшась въ 1592 году обратить противъ панской силы свое оружіе, направленное до тѣхъ поръ противъ мусульманъ, пошли прежде всего разорять имѣнія кіевскаго воеводы.

Въ лѣтописи Бѣльскаго говорится, что когда король Стефанъ хотѣлъ-было истребить днѣпровскихъ козаковъ, они ушли въ московскіе предѣлы къ донскимъ козакамъ; что въ присоединеніи ихъ къ донцамъ король видѣлъ еще бóльшую для себя опасность, и что, вѣроятно, поэтому оставилъ ихъ въ покоѣ.

Принимая рѣшительныя мѣры къ уничтоженію козаковъ, польское правительство, въ томъ же году, увеличило свои военныя средства такъ-называемыми *выбрáнцами*. Сеймовымъ постановленіемъ 1578 года было опредѣлено: изъ городовъ, мѣстечекъ и селъ выбирать въ королевскую пѣхоту одного человѣка на каждые двадцать лановъ, или—что одно и тоже—изъ каждыхъ двадцати тяглыхъ жителей посполитаго званія. Выборъ долженъ былъ падать на самаго смѣлаго, достаточнаго и способнаго къ военной службѣ, но не иначе, какъ по добровольному его на то согласію. Обязанности выбрáнца состояли въ томъ, чтобы въ каждую четверть года являться къ своему ротмистру или его поручику на назначенное мѣсто съ собственною рушницею, саблею, топоромъ, съ порохомъ и свинцемъ, въ одеждѣ такого цвѣта, какой будетъ объявленъ; въ военное же время выбранцамъ назна-

[1]) Тамъ же, л. 103.

чено жалованье наравнѣ съ прочею пѣхотою. За свою службу освобождались выбранцы отъ всякихъ повинностей: чинша, лановой подати, извозовъ, подводъ и иныхъ тягостей, лежавшихъ на городскомъ и сельскомъ посполитомъ народѣ. Все это должны были отбывать за нихъ остальные девятнадцать тяглыхъ жителей. Выходитъ, что и все семейство выбранца, оставшееся на лану, освобождалось вмѣстѣ съ нимъ отъ государственныхъ повинностей [1]).

Этою общею для всего государства мѣрою, въ областяхъ, ближайшихъ къ вольнымъ степямъ днѣпровскимъ, старались уменьшить наплывъ за Пороги охотниковъ до козакованья. Людямъ, освобожденнымъ отъ повинностей и содержимымъ въ военное время на жалованьѣ отъ правительства, не было больше искушенія искать мирнаго заработка въ Великомъ Лугу, или военной добычи въ козацкомъ походѣ на татаръ и турокъ.

Кромѣ того, король Стефанъ Баторій велѣлъ составить реестръ козакамъ, которые имѣли свои осѣдлости въ украинскихъ королевщинахъ и изъявили согласіе находиться въ полномъ распоряженіи правительства. Этимъ способомъ козаки раздѣлились на *реестровыхъ*, или *городовыхъ*, и собственно, такъ называемыхъ, *запорожскихъ*, иначе—*низовыхъ* козаковъ. Чтобы уничтожить значеніе запорожской Сѣчи, какъ сборнаго мѣста для обсужденія войсковыхъ дѣлъ, и значеніе войсковой скарбницы, какъ склада оружія, козакамъ предоставлено было въ исключительное распоряженіе лежащее на Днѣпрѣ, выше Канева, мѣ-

[1]) Законъ 1578 года о выбранцахъ напечатанъ въ „Volumina Legum“ кратко, и развитъ только въ универсалѣ Стефана Баторія ко всѣмъ старостамъ и державцамъ, сохранившемся между рукописями варшавской библіотеки Красинскихъ (fol. A. I. 4, л. 104—105). Пісецкій, въ своей „Chronica Gestorum“ etc. (p. 44), говоритъ, что еще Сигизмундъ-Августъ permiserat delectum fieri ex colonis villarum Juris Regii, ut nimirum vigesimus quisque colonus pedes militaret. Но „Volumina Legum“, при повтореніи этого закона въ 1590 году, приписываютъ его королю Стефану.

стечко Трахтомировъ, съ древнимъ монастыремъ, для содержанія козацкихъ инвалидовъ, и съ приписанными къ нему землями, съ тѣмъ, чтобъ они содержали въ этомъ мѣстечкѣ свои рады и хранили военные припасы.

До сихъ поръ, кромѣ лѣтописей, мы не имѣемъ другого слѣда распоряженій Стефана Баторія относительно отдѣленія реестровыхъ козаковъ отъ запорожскихъ. Единственными подлинными свидѣтельствами этого событія служатъ покамѣстъ — упомянутая выше инструкція послу Броневскому, въ которой говорится о приглашеніи на службу лучшихъ козаковъ, да рукописный универсалъ Баторія къ низовцамъ отъ 17-го апрѣля 1579 года, въ которомъ онъ, повелѣвая имъ не помогать Волошину Лакустѣ, говоритъ: „Такъ какъ вы вступили въ нашу службу, то обязаны это исполнить, вѣрно служить намъ и Рѣчи-Посполитой, и во всемъ повиноваться нашему черкасскому старостѣ, подъ котораго начальствомъ состоите“ [1]). Въ бумагахъ временъ Баторія сохранилось указаніе на запасы сукна, которые онъ дѣлалъ для козаковъ около 1585 года. Бѣльскій, говоря о пребываніи короля Стефана во Львовѣ въ 1578 году, замѣчаетъ мимоходомъ, что онъ, усмиривъ немного козаковъ казнью Подковы, „поставилъ надъ ними гетманомъ Орышевскаго, нашего Правдича“ (то есть принадлежащаго, какъ и самъ лѣтописецъ, къ гербу Правдичъ). Все это подтверждаетъ, въ извѣстной степени, лѣтописное сказаніе о Баторіевской регуляціи козацкаго войска; но едва ли слѣдуетъ понимать эту регуляцію въ смыслѣ раздѣленія козаковъ на полки и проч., какъ объ этомъ распространяются украинскія лѣтописи, при молчаніи источниковъ польскихъ. Чтобы судить, что̀ значило для козаковъ самое постановленіе надъ ними гетмана, стоитъ только обратить вниманіе на то, какъ отвѣчалъ Баторій, въ 1579 году, татарскимъ посламъ, когда они жаловались

---

[1]) Рукоп. библ. Красинскихъ въ Варшавѣ, fol. A. I. 4, л. 297—8.

на козацкіе грабежи: „Это люди своевольные, и карать ихъ мудрено. Что могу сдѣлать, сдѣлаю“.

До временъ Баторія, званіе козацкаго гетмана принадлежало каждому, кто собиралъ вокругъ себя козаковъ для похода, или содержалъ ихъ въ видѣ охранной дружины при своемъ дворѣ. Такимъ образомъ одновременно встрѣчаются въ актахъ имена козацкихъ гетмановъ: Лянцкоронскаго, Вишневецкаго, Рожинскаго и другихъ, менѣе знатныхъ. Все это были королевскіе пограничные старосты, которые, для отраженія татаръ и для преслѣдованія ихъ на возвратномъ пути съ набѣга, входили въ разнообразныя условія съ воинственными пограничными жителями для козацкаго промысла. Ополченцы ихъ назывались козаками, въ смыслѣ добычниковъ, а сами они именовались гетманами, въ смыслѣ предводителей. Козаки, какъ сословіе, и даже какъ отдѣльная корпорація, въ украинскихъ городахъ еще не существовали [1]). На Запорожьѣ козакомъ назывался каждый, принятый тамошними „братчиками“ въ ихъ товарищество; въ городахъ это названіе опредѣляло характеръ жизни, но не права отдѣльныхъ лицъ или цѣлаго общества. Такъ въ наше время употребляется слово *чумакъ*, подъ которымъ разумѣется человѣкъ той или другой среды, вдавшійся въ извѣстный промыселъ. Впослѣдствіи уже, когда козачество заявило мысль о своемъ самоуправленіи, отрицая юрисдикцію старостъ, въ имѣніяхъ королевскихъ, и пановъ, въ такъ-называемыхъ волостяхъ,—жители городовъ начали выразительно дѣлиться на *мѣщанъ* и *козаковъ*. Тогда *послушными* стали называться собственно мѣщанскіе дома, а *непослушными*—козацкіе. Послушные мѣщане отбывали главную въ то время повин-

---

[1]) Указывать на изъятіе изъ-подъ власти старостъ Сигизмундомъ-Августомъ въ 1572 году, какъ на образованіе изъ нихъ отдѣльной военной корпораціи, нѣтъ основанія, потому что Стефанъ Баторій находитъ ихъ въ прежнемъ положеніи, „пробуетъ“ пригласить ихъ на королевскую службу и подчинить ихъ черкасскому старостѣ.

ность—военную службу, подъ предводительствомъ королевскихъ старостъ, а непослушные избирали себѣ предводителя вольными голосами; но тѣ и другіе такъ тѣсно соединены были между собою, что слово *козаки* въ оффиціальныхъ бумагахъ почти не употреблялось: администрація, можно сказать, знала однихъ мѣщанъ.

Такимъ образомъ начало козачеству дали украинскіе города, поставленные въ необходимость усвоять себѣ наѣздническіе обычаи для отраженія татаръ. Города эти населялись выходцами изъ сравнительно безопасныхъ мѣстъ, въ которыя, во времена такъ-называемаго татарскаго лихолѣтья, спасались жители днѣпровскихъ равнинъ. Главную массу новыхъ поселенцевъ украинскихъ, естественно, составляли люди русскіе. Но къ нимъ, по сказаніямъ современниковъ, примѣшивались и польскіе выходцы. Религіозность, столь тѣсно связанная въ XVI-мъ вѣкѣ, съ патріотизмомъ, внушала знатнымъ шляхтичамъ подвиги самоотверженія. По словамъ современнаго кіевскаго бискупа Верещинскаго, многіе изъ нихъ переселялись въ Украину съ цѣлью защищать христіянство отъ невѣрныхъ, во славу Божію и въ честь рыцарскаго имени, которое они носили; другихъ привлекало сюда желаніе отмстить татарамъ за гибель или плѣнъ своихъ родственниковъ; нѣкоторые оставляли Польшу съ „досады на новые обычаи, которые сосѣди перенимали отъ испорченныхъ нѣмцевъ". (Это значитъ—„испорченныхъ" реформаціею.) Вмѣстѣ съ ними (продолжаетъ Верещинскій) появились въ Украинѣ промотавшіеся богачи и тѣ, которые, родившись въ панскихъ домахъ, отрекались отъ шляхетства ради насущнаго хлѣба, которые были принуждены наниматься у мѣщанъ и поселянъ въ чернорабочіе [1]), а не то—промышлять разбоемъ и воровствомъ. Рядомъ съ роскошью, внутри польскаго края была

---

[1]) Шляхтичъ, очутившійся крамаремъ, мелкимъ торговцемъ, наймитомъ у простолюдина или хоть и у пана, но для чорной работы, или, наконецъ, ремесленникомъ, терялъ гербъ и дворянство.

тогда такая нищета, что многіе гербованные шляхтичи просили милостыни, а иные даже умирали съ голоду. Все это стремилось въ Украину по различнымъ побужденіямъ и, безъ сомнѣнія, много содѣйствовало первоначальному образованію козачества, въ которомъ религіозная задача спасать христіянъ изъ рукъ невѣрныхъ соединялась по самой необходимости съ жаждою добычи.

Въ составъ козачества входили еще такъ-называемые своевольные люди, которыхъ накопилось множество во всѣхъ провинціяхъ Польскаго государства, и въ особенности на Волыни. Это были убогіе шляхтичи, поступавшіе на службу къ болѣе богатымъ и бѣжавшіе отъ нихъ изъ чувства оскорбленной гордости, мести или страха кары. Судебные акты и частныя письма конца XVI и начала XVII вѣка (эпохи колонизаціи отрозненной Руси по образцу внутреннихъ провинцій государства) свидѣтельствуютъ, что почти всѣ владѣльцы крупныхъ имѣній въ пограничныхъ воеводствахъ дѣлали одинъ на другого непріятельскіе наѣзды. Мелкая война между панами чаще всего кипѣла на границахъ смежныхъ воеводствъ, какъ это показываютъ и многочисленныя коммиссіи, которыя назначались на сеймахъ для разграниченія обывателей воеводствъ: Русскаго, Бельзскаго, Подольскаго, Волынскаго и Кіевскаго. Слово *границиться* значило въ то время воевать. Безъ войны, ни одно, можно сказать, панское имѣніе въ землѣ Кіевской, на Волыни, на Подольѣ и въ Червоной Руси не вошло въ свои окончательно-опредѣленныя границы; а для войны панамъ необходимы были люди, готовые сражаться противъ кого угодно. Потребность эта создала въ пограничныхъ воеводствахъ многочисленный классъ такъ-называемыхъ панскихъ слугъ изъ неосѣдлой шляхты, которые были не что иное, какъ домашняя орда, перекочевывавшая изъ одного панскаго двора въ другой. Одни изъ нихъ служили въ высшихъ дворскихъ должностяхъ: были управителями имѣній, дворецкими, завѣдывали охотою, лошадьми и т. п.; другіе употреблялись только для

конвоя, для посылокъ и для войны; но вообще—это былъ классъ людей безнравственныхъ. Уцѣлѣло множество жалобъ на ихъ обманы и хищничество. Съ другой стороны, власть пана относительно слуги-шляхтича была, по закону и обычаю, такъ велика, что простиралась до тѣлеснаго наказанія; а нѣкоторые паны, пользуясь польскимъ или — чтò все равно — княжескимъ правомъ (jus polonicum, jus ducale), даже казнили смертью служившихъ у нихъ шляхтичей, какъ объ этомъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ извѣстный Альбрехтъ Радзивиллъ. Не удивительно, что шляхтичъ, принужденный къ службѣ у богатаго своего собрата бѣдностью, и руководясь только чувствомъ страха, пользовался первымъ удобнымъ случаемъ ограбить своего пана и бѣжать отъ него въ козацкое общество, въ которомъ не считались породою и не доискивались прежней жизни. Королевскій секретарь при Стефанѣ Баторіѣ, Гейденштейнъ, разсказываетъ, что, когда послѣ московской войны, коронное войско, было распущено, значительная часть его, состоявшая изъ людей, непривычныхъ къ труду и обыкшихъ жить добычею въ непріятельской землѣ, пошла въ козаки и увеличила ихъ силу. Извѣстно, что польскому войску почти никогда не доплачивалось жалованье; что жолнеры обыкновенно вознаграждали себя грабежемъ королевскихъ, панскихъ и духовныхъ имѣній, и что правительство объявляло ихъ за это банитами. Такіе-то люди изъ-подъ королевскаго знамени переходили подъ бунчукъ запорожскаго гетмана. Имъ труденъ былъ возвратъ въ прежнее состояніе; они всецѣло отдавались козацкой жизни и вносили въ нее все, чтò могло въ ней привиться. Поэтому-то, и именно по одному этому, дѣятельность запорожскаго войска имѣла уже и въ началѣ характеръ нѣкоторой враждебности относительно правительства. Сословной и національной вражды не было вовсе въ первобытномъ козачествѣ, такъ какъ не существовало ни вещественныхъ, ни нравственныхъ интересовъ, которые впослѣдствіи раздѣлили козаковъ и дворянство на два

враждебные лагеря. Козаки, какъ мы видимъ, дѣйствовали за-одно съ королевскими пограничными старостами — сперва явно, а потомъ, съ перемѣною государственной политики относительно Турціи, тайно. Запорожье было убѣжищемъ не одной черни, искавшей тамъ насущнаго хлѣба, но и людей знатныхъ, имѣвшихъ въ виду нравственныя, фамильныя или политическія цѣли. На различіе вѣроисповѣданій не обращалось вниманія, такъ точно, какъ и на различіе сословій. Цѣнились только боевое мужество и способность выдерживать походные труды.

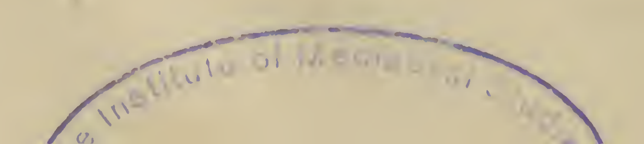
Кромѣ общаго козакамъ исканія добычи, у нихъ было общее стремленіе — противодѣйствовать туркамъ, какъ врагамъ христіянства, — стремленіе, усиленное самими обстоятельствами. Со времени подчиненія татаръ турецкому султану, ихъ набѣги на отрозненную Русь усилились. Этому, какъ уже сказано, способствовало, во-первыхъ, то, что торговля невольниками увеличилась по мѣрѣ развитія въ домашнемъ быту турокъ азіятской роскоши, а во-вторыхъ то, что турки, поселившіеся по Дунаю и подъ Очаковомъ, помогали татарамъ людьми и лошадьми въ ихъ набѣгахъ. Но была еще одна причина, именно: что султанъ, считая татарскіе улусы „оттоманскою землею", грозилъ полякамъ войною за нападеніе на эти улусы. Сигизмундъ-Августъ не нашолъ другого средства удерживать татаръ отъ набѣговъ, какъ платя имъ ежегодную дань въ 50.000 червонцевъ. Стефанъ Баторій увеличилъ эту дань 20-ю тысячами талеровъ, и старался направлять татарскія силы на Московское государство. Козакамъ ни до чего этого не было дѣла. Они помнили свои личныя обиды; у нихъ передъ глазамъ турки и татары уводили въ плѣнъ ихъ соплеменниковъ; со всѣхъ сторонъ до нихъ доходили слухи о страданіяхъ христіянъ отъ невѣрныхъ. Не ограничиваясь залеганьемъ на татаръ у переправъ черезъ рѣки и нападеніями на ихъ улусы, козаки воевали принадлежавшіе туркамъ низовые города и предпринимали походы въ Молдавію, гдѣ находили тѣхъ же турокъ. Не

только татары, находившіеся въ распоряженіи турецкаго султана, но и волохи, повиновавшіеся туркамъ, были, въ глазахъ козаковъ, непріятелями, которыхъ *руйнувати* и *плюндрувати* считали они своимъ рыцарскимъ долгомъ.

Въ 1577 году поднялъ ихъ противъ посаженнаго турками на Молдавское господарство Петра проживавшій между ними братъ покойнаго господаря Ивони. Онъ отличался необычайною силою, такъ что ломалъ подковы, и за это козаки, по своему обычаю, прозвали его Подковою. О покушеніи Подковы овладѣть господарскимъ престоломъ въ лѣтописи Бѣльскаго разсказано съ подробностями, которыя показываютъ, что авторъ повторилъ слова очевидцевъ событія. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что его дядя, Янъ Орышевскій, долго былъ у козаковъ гетманомъ, много разсказывалъ ему о Запорожьѣ и, конечно, возвратясь къ осѣдлой жизни шляхтича, не прерывалъ съ козаками пріятельскихъ сношеній [1]).

Волохи (говоритъ Бѣльскій), узнавъ, что Иванъ Подкова находится между запорожскими козаками, просили его, черезъ своихъ тайныхъ посланцовъ, поспѣшить на родину и занять послѣ своего брата господарскій престолъ, какъ законное родовое наслѣдство. При этомъ они жаловались на притѣсненія со стороны своего господаря, Петра, и окружавшихъ его турокъ. Подкова благодарилъ ихъ за расположенность, но ни на что не могъ рѣшиться, по недостатку средствъ. Тогда они прислали ему два письма со множествомъ печатей знатнѣйшихъ бояръ. Одно письмо было адресовано къ князю Константину Острожскому, кіев-

[1]) Предположеніе о непрерывности сношеній осѣдлой шляхты съ козаками подтверждается, между прочимъ, характеристическою рѣчью адвоката княгини Острожской, произнесенною передъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ въ 1553 году. Въ этой рѣчи князь Дмитрій Сангушко изображенъ пограничнымъ преслѣдователемъ татаръ. Когда татары бывали прогнаны осѣдлою шляхтою съ одной стороны, а низовыми козаками съ другой, у пановъ, подобныхъ Дмитрію Сангушку, завязывалась игра съ козаками въ карты и кости, результатомъ которой былъ выигрышъ не только отнятой у татаръ добычи, но и самихъ ордынцевъ, захваченныхъ козаками въ плѣнъ.

скому воеводѣ, а другое — къ барскому старостѣ. Бояре умоляли дать Подковѣ средства пройти только до Днѣстра, а тамъ они встрѣтятъ его въ назначенный день съ войскомъ. Съ этими письмами пріѣхалъ Подкова незамѣтнымъ образомъ въ Баръ и вручилъ ихъ старостѣ. Староста, въ тайной бесѣдѣ, сказалъ ему, что радъ бы былъ помочь козацкому походу, да боится раздражить короля, который строго наказалъ не нарушать заключеннаго съ турецкимъ султаномъ мирнаго договора. Онъ совѣтовалъ Подковѣ даже уѣхать куда-нибудь изъ Бара, чтобы слухъ о немъ не дошолъ въ Молдавію и не надѣлалъ тамъ тревоги. Подкова удалился въ болѣе уединенное мѣсто, какъ въ это самое время въ Баръ возвратился со степей одинъ изъ пограничныхъ пановъ, Станиславъ Копицкій. Узнавъ о Подковѣ, онъ поспѣшилъ съ нимъ увидѣться, поздравилъ его съ счастливою новостью и предложилъ свои услуги. Копицкій состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ козаками, съ которыми лѣтъ двадцать имѣлъ разнаго рода дѣла; онъ отправился къ нимъ и роздалъ между ними какія имѣлъ за свою службу деньги. Въ этомъ помогъ ему также и Волошинъ Чапа, который женился и жилъ въ Брацлавщинѣ. Стараніями ихъ обоихъ, собралось 330 отборныхъ козаковъ, надъ которыми гетманомъ былъ Шахъ. Они вмѣстѣ съ Подковою вторглись въ Молдавію; но, свѣдавъ, что господарь Петръ идетъ противъ нихъ съ большими силами и множествомъ пушекъ, отложили походъ до болѣе удобнаго времени, а теперь набрали только съѣстныхъ припасовъ и вернулись во-свояси.

Молдавскій господарь, Петръ, жаловался королю на вторженіе козаковъ во владѣнія султана, въ противность мирнымъ договорамъ, и грозилъ Польшѣ турецкою войною, если козаки не будутъ наказаны. Король сильно встревожился и немедленно написалъ къ коронному гетману и нѣкоторымъ изъ русскихъ пановъ, чтобъ они постарались поймать Подкову и другихъ бунтовщиковъ. Гетманъ двинулъ три роты, подъ начальствомъ своего

дворянина-слуги, Боболецкаго. Боболецкій поспѣшилъ въ Немировъ, гдѣ, по слухамъ, проживалъ Подкова, и дѣйствительно засталъ его въ этомъ городѣ. Но Подкова во-время узналъ о грозившей ему опасности и выѣхалъ изъ города въ сопровожденіи пятидесяти пѣшихъ козаковъ съ рушницами. Достигши какого-то брода, въѣхалъ онъ въ воду коню по брюхо и поставилъ впереди себя 50 пѣхотинцевъ съ рушницами. Боболецкій, прискочивъ къ броду и увидѣвъ Подкову, готоваго къ бою, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ напасть на него было трудно, вернулся въ Немировъ. Слѣдомъ за нимъ вернулся и Подкова. Боболецкій остановился въ зáмкѣ, Подкова — въ городѣ. Тутъ Боболецкій требовалъ отъ начальника города выдать ему Подкову; но тотъ отвѣчалъ: „Не могу я выдать его, но и не защищаю. Возьми самъ, если можешь“. Съ тѣмъ и уѣхалъ Боболецкій.

Тогда коронный гетманъ далъ знать королю, что настигнулъ Подкову въ Немировѣ, но что намѣстникъ брацлавскаго воеводы, Яна Збаражскаго, не захотѣлъ выдать его. Король послалъ къ воеводѣ, чтобъ онъ приказалъ выдать Подкову; но, пока коморникъ явился въ Немировъ съ приказаніемъ, на помощь къ Подковѣ опять пришолъ гетманъ Шахъ, уже съ шестью сотнями козаковъ, оставивъ четыре сотни на Низу. Подкова встрѣтилъ его на шляху, называемомъ Пробитымъ. Шахъ привѣтствовалъ Подкову, какъ молдавскаго господаря, и велѣлъ бить въ бубны. Козаки проводили Подкову до города Сороки. За Сорокою сперва признала его господаремъ чернь. Узнавъ объ этомъ, Петръ приготовился къ отпору и, когда козаки подошли къ Яссамъ, выступилъ на встрѣчу съ войскомъ, котораго у него было не мало. Произошла битва. Шахъ и Подкова остались побѣдителями. Петръ ушолъ къ своему брату, господарю Закарпатской Волощины, и оттуда отправилъ къ турецкому султану посольство съ жалобою на козаковъ, подданныхъ короля, и съ просьбою о помощи.

Между тѣмъ Шахъ возвелъ Подкову на господарство. Въѣхали козаки въ Яссы наканунѣ св. Андрея, 1577 года. Найдя тамъ плѣнниковъ, Подкова отпустилъ ихъ на волю, но взялъ выкупъ. Потомъ началъ раздавать важнѣйшія должности Шаху, Чапѣ и другимъ, а къ султану послалъ за господарскимъ знаменемъ. Но посолъ его схваченъ на дорогѣ; а тутъ на помощь прежнему господарю, Петру, двинулся къ Яссамъ братъ короля Стефана, господарь седмиградскій, Христофоръ. Подкова, видя, что не усидѣть ему на господарствѣ, взялъ изъ Яссъ 14 пушекъ да разныя цѣнныя вещи и, обезпечивъ себя съѣстными припасами, пошолъ въ обратный путь. Достигнувъ Сороки, держалъ онъ съ козаками раду, какъ имъ пройти на Запорожье. Идти степями было опасно, по причинѣ глубокихъ снѣговъ, а мимо Немирова — боялись короннаго гетмана и брацлавскаго воеводы, которые, по приказанію короля, старались изловить Подкову.

Коронный гетманъ, однакожъ, не дѣлалъ никакихъ военныхъ распоряженій, надѣясь добыть Подкову безъ кровопролитія. Когда козаки пришли въ Немировъ, брацлавскій воевода, Янъ Збаражскій, пригласилъ къ себѣ гетмана Шаха съ нѣсколькими козаками и убѣждалъ ихъ не нарушать мира съ турецкимъ султаномъ, а Подковѣ совѣтовалъ ѣхать къ королю и оправдать свой поступокъ. Такъ какъ онъ извѣстенъ своими рыцарскими доблестями, то король приметъ его благосклонно. При этомъ воевода предлагалъ проводить его лично къ гетману, а гетманъ провóдитъ его къ королю. Козаки передали это предложеніе Подковѣ. Тотъ охотно согласился и подарилъ воеводѣ 12 пушекъ, а 2 пушки подарилъ коронному гетману. Коронный гетманъ отправилъ его къ королю на сеймъ; но король Подковы не принялъ, велѣлъ посадить въ оковы и держать подъ крѣпкою стражею. Турецкій султанъ, чрезъ своего чауша, присланнаго на сеймъ, сильно домогался выдачи ему Подковы. Баторій считалъ такое требованіе для себя унизительнымъ, но, чтобы успокоить

султана, велѣлъ отрубить Подковѣ голову. По замѣчанію Більскаго, къ этой рѣшимости привело короля еще и то обстоятельство, что козаки, не покаявшись на Подковѣ, водили въ Молдавію тѣмъ же порядкомъ брата его, Александра, и еще разъ прогнали-было Петра съ господарства. Впрочемъ турки скоро ихъ разбили и многихъ привели плѣнными въ Царьградъ, а возведеннаго ими на престолъ Александра посадили на колъ.

ГЛАВА IV.

Воинственная, или русская часть польскаго общества, какъ защита колонизаціи. — Связи русскихъ пановъ-землевладѣльцевъ съ запорожцами. — Пребываніе владѣльца Злочова за Порогами. — Голодное скитанье по пустынямъ.

Несмотря на неудачи въ Молдавіи, отъ которыхъ терпѣли лично пограничные паны, и на затруднительное положеніе, въ какое они поставляли все государство задоромъ Турціи, не переставали они дѣлать новыя и новыя попытки къ господству надъ Молдавіею. Изъ писемъ разныхъ лицъ къ господарю Ивонѣ, попавшихъ въ руки великаго визиря, обнаружилось, что его подстрекали къ войнѣ съ турками и обнадеживали своею помощью, кромѣ другихъ лицъ, и такіе люди, какъ воевода сѣрадскій, Ласкій, и воевода кіевскій, князь Константинъ Острожскій. По смерти Ивони, двѣ сотни русскихъ смѣльчаковъ проникли въ глубину Молдавіи и увезли за Днѣстръ тестя Ивони, его жену и семь женъ другихъ молдавскихъ пановъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ захватили казну Ивони, изъ которой не былъ еще уплаченъ султану годовой харачъ. Вслѣдъ за тѣмъ предпринята была экспедиція Подковы. Казнь его не остановила вторженій въ Молдавію. Одни изъ пограничныхъ русскихъ пановъ ходили за Днѣстръ, безъ дальнихъ замысловъ, изъ любви къ козакованью; но нѣкоторымъ изъ нихъ постоянно грезилось господарское знамя молдавское, которое султанъ давалъ тому, кого, или по неволѣ, или

за деньги, признавалъ господаремъ Молдавіи. Тѣ и другіе искатели счастья были народъ отчаянный. Въ случаѣ ссоры за походъ съ королемъ, у котораго, какъ говорилось, мечъ былъ диненъ, мелкія личности готовы были спасаться бѣгствомъ на Запорожье и, бросивъ свои дворянскіе гербы, совершенно оказачиться, а другіе разсчитывали на помощь могущественныхъ пріятелей, которымъ было за обычай „отводить силою право“.

Кромѣ необузданнаго своеволія, произвольныя дѣйствія пограничныхъ пановъ объясняются еще—странно сказать, но такъ оно было — ихъ сознаніемъ независимости въ государствѣ, именуемомъ Рѣчью-Посполитою. Рѣчь-Посполитая была королевствомъ только по имени: въ сущности, она представляла федерацію областей, повѣтовъ и отдѣльныхъ панскихъ владѣній,—федерацію до такой степени свободную, что въ ней каждый панъ поступалъ, какъ самостоятельный государь. Въ описываемый нами періодъ, свобода дѣйствій развилась у пановъ до такой степени, что на избирательныхъ съѣздахъ, послѣ Генриха-Француза, они предлагали вовсе не избирать короля, а управлять государствомъ посредствомъ намѣстниковъ. Если, такимъ образомъ, каждый магнатъ въ отдѣльности преслѣдовалъ свои личныя выгоды, не обращая вниманія на интересы общіе, то тѣмъ болѣе подобная политика имѣла мѣсто въ областяхъ, которыя подчинялись особымъ условіямъ своего положенія. Собственно такъ-называемая тогда Польша, защищенная отъ татаръ и турокъ русскими областями, не видѣла ни необходимости, ни пользы въ военныхъ предпріятіяхъ. Все свое вниманіе обращала она на устройство доходныхъ имѣній и на политику, посредствомъ которой надѣялась достигнуть постояннаго мира. Героическій вѣкъ миновалъ для нея. Напротивъ, окраины государства, съ *тремя пустынями* между рѣками Днѣпромъ и Днѣстромъ [1]), пережи-

[1]) Такъ обозначенъ юговостокъ Польскаго государства въ мирномъ договорѣ съ турками 1575 года.

вали еще ту пору, которая у каждаго народа предшествуетъ высшему развитію культуры. Здѣсь никакой доходъ не получался безъ участія оружія; здѣсь, по выраженію современнаго поэта, „сабля приносила больше барышей, чѣмъ хозяйство“. Пограничные землевладѣльцы равнодушно относились ко всему, что̀ не давало боевой славы, и были убѣждены, что только посредствомъ войны можно было достигнуть прочнаго мира. Съ каждымъ годомъ подвигались русскіе колонисты всё далѣе и далѣе въ три великія пустыни, оспариваемыя у христіянъ мусульманами и, мечтая о рыцарской славѣ, съ пренебреженіемъ оглядывались на жителей внутренныхъ областей, которые мирныя занятія предпочитали кипѣвшей на пограничьѣ войнѣ. Геральдикъ Папроцкій, въ весьма рѣдкой нынѣ книгѣ своей „Panosza“ [1]), такъ обращается собственно къ польскимъ панамъ: „Я вижу, что, ища мира, вы погрязли въ ремеслахъ своихъ, такъ какъ вамъ пріятнѣе толковать о волахъ въ загонахъ, нежели о вѣчной славѣ въ потомствѣ. А я бы вамъ совѣтовалъ домогаться вѣчнаго мира съ турками и татарами саблею, а не бумагами“.

---

[1]) Въ одномъ изъ примѣчаній указанъ случай сожженія и перепечатки 20-ти листовъ изъ гербовника Папроцкаго, непріятныхъ нѣкоторыхъ магнатамъ, которыхъ предки оказались бурмистрами краковскими. Книга „Panosza to iest Wysławienie Panow *ruskich*“ никакъ не могла быть пріятна панамъ *польскимъ*, и, по всей вѣроятности, они скупали экземпляры ея по всей Польшѣ для сожженія, какъ это было дѣлаемо съ радзивилловскимъ переводомъ Библіи, съ нѣкоторыми томами изданія Догеля „Codex diplomaticus“ и другими книгами. Польская критика и въ наше время относится къ Папроцкому неблагосклонно. Оставляя безъ вниманія положеніе его въ обществѣ, она повторяетъ толки недовольныхъ имъ современниковъ о его продажности, жаждѣ корысти, низкопоклонничествѣ. Между тѣмъ онъ, при своихъ скудныхъ средствахъ, изъѣздилъ край, простиравшійся тогда на 250 миль, перерылъ домашніе, монастырскіе архивы и сохранилъ отъ забвенія много историческихъ свѣдѣній, а когда недовольные его изысканіями паны принудили его бѣжать изъ отечества, та же любознательность заставила ето странствовать по Силезіи, Моравіи, Богеміи. Проработавъ такъ всю жизнь, этотъ любознательный человѣкъ умеръ въ бѣдности, и только иностранецъ, современный ему богемскій историкъ, Бальбинусъ, представилъ въ истинномъ свѣтѣ трудную роль его, какъ собирателя историческихъ свѣдѣній. (Miscellanorum Hist. Regni Bohemiae decadis II, lib. I, p. 107).

Да, русскія земли Польскаго государства въ XVI вѣкѣ существенно отличались отъ земель польскихъ своею воинственностію. Изъ нихъ — это достойно замѣчанія — происходили всѣ коронные гетманы, присяжные хранители границъ Рѣчи-Посполитой, и онѣ не только служили для Польши щитомъ отъ татаръ и турокъ, — онѣ давали ей людей, которые одни поддерживали въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ мужественную простоту жизни, героизмъ и самопожертвованіе — условія независимости каждаго народа. Эта мысль весьма выразительно заявлена въ стихотворномъ обращеніи геральдика Папроцкаго „Къ полякамъ", напечатанномъ въ 1575 году.

„Не думайте (говоритъ Папроцкій), что я льщу русскимъ; я недавно еще живу между ними, и не съ ними воспитывался; но я тотчасъ оцѣнилъ ихъ славныя дѣла, которыя заслуживаютъ вѣчной памяти въ потомствѣ. Не одинъ разъ въ году эти достойные люди преслѣдуютъ татаръ и подвергаются опасностямъ войны. Какъ мужественные львы, охраняютъ они все христіянство: почти каждый изъ нихъ можетъ назваться Гекторомъ. Не имѣя отъ васъ никакой помощи, они доставляютъ вамъ такое спокойствіе, какъ откармливаемымъ воламъ. А вы, считая себя выше ихъ, выпрашиваете себѣ въ этихъ областяхъ имѣнія. Вы бы еще сами удѣлили имъ отъ своихъ избытковъ за то, что, по ихъ милости, наслаждаетесь такою безопасностію. Явите-ка вы здѣсь достойныя памяти дѣла, какія совершаютъ безпрестанно эти, можно сказать, святые люди. Кто въ наше время въ чомъ бы то ни было превзошолъ русака? Пошлете вы его въ посольство — онъ исполнитъ посольство лучше, нежели вы ему прикажете. Между русаками ищи полководца и хорошаго воина. Они съ неудовольствіемъ смотрятъ на ваши совѣщанія о мирѣ. И лучшаго коня, и лучшаго всадника добудешь на Руси. Даже нашъ Матушъ [1]) дѣлается здѣсь другимъ человѣкомъ. Не бродитъ онъ по

---

[1]) Игра словъ между *Матвѣемъ* и *матушкинымъ сынкомъ*.

лицѣ, не занимается драками. Изъ Матуша выходитъ здѣсь добрый воинъ, а панскій вашъ сынокъ превращается на Руси въ ротмистра или въ храбраго рыцаря. Но вы-то сами чѣмъ заслужили пожалованія вамъ имѣній въ этомъ краѣ? Видали ли вы обнаженный противъ себя мечъ—не среди улицы, а въ какой-нибудь знаменитой битвѣ? Выслушайте же мое мнѣніе. Неприлично мудрому человѣку домогаться чужого; не годится богатому пренебрегать убогимъ. У подолянъ не различишь, кто панъ, а кто слуга; нѣтъ у нихъ ни на грошъ гордости. Не носятъ они пестрыхъ одеждъ; они покрыты славою, которая дороже вашихъ нарядовъ. Слава этого народа распространена всюду, и останется за ними во вѣки вѣчные, *хотябы Польша и погибла*. Что̀ дѣлалъ Геркулесъ, который побивалъ гидръ и не щадилъ земныхъ боговъ, то на Руси съумѣетъ сдѣлать каждый. Сампсонъ разодралъ челюсти льву; подобные подвиги въ наше время русаку за обычай. Могущественный Турокъ разинулъ на насъ пасть, и храбрые русаки не разъ совали въ нее руку. Устремился бы онъ съ многочисленнымъ войскомъ въ Польшу, но останавливаетъ его русская сила. Бросаются русскіе въ пропасть войны, пренебрегая опасностями, и, когда совершатъ что-нибудь полезное, всѣмъ вамъ прибываетъ отъ того славы. Будьте же довольны славою, которую они добываютъ, хотя и нѣтъ васъ между ними въ походахъ; не посягайте на русскія имущества, если всякій разъ, когда надобно сражаться, вы сидите гдѣ-то въ лѣсу".

Кромѣ осѣдлыхъ дворянъ, изъ которыхъ каждый, при всякой тревогѣ, превращался въ воина, на Подольѣ стояла еще пограничная стража, состоявшая или изъ молодежи, не обремененной семейными заботами, или изъ холостяковъ и вдовцовъ, не расположенныхъ къ женитьбѣ. Эта стража была не что̀ иное, какъ домашніе козаки-дворяне, которые относительно козаковъ полевыхъ, или запорожскихъ, были почти то же, что̀ духовенство бѣлое относительно монашествующаго. Стоять на пограничьѣ зна-

чило — подвергаться опасностямъ, не отрекаясь отъ связей съ осѣдлымъ населеніемъ; удалиться на Запорожье значило — сверхъ опасности боевой жизни, подвергнуть себя еще и всевозможнымъ лишеніямъ. Папроцкій о подольскомъ шляхтичѣ Богданѣ, князѣ Рожинскомъ, „гетманѣ низовыхъ козаковъ", выражается, какъ о пустынникѣ: „Презрѣлъ онъ богатства и возлюбилъ славу защиты границъ. Оставивъ временныя земныя блага, претерпѣвая голодъ и нужду, стоитъ онъ, какъ мужественный левъ, и жаждетъ лишь кровавой бесѣды съ невѣрными".

Какъ низовые козаки, такъ и пограничная стража, имѣли въ виду одну цѣль — не допускать татаръ въ Украину и преслѣдовать хищниковъ, которые угоняли стада и захватывали народъ въ неволю. На Руси это было великою заслугою въ глазахъ общества. Безъ пограничной стражи, оно бы вѣчно должно было опасаться появленія татарской орды, и не могло бы заниматься никакими дѣлами. Еще король Сигизмундъ-Августъ опредѣлилъ четвертую часть королевскихъ доходовъ на содержаніе пограничной стражи. Стефанъ Баторій нанялъ на эти деньги 2.000 копейщиковъ и размѣстилъ ихъ, подъ именемъ подольскаго войска, въ тѣхъ пунктахъ, которые особенно были удобны для защиты отъ крымской и бѣлгородской орды. „Эти воины (говоритъ перемышльскій епископъ Пісецкій въ началѣ XVII-го вѣка) [1]) составляютъ главную силу польской конницы, и юношество наше, желающее посвятить себя военной службѣ, какъ-бы въ рыцар-

---

[1]) Хроника Пісецкаго доведена до 1648 года, но что это мѣсто было писано въ *началѣ* XVII-го вѣка, видно изъ его указаній на событія 1614—1616 годовъ, какъ на только-что случившіяся. Я пишу Пісецкій, а не Пясецкій потому, что онъ былъ русинъ и прозванъ по имени села *Піски* (т. е. пески); но, какъ слово *піски* противно духу польской фонетики (русинское слово *пісокъ* у нихъ — piasek; *піски* — piaski), то поляки и переименовали Пісецкаго въ Пясецкіе. Такой же случай (а ихъ безчисленное множество) представляетъ фамилія Пісочинскихъ въ кіевской Украинѣ, переименованная въ *Пясечинскихъ*. Исторія ревниво охраняетъ правду, какъ въ крупныхъ событіяхъ, такъ и въ самыхъ дробныхъ мелочахъ: жизнь дорога въ каждомъ своемъ проявленіи.

ской школѣ, проходитъ на пограничьѣ свой искусъ. Здѣсь-то оно постоянно упражняется въ битвахъ съ татарами; отсюда выходятъ самые мужественные люди, опытные ветераны для всѣхъ важныхъ военныхъ случаевъ". Молодой человѣкъ, не отвѣдавшій пограничной стоянки, считался въ польской Руси неопытнымъ и не имѣлъ ходу въ обществѣ. На пограничной службѣ завязывались у пановъ знакомства, которыми они пользовались впослѣдствіи, во время своей политической дѣятельности. Тамъ же развивался у нихъ и духъ личной самостоятельности, отличавшей польское общество. Пограничная служба, исполненная приключеній и опасностей, пріучала шляху къ отважной предпріимчивости, которая потомъ не знала предѣловъ. Здѣсь воспитывались характеры, вдохновлявшіе польское общество на такія широкія, хоть и мечтательныя, предпріятія, какъ завоеваніе Московскаго царства и устремленіе польско-московскихъ силъ противъ Турціи. Но здѣсь же получило свое начало и суровое рыцарство запорожское, отчуждавшееся польской государственной политики. Знатные паны возвращались изъ пограничной военной школы въ свои имѣнія, въ свои родственные круги и стремились къ центру шляхетской дѣятельности—королевскому двору, при которомъ каждый добивался — или государственной должности, или военнаго чина, или крулевщизны; напротивъ, мелкая шляхта, привыкши въ украинской службѣ къ широкому разгулу, къ простотѣ обращенія и къ убожеству быта, смѣнявшемуся случайнымъ достаткомъ, естественно тяготилась потомъ службою дворскою, гдѣ бѣдняку нечѣмъ было отличиться, и гдѣ за каждую смѣлую выходку противъ богатаго шляхтича грозила бѣда отъ его свиты. Эта шляхта охотнѣе оставалась на Украинѣ и, защищая границы, вела такую же козацкую жизнь вблизи окраинъ государства, какъ и низовое рыцарство—вдали отъ нихъ. Козаки-пограничники и козаки-низовцы находились въ постоянныхъ между собою сношеніяхъ и не разъ предпринимали

совмѣстные походы въ турецкія владѣнія. Часто во главѣ низовцевъ являлся русскій панъ, у котораго обыкновенно была собственная дружина, какъ на примѣръ князь Богданъ Рожинскій. Лучшіе люди между низовцами были извѣстны въ панскомъ пограничномъ обществѣ, и на оборотъ, представители воинственнаго дворянства русскаго пріобрѣтали популярность въ запорожскихъ куреняхъ.

Одною изъ личностей, характеризующихъ русскую шляхту XVII вѣка и ея отношенія къ низовымъ козакамъ, былъ владѣлецъ Злочова, въ Львовскомъ уѣздѣ, Самуилъ Зборовскій, младшій изъ шести сыновей краковскаго каштеляна, игравшихъ важную роль при избраніи на польскій престолъ Генриха-Француза и Стефана Баторія, vir animosus, какъ называютъ его современники, воспитанный въ войскѣ императора Максимиліана II. Гостя, вмѣстѣ съ братьями, при королевскомъ дворѣ, въ одной изъ обычныхъ въ то время схватокъ за оскорбленіе панской гордости, онъ убилъ каштеляна Ваповскаго, почти передъ глазами самого государя. По законамъ Рѣчи-Посполитой, онъ подлежалъ за это смертной казни, но спасся отъ нея заступничествомъ знатной родни. Правительство объявило его банитомъ, однакожъ безъ лишенія чести, что̀ строгимъ хранителямъ преданій показалось вреднымъ нововведеніемъ. Зборовскій, соединивъ вокругъ себя цвѣтъ пограничнаго рыцарства, служилъ при дворѣ седмиградскаго князя, Стефана Баторія, а по избраніи его на польскій престолъ, возвратился въ отечество. Все-таки приговоръ баниціи тяготѣлъ надъ нимъ. Онъ не могъ занимать никакой должности, и только обширныя связи съ аристократическими домами давали ему возможность являться безопасно въ публичныхъ собраніяхъ.

Такая жизнь томила Зборовскаго. Онъ придумывалъ разныя средства, какъ бы совершить нѣчто необыкновенное и тѣмъ возстановить потерянныя права свободнаго гражданина Рѣчи-По-

сполитой. Въ то время Стефанъ Баторій велъ ожесточенную войну съ московскимъ царемъ Іоанномъ Грознымъ и врѣзывался въ его государство съ запада. Зборовскій задумалъ вторгнуться въ московскія владѣнія съ юговостока.

На эту мысль навели его запорожцы, которые, прослышавъ о праздной жизни Самуила Зборовскаго и зная воинственный духъ его, обѣщали, черезъ своихъ пословъ, избрать его своимъ гетманомъ. Зборовскій отправилъ съ тѣми же послами подарки и деньги „запорожскимъ молодцамъ", и сталъ готовиться къ походу.

По вольности дворянства Рѣчи-Посполитой, приготовленія ко всякому подобному предпріятію дѣлались шумно. Скрываться было не отъ кого: паны не признавали надъ собой никакого контроля, особенно владѣльцы украинскихъ имѣній. Преувеличенные молвою слухи о задуманномъ Зборовскимъ походѣ въ степи расходились во всѣ стороны. Отъ крымскаго хана и молдавскаго господаря прибѣжали къ нему гонцы съ мирными предложеніями. Ханъ обѣщалъ выпросить ему у султана знамя, дававшее право на молдавское господарство, если онъ удержитъ запорожцевъ отъ вторженія въ Крымъ; а молдавскій господарь предлагалъ 500 коней, если онъ оставитъ въ покоѣ Молдавію. Зборовскій между тѣмъ списался съ однимъ изъ украинскихъ старостъ, который обѣщалъ выслать къ Днѣпру, на устье рѣки Псла, свою военную дружину, съ тѣмъ, чтобы по рѣкѣ Пслу идти соединенными силами къ пограничному городу Московскаго государства, Путивлю.

Походъ Зборовскаго на Запорожье описанъ однимъ изъ такъ-называемыхъ пріятелей дома Зборовскихъ, извѣстнымъ уже намъ Папроцкимъ, какъ можно думать, со словъ очевидцевъ. Мы приведемъ всѣ характеристическія черты записки Папроцкаго, напечатанной въ Краковѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ событія.

Весною 1583 года, Зборовскій, въ сопровожденіи 70 шляхтичей-слугъ и съ отрядомъ гайдуковъ, явился на берегахъ Днѣпра. Достигнувъ Канева, все общество сѣло на човны; лошади пошли берегомъ. Въ Запорожской Сичѣ узнали между тѣмъ, что Зборовскій уже на Днѣпрѣ, и выслали на встрѣчу ему пословъ, съ привѣтствіемъ и съ обѣщаніемъ гетманства. Зборовскій благодарилъ за оказанную ему честь и послалъ на Запорожье новые подарки.

Тутъ черкасскій староста пытался отвлечь запорожцевъ отъ Зборовскаго и приглашалъ подъ свое знамя, обѣщая имъ разныя награды отъ себя самого и отъ короля. Но запорожскіе молодцы предпочли вольнаго гетмана королевскому старостѣ и остались при Зборовскомъ.

Изъ Канева спустилась флотилія, мимо Черкасъ, къ устью рѣки Псла, куда, въ условное время, должна была приспѣть дружина пограничнаго старосты, съ которымъ Зборовскій намѣренъ былъ вторгнуться въ московскіе предѣлы. Но староста не сдержалъ своего слова.

Отложивъ походъ къ Путивлю до другого времени, Зборовскій поплылъ далѣе и остановился въ устьѣ рѣки Самары.

Бопланъ говоритъ, что эта рѣка весьма обильна рыбою, а окрестности ея такъ богаты медомъ, дичью и строевымъ лѣсомъ, что едва-ли какое-либо другое мѣсто можетъ съ ними сравниться. Козаки прозвали Самару Святою рѣкою и впослѣдствіи сильно отстаивали у правительства право на свободное владѣніе ея берегами. Зборовскій засталъ на Самарѣ 200 такъ-называемыхъ рѣчныхъ или водныхъ козаковъ, которые находились подъ начальствомъ особаго отамана и занимались исключительно рыболовствомъ да охотою. Шкуры звѣрей обращали они въ собственную пользу, а съѣстное отсылали за Пороги, гдѣ кочевали козаки-воины.

Отъ этихъ рѣчныхъ или водныхъ козаковъ поплылъ Зборов-

скій далѣе, къ Порогамъ. Переправа черезъ Пороги была дѣломъ труднымъ и опаснымъ. Одни низовые козаки обладали искуствомъ спускать човны съ ревущихъ каскадовъ. Спутники Зборовскаго не безъ страха рѣшились на дальнѣйшее плаваніе. Когда флотилія очутилась между Порогами, такъ что возвратное плаваніе было для нея уже невозможно, а впереди лежалъ самый опасный изъ пороговъ, Ненасытецкій, — она наткнулась на засаду.

Запорожскіе козаки подозрѣвали, что Зборовскій съ своими гайдуками посланъ противъ нихъ королемъ. Не вѣрилось имъ, чтобы знатный панъ, не знавшій никогда нужды, обрекъ себя на козацкую жизнь, исполненную лишеній; да и могъ ли онъ вытерпѣть все, что терпятъ козаки? И зачѣмъ онъ привелъ столько гайдуковъ? Сообразивъ дѣло по-своему, запорожскіе молодцы рѣшились истребить опасныхъ гостей своихъ. Но Зборовскій умѣлъ ихъ увѣрить, что онъ прибылъ къ нимъ, какъ товарищъ, по приглашенію ихъ же пословъ, и что всѣ его спутники готовы дѣлить съ ними добро и худо по-ровну. Запорожцы успокоились и, какъ гребцы у Зборовскаго были люди новые, то они дали ему 80 козаковъ, которые бы переправили его черезъ остальные пороги. Но нѣсколько товарищей Зборовскаго, испуганные прежнею переправою, не отважились на новыя опасности и предпочли возвратиться сухимъ путемъ домой.

Переправы тутъ могли быть лишь предлогомъ. По всей вѣроятности, Запорожье, съ убогимъ кочевымъ бытомъ и дикими нравами козаковъ, показалось шляхтѣ далеко не тѣмъ, чѣмъ представлялось издали.

Зборовскій, съ остальною дружиною, прошолъ благополучно черезъ всѣ пороги и увидѣлъ передъ собой славный островъ Хортицу. Объ этомъ островѣ говорили тогда всюду, какъ о первоначальной Запорожской Сѣчѣ. Еще свѣжи были преданія о князѣ Димитріи Вишневецкомъ, тому назадъ около 20-ти лѣтъ

замученномъ въ Царьградѣ, и провожатые Зборовскаго, безъ сомнѣнія, спѣли ему пѣсню про козака Байду, которая уцѣлѣла до нашего времени въ устахъ народа, а можетъ быть и еще нѣсколько, до насъ не дошедшихъ.

Расположась тутъ на отдыхъ, Зборовскій замѣтилъ въ степи одинъ изъ тѣхъ татарскихъ разъѣздовъ, о которыхъ разсказываетъ Бопланъ, описывая свое пребываніе у Пороговъ. Такіе разъѣзды безпрестанно появлялись и исчезали у козацкихъ кочевьевъ, слѣдя за движеніями козаковъ и пользуясь ихъ оплошностью. На сей разъ татары не могли ничѣмъ поживиться, и исчезли изъ виду, боясь въ свою очередь преслѣдованія.

Послѣ ночлега на островѣ Хортицѣ, Зборовскій пустился далѣе внизъ по Днѣпру. Вскорѣ путники встрѣтили тучу саранчи, отъ которой пало у нихъ до трехсотъ лошадей и много народу попухло.

Но вотъ, на встрѣчу гостямъ, выплыло отправленное изъ Сѣчи посольство съ поздравленіемъ. Старшій изъ пословъ держалъ Зборовскому рѣчь: выразилъ радость, что козаки видятъ его у себя за Порогами, и желаніе успѣха въ войнѣ съ невѣрными, а за козаковъ ручался, что они будутъ ему повиноваться, не щадя своей жизни. Зборовскій отвѣчалъ также приличною случаю рѣчью, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ поплыли къ Запорожской Сѣчѣ, которая находилась тогда при впаденіи рѣки Чертомлыка въ одинъ изъ днѣпровскихъ рукавовъ. Въ Сѣчѣ приняли гостей съ шумною радостью. Зборовскій тотчасъ былъ объявленъ гетманомъ, при стрѣльбѣ изъ ружей, а на слѣдующее утро собралась рада, въ которой, послѣ торжественныхъ рѣчей съ одной и другой стороны, вручена была гетману булава. Въ рѣчи своей козаки выразили, между прочимъ, удовольствіе, что имѣютъ въ своемъ кругу такого знатнаго пана, но тутъ же прибавили: „Впрочемъ это у насъ послѣднее дѣло: у насъ цѣнятся выше всего дѣла и мужественное сердце. Много мы наслышались о

тебѣ отъ сосѣднихъ народовъ и отъ собственныхъ братій (говорили козаки): знаемъ, что Богъ всегда помогалъ тебѣ противъ каждаго твоего непріятеля".

Зборовскій, принявъ знакъ гетманской власти, говорилъ рѣчь въ запорожскомъ духѣ; увѣряя, что пріѣхалъ не для господства надъ такимъ мужественнымъ и славнымъ войскомъ, а для того, чтобы дѣлить съ нимъ добро и худо, назвалъ себя младшимъ между козаками и обѣщалъ слѣдовать разумнымъ ихъ совѣтамъ. Смиренный тонъ былъ здѣсь тѣмъ болѣе необходимъ, что козаки жаловались на неблагодарность польскихъ пановъ, не умѣвшихъ цѣнить ихъ заслуги.

Первымъ вопросомъ, который предложили запорожцы Зборовскому, было: въ какой походъ онъ ихъ поведетъ? Зборовскій показалъ имъ письмо крымскаго хана, который обѣщалъ выхлопотать ему у султана молдавское господарство. Не противились этому низовые братчики (любили они гостить въ Волощинѣ) и помогли своему гетману снарядить къ хану посольство. Зборовскій поручилъ посланцамъ назначить мѣсто, на которомъ бы онъ могъ съѣхаться съ ханскими послами только въ числѣ десяти лошадей. Очевидно, ему не хотѣлось имѣть свидѣтелей своихъ переговоровъ съ татарами. Выбрано было для этого урочище Карайтебекъ, гдѣ обыкновенно происходили торги между козаками и татарами.

Ханъ Магметъ-Гирей выслалъ на условленное мѣсто блестящее посольство съ подарками, состоявшими изъ 12 коней, богато осѣдланныхъ, и изъ трехъ парчевыхъ жупановъ. При этомъ было оказано Зборовскому величайшее по мусульманскому обычаю благоволеніе: ханъ именовалъ его своимъ сыномъ. Послы тутъ же, въ полѣ, надѣли на него одинъ изъ ханскихъ жупановъ и обѣщали ему молдавское господарство, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ дождался султанскаго рѣшенія на Днѣпрѣ, удерживая козаковъ отъ нападеній на татарскія села.

Зборовскій не столько жаждалъ господарства, сколько похода въ Московскую Землю, на помощь Баторію, и просилъ у хана войска. Ханъ отвѣчалъ черезъ пословъ, что не сдѣлалъ бы того для самого короля, что̀ готовъ для него сдѣлать, но что въ это самое время получилъ отъ султана повелѣніе выступить вмѣстѣ съ нимъ въ походъ противъ персовъ.

Зборовскій, отчаявшись сослужить службу Баторію, рѣшился пріобрѣсть благосклонность султана. Онъ объявилъ ханскому послу, что поведетъ запорожцевъ слѣдомъ за татарами въ Персію, лишь бы только Магметъ-Гирей выслалъ къ нему съ мурзами мусталика, или поручителя, который бы торжественно поклялся, что татары не погубятъ его въ этомъ походѣ ни отравою, ни другою смертью. Черезъ недѣлю онъ условился съѣхаться опять съ ханскимъ посольствомъ, не вдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ они теперь съѣхались.

Но Зборовскій не понималъ всей трудности новаго своего предпріятія. Запорожцы привыкли воевать невѣрныхъ. Въ этомъ они полагали всю свою славу, всю свою заслугу передъ христіянствомъ. Если когда-либо козакъ задумывался о спасеніи своей души, то не иначе могъ вообразить ее помилованною, какъ ради того вреда, который онъ причинялъ туркамъ и татарамъ. Многіе изъ козаковъ побывали у турокъ въ неволѣ, гдѣ ихъ приковывали къ весламъ на такъ-называемыхъ галерахъ-каторгахъ и принуждали къ безпрестанной работѣ ударами лозой по обнаженнымъ плечамъ. Другіе, не испытавъ этой муки сами, видѣли ее на товарищахъ, во время нападенія на галеры съ цѣлью поживы и освобожденія своихъ братій. Въ Сѣчь безпрестанно возвращались бѣжавшіе изъ Турціи и Крыма плѣнники съ новыми и новыми разсказами о несчастныхъ своихъ товарищахъ, томившихся въ неволѣ. Цѣлыя поэмы, изъ которыхъ нѣкоторыя дошли до насъ, складывались кобзарями изъ этихъ разсказовъ, для того чтобы еще сильнѣе разжигать въ козацкихъ сердцахъ жажду от-

мщенія невѣрнымъ [1]). И, послѣ всего этого, козакамъ предлагаютъ воевать въ пользу невѣрныхъ!

Со стороны Зборовскаго такой шагъ былъ крайнимъ легкомысліемъ. Но тогда въ правительственныхъ кругахъ польской аристократіи было распространено убѣжденіе въ необходимости ладить съ турками. Зборовскій, при всей своей воинственности, возбуждаемой честолюбивыми планами, поддавался вліянію панской среды. Что̀ касается до козаковъ, то онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на толпу, жаждущую одной добычи, какъ на орудіе, которое

---

[1]) Обычай воспѣвать подвиги славныхъ воиновъ и трогательныя приключенія военныя былъ въ тѣ времена распространенъ въ славяновенгерскихъ земляхъ и въ самой Турціи. Стрыйковскій сообщаетъ объ этомъ, въ качествѣ бывалаго человѣка, слѣдующія интересныя подробности.

„... w Ateńskim i naukami rozmaitymi i wojnami... sławnym mieście i w Sparcie... ten zwyczaj świątobliwie zachowywano, iż... po odprawieniu obrzędów pogrzebowi służących tedy najstarsze i najzacniejsze xiąże z senatu przed zgromadzeniem ludu wszystkiego długą i ozdobną rzecz czyniło o onego rycerza zasłużonych sprawach... i pieśni o takich mężach składano, które przy biesiadach i po ulicach pospolicie śpiewywano, wychwalając dzielność mężów pobitych. A ten zdawna sławnie wzięty obyczaj i dziś w Greciej, w Aziej, w Franciej, w ziemi Multańskiej i Siedmigrodzkiej, w Wołoszech, w Węgrzech i w inszych krainach zachowują, jakom się sam temu przypatrzył i własnymi uszami nasłuchał, iż pospolicie na każdych biesiadach, a w Turczech na ulicach i na bazarach, pospolitych rynkach, zacnych ludzi dzieje składnymi wierszami śpiewają, przy skrzypcach, które Serbskimi zowiemi, lutniach, kobzach i arfach, z wielką pociechą ludu pospolitego, xiążąt i rycerzów zacnie przeważnych spraw słuchającego. A u Turków o najmniejszej potrzebie i bitwie z chrześcijany zaraz pieśni ludzie na to z skarbu cesarskiego opatrzeni składają, jakoż i przy mnie w Konstantynopolu, gdy Tunis i Goletę roku 1574 pod Hiszpany w Afryce wzięli, wszędzie po ulicach Tureckim i Sławianskim językiem i ubodzy w karwasserach, domach gościnnych, piękne pieśni krzykliwym głosem o mężnym dokazywaniu Janczarów szturmujących i przeważnej światłości Bassów, Sendziaków, Czauszów i Spachiów śpiewali. Co też i o Matiaszu walecznym królu Węgierskim kroniki świadczą, iż zawżdy przy stole miewał śpiewaków i poetów, którzy historje mężów zacnych, jako przeciw Turkom pokazywali, wierszem po węgiersku ułożone śpiewali, przy inszej muzyce, aby się żołnierze jego tym więcej do cnoty zapalali, spodziewając się, iże też tak o nich miano śpiewać, z więtszym pożytkiem i uczciwością niż u nas sprosne ryfmy hucząc za kuflem“. (Kronika Polska, Litewska etc., poświęcenie.)

можно направить въ ту или другую сторону, — смотрѣлъ обыкновеннымъ взглядомъ польскихъ политиковъ, и ошибался, какъ всѣ поляки-государственники. Борьба козаковъ съ мусульманскимъ міромъ, при всей своей неправильности, принимала, что дальше, бо́льшіе и бо́льшіе размѣры. Постоянство этой борьбы, равнодушіе къ потерямъ во время неудачныхъ походовъ, возрастающая энергія новыхъ и новыхъ предпріятій въ одномъ и томъ же направленіи — не могутъ быть объяснены только жаждою добычи. Это было одно изъ тѣхъ стремленій, которыя образуются съ образованіемъ самого народа и становятся задачею его существованія. Но, видя передъ собой сбродъ банитовъ-шляхтичей, промотавшихся пановъ, всесвѣтныхъ скитальцевъ-добычниковъ и толпу своевольной украинской черни, Зборовскій не могъ сомнѣваться, что для этого отвергнувшаго гербы и вовсе негербованнаго народа всего важнѣе грабежъ и добыча, — будетъ ли то въ Молдавіи, въ Московскомъ царствѣ, или въ Персіи. Изъ частныхъ явленій козачества онъ, подобно нѣкоторымъ историкамъ составилъ себѣ понятіе общее. Мы сейчасъ увидимъ, какъ онъ ошибся.

Войско Запорожское стояло тогда кошемъ въ числѣ трехъ тысячъ братчиковъ. Когда гетманъ сообщилъ ему о своемъ намѣреніи идти вмѣстѣ съ ханомъ въ Персію, — только часть козаковъ согласилась на этотъ походъ; другіе заглушили его голосъ криками: „Да вѣдь это невѣрные собаки! Никогда они не держатъ своего слова. И тебя обманутъ, и насъ погубятъ“.

Ночью между козаками поднялось необычайное волненіе. Зборовскій не зналъ, что̀ съ ними дѣлать. Самая жизнь его была въ опасности. Имѣя на своей сторонѣ ту часть запорожскаго войска, для которой дѣйствительно не было въ жизни другой цѣли, кромѣ добычи, Зборовскій рѣшился застращать остальныхъ и послалъ въ шумящіе козацкіе круги своего поручика съ приказомъ—успокоиться немедленно, иначе — онъ ударитъ на нихъ прежде, не-

жели на другого непріятеля. Но большинство, не желавшее служить невѣрнымъ въ персидскомъ походѣ, имѣло своихъ вожаковъ, которые никогда не уклонялись отъ главной цѣли козачества. Собралась рада; гетманъ былъ объявленъ измѣнникомъ и приговоренъ къ смертной казни, по запорожскому обычаю. Опредѣлено было насыпать ему въ пазуху песку и бросить въ Днѣпръ. Зборовскій былъ принужденъ смириться. Довѣрчиво явился онъ въ разъяренный козацкій кругъ и покорною рѣчью обезоружилъ демократическую завзятость. Тѣмъ не менѣе въ продолженіе цѣлой ночи шли у него споры и переговоры съ козаками. У нихъ, какъ обыкновенно бывало въ такихъ случаяхъ, явился уже избранный большинствомъ голосовъ отаманъ, представитель общей мысли, охватившей военное братство. Зборовскій призвалъ его къ себѣ и сказалъ: „Никого я не принуждаю къ походу въ Персію. Кому охота—ступай со мною, а кто не хочетъ—оставайся на Днѣпрѣ. Объ одномъ только прошу тѣхъ, которые останутся: не нападать въ мое отсутствіе на татаръ, потому что этимъ они обидѣли бы короля и Рѣчь-Посполитую, да и голова моя тогда была бы въ опасности у хана“.

Между тѣмъ прибылъ отъ хана требуемый поручитель, или мусталикъ. Въ знакъ радости о предложеніи Зборовскаго, ханъ снарядилъ своего мусталика необычайно пышно: явился онъ въ сопровожденіи отряда конницы въ тысячу человѣкъ, нѣсколькихъ сотень мурзъ и толпы пѣшаго народа. Остановясь въ условленномъ мѣстѣ среди степи, мусталикъ выслалъ къ Зборовскому на кошъ триста мурзъ съ приглашеніемъ поспѣшить выступленіемъ въ походъ.

Козацкій кошъ продолжалъ шумѣть и волноваться. Одни были готовы, другіе не хотѣли идти въ Персію. Мусталикъ объявилъ Зборовскому, что ханъ уже не думаетъ о козацкомъ войскѣ, лишь бы только его „сынъ“ находился при немъ, и просилъ поспѣшить пріѣздомъ. Преданные Зборовскому козаки со слезами умоляли

его не ѣхать и предсказывали ему гибель. Онъ оставался равнодушенъ къ ихъ просьбамъ: ему хотѣлось видѣть глубокую Азію и изучить способъ тамошней войны. Сборы къ походу были не долги; онъ велѣлъ подать себѣ коня. Но случайное обстоятельство не дало осуществиться намѣренію странствующаго шляхтича-рыцаря. Конь, подведенный ему мурзами, оказался слишкомъ горячимъ. Зборовскій, чувствуя себя очень усталымъ послѣ долгихъ тревогъ и хлопотъ, просилъ дать болѣе смирнаго. Бросились мурзы искать ему коня, а онъ расхаживалъ между тѣмъ взадъ и впередъ, въ полномъ походномъ нарядѣ, съ сагайдакомъ черезъ плече, съ саблею у пояса и проч. Тогда поваръ его, Михайло, сказалъ ему со слезами: „Пане мой! вѣрно, я уже тебя больше не увижу. Есть у меня хорошая щука; покушай на дорогу". Зборовскій, проголадавшись во время жаркихъ переговоровъ съ козаками, согласился и пошолъ въ палатку ѣсть, а между тѣмъ привели ему другого коня. Не садясь на коня, Зборовскій требовалъ, чтобы мурзы поклялись въ его безопасности. Мурзы сказали, что это—дѣло мусталика. Вдругъ козаки подхватываютъ своего гетмана на руки, окружаютъ густою толпою и уносятъ на плечахъ къ човнамъ. Сѣвши въ човны, давай стрѣлять по мурзамъ! Тѣ разбѣгаются, а козаки, отчаливъ отъ берега, весело повезли Зборовскаго къ своему войску въ Січь. Тамъ отъ радости, что его видятъ, начали запорожцы свои военныя игры, стрѣляли изъ ружей, пѣли пѣсни, играли на кобзахъ и проч.

Въ это время козацкій разъѣздъ привелъ нѣсколько невольниковъ, которые ушли изъ Крыма. (Были тогда жнива, самое благопріятное время для бѣгства невольниковъ). Они донесли гетману, будтобы слышали еще на мѣстѣ отъ мурзъ, что ему готовилась неволя у крымскаго хана, еслибъ онъ дался въ обманъ, а спутниковъ его ханъ посадилъ бы на колья передъ перекопскими воротами. Это, конечно, была выдумка; но она подѣйствовала на запальчивый характеръ Зборовскаго. Недавно самъ онъ

готовъ былъ участвовать въ персидскомъ походѣ; теперь рѣшился ему противодѣйствовать, не допуская татарскихъ отрядовъ соединиться съ главнымъ ханскимъ войскомъ. Ханъ умиротворилъ его новымъ посольствомъ и подарками, назначенными для раздачи между козаками. При этомъ еще разъ обѣщалъ выпросить для него у султана молдавское знамя, если онъ удержитъ козаковъ отъ набѣговъ.

Отпустивъ ханскаго посла, Зборовскій размышлялъ, что̀ ему дѣлать. Онъ ошибся въ своемъ разсчетѣ на вторженіе въ Московское царство; не удалось ему побывать и въ Персіи, что̀ не мало придало бы ему значенія между бывалыми рыцарями-панами. Оставалось довольствоваться пріобрѣтеніемъ популярности между запорожцами.

Домъ Зборовскихъ въ это время спорилъ о первенствѣ съ коронпымъ гетманомъ и канцлеромъ, Яномъ Замойскимъ. Король, не смотря на то, что былъ обязанъ своимъ избраніемъ партіи пановъ Зборовскихъ, приблизилъ къ себѣ, больше нежели кого-либо изъ нихъ, ученаго и талантливаго Замойскаго. Это было тяжкимъ ударомъ для ихъ честолюбивыхъ разсчетовъ; они составляли интриги противъ короля и его любимца канцлера, вездѣ искали себѣ сторонниковъ, готовились къ вооруженной борьбѣ за обладаніе Польшею и, между прочимъ, старались расположить къ своему дому запорожцевъ. Самуилъ посылалъ изъ Сѣчи посланцовъ къ своему брату, Христофору, который, въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ, сожалѣлъ, что не успѣлъ сообщить ему шифрованной азбуки. Много у него было такого, „что̀ было бы не безопасно ввѣрить бумагѣ“. Онъ позволялъ себѣ только роптать на короля за то, что не снимаетъ съ брата баниціи и не даетъ Зборовскимъ возвыситься надъ прочими; называлъ его идоломъ Валомъ, считалъ недостойнымъ имени короля и грозилъ соединеніемъ противъ него многихъ пановъ за униженіе ихъ достоинства. О поѣздкѣ на Запорожье Христофоръ писалъ Самуилу, что

не слѣдовало бы ее предпринимать, между прочимъ, потому, что враги повредятъ ему толками о турецкой войнѣ; но что, очутясь между козаками, надобно всячески расположить это „рыцарство" въ пользу дома Зборовскихъ, отъ чего будетъ зависѣть многое. Впрочемъ умолялъ, какъ можно скорѣе, возвращаться домой, гдѣ Самуилъ былъ крайне нуженъ для чего-то братьямъ, а между тѣмъ посылалъ на Запорожье Самуилу деньги, предостерегая, чтобъ онъ не предпринималъ ничего важнаго противъ турокъ. По мнѣнію Христофора, король только дѣлалъ видъ, что не желаетъ задора съ турками; онъ даже подозрѣвалъ, не самъ ли король и внушилъ ему мысль отправиться къ запорожцамъ въ гости; но шляхта никогда не проститъ ему, если онъ навлечетъ турецкую войну; а теперь-то и нужна Зборовскимъ расположенность шляхты. Напротивъ, въ письмѣ къ низовцамъ, которое было отправлено съ тѣми же посланцами, Христофоръ Зборовскій говорилъ, что Самуилъ отправился къ нимъ для войны съ невѣрными, по совѣту и просьбамъ братьевъ, а въ заключеніе выражалъ надежду, что козаки, прославившіеся не только въ Польшѣ, но и въ чужихъ краяхъ, у императоровъ и великихъ королей, вскорѣ, дастъ Богъ, покажутъ свое мужество въ какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ, для обоюдной пользы дома Зборовскихъ и своей собственной.

Согласно совѣтамъ брата, Самуилъ Зборовскій ограничился обыкновеннымъ запорожскимъ гуляньемъ вдоль низовыхъ рѣкъ, по которымъ ловили козаки рыбу и охотились на звѣрей. Между тѣмъ онъ, какъ можно догадываться, искалъ благовиднаго предлога приблизиться къ роднымъ степямъ подольскимъ. Въ своей запискѣ Папроцкій упоминаетъ, что всѣ козацкіе кони переболѣли отъ саранчи, которая покрывала въ то лѣто пастбища, такъ что, въ одномъ случаѣ, невозможно было даже предпринятъ погоню за татарами. Чтобы пособить недостатку въ лошадяхъ, послалъ Зборовскій къ молдавскому господарю гонцовъ съ напоми-

наніемъ объ обѣщанномъ подаркѣ. Черезъ четыре недѣли, Зборовскій прикочуетъ къ такъ-называемому Пробитому шляху, а господарь пусть вышлетъ ему туда 500 коней.

Между тѣмъ уходившіе по Днѣпру изъ орды невольники дали козакамъ знать, что не вдалекѣ пасутся большія стада татарскія, и что татары, съ своими подвижными селами, то есть въ кибиткахъ на колесахъ, приближаются къ Днѣпру. Козаки начали роптать на свое бездѣйствіе и хотѣли ударить на татаръ, въ надеждѣ поживиться добычею. Зборовскій удерживалъ ихъ отъ набѣга, чтобъ не нарушить мирнаго договора короля Стефана съ татарами и турками. Козаки не хотѣли знать никакихъ договоровъ. Тогда Зборовскій роздалъ старшимъ все свое добро: оружіе, одежды, лошадей, деньги, а меньшимъ пригрозилъ строгостью, и такимъ образомъ успѣлъ отклонить ихъ отъ нападенія на татарскія кочевья.

Все продовольствіе на Запорожьѣ заключалось въ рыбѣ да мясѣ убитыхъ на охотѣ животныхъ. Того и другого было на Днѣпрѣ изобильно, но соль добывали козаки съ большимъ трудомъ и опасностями. За солью надобно было спускаться по Днѣпру къ самому взморью, гдѣ постоянно плавали турецкія галеры. Зборовскій, высылая козаковъ на човнахъ къ морскимъ прибрежнымъ островамъ, долженъ былъ прикрывать ихъ цѣлою козацкою флотиліею отъ турецкихъ галеръ, которыя входили съ моря въ самый Днѣпръ, для преслѣдованія водныхъ чумаковъ запорожскихъ. Однажды дѣло дошло до битвы, и битва не состоялась только потому, что ни та, ни другая сторона не могла заманить непріятеля въ тѣсное мѣсто.

Прошло уже много времени по отъѣздѣ пословъ Зборовскаго къ молдавскому господарю. Никакой вѣсти изъ Молдавіи не было. Полагая, что послы его задержаны, Зборовскій рѣшился вторгнуться въ Молдавію. Снаряжена была флотилія, съ тѣмъ чтобы изъ днѣпровскаго Лимана пройти въ устье рѣки Бога и такимъ

способомъ достигнуть Пробитаго шляха, на которомъ, по условію должны встрѣтить его молдавскіе послы. Этотъ-то походъ Зборовскаго послужилъ темою для извѣстной народной думы объ Алексѣѣ Поповичѣ, котораго гетманъ Зборовскій привелъ своею рѣчью къ покаянію въ козацкихъ грѣхахъ [1]); только, на мѣсто бури, описанной въ думѣ, произошло съ козаками другое бѣдствіе: на нихъ напали турки. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Козаки шли берегомъ: човны служили имъ для перевозки съѣстныхъ припасовъ и рыболовныхъ снарядовъ. На первомъ ночлегѣ повстрѣчали козацкое войско уходящіе отъ орды невольники и донесли гетману, что въ Крыму большая тревога по случаю козацкаго похода, котораго цѣль, конечно, была тамъ неизвѣстна, и что сама ханша ушла въ лѣса. Успокоивъ ханшу чрезъ посланцовъ своихъ, чтобъ она не боялась, Зборовскій не могъ пріостановить тревоги, распространившейся въ морской стражѣ турецкой. Его поджидали на морѣ. Между тѣмъ пришли козаки къ турецкому за́мку Асланъ-городку. Въ то время было свѣжо преданіе о томъ, какъ осаждалъ этотъ за́мокъ Богданъ Рожинскій и взлетѣлъ на воздухъ отъ собственнаго подкопа. Загорѣлись местью козацкія сердца при видѣ Асланъ-городка, но гетманъ удержалъ козаковъ отъ нападенія, и вызвалъ изъ крѣпости старшихъ татаръ для переговоровъ. Тутъ одинъ изъ запорожцевъ не утерпѣлъ, чтобы не выстрѣлить по татарину. Гетманъ хотѣлъ казнить его за это, но всѣ вступились за виновнаго: казакъ считался въ войскѣ характерникомъ, то есть умѣлъ заговаривать огнестрѣльное оружіе такъ, что оно не вредило ни ему самому, ни тому отряду, въ которомъ онъ находился. Раздоръ по этому случаю между гетманомъ и войскомъ дошолъ до того, что Зборовскій съ трудомъ упросилъ козаковъ забыть ссору.

---

[1]) См. въ приложеніяхъ къ I-му тому думу: *Про Олексія Поповича.*

Спустившись къ островамъ, которые назывались морскими, потому что лежали у входа въ днѣпровскій Лиманъ, по тогдашнему — море, Зборовскій послалъ конный отрядъ козаковъ къ Пробитому шляху на рѣку Богъ. Этотъ отрядъ повстрѣчался съ турками и захватилъ 13 человѣкъ въ плѣнъ, а когда къ туркамъ подошла помощь, онъ ушолъ вверхъ по рѣкѣ Богу, направляясь къ Пробитому шляху. Гетманъ, между тѣмъ, занялся приготовленіемъ къ охотѣ и рыболовству на морскихъ островахъ, изобиловавшихъ рыбою. Козаки обшили здѣсь човны свои тростникомъ: иначе — они не годились бы для плаванія по морю: обшитые тростниковыми вязанками борты не давали човнамъ тонуть, хоть бы и залило ихъ волною. Призапасивъ рыбы и дичи, пустились низовцы въ дальнѣйшій путь.

О томъ, что передовой отрядъ имѣлъ дѣло съ турками, въ войскѣ ничего не знали, какъ однажды ночью засіялъ на морѣ какой-то зáмокъ. Съ разсвѣтомъ козаки увидали, что передъ ними не зáмокъ, а турецкая флотилія, состоявшая изъ девяти большихъ галеръ и множества малыхъ судовъ. До устья рѣки Бога оставалось еще семь миль; уходить отъ галеръ въ Днѣпръ также было слишкомъ далеко. Оставалось пристать къ берегу, гдѣ отмели не позволяли галерамъ преслѣдовать козацкіе човны. Одна только галера пустилась въ погоню за козаками, но и та сѣла на мель. Пушечное ядро, однакожъ, попало въ човенъ, на которомъ находился самъ Зборовскій, и убило одного козака. Тогда запорожскіе молодцы рѣшились-было напасть на увязнувшую въ пескѣ галеру, но къ ней подоспѣли на помощь мелкія суда и выстрѣлами изъ пушекъ пробивали козацкіе човны. Козаки вышли на берегъ и залегли въ ямахъ, вырытыхъ въ пескѣ дикими кабанами. Въ то время, когда одни стрѣляли, другіе сыпали кругомъ легкіе шанцы. Между тѣмъ двѣ галеры отдѣлились изъ флотиліи для переправы татаръ на правый берегъ Днѣпра, въ двухъ миляхъ ниже козацкихъ шанцевъ. Козаки, захвативъ изъ човновъ

съѣстные припасы, начали уходить въ степь. Зборовскій старался удержать ихъ въ окопахъ. „Вамъ ли такъ поступать“, говорилъ онъ, „когда всѣ народы увѣрены, что въ мужествѣ никто не сравнится съ козаками?“

Въ это время турки высадились на берегъ. Завязалась битва. Турки потеряли своего предводителя, санджака, и были принуждены снова отчалить. Зборовскій пошолъ берегомъ къ устью Бога. Съ одной стороны, прикрывалъ онъ отъ турецкихъ судовъ остатокъ човновъ козацкихъ, съ другой — отражалъ татаръ, которые нападали на него съ поля. Пальба не умолкала до поздней ночи. Пользуясь наступившею темнотою, часть козацкихъ човновъ пустилась въ объѣздъ, чтобъ обогнуть турецкую флотилію и войти въ устье Бога; но вѣтромъ загнало ихъ на татарскій берегъ. Пловцы попали въ татарскую неволю. У Зборовскаго уцѣлѣло всего восемь човновъ, на которыхъ лежали раненные козаки съ остаткомъ съѣстныхъ припасовъ. Разбитое, изнуренное усталостью и упавшее духомъ, войско Зборовскаго кое-какъ добралось до рѣки Бога. Съѣстные припасы скоро истощились до конца; звѣри въ тѣхъ мѣстахъ не водились; а рыболовные снаряды погибли во время битвы съ турками. Къ счастью потрафили они на то мѣсто, гдѣ конный отрядъ поджидалъ пѣшаго войска. Гетманъ раздѣлилъ коней между козаками, но не надолго утолили они свой голодъ. Лошадей было не много, а козаковъ — около двухъ тысячъ съ половиною.

Подкрѣпивъ силы, рѣшился Зборовскій отправиться лично на тотъ шляхъ, на которомъ должна была произойдти встрѣча съ молдавскими послами, но засталъ тамъ только свѣжіе слѣды стоянки. Умирая отъ голода, питался онъ только желудями, подобранными на пути. Козаки падали отъ недостатка пищи. Наконецъ удалось ему, по „козацкимъ прикметамъ“, отыскать высланный изъ Січи отрядъ на Кривомъ шляху. Этотъ отрядъ ве-

пыталъ ту же участь, что и все войско: бродя изъ урочища въ урочище, подвергаясь разнымъ невзгодамъ, не нашолъ онъ пословъ молдавскаго господаря и рѣшился кочевать въ дикихъ поляхъ до прихода гетмана. У него были рыболовные снаряды. Зборовскій и его голодные спутники подкрѣпились пищею. Въ это время прибыли козаки съ извѣстіемъ, что въ степи показался молдавскій разъѣздъ человѣкъ въ полтораста. Зборовскій началъ готовиться къ нападенію, чтобы добыть съѣстныхъ припасовъ; но молдаване исчезли, а преслѣдовать ихъ было нечѣмъ.

Возвратясь къ главному войску, гетманъ засталъ его въ томленіяхъ голода. О походѣ въ Молдавію нечего было и думать въ такомъ бѣдственномъ положеніи. Вмѣсто дальнѣйшаго пути къ молдавскимъ границамъ, Зборовскій направился къ городовой Украинѣ, къ недалекимъ окрестностямъ Саврани и Брацлава, гдѣ можно было добыть съѣстныхъ припасовъ. Рѣшимость эту возымѣлъ онъ въ самую пору: подъ конецъ пути голодъ грозилъ козакамъ неизбѣжною смертью. Дошло до того, что ѣли находимые въ степи рога, валявшіеся нѣсколько лѣтъ, оленьи копыта и кости разныхъ животныхъ. Наконецъ вступили козаки въ предѣлы Брацлавщины; и Зборовскій вернулся домой безъ дальнѣйшихъ приключеній. „Съ такимъ-то трудомъ“, заключаетъ свой разсказъ Папроцкій, „добывалъ рыцарской славы этотъ знаменитый полякъ, подвергая свою жизнь столькимъ опасностямъ“.

Рыцарская слава, добытая на Запорожьѣ, не спасла, однакожъ, Самуила Зборовскаго отъ его участи. Вскорѣ открылись его замыслы противъ короля, которые онъ высказалъ во многихъ случаяхъ, не имѣя осторожности своихъ братьевъ. Онъ же, притомъ, былъ банитъ, лишенный покровительства законовъ. Замойскій досадовалъ на всю его фамилію за ея политическую агитацію и воспользовался первымъ случаемъ схватить его, а король

велѣлъ отрубить ему голову. Безъ сомнѣнія, къ этой крутой мѣрѣ побудила Баторія больше всего та популярность, которую отважный магнатъ пріобрѣлъ на Запорожьѣ. Въ его лицѣ былъ казненъ не столько польскій панъ, сколько такой же козацкій предводитель, какъ и Подкова.

На стр. 106, къ строкѣ 7-й, послѣ словъ: „которымъ было за обычай отводить силою право", пропущено слѣдующее примѣчаніе.

Этотъ обычай былъ въ ходу уже въ половинѣ XIV вѣка и, безъ сомнѣнія, восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ Польскаго государства. Въ Вислицкомъ Статутѣ (1347 г.) читаемъ: „Частокротъ пригожается, ижъ нѣкоторыи зо своимъ племенемъ албо зо слугами приходятъ моцью на судъ и силою права отводятъ".

ГЛАВА V.

Экономическій бытъ запорожской колоніи.—Пограничные старосты дѣйствуютъ заодно съ козаками.—Мѣры центральной власти къ подавленію козаковъ.—Экономическая несостоятельность этихъ мѣръ.—Старанія пановъ-колонизаторовъ сдѣлать изъ русскихъ провинцій новую Польшу.—Препятствія въ политическомъ и соціальномъ положеніи страны.

Разсказъ Папроцкаго выразительными чертами рисуетъ мѣстность, въ которой гнѣздилось новое козачество. Становится понятнымъ, почему она оставалась „дикими полями", безлюдною пустынею, не принадлежащею никому изъ сосѣднихъ народовъ. Это были пространства безплодныя, опустошаемыя саранчею, удаленныя отъ поселеній настолько, что человѣкъ рисковалъ умереть голодною смертью во время переходовъ. Нѣкоторыя только мѣста изобиловали рыбою и дичью, да на большихъ разстояніяхъ были разбросаны оазисы богатой растительности для пастьбы скота. Удалиться за Пороги—значило подвергнуть себя многимъ лишеніямъ, которыя могъ выдерживать только человѣкъ съ желѣзною натурою. Чтобы войско могло стоять въ этой пустынѣ кошемъ, отряды его должны были заниматься охотою и рыболовствомъ. Даже добываніе соли сопряжено было съ далекими переѣздами и опасностями [1]), и потому козаки вялили рыбу, нати-

---

[1]) Вообще соль добывалась украинцами съ большими затрудненіями. Съ одной стороны доставляли ее московскіе люди на свой рубежъ для торговыхъ сдѣлокъ съ „людьми польскими и литовскими", съ другой—возили соль изъ Покутіи за 80 или за 100 миль, какъ объ этомъ упоминаетъ Бопланъ.

*

рая ее древесною золою вмѣсто соли. Можно себѣ вообразить, какова была одежда низовыхъ рыцарей, нуждавшихся въ дневномъ пропитаніи. Но запорожцы относились къ подобнымъ лишеніямъ съ нѣкоторою гордостью: по ихъ понятіямъ, лишенія были не только чѣмъ-то неизбѣжнымъ, но и необходимымъ, какъ залогъ ихъ могущества. О татарахъ Більскій говоритъ, что они сильны своею быстротою да способностью переносить всякія лишенія. Козаки не могли бы совладать съ татарами, еслибъ не усвоили тѣхъ же способностей въ высшей степени. Шляхтичей, прибывшихъ къ нимъ въ товарищество, они встрѣтили непріязненно, и не хотѣли довѣриться человѣку, незнакомому съ нуждою. „Это какой-то изнѣженный панъ; не испытавъ никогда нужды, не въ силахъ онъ вытерпѣть нашихъ недостатковъ“. Такъ разсуждали козаки о Самуилѣ Зборовскомъ.

Козакъ сіромáха—было давнишнею народною поговоркою на Украинѣ, гдѣ сіромахою обыкновенно называется волкъ, въ смыслѣ голоднаго скитальца. Козакъ и убожество, козакъ и нужда— эти два понятія имѣли всегда близкое сродство. Вспомнимъ распространенное по Украинѣ изображеніе запорожца, съ надписью:

„Козакъ душа правдивая,
Сорочки не мае“, и т. д.

Это отголосокъ временъ Зборовскаго, когда неизбѣжнымъ условіемъ козачества были — нищета, голодъ и всякія лишенія.

Оршанскій староста, Филонъ Кмита, описываетъ (1514 г.), черкасскихъ козаковъ, служившихъ московскому царю, жалкими оборвышами, которымъ, однакожъ, это не мѣшало побивать татаръ и получать отъ царя жалованья больше обыкновеннаго. Въ запискахъ французскаго стратегика Дальрака, сопровождавшаго Яна Собіскаго въ походѣ подъ Вѣну, находимъ „дикую милицію“ козацкую, поразившую европейца своею невзрачностью, — хотя до прихода этой дикой милиціи, именно запорожской пѣхоты, Янъ

Собѣскій не рѣшился начать сраженія [1]). Даже въ ближайшее къ намъ время, московскій „попъ Лукьяновъ" изобразилъ вольницу Палія чертами, которыя перешли къ ней по наслѣдству отъ запорожскихъ воиновъ-отшельниковъ. „Валъ (въ Хвастовѣ) земляной, по виду не крѣпокъ добре́, да сидѣльцами крѣпокъ, а люди въ немъ— что звѣри. По земляному валу ворота частые, а во всякихъ воротахъ копаны ямы, да солома постлана въ ямы. Тамъ палѣевшина лежитъ, человѣкъ по двадцати, по тридцати; голы, что бубны, безъ рубахъ, нагіе, страшны зѣло. А когда мы пріѣхали и стали на площади, а того дня у нихъ случилося много свадебъ, такъ насъ обступили, какъ есть около медвѣдя; всѣ козаки, палѣевшина, и свадьбы покинули; а все голудьба безпорточная, а на иномъ и клочка рубахи нѣтъ; страшны зѣло, черны, что арапы, и лихи, что собаки: изъ рукъ рвутъ. Они на насъ стоя дивятся, а мы имъ и втрое, что такихъ уродовъ мы отроду не видали. У насъ на Москвѣ и въ Петровскомъ кружалѣ не скоро сыщешь такова хочь одного".

Удерживая козаковъ отъ нападенія на татарскія села, Зборовскій, какъ мы видѣли, долженъ былъ ихъ удовлетворять собственнымъ имуществомъ. То же самое, въ большихъ размѣрахъ, дѣлалъ и король, Стефанъ Баторій. Онъ посылалъ козакамъ черезъ Луцкъ сукно; онъ платилъ имъ жалованье за походы въ Московское царство. Но средства его были недостаточны для того, чтобы всѣхъ людей, привыкшихъ жить „татарскимъ и турецкимъ до-

---

[1]) Книга Дальрака, безъ имени автора, напечатана въ Парижѣ и въ Амстердамѣ подъ заглавіемъ: „Les Anecdotes de Pologne ou Mémoires secrets du Règne de Jean Sobieski". Слѣдующее мѣсто въ ней характеризуетъ козаковъ и отношенія къ нимъ Яна Собіскаго: „Je ne puis oublier une particularité qui fera encor mieux connaître le caractère de cette milice sauvage. Un Cosaque revint un soir de parti avec un Turc pris de la façon que j'ai dit (добылъ *языка*); il le poussa dans la tante du Roy, de même qu'on jetteroi à terre un ballot, et fut ensuite chez le Tresorier pour recevoir sa recompense; après quoi il retourna à la porte de la Kotar (палатка), qu'il entr'ouvrit en passant la tête, pour remercier le Roy en ces termes: *Jean, on m'a payé. Dieu te le rende et bonne nuit*".

бромъ“, какъ называли козаки военную добычу, удерживать отъ грабежей и набѣговъ. Напрасно вписывались въ замковыя книги, объявлялись въ публичныхъ мѣстахъ и разсылались по шляхетскимъ домамъ королевскіе универсалы, повелѣвавшіе хватать и сажать подъ стражу неосѣдлыхъ шляхтичей, мѣщанъ и другихъ простолюдиновъ, которые промышляли походами въ сосѣднія съ подольскою, волынскою и кіевскою Украиною земли. Пограничные старосты и представители воинственныхъ панскихъ домовъ продолжали старый промыселъ чрезъ посредство козаковъ, которыхъ они были обязаны предавать въ руки правосудія. Какъ турки, торговавшіе въ Очаковѣ, Киліи, Бѣлгородѣ, Тягинѣ, давали убогимъ татарамъ своихъ лошадей для вторженія въ Украину, такъ украинскіе паны снабжали козаковъ оружіемъ и всѣмъ необходимымъ для набѣговъ на татарскіе улусы и турецкіе города, а нѣкоторые и сами хаживали съ ними въ походы. При такихъ обстоятельствахъ мудрено было королю, занятому войною съ московскимъ царемъ, обуздать козаковъ. Казни ихъ предводителей, Подковы въ 1578 и Зборовскаго въ 1584 году, только раздражили отчаянныхъ людей, которыхъ королевскій мечъ досягалъ лишь случайно. Отъ смерти Подковы до гетманства Зборовскаго, козаки не переставали вторгаться въ Молдавію и воевать съ татарами; а когда король, на другой годъ послѣ казни Зборовскаго, послалъ къ нимъ своего дворянина, Глубоцкаго, съ послѣднимъ увѣщаніемъ, они утопили его въ Днѣпрѣ.

Гетманомъ послушныхъ королю козаковъ былъ тогда князь Михайло Рожинскій, сынъ покойнаго Богдана. „Вмѣстѣ съ другими козаками, товарищами своими запорожскими“ (сказано въ современномъ актѣ) онъ призналъ виновными въ этомъ убійствѣ одиннадцать запорожскихъ козаковъ. Преступники были присланы ими въ оковахъ, къ намѣстнику кіевскаго воеводы, князю Матушу изъ Збаража Вороницкому, чтобъ онъ содержалъ ихъ въ кіевскомъ замкѣ подъ стражею, впредь до королевскаго

суда. Но князь Вороницкій, не смотря на свое служебное положеніе, былъ связанъ больше съ козаками, нежели съ королевскимъ правительствомъ. Онъ отправилъ узниковъ къ войту и его радцамъ, представителямъ кіевской магдебургіи, чтобъ они заперли ихъ при своей ратушѣ. Тѣ, въ свою очередь, были поставлены въ затруднительное положеніе относительно козаковъ. Они протестовали противъ нарушенія своихъ правъ и объявили, что не обязаны принимать и сторожить подобныхъ преступниковъ. „Въ такомъ случаѣ", сказалъ имъ на это князь Вороницкій, я велю поставить козаковъ передъ вами или передъ ратушею и оставить на свободѣ, на вашу отвѣтственность". Напрасно мѣщане представляли, что у нихъ при ратушѣ нѣтъ крѣпкой тюрьмы, что ратуша вся построена изъ дерева, и что они сами въ своихъ домахъ не безопасны отъ козацкаго своевольства. Воеводскій намѣстникъ отказался посадить преступниковъ подъ стражу въ за́мкѣ; обѣщалъ только дать въ помощь мѣщанамъ, для содержанія сторо́жи, ремесленниковъ и другихъ людей „замкового при́суду". Даже въ замковую кіевскую книгу не позволилъ записать протоколъ объ этомъ дѣлѣ, такъ что мѣщане были принуждены внести свое показаніе въ замковыя житомирскія книги, въ которыхъ и сохранился этотъ интересный актъ, свидѣтельствующій о безсиліи королевской власти въ Украинѣ даже и при Баторіи. Не извѣстно, чѣмъ кончилось дѣло убійцъ королевскаго посла, но можно почти навѣрное утверждать, что они бѣжали, ибо не напрасно мѣщане, въ своемъ протестѣ, распространялись о томъ, что у нихъ въ Кіевѣ, какъ городѣ украинскомъ, нѣтъ при ратушѣ такой крѣпкой тюрьмы, какъ въ иныхъ королевскихъ городахъ, и что сами они вѣчно должны опасаться за свою жизнь отъ своевольства козаковъ, „яко на Украинѣ". Впрочемъ Стефанъ Баторій умеръ черезъ годъ послѣ этого событія, а съ его смертью козаки разбушевались больше прежняго.

Польское общество относилось двоякимъ образомъ къ турец-

кому вопросу. Въ началѣ разлива турецкой силы по чорноморскимъ берегамъ и нижнему Дунаю, Польша стремилась къ ея отраженію; но гибель короля Владислава III подъ Варною, рядъ неудачныхъ попытокъ польскихъ пановъ вытѣснить турокъ изъ Молдавіи, успѣхи турецкаго оружія въ Венгріи и поддерживаемые султаномъ набѣги татаръ, которые полонили народъ до Сендомира и Опатова, поселили въ польскомъ правительствѣ убѣжденіе, что мусульманская сила неодолима для христіянской, и что для государства гораздо выгоднѣе поддерживать, во чтò бы то ни стало, миръ съ Турціею. Убѣжденіе это раздѣляли всѣ крупные землевладѣльцы, искавшіе обогащенія въ правильномъ хозяйствѣ и расширявшіе свои владѣнія посредствомъ колонизаціи опустошенныхъ татарами мѣстностей. Напротивъ мелкая русская шляхта смотрѣла на войну съ невѣрными, какъ на выгодный промыселъ и какъ на единственное средство возвыситься во мнѣніи общества. Высокія государственныя должности и доходныя королевщины захватывали въ свои руки знатные паны. Для мелкопомѣстнаго дворянства оставалось только рисковать головою въ войнѣ съ невѣрными для добычи, да искать боевой славы, которая высоко цѣнилась въ отрозненной Руси. Рыцарскій духъ украинской шляхты поддерживали въ ней также и религіозныя побужденія къ войнѣ съ „врагами святого креста", распространенныя тогда по всей Европѣ; а татарскіе набѣги, увлекавшіе въ плѣнъ родныхъ и пріятелей, возбуждали въ ней жажду возмездія. Изъ серединныхъ областей Польши также выходилъ на пограничье каждый, кто былъ воспитанъ въ духѣ воинственной старины польской, кто съ дѣтства готовилъ себя къ военному ремеслу и искалъ случая показать свое мужество. Въ то время, когда одна половина „шляхетскаго народа", подъ вліяніемъ придворной политики и западной роскоши, искала домашняго покоя и прилагала старанія объ улучшеніи земледѣлія, другая постоянно грозила войною и, вмѣстѣ съ козаками, задирала турокъ со

стороны Молдавіи. Раздражаемый султанъ жестоко мстилъ Польшѣ посредствомъ татаръ, которыхъ онъ безпрестанно направлялъ то ко Львову, то къ Кіеву, то къ берегамъ Вислы. Наконецъ, грозилъ двинуть на Польшу всѣ свои силы и укротился только тѣмъ, что поляки, согласно его желанію, призвали къ себѣ на престолъ данника его, седмиградскаго князя Стефана Баторія. Оттоманская гордость была этимъ удовлетворена больше, нежели побѣдами надъ польскимъ войскомъ. Султанъ включилъ Польшу въ число подвластныхъ ему земель и, въ сношеніи съ нѣмецкимъ императоромъ, перестадъ называть ее королевствомъ.

Но для Стефана Баторія польскій престолъ былъ только средствомъ, а не цѣлью. Онъ требовалъ отъ пограничной шляхты и отъ козаковъ сохраненія мира съ султаномъ вовсе не изъ признательности, и даже не изъ страха къ нему. Ему нужно было обезопасить себя со стороны Турціи на время войны съ Московскимъ царствомъ, а Московское царство воевалъ онъ для того, чтобы соединенныя польско-московскія силы со временемъ устремить противъ турокъ. Внезапная смерть разрушила его широкій планъ.

По смерти Баторія, съ одной стороны, усилилось своеволіе пограничнаго рыцарства, имѣвшаго тѣсныя связи съ низовыми козаками, а съ другой—увеличилось неудовольствіе противъ нихъ консервативной среды, составлявшей польское правительство. Люди старыхъ воинскихъ преданій всё еще повторяли мнѣніе, господствовавшее во время Претвича, что Польша до тѣхъ поръ будетъ могущественна, пока въ ней будетъ процвѣтать козачество; но тѣ, которые предпочитали войнѣ мирную колонизацію украинскихъ пустынь и старались пересадить въ Польшу западныя науки вмѣстѣ съ роскошью цивилизованныхъ государствъ, видѣли въ козакахъ зло, которое слѣдовало уничтожить самыми рѣшительными мѣрами. Козаки между тѣмъ, усиленные множествомъ искателей приключеній въ родѣ Самуила Зборовскаго, про-

должали, какъ они выражались, „разливать свою славу по всей Украинѣ". Не довольствуясь войною съ невѣрными на сушѣ, они ходили на своихъ човнахъ-чайкахъ въ море, грабили берега Анатоліи, нападали на турецкія галеры, освобождали христіянъ изъ плѣна, не разъ устраивали на турецкихъ берегахъ временные рынки, для продажи грекамъ, армянамъ, жидамъ и всякимъ налетнымъ торгашамъ награбленнаго въ турецкихъ городахъ добра; наконецъ, появлялись на пограничныхъ ярмаркахъ съ богатыми матеріями, золотыми и серебряными вещами, иноземными деньгами и диковинными разсказами о своихъ приключеніяхъ. Современные кобзари складывали объ этихъ приключеніяхъ цѣлыя поэмы, изъ которыхъ иныя сохранились въ народной памяти до нашего времени. И чѣмъ больше было въ отрозненной Руси воинственнаго увлеченія, тѣмъ ближе подступала къ Польшѣ гроза войны съ турками, а польскіе паны, законодательствовавшіе на сеймахъ, были вовсе не готовы ее встрѣтить. Регулярное войско, заведенное Баторіемъ, было частью распущено, частью перешло въ козацкое братство; панскія надворныя хоругви дѣйствовали по усмотрѣнію своихъ повелителей; нѣмецкой пѣхоты содержалось на жалованьѣ мало; посполитое рушеніе, то есть всеобщее вооруженіе шляхты въ случаѣ крайней опасности, было дѣло медленное, да и не надежное. Уже тому назадъ двѣнадцать лѣтъ султанъ грозилъ разрушить Польшу, если паны изберутъ на престолъ рагузскаго принца, и угроза его не казалась панамъ преувеличенною. Теперь, по видимому, онъ рѣшился привести ее въ исполненіе. Въ 1589 году къ польскимъ границамъ были двинуты такія силы, что коронный гетманъ, Янъ Замойскій, сомнѣвался, устоятъ ли противъ нихъ до зимы важнѣйшіе изъ пограничныхъ городовъ, Каменецъ и Львовъ.

Въ такомъ положеніи дѣла, на варшавскомъ сеймѣ 1590 года, въ одномъ и томъ же законѣ, были приняты мѣры къ подавленію козаковъ, какъ виновниковъ предстоящей войны, и къ призы-

ву ихъ въ королевскую службу, для отраженія турокъ. Правительство сознавало, что „пропустило время“ для усмиренія козаковъ, но тѣмъ не менѣе видѣло необходимость прибѣгнуть къ сильнымъ противъ нихъ мѣрамъ, такъ чтобы козаки, въ случаѣ мира съ турками, не могли раздражить ихъ снова. Постановлено было устроить за Порогами изъ тѣхъ же козаковъ, которые тамъ проживаютъ, или изъ какихъ-нибудь другихъ людей, войско, послушное правительству. Начальникомъ этого войска долженъ быть шляхтичъ, имѣющій въ Украинѣ недвижимую собственность; сотники также должны быть назначены изъ осѣдлой шляхты. Старшина и каждый рядовой присягнутъ королю и Рѣчи-Посполитой въ томъ, что, безъ воли коронняго гетмана, или его намѣстника, козаки, ни водою, ни сушею, не выйдутъ за границы польскихъ владѣній для вторженія въ сосѣднія земли, не будутъ грабить купцовъ и другихъ людей, которые бы проходили черезъ тамошнія мѣста; въ товарищество свое никого противъ воли старшаго, а старшій противъ воли гетмана, принимать не станутъ. Реестръ козацкій будетъ находиться у гетмана. Въ мѣстечкахъ запрещалось продавать козакамъ съѣстные припасы, порохъ и другіе снаряды; не позволялось даже впускать ихъ въ мѣстечка иначе, какъ только по билетамъ отъ старшаго или сотника. А чтобы козаки не заводились въ самихъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, всѣ старосты и державцы королевскихъ имѣній, а равно паны, князья и шляхта были обязаны устроить, какъ въ королевскихъ, такъ и въ собственныхъ своихъ имѣніяхъ, присяжныхъ бурмистровъ, войтовъ и отáмановъ, которые бы, подъ смертною казнью, наблюдали, чтобъ изъ городовъ, мѣстечекъ и селъ никто не ходилъ на Низъ или въ дикія поля за добычею, а тѣмъ болѣе — за границу; „а кто бы пришолъ изъ другихъ мѣстъ съ добычею“, сказано въ сеймовомъ постановленіи, „того задерживать и карать смертью, а добычи ни подъ какимъ видомъ не покупать“. Для присмотра за самими старостами или частными владѣльцами пограничныхъ

имѣній, чтобъ они не ходили за добычею въ дикія поля и не вторгались въ сосѣднія земли, назначены были, тутъ же на сеймѣ, два чиновника, подъ названіемъ *дозорцевъ*, также изъ осѣдлыхъ шляхтичей, которые постоянно должны находиться на пограничьѣ, и, съ одной стороны, доносить коронному гетману о своевольствахъ козаковъ низовыхъ запорожскихъ, а съ другой—преслѣдовать и карать тѣхъ, которые бы проживали и укрывались въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, а пановъ, или старостъ, потворствующихъ козакамъ, позывать къ отвѣту въ трибуналъ. Дозорцамъ опредѣлено было жалованье по 300 злотыхъ въ годъ, изъ того же источника, изъ котораго получаютъ свою плату и низовцы. „Чтò касается нынѣшней войны", сказано въ заключеніе, „то коронный гетманъ призоветъ низовскихъ и донскихъ козаковъ на службу Рѣчи-Посполитой столько, сколько по его усмотрѣнію окажется нужнымъ, съ платою имъ жалованья въ теченіе этой войны, чрезъ провизоровъ, а на дальнѣйшее время—какъ рѣшено будетъ всѣми сословіями".

По смыслу этого закона, правительство исключало козаковъ изъ состава городского и сельскаго населенія Украины, и дозволяло имъ существовать только „на Низу, за Порогами". Оно расторгало между осѣдлымъ и кочующимъ населеніемъ Украины ту связь, которая была однимъ изъ главныхъ условій колонизаціи отрозненной Руси. Оно запрещало продавать козакамъ не только военные снаряды, но и съѣстные припасы на украинскихъ рынкахъ, тогда какъ осѣдлое населеніе само уже проторило дорогу на Низъ, для обмѣна своихъ произведеній на лошадей, воловъ, овецъ и для продажи за наличныя деньги [1]). Оно не дозволяло козакамъ проживать въ городахъ и селахъ, а тутъ у нихъ были

[1]) Папроцкій, знавшій запорожцевъ до ссоры ихъ съ правительствомъ, пишетъ: „Wielki dostatek mieważą, czasem w swem woysku, bo ze wszystkich stron do nich siodlacy wiozą, a oni im płacą końmi, woły a innemi dobytki, też pieniędzmi". (*Ogrod krolewski*).

дома, семейства и разнаго рода пристанища. Оно грозило смертною казнью мѣстнымъ жителямъ за хожденіе на ловы въ дикія поля, а это вошло у всѣхъ въ обычай, какъ постоянный промыселъ. Запорожцевъ оно хотѣло держать вѣчно на Низу, гдѣ они кочевали только лѣтомъ, а жителей городовъ и селъ заключало въ предѣлы страны, которые не были опредѣлены и не могли быть постоянно охраняемы. Наконецъ, не полагаясь на послушаніе старостъ, пановъ, князей и шляхты, ввѣряло за ними присмотръ двоимъ лицамъ, которыя, получая по 300 злотыхъ въ годъ жалованья, по его мнѣнію, готовы были рисковать ссорою со всѣми граничанами, чего, какъ мы видѣли, не отважился дѣлать даже намѣстникъ кіевскаго воеводы, сидя въ неприступномъ зáмкѣ и имѣя въ своемъ распоряженіи ремесленниковъ и другихъ людей замковаго присуду.

Очевидно съ перваго взгляда, что эта мѣра могла только раздражить козаковъ, но не обуздать ихъ своевольство. Порядокъ вещей на Украинѣ ни мало не измѣнился послѣ обнародованія грознаго сеймового постановленія, надъ которымъ козаки готовы были наругаться такъ же, какъ и надъ мѣрами Стефана Баторія. Между тѣмъ правительство, въ переговорахъ съ турками, дало торжественное обѣщаніе усмирить козаковъ, и вскорѣ послѣ сейма придумало еще одно средство для удержанія „своевольства украинскаго народа". Въ іюлѣ того же года данъ былъ въ Краковѣ королевскій универсалъ о вербовкѣ тысячи человѣкъ опытныхъ въ военномъ ремеслѣ людей, подъ начальствомъ снятынскаго старосты Николая изъ Бучáча Язловецкаго и поручика Яна Озышевскаго. Язловецкому представлялось выбрать—или на урочищѣ Кременчукѣ, или гдѣ-нибудь въ степи—удобное мѣсто для постройки зáмка. Строевое дерево предполагалось доставить по Днѣпру изъ королевскихъ имѣній. Изъ тѣхъ же имѣній каждый „послушный" человѣкъ долженъ былъ давать по одной мѣрѣ муки ежегодно для гарнизона этого зáмка. Король былъ

увѣренъ, что этотъ военный отрядъ положитъ конецъ своеволію украинскихъ жителей и не допуститъ ихъ нарушать миръ съ сосѣдними государствами. Ни о козакахъ, ни о коронномъ гетманѣ, которому они подчинены сеймовымъ закономъ, ни о дозорцахъ, которые должны наблюдать за всѣми граничанами, въ краковскомъ универсалѣ вовсе не упомянуто. Можно думать, что король и его совѣтники разувѣрились въ дѣйствительности прежней мѣры, и не полагаясь на послушаніе украинскихъ старостъ, рѣшились обуздать украинскую вольницу посредствомъ короннаго войска. Но на украинскихъ старостъ и державцевъ возлагалось доставить строевой лѣсъ для зáмка и обезпечивать его гарнизонъ продовольствіемъ. Зная, какое участіе принимали старосты въ козацкомъ промыслѣ, легко понять, охотно ли они зáнялись устройствомъ крѣпости, которая должна была отрѣзать имъ сообщеніе съ дикими полями и Запорожьемъ. Зáмокъ не былъ построенъ, и краковскій универсалъ остался такою же мертвою буквою, какъ и постановленіе варшавскаго сейма.

По видимому, правительству Рѣчи-Посполитой не оставалось ничего другого, какъ уступить силѣ вещей и по неволѣ обратиться къ старой воинственности, которая, въ видѣ пограничнаго своевольства, продолжала существовать въ русскихъ провинціяхъ. Тогда бы козаки изъ бунтовщиковъ превратились въ самое дешевое и полезное войско; паденіе Крымскаго Юрта сдѣлалось бы неизбѣжнымъ, и турки цѣлымъ столѣтіемъ раньше потеряли бы свое страшное для Европы значеніе. Но такая политика для сеймовыхъ пановъ была бы слишкомъ великодушна, а для Сигизмунда III — геніальна. Колонизаторы отрозненой Руси не теряли надежды сдѣлать изъ нея другую Польшу — не въ отношеніи языка, о которомъ тогда заботились мало, и не въ отношеніи вѣры, о которой помышляло одно духовенство, а въ отношеніи господства польскаго или княжескаго права надъ правомъ обычнымъ русскимъ, которое, болѣе нежели что либо другое, дѣлало

отрозненную Русь непохожею на Польшу. Всмотримся глубже въ положеніе дѣлъ на Украинѣ: было ли возможно водвореніе въ ней польскаго права?

Ни мелкая пограничная шляхта, водившаяся запросто съ козаками, ни собственно такъ-называемые мѣщане, ни городовые и запорожскіе козаки не обращали, покамѣсть, вниманія на выростающіе съ каждымъ годомъ панскіе города и села; еще менѣе понимали значеніе панской силы для края люди, не принадлежавшіе къ ихъ корпораціи: ратаи, чабаны и тому подобный чернорабочій народъ, разсѣянный по украинскимъ хуторамъ и селамъ. Въ началѣ колонизаціи Украины, которое для однихъ мѣстностей восходило къ половинѣ XVI, а для другихъ — къ первой четверти XVII вѣка, по истеченіи 20-лѣтней и 30-лѣтней *воли*, или свободы, почти единственною повинностью жителей мѣстечекъ и селъ была вольная служба подъ начальствомъ старосты или помѣщика, такъ какъ всего важнѣе для края была защита отъ татаръ. Эта служба не была тягостна, потому что составляла естественное условіе жизни на пограничьѣ. И безъ распоряженій со стороны мѣстной власти, каждый поселянинъ долженъ былъ безпрестанно держаться на сторожѣ отъ орды. Даже на полевыя работы не могъ онъ выходить иначе, какъ громадою и въ оружіи [1]). Искупая у татаръ кровью родную землю, воюя противъ нихъ за каждое пастбище, за каждое селище по

---

[1]) Ласота, въ своемъ дневникѣ („Tagebuch von Erich Lassota von Steblau“) такъ описалъ, въ 1594 году, окрестности подольскихъ Прилукъ: „Прилуки, за́мокъ и большой новый, окруженный тыномъ городъ п. Збаражскаго, съ 4.000 домовъ (fewerstädten, очаговъ), при рѣчкѣ Десницѣ, 3 мили. *Nota*: Городъ этотъ лежитъ въ обширной и весьма плодородной равнинѣ, гдѣ разбросано большое число странныхъ домовъ съ амбразурами (mitt schieszlöchern), въ которыхъ домахъ крестьяне, въ случаѣ внезапнаго нападенія татаръ, спасаются и находятъ для себя защиту. Но, такъ какъ этимъ нападеніямъ они подвергаются очень часто, то каждый изъ нихъ, отправляясь въ поле, несетъ на плечахъ свою рушницу (Handtrohr) и прицѣпляетъ къ боку саблю или тесакъ“.

многу лѣтъ, украинскіе поселяне дотого привыкли запасаться оружіемъ, что, во время первыхъ войнъ со шляхтою, изъ пахарей и ремесленниковъ повсемѣстно составлялись ополченія въ самое короткое время; а когда князь Іеремія Вишневецкій, предвидя народное возстаніе, приказалъ обезоружить своихъ подданныхъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ однѣхъ его вотчинахъ отобрано было „нѣсколько десятковъ тысячъ самопаловъ", не считая спрятаннаго оружія. Самая необходимость дѣлала здѣсь каждаго воиномъ. Въ люстраціяхъ старостинскихъ имѣній начала XVII вѣка рѣдко упоминаются данины, собиравшіяся съ мѣщанъ; гораздо чаще эти люстраціи говорятъ о мѣщанскихъ домахъ, „съ которыхъ не взимается никакихъ податей, а только каждый мѣщанинъ обязанъ нести военную службу конно и оружно, подъ предводительствомъ старосты или его намѣстника". Эти-то мѣщане и назывались „послушными". Рядомъ съ ними въ каждомъ мѣстечкѣ исчисляютъ люстраціи мѣщанъ „непослушныхъ", иногда называя ихъ простро *козаками*. Объ этихъ обыкновенно говорится, что они „никакой повинности, ни послушанія не отбываютъ"; а о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ добавляется, что они, не смотря на то, „извлекаютъ всяческіе доходы, какъ изъ полей, такъ и изъ рѣкъ, и захватываютъ подъ свои усадьбы почти всѣ грунты". Во многихъ мѣстахъ сидѣли хуторами заслуженные жолнеры панскихъ дружинъ и выбранецкихъ или иностранныхъ ротъ, которымъ давалось неопредѣленное право пользованія болѣе или менѣе значительнымъ кускомъ земли. Эту землю, какъ говорилось тогда, измѣряли они саблею, то есть поддерживали вооруженною силою значеніе письменнаго акта, которымъ знатный панъ или коронный гетманъ жаловалъ имъ по-королевски то, о чомъ нерѣдко самъ составитель акта не имѣлъ точнаго понятія [1]). Воспитанники военныхъ становъ,

[1]) Въ измѣреніи саблею надобно искать объясненія такихъ загадочныхъ мѣстъ въ „Volumina Legum", какъ пожалованіе на рѣкѣ Сулѣ Александру Вишне-

привязанные къ осѣдлой жизни семейными интересами, сохраняли свои привычки и подъ хуторскою крышею [1]). Вмѣстѣ съ „послушными" и „непослушными" пограничниками, они готовы были каждую минуту отражать орду, а при случаѣ стояли за себя и противъ мѣстной власти. Владѣльцы обширныхъ имѣній украинскихъ, выпросивъ для себя пожизненное или потомственное право на землю, сами оставались въ старыхъ своихъ гнѣздахъ, а не то — постоянно находились при дворѣ; въ Украину же посылали своихъ официалистовъ, или такъ-называемыхъ осадчихъ, которые дѣйствовали отъ ихъ имени и колонизовали страну въ ихъ пользу. Пограничный народъ, набравшись воинственнаго духу въ постоянной борьбѣ съ татарами, цѣнилъ выше всего личныя качества каждаго, и относился къ панскимъ дворянамъ запросто. Кіевскій бискупъ Верещинскій писалъ, въ 1594 году, на сеймъ, что города и села украинскіе, „гордясь своевольною свободою своею", не хотѣли знать ни своихъ пановъ, ни ихъ уполномоченныхъ. Вообще шляхта теряла свое привилегированное значеніе въ краѣ, гдѣ личная свобода, богатство, сила и даже громкая слава были доступны, какъ гербованнымъ, такъ и негербованнымъ жителямъ. Въ началѣ появленія козачества, простолюдины хаживали за добычею подъ предводительствомъ шляхтичей, а съ его развитіемъ, шляхтичи участвовали въ по-

---

вецкому тѣхъ самихъ земель, которыя были пожалованы Стефаномъ Баторіемъ какому-то Байбузѣ. Къ имени Байбузы не прибавлено обычнаго эпитета urodzony, означающаго шляхетское достоинство, и сказано, что онъ уступилъ свое право Вишневецкому,—добровольно ли?... Въ московской Руси случалось, что получившій на бумагѣ пожалованіе въ тысячу „четвертей", на дѣлѣ пользовался только двумя или тремя сотнями, такъ какъ каждый долженъ былъ самъ выискать свободное, не пожалованное еще никому, мѣсто, перевѣдаться съ разными байбузами и утвердить его за собою документально. Такой случай былъ съ воеводою XVII вѣка Даудовымъ, о которомъ интересное въ разныхъ отношеніяхъ изслѣдованіе Н. Н. Селифонтова помѣщено въ 5-мъ выпускѣ „Лѣтописи Занятій Арх. Коммиссіи."

[1]) Сохранилось преданіе, что пахарь украинскій, втыкалъ саблю въ первую борозду свою, въ знакъ готовности доказать свое право на займище.

ходахъ подъ предводительствомъ способныхъ и опытныхъ простолюдиновъ. Это обстоятельство, болѣе нежели что-либо, сглаживало сословныя отличія пограничниковъ. Вспомнимъ, какъ привѣтствовали запорожцы вельможнаго пана Зборовскаго: „Это у насъ послѣднее дѣло; у насъ цѣнятся выше всего дѣла и мужественный духъ". Мѣстная шляхта никакъ не могла пренебрегать украинскимъ простонародьемъ; напротивъ, во многихъ случаяхъ она заискивала его благосклонности. Защита жилищъ и стадъ, бѣгство отъ орды и укрывательство въ недоступныхъ для нея мѣстахъ; наконецъ, пребываніе въ татарской неволѣ, или ясырѣ, — все это предпринималось или терпѣлось наравнѣ съ людьми негербованными. Откуда бы кто ни пришолъ въ Украину, могущественныя условія мѣстнаго быта подчиняли его волю, понятія и склонности общему теченію жизни. Не только выгоды отъ совмѣстныхъ промысловъ и ополченій, но безопасность имущества и жизни зависѣли здѣсь отъ тѣснаго сближенія съ простонародною массою. Самый языкъ, заносимый въ Украину изъ глубины польскихъ провинцій, гдѣ культура стояла сравнительно на высокой степени развитія, перерождался здѣсь въ простонародную рѣчь, которая, сохранивъ слѣды иноплеменной примѣси, не потеряла отъ того своего русскаго характера. Кромеръ, описывая Рѣчь-Посполитую въ XVI вѣкѣ, говоритъ, что польскій языкъ на Руси употребительнѣе мѣстнаго, потому что туда земледѣльцы переселяются изъ Польши ради плодородія земли, а воинственные люди — для отраженія татаръ. Но это справедливо только по отношенію къ панскимъ домашнимъ кругамъ. Не смотря на предпочтеніе, которое отдавалось въ извѣстныхъ случаяхъ польщизнѣ, энергія мѣстной народной рѣчи брала свое даже у такихъ людей, какъ Николай Потоцкій, который употреблялъ русскій языкъ для того, чтобъ выбранить являвшіяся къ нему, во время войны съ козаками, шляхескія депутаціи.

Приливъ польщизны въ русскія области королевства относится къ позднѣйшему времени. Въ началѣ колонизаціи отрозненной Руси, коренные поляки держались еще за Вислою, а опустошенныя татарами пространства древней, владимировской Руси занимали все-таки люди русскіе. Польскій языкъ былъ имъ извѣстенъ, какъ языкъ правительства, какъ языкъ среднихъ и высшихъ училищъ, которыхъ у насъ до конца XVI столѣтія не было, наконецъ, какъ языкъ литературный, только-что возобладавшій надъ безплодною латынью. Они писали на немъ военныя реляціи и письма, подобно козацкимъ предводителямъ временъ позднѣйшихъ, но въ обыденныхъ сношеніяхъ, безъ сомнѣнія, употребляли рѣчь русскую. Мы видимъ, напримѣръ, Претвича, излагающаго передъ королемъ по-польски свѣжую въ то время исторію колонизаціи. Вѣроятно, и Дашковичъ не иначе говорилъ на Пётрковскомъ сеймѣ объ устройствѣ за Порогами военнаго братства; но къ королю Сигизмунду I писалъ онъ порусски [1]), и на русскомъ же языкѣ получалъ отъ него инструкціи, напечатанныя въ „Актахъ Западной Россіи". Братъ Самуила Зборовскаго, Христофоръ, зная русскій языкъ, какъ уроженецъ Червоной Руси, писалъ къ запорожцамъ попольски; но уже конечно ни Дашковичъ, ни Претвичъ, ни Самуилъ Зборовскій не обращались на польскомъ языкѣ съ рѣчью къ русскимъ дружинамъ, составлявшимъ тогдашнее козачество. Историческія пѣсни, сложенныя этими дружинами, показываютъ, какой элементъ былъ въ нихъ преобладающимъ. Самые татары, кочевавшіе на Подольѣ и Волыни до изгнанія ихъ оттуда Ольгердомъ и Витовтомъ, усвоили себѣ русскую рѣчь, и не забыли ее черезъ сто лѣтъ, живя въ Добруджѣ [2]). Вспомнимъ

---

[1]) Въ Коростышовѣ (Житомирскаго уѣзда), въ фамильномъ архивѣ гг. Олизаровъ, хранится подлинное письмо Дашковича къ Сигизмунду I.

[2]) Объ этомъ пишетъ Стрыйховскій.—Кіевскій бискупъ Верещинскій, смѣясь въ своей брошюрѣ „Publika" надъ беззаботностью украинскихъ поляковъ, заставляетъ татаръ обращаться къ нимъ съ рѣчью по русски, а не по польски:

*

извѣстную рѣчь каштеляна Мелешка, произнесенную по русски даже въ собраніи сенаторовъ, на конвокаціонномъ сеймѣ, передъ избраніемъ Сигизмунда III. Немудрено представить, что польская молодежь, уже участвовавшая въ пограничной службѣ, объяснялась на русскомъ языкѣ. Что̀ касается до латинскаго и греческаго вѣроученій, изъ которыхъ одно распространяло польскій, а другое поддерживало русскій элементъ, то, до конца XVI вѣка, они не вступали еще въ ожесточенную борьбу между собою, и оба помышляли только о томъ, какимъ бы способомъ защититься отъ реформаціи, которая въ то время грозила не одной западной, но и восточной церкви, въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой. Въ такихъ памятникахъ, какъ реляція Претвича о козакованьѣ шляхты, и разсказъ Папроцкаго о пребываніи Зборовскаго за Порогами, нѣтъ и намека на различіе вѣръ и нарѣчій у двухъ составныхъ частей козачества. Русское духовенство не принимало никакого участія въ его образованіи, и во времена первыхъ козацкихъ войнъ съ панами относилось къ запорожскому войску какъ нельзя болѣе равнодушно, чтобъ не сказать — враждебно.

Съ своей стороны, козаки, въ своихъ походахъ и на запорожскихъ становищахъ, обходились безъ священниковъ. [1]) Въ „думѣ" о бурѣ на Чорномъ морѣ, предводитель военнаго братства обратился къ товарищамъ бѣдствія съ такимъ увѣщаніемъ: „Исповѣдывайтесь, паны молодцы, милосердому Богу, Чорному морю и мнѣ, ота́ману кошовому". Правда, что, по „Тератургимѣ" Кальнофойскаго, нѣсколько козаковъ, однажды, среди страшной бури на морѣ, дали обѣтъ послужить печерскимъ инокамъ двѣ недѣли

„Twoia spisz, moia chorniesz, poidy twoia do Ordy, budemo się dobre miety, po kobyłyni budem kaszę używaty, a posoku konskoin z mołokom pity".

[1]) „Лѣтопись о Началѣ Проименованія Козаковъ" говоритъ о нихъ: „Море переплавати дерзаютъ въ единодревныхъ суднахъ, многажды и души своя погубляютъ, яко не имѣютъ сего обычая, дабы съ собою священниковъ ради нужды смертной имѣли".

въ чорной работѣ, и выполнили свой обѣтъ [1]). Но въ походахъ 1637 и 1638 годовъ козаки больше всего таили свои намѣренія отъ мѣстныхъ священниковъ, а одинъ православный монахъ былъ даже ихъ соглядатаемъ и сообщилъ о нихъ вѣсти польскому войску. Митрополитъ Петръ Могила, безъ обиняковъ, называлъ ихъ „ребеллизантами“ печатно. Православный панъ Адамъ Кисѣль писалъ о козакахъ, что у нихъ не было никакой вѣры, religionis nullius. Уніятскій митрополитъ Рутскій повторялъ то же самое [2]). Все вмѣстѣ свидѣтельствуетъ, что колонизація отрозненной Руси совершалась безъ участія православнаго духовенства, котораго іерархическая дѣятельность сосредоточивалась тогда не въ Кіевѣ, какъ прежде и послѣ, а въ Вильнѣ. Съ другой стороны, и вліяніе римско-католической проповѣди не распространялось еще на пограничное рыцарство и на первоначальныхъ украинскихъ колонизаторовъ польскаго происхожденія: ибо первый латинскій бискупъ, временно проживавшій въ Кіевѣ, пріѣхавши сюда въ 1589 году, не засталъ ни одного каплана, ни одного костела и алтаря, кромѣ замковой каплички, въ которую, по его словамъ, замковые урядники запирали своихъ лошадей, да еще маленькаго доминиканскаго костела, на Подолѣ, съ однимъ только монахомъ при немъ. Этотъ бискупъ, происходившій изъ православной фамиліи, какъ прозелитъ, приписалъ запустѣніе замковой каплицы „пренебреженію“ къ латинской вѣрѣ; но его же разсказъ о томъ, что и въ Софійской церкви, затекавшей дождями,

---

[1]) По освобожденіи знаменитаго Самійла Кишки изъ турецкой каторги, козаки, по словамъ думы, опредѣлили часть добычи своей на Святую Січовую Покрову, на Межигорскаго Спаса и на Трахтомировскій монастырь; только это, очевидно, прибавка позднѣйшихъ кобзарей, такъ какъ во времена Самійла Кишки не существовали еще ни Покровская церковь на Низу, ни Спасская въ Межигорьѣ.

[2]) Даже думные дьяки московскіе, въ 1594 году, отозвались передъ императорскимъ посломъ Варкочемъ о запорожцахъ, какъ о людяхъ, „не имѣющихъ страха Божія“, который, по грубымъ религіознымъ понятіямъ москвичей того времени, прежде всего долженъ былъ выражаться умилостивительными жертвами.

кіяне запирали скотъ, убѣждаетъ насъ, что въ малолюдномъ, убогомъ тогда Кіевѣ относились небрежно къ церквамъ обоихъ вѣроисповѣданій. Въ тѣ времена православные священники и латинскіе ксензы безразлично совершали духовныя требы для людей православныхъ и для римскихъ католиковъ. Латинскихъ ксензовъ было тогда такъ мало, не только въ Кіевской землѣ, но и на Волыни, что русскіе попы крестили дѣтей, давали святое причастіе и погребали мертвыхъ у поляковъ; а мѣстные поляки до такой степени не дѣлали различія между латинскими и русскими священниками, что латинская іерархія нашла необходимымъ — выпросить у Стефана Баторія универсалъ къ православнымъ епископамъ, которымъ, подъ штрафомъ въ 10 тысячъ копъ грошей литовскихъ, повелѣвалось воспретить подвластному имъ духовенству всякое вмѣшательство въ церковныя дѣла римскихъ католиковъ. Такимъ образомъ, латинство не препятствовало польскимъ выходцамъ объединяться въ Украинѣ съ туземцами, подчиняясь мѣстному элементу. Если въ глубинѣ Волыни католики крестили дѣтей по-православному, то тѣмъ естественнѣе это дѣлалось тамъ, гдѣ до временъ Сигизмунда III не было со стороны латинской церкви никакихъ усилій къ распространенію своего исповѣданія. Польскій элементъ сливался съ русскимъ единственно подъ вліяніемъ условій мѣстности. Козаки и ихъ семейства вѣровали въ Бога безъ посредства катехизическаго ученія, а многіе изъ пограничныхъ жителей выростали и старились, не видавъ церкви. То, что говоритъ сатирическая народная пѣсня о позднѣйшихъ запорожцахъ, которые будтобы принимали скирду сѣна за церковь, могло относиться къ хуторянамъ и слобожанамъ не одной мѣстности временъ Стефана Баторія; а такіе анекдоты, какіе разсказываются въ наше время о чабанахъ екатеринославскихъ степей, являющихся къ принятію святыхъ таинъ въ сопровожденіи своихъ овчарокъ, безъ сомнѣнія, можно было

слышать во времена óны въ Кіевѣ о низовыхъ чабанахъ, называвшихся по татарски одаманами.

Какъ бы то ни было, только пограничная шляхта обѣихъ народностей претворялась въ простонародную козацкую русь, не стѣсняясь ни вѣрою, ни языкомъ, ни безполезными въ русскихъ пустыняхъ гербами. Оборона границъ, соединенная съ цѣлостью семействъ и имуществъ, была здѣсь всепоглощающею задачею жизни. Все служило этой задачѣ на Украинѣ. Самая мѣстность украинская приняла отпечатокъ долгой борьбы осѣдлаго населенія края съ кочевниками. Открытая со всѣхъ сторонъ равнина усѣялась насыпями, съ которыхъ жители вглядывались въ далекую степную перспективу, не подымется ли гдѣнибудь пыль отъ наступающей на нихъ орды. На Руси московской, защищенной лѣсными засѣками, рѣками и болотами, слово *могила* означало вырытую въ землѣ яму; на Руси польской, это слово получило значеніе насыпного холма или редута, какъ-бы соединяя съ мыслью о смерти мысль о славѣ боевыхъ подвиговъ, которые здѣсь чаще всего приносили смерть. Для воинственныхъ украинцевъ стараго времени такъ было обычно падшихъ въ бою хоронить среди степи, подъ насыпнымъ холмомъ, что, когда козаки сдѣлались обитателями уже безопасныхъ городовъ и селъ, и тогда они насыпали въ степи курганы въ память знатныхъ людей, похороненныхъ при церквахъ на ряду съ прочими покойниками [1]). Многія изъ древнихъ насыпей распаханы уже плугомъ, другія обращены въ селитряныя бурты, а нѣкоторыя закрыты селами и хуторами; но до сихъ поръ курганы, круглые редуты съ двойными валами, разверстыми въ видѣ полумѣсяца у входа, четвероугольные шанцы, и такъ-называемые зміевы валы поражаютъ наблюдателя своею многочисленностью. Боль-

[1]) Такъ, между прочимъ, изъ надписи на каменномъ крестѣ надъ могилою, знаменитаго кошового отамана Сірка и изъ мѣстныхъ отзывовъ народа о его могилѣ, видно, что Сірко похороненъ не за Порогами.

шая часть этихъ насыпей относится къ періоду пограничной борьбы съ татарами; нѣкоторыя остались, безъ сомнѣнія, отъ времень удѣльнаго періода русской исторіи и еще древнѣйшихъ, а остальныя принадлежатъ къ разряду могилъ, которыя, по словамъ народной пѣсни, обкипѣли козацкою кровью, смѣшанною съ польскою [1]). Каждая новая осада во времена оны начинала свое дѣло съ того, что окружала избранную для поселенія мѣстность валомъ; потомъ она насыпала вдоль степного горизонта сторожевые курганы, для постоянной стоянки на нихъ, такъ-называемыхъ, чатъ. Рядъ подобныхъ кургановъ соединялъ ближайшія осады съ дальнѣйшими. Даже коронное войско, во время „лежанья" на пограничьѣ въ спокойное время, было обязано заниматься насыпаньемъ сторожевыхъ могилъ; а въ Украинѣ образовался особый классъ чернорабочихъ — *могильниковъ*, упоминаемыхъ въ современныхъ письменныхъ памятникахъ на ряду съ *будниками*, которые промышляли устройствомъ въ лѣсахъ будъ для выдѣлки поташа, смолы и дегтя, *броварниками*, работавшими въ пивоваренныхъ заводахъ, и *винниками*, служившими по найму въ винокурняхъ. Эти могильники играли важную роль въ козацкихъ войнахъ противъ пановъ. Каждое таборище козацкое въ самое короткое время бывало защищено рвомъ и валомъ. Козаки залегали обыкновенно въ ямахъ и оттуда стрѣляли по непріятелю, а сами оставались въ безопасности отъ его артиллеріи. Передъ своими шанцами они рыли небольшія густо

---

[1]) Ты, могило Верховино,
Чому рано не горіла?

(Это значитъ: почему на тебѣ не былъ зажженъ сторожевой знакъ?)

Ой, я рано не горіла:
Бо крівцéю обкипіла.

(Т. е., ваши усобицы не дали возможности даже предостеречь васъ отъ общей опасности).

Ой, якою? Козацькою,
Въ половину изъ лядською.

расположенныя углубленія для защиты своихъ вылазокъ отъ панской конницы; подводить мины было также ихъ дѣломъ. Поэтому самымъ удобнымъ временемъ для козацкихъ возстаній считались лѣто и осень, когда можно было защищаться отъ нападеній земляными работами. „Зима — жестокій врагъ козака", говоритъ Окольскій, очевидецъ панскихъ походовъ на козаковъ, „потому что онъ зимою не можетъ рыться въ землѣ".

Многолѣтнее употребленіе столь разнообразныхъ средствъ обороны наполнило подвигавшееся отъ запада къ юговостоку пограничье бывшей Рѣчи-Посполитой земляными насыпями, которымъ до сихъ поръ нѣтъ счота. Въ разныя времена, то одна, то другая часть отрозненной Руси отбывала на этихъ насыпяхъ сторожу, или боролась посредствомъ нихъ съ непріятелемъ. Мы имѣемъ въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе точныя и подробныя свѣдѣнія лишь о той мѣстности, которая возбуждала въ польскомъ правительствѣ особенный интересъ, по отношенію къ утвержденію въ Украинѣ польскаго права, посредствомъ правильнаго устройства королевщинъ и раздачи пустынь въ наслѣдственное владѣніе магнатамъ. Сеймовыя постановленія отъ времени до времени регулировали охраненіе границъ отъ вторженія орды и не разъ освобождали жителей пограничныхъ мѣстечекъ отъ процессовъ, позвовъ и баницій, въ уваженіе опасностей, которымъ они подвергались. Первое мѣсто, въ глазахъ польскаго правительства, еще въ 1631 году, занимали стражницы въ Бѣлой-Церкви, Трилісахъ и Любомирѣ, „откуда", по словамъ сеймового постановленія, „вся Украина охраняется отъ татарскихъ набѣговъ". Сарницкій, напечатавшій свою книгу въ 1587 году, говоритъ, что Бѣлая-Церковь была какъ-бы морскимъ маякомъ и служила убѣжищемъ для всей Руси, которая отсюда прежде всего получала вѣсти о наступленіи орды; а въ одномъ старомъ документѣ сказано, что бѣлоцерковскій замокъ „задерживаетъ на себѣ весь татарскій импетъ",— можетъ быть,

потому, что не вдалекѣ отъ него пролегалъ татарскій шляхъ, гдѣ, по словамъ королевскаго универсала, татары переходили черезъ Рось. Главную сторожу держали бѣлоцерковскіе мѣщане у лѣса, который назывался Богатырівъ-Рігъ [1]), и это, конечно, было дѣло не легкое, если, по выраженію Сарницкаго, татары „заглядывали въ Бѣлую-Церковь, какъ собаки въ кухню“. Трилісы, прославленные необычайнымъ мужествомъ своихъ жителей въ 1651 году, пять разъ были раззоряемы татарами, и пять разъ возрождались на своемъ пепелищѣ. Что касается до Любомира, то, по замѣчанію одного изъ мѣстныхъ жителей, нигдѣ такъ густо не расположены полевыя могилы, какъ вокругъ этого мѣстечка. Далѣе, по направленію къ Брацлавщинѣ, содержались полевыя сторóжи на рѣкахъ, впадающихъ въ Богъ; съ лѣвой стороны—на Синицѣ, а съ правой—на Саврани, и въ другихъ мѣстахъ. Наконецъ, по главнымъ татарскимъ шляхамъ разставлены были чаты, выходившія изъ сосѣднихъ поселеній. По Чорному шляху шли сторóжи отъ Запорожья мимо Черкасъ, Канева, Полоннаго и далѣе, въ глубину Волыни. Точно такъ же расположены были сторóжи надъ рѣкою Савранью и у бродовъ рѣкъ Кодыми и Кучменя, вдоль Кучменскаго шляху, который шелъ въ глубину Подолья. На Росавѣ и Ушицѣ стояли чаты на татаръ, вторгавшихся въ польскія владѣнія по Волошскому или Покутскому шляху. И надъ всею необозримою сѣтью этихъ шляховъ, стражницъ и могилъ господствовалъ, какъ главный сторожевой пунктъ, старинный Ровъ, названный, въ честь королевы Боны, Баромъ. Послѣ Каменца Подольскаго, эта была самая сильная украинская крѣпость, которая „глядѣла на три татарскіе шляхи“, какъ писали о ней въ донесеніяхъ королю. Она постоянно находилась, въ качествѣ старóства, во владѣніи коронныхъ гетмановъ, которые, по своему званію, были верховными охранителями

[1]) Лѣсъ этотъ находится въ Таращанскомъ уѣздѣ, между селями Вовнянки, Лисовичи и Богатырки.

границъ Рѣчи-Посполитой; ближайшій же надзоръ за всѣми сторожевыми стоянками и чатовниками въ XVI вѣкѣ имѣлъ подначальный коронному гетману „стражникъ трехъ шляховъ".

Если, какъ сказано выше, самая мѣстность украинская, въ силу долгой борьбы славянскаго міра съ монгольскимъ, приняла отличительный характеръ, до сихъ поръ не изглаженный временемъ и новымъ порядкомъ жизни; то тѣмъ болѣе идея защиты пограничья отъ орды должна была отразиться на общественныхъ отношеніяхъ пограничниковъ. Рядомъ съ потомками знаменитыхъ дворянскихъ родовъ, пріобрѣтали здѣсь широкую популярность, не только въ простонародьѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ, личности происхожденія темнаго, не-шляхтичи. Настоятельная нужда въ людяхъ, которые бы сторожили за движеніями хищныхъ татаръ и умѣли ихъ отражать, мало того, что заставляла правительство поощрять козацкіе обычаи въ пограничномъ городскомъ населеніи и относиться съ похвалами къ счастливымъ добычникамъ; она привела его къ необходимости прощать самыя тяжкія преступленія тѣмъ, кто прослужитъ четверть года въ пограничной стражѣ на собственномъ содержаніи и отличится какимъ-нибудь отважнымъ дѣломъ. Многіе баниты являлись въ Украину, отличались въ гонитвахъ за татарами, заслуживали потерянную честь и возвращались въ прежнюю среду. Но другіе оставались навсегда въ обществѣ пограничниковъ и вносили въ него особый элементъ буйства, выработанный на шляхетскихъ сеймикахъ и въ такъ-называемыхъ войсковыхъ związkach (союзахъ). Благопріятствуемая положеніемъ Украины свобода во всѣхъ начинаніяхъ, возможность пріискать людей, готовыхъ на самыя отчаянныя предпріятія и слабое дѣйствіе законовъ, постановляемыхъ для Украины центральною властью, давали здѣсь каждому смѣлому характеру развиться во всю ширину. Между тѣмъ общее въ началѣ стремленіе охранителей и колонизаторовъ Украины видоизмѣнялось подъ вліяніемъ при-

дворной политики, которая то призывала козаковъ подъ королевскія знамена, то принимала противъ нихъ мѣры, подавляющія врожденную имъ воинственность, а иногда дѣлала одно и другое разомъ. Вслѣдствіе этого, въ населеніи Украины образовалось двѣ среды: одна, которой выгоды совпадали съ распоряженіями центральной власти; другая, которой не возможно было существовать, не противодѣйствуя этимъ распоряженіямъ. Та и другая имѣли своихъ представителей, своихъ героевъ, которыхъ одни превозносили до небесъ, а другіе осыпали проклятіями. На мѣсто Дашковича, который, предводительствуя козаками, получалъ подарки отъ сеймовыхъ пановъ и награды отъ короля; на мѣсто Претвича, о которомъ благодарные паны говорили, что въ его время „спала отъ татаръ граница", и другихъ козацкихъ предводителей, считавшихся въ Краковѣ „безупречными и знаменитыми Геркулесами", — съ одной стороны, среди осѣдлой шляхты появились на военномъ полѣ магнаты, жаждавшіе уничтожить козаковъ до самого ихъ имени, а съ другой — изъ окозаченной массы украинскаго простонародья выступили на сцену вожди, мечтавшіе о разрушенія Кракова и истребленіи шляхетства [1]). Буйные волею, сильные духомъ, неутомимые въ несеніи военныхъ тягостей, тѣ и другіе, сравнительно съ обитателями внутреннихъ провинцій, были истинными „львами, жаждавшими одной кровавой бесѣды". Не зная мѣры своему произволу, они доводили всякую свою затѣю до послѣдней крайности и, образуя вокругъ себя новыя поколѣнія необузданныхъ поборниковъ извѣстныхъ убѣжденій, готовили для государства грозу, которая потрясла его до основы.

Къ воспитанію въ пограничникахъ отваги на борьбу за свои убѣжденія много способствовала безпрестанно представлявшая-

[1]) Такъ доносилъ королю полевой гетманъ Жолковскій о возстаніи козаковъ, подъ предводительствомъ Наливайка.

ся, въ видѣ живыхъ примѣровъ, возможность потерять имущество, семейство, свободу и жизнь. Съ увеличеніемъ населенія отрозненной Руси, татарскіе набѣги сдѣлались такъ часты, что коронный гетманъ Жолковскій насчитывалъ на своей памяти 30 наѣздовъ „великою ордою", не считая меньшихъ. Татары мало занимались ремеслами, торговлею, промыслами, не имѣли обширныхъ владѣній для взиманія дани, были заключены въ предѣлахъ скуднаго пастбищами полуострова, изъ котораго откочовывали къ роскошнымъ побережьямъ Днѣпра, Бога, Днѣстра не иначе, какъ подъ опасеніемъ козацкаго наѣзда. Поэтому польскія провинціи были для нихъ единственнымъ источникомъ обогащенія. Угоняли они скотъ, уносили всякую безъ различія движимость, но въ особенности дорожили ясыромъ, который продавали въ рабство на всѣ стороны востока. Восточное общество нуждалось въ безчисленномъ множествѣ рабовъ и рабынь разныхъ возрастовъ, а главными поставщиками этого товара были татары, добывавшіе его большею частью въ отрозненной Руси. Особенно жадно хватала орда въ плѣнъ дѣтей. Вмѣстѣ съ другими плѣнниками, шли они, какъ цѣнный товаръ, въ отдаленнѣйшія страны Азіи, а всего болѣе—въ Царьградъ. Дворъ и имперія султановъ опирались на личностяхъ, не имѣющихъ въ Турціи родства и потому привязанныхъ къ своимъ повелителямъ, какъ объ этомъ пишетъ Янчаръ-Полякъ еще передъ 1500 годомъ. Покупныхъ дѣтей воспитывали въ султанскомъ сералѣ для службы въ янычарахъ и для занятія придворныхъ должностей, требующихъ особеннаго довѣрія. Такимъ образомъ цвѣтъ христіянской силы былъ обращаемъ невѣрными на подпору магометанства. Мысль эта еще болѣе усиливала впечатлѣніе, производимое на пограничныхъ жителей татарскими набѣгами. Подъ вліяніемъ ежедневно ожидаемыхъ случайностей, выработались въ Украинѣ черты нравовъ и обычаи, не встрѣчаемые въ другихъ областяхъ Польши и московской Руси. Одно время Украинцы поражаютъ наблю-

дателя глубокою грустью своихъ пѣсень и меланхоліею сердецъ, въ другое — склонностью къ отчаяннымъ предпріятіямъ, или какою-то безумною веселостью, которая какъ-бы усиливается заглушить великое, невыразимое горе. Отсюда у нихъ трагическая противуположность между видимою веселостью и иносказательною грустью, на примѣръ, въ свадебныхъ обрядахъ, или даже въ дѣтскихъ уличныхъ играхъ, сохранившихъ слѣды кровавыхъ битвъ и татарскихъ набѣговъ. До нашего времени уцѣлѣлъ особый отдѣлъ народныхъ пѣсень, такъ называемыхъ *невольницкихъ*. Въ нихъ воспѣвается разлука мужей съ женами, сестеръ съ братьями и маленькихъ дѣтей съ отцемъ и матерью [1]). Въ нихъ плѣнная наложница турецкаго баши, тоскуя о своей нравственной гибели, выпускаетъ изъ темницы козаковъ-невольниковъ, которые тридцать лѣтъ не видали божьяго свѣта и праведнаго солнца [2]); а запорожскій отаманъ пятьдесятъ-четыре года остается прикованнымъ къ скамьѣ на турецкой галерѣ-каторгѣ, гдѣ ренегатъ-шляхтичъ пригоняетъ гребцовъ къ работѣ окровавленною на ихъ обнаженныхъ спинахъ лозою [3]). Ужасы отдаленія отъ родной семьи, безотраднаго невольничества и безпощаднаго варварства поработителей воспѣвались на Украинѣ со временъ первой ея колонизаціи и располагали умы народа къ трагическому созерцанію жизни. Отчаянная смѣлость, жажда хотя минутной радости, хотя той радости, какую даетъ надежда на успѣхъ покушенія, полное забвеніе послѣдствій и равнодушіе къ смерти—таковы были общія черты характеровъ, съ которыми панамъ-колонизаторамъ приходилось имѣть дѣло. Пока поселяне высиживали такъ-называемую волю, то есть льготные годы, пока на нихъ лежала одна военная повинность, — экономическія дѣла шли спокойнымъ ходомъ. На козацкій промыселъ въ дикія поля и за По-

1) См. въ приложеніяхъ къ 1-му тому думу *Невольницький плачъ*.

2) См. тамъ же думу *про Марусю Богуславку*.

3) См. тамъ же думу *про Кішку Самійла*.

роги пускался каждый, кому не сидѣлось въ пасікѣ, у кого не было охоты „спотыкаться по борознамъ". Отношенія между чернорабочимъ и господствующимъ классомъ были мирныя, основанныя на добровольныхъ сдѣлкахъ и взаимныхъ выгодахъ. Возвращавшіеся изъ *заполья* съ добычею козаки и торговые люди съ рыбою, солью и чужеземными товарами, весело собирались на ярмаркахъ, гдѣ продавались шкуры дикихъ звѣрей, убитыхъ въ низовыхъ входахъ, или турецкіе сафьяны, добытые наѣздомъ на подгородныя очаковскія, бѣлогородскія, тягинскія поселенія, или одежды, снятыя на войнѣ съ татарскихъ мурзъ и турецкихъ башей, или, наконецъ, кони, пойманные послѣ удачной схватки съ азіятскими наѣздниками; и тутъ же кобзари звонили въ металлическія струны подъ речитативъ, которымъ, съ геомерическими подробностями, описывали то бѣгство козаковъ изъ неволи, черезъ безводныя степи [1]), то сожженіе турецкаго корабля среди моря и дѣлежъ добычи. На мрачномъ фонѣ, составлявшемъ перспективу пограничной жизни, въ виду висящей надъ украинскимъ горизонтомъ тучи татаръ и турокъ, весело, шумно и пестро играла никѣмъ нестѣсняемая козацкая, пахарская и мѣщанская жизнь. Убожество пограничныхъ поселянъ часто смѣнялось приливомъ богатства—отъ урожая полей, отъ обилія медового сбора, а что̀ было всего отраднѣе для украинскаго сердца—отъ удачныхъ походовъ противъ невѣрныхъ. Босыя поселянки, жены, дочери и возлюбленныя смуглолицыхъ, обожженныхъ порохомъ героевъ-добычниковъ, появлялись посреди народной толпы въ парчевыхъ ку́нтушахъ, въ кораллахъ, которымъ никто не зналъ вѣрной цѣны, и въ золотыхъ ожерельяхъ, сорванныхъ козацкою рукою съ гаремныхъ затворницъ. Плачъ по убитымъ и уведеннымъ въ неволю смѣшивался, на хмѣльныхъ пирушкахъ, съ кликами радости

---

[1]) См. тамъ же думу *про трёхъ братів*. — Все это названія, подъ которыми извѣстны думы въ устномъ репертуарѣ пѣвцовъ-кобзарей.

счастливыхъ добычниковъ и угрозами „окурить мушкетнымъ дымомъ стѣны султанской столицы.“

И казалось пограничникамъ, что у нихъ не будетъ другой тягости, кромѣ убожества, прогонявшаго козаковъ изъ дому на опасный промыселъ,—что у нихъ не будетъ другой бѣды, кромѣ той, которая постоянно грозила имъ изъ-за степныхъ могилъ и сторожевыхъ шанцевъ. Но паны, охватившіе своими имѣніями весь юговостокъ за Кіевомъ, Каневомъ, Черкасами, Бѣлою-Церковью и далѣе до пограничнаго со стороны Молдавіи Каменца Подольскаго, мало-помалу начали дѣлать ощутительнымъ присутствіе польскаго права въ Украинѣ. Козаки въ началѣ не обращали вниманія на ту власть, которая сеймовымъ постановленіемъ 1590 года давалась надъ ними мѣстной шляхтѣ, и не завидовали размноженію въ Украинѣ панскихъ имѣній. Мѣстная шляхта тянула тогда въ одинъ гужъ съ козаками, жила съ ними за панибрата, хаживала козацкимъ обычаемъ на военный промыселъ, а ея имѣнія, при обиліи незанятыхъ никѣмъ земель въ Украинѣ, вовсе не стѣсняли козаковъ, напротивъ, еще обезпечивали ихъ семействамъ безопасность отъ татарскихъ набѣговъ. Но заселеніе украинскихъ пустынь шло съ быстротою невѣроятною; панскія села и мѣстечки густѣли съ каждымъ годомъ; земля чаще и чаще дѣлалась между пограничными жителями предметомъ кровавыхъ споровъ; недвижимая собственность дорожала, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и прежнія отношенія между панами и козаками. Украинскіе дворяне съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе обособлялись отъ козаковъ въ своемъ быту и интересахъ; сельское хозяйство, на плодоносной почвѣ, вознаграждало ихъ за труды вѣрнѣе, чѣмъ хожденіе съ козаками на военный промыселъ; съ улучшеніемъ общественнаго быта, явилась потребность въ болѣе строгой администраціи; на повѣтовыхъ сеймикахъ изыскивались мѣры къ обузданію всякаго своевольства, а всего больше — козацкаго; наконецъ, явилась настоятельная надоб-

ность въ рабочихъ рукахъ для множества новыхъ колоній, сгущавшихся на пограничьѣ; отъ свободныхъ поселянъ, составлявшихъ козацкія семейства, землевладѣльцы-паны стали требовать чиншей и панщины, а старинныя козацкія займища называли землею панскою. Этого мало: изъ *панской земли*, на которой очутился не знавшій надъ собою пана украинецъ, ему, какъ *подданному* панскому, запрещали выходить, когда понадобится, за Пороги и въ дикія поля. Вслѣдъ затѣмъ паны-землевладѣльцы начали увеличивать медовыя и другія дани, ввели поволовщину отъ стадъ и покуховщину отъ варенья напитковъ, стали брать плату съ жерноововъ, отдавать въ аренду рыболовныя мѣста, взимать мыто при въѣздѣ въ городъ и села на ярмарки. Словомъ—устроили въ Украинѣ новую Польшу. Старо́сты королевскихъ имѣній были тѣ же помѣщики и дѣйствовали въ старо́ствахъ, какъ и въ своихъ наслѣдственныхъ селахъ, а что́ было всего обиднѣе для селянъ — распоряжались не сами лично, а предоставляли свою власть намѣстникамъ, мелкимъ державцамъ и арендаторамъ, которые, по словамъ украинской лѣтописи, „ихъ же саломъ по ихъ шкурѣ мазали, отнявши у мужика, панамъ давали.“ То, отъ чего отцы и дѣды украинскихъ поселянъ уходили изъ глубины шляхетчины, по ихъ слѣдамъ пришло въ Украину. Изъ Украины переселенцамъ некуда было уходить далѣе, развѣ въ татарскую и турецкую неволю. Оставалось — или подчиниться панскимъ порядкамъ, то есть польскому, панскому, такъ-названному княжескому праву, или отстаивать некодифицированную равноправность, во что́ бы то ни стало. Мѣстныя условія и современное положеніе дѣлъ благопріятствовали послѣднему.

ГЛАВА VI.

Козацкій самосудъ и распространеніе козацкаго присуду на низшіе слои общества.— Остатки княжескихъ дружинъ въ Украинѣ—конные и путные бояре.— Наплывъ въ Украину польской неосѣдлой шляхты и ея роль.— Представители знатныхъ русскихъ фамилій въ составѣ первобытнаго козачества.— Переходъ добровольной ассоціаціи труда въ невольную.— Низовое козачество заслоняетъ королевскія и панскія имѣнія отъ татарскихъ набѣговъ.

Ссоры между козаками и шляхтою начались, можно сказать, со временъ незапамятныхъ. Поводъ къ нимъ подавалъ уже одинъ противоположный взглядъ той и другой стороны на право владѣнія землею. Не разъ козацкая займанщина должна была соприкоснуться съ займанщиною панскою, по мѣрѣ того какъ гуще и гуще дѣлались панскія слободы въ Украинѣ. Козаки, не зная по книгамъ, но сознавая въ душѣ jus primi occupantis, отстаивали свои пастбища и ланы противъ притязаній шляхты, которая сперва владѣла ими de jure, а потомъ захотѣла владѣть и de facto. Шляхта, искони воинственная на пограничьѣ, не спускала козакамъ и, отличаясь превосходствомъ военныхъ средствъ, легко брала надъ ними перевѣсъ. За всякою побѣдою надъ сословіемъ, которому польское право отказывало въ землевладѣніи, она дѣлалась полнымъ собственникомъ нѣкоторой части старинныхъ заимищъ козацкихъ и, слѣдовательно, налагала тягость подданства на ихъ обитателей. Такъ говоритъ, по дошедшимъ до него

преданіямъ, венгерско-польскій историкъ Грондскій, но прибавляетъ, что шляхтѣ не легко было утвердить это подданство за собою, такъ какъ и передъ самой Хмельнищиною всё еще оставалось много пустыхъ, недоступныхъ для шляхты земель, куда покоренные уходили по примѣру своихъ предковъ и устраивали тамъ новыя и вольныя „осады“.

Польскіе моралисты нашего времени упрекаютъ козаковъ стараго вѣка въ томъ, что они, будучи издавна народомъ свободнымъ и, по своему рыцарскому значенію относительно борьбы съ невѣрными близко подходившимъ къ характеру шляхты, не вошли съ нею въ такое единеніе, какъ жители литовско-русскихъ „застѣнковъ“, съ которыми польская шляхта еще при Сигизмундѣ-Августѣ подѣлилась гербовыми своими знаками и привилегіями. Это потому, говорятъ они, что полудикіе козаки ни на что̀ не хотѣли промѣнять своей разбойничьей и хищной жизни. Но едвали не будетъ справедливѣе сказать, что идея шляхетства была чужда козакамъ не по хищническому роду ихъ жизни, а потому, что она противорѣчила основнымъ понятіямъ народной массы украинской. Вѣчевое право удѣльнаго періода, по которому князья были не вотчинниками, не владѣльцами земли, а только правителями, не государями, а только господами, преобразилось у этой массы въ право копное, далеко опередившее, даже по дошедшимъ до насъ памятникамъ, появленіе княжескаго или польскаго права въ Украинѣ; а копные суды, вызывавшіе къ отвѣту самого дідича, то есть землевладѣльца, наравнѣ съ крестьянами, отозвались потомъ, при посредствѣ магдебургскаго права, въ образованіи судовъ церковно-братскихъ, по которымъ власть духовенства контролировалась мірянами, и недостойный своего сана епископъ могъ быть удаленъ братствомъ отъ управленія епархіею. Всѣ эти черты самосуда и самоуправленія приняли самыя выразительныя формы въ устройствѣ козацкой корпораціи, основанной на идеѣ полнаго равенства передъ закономъ или передъ

олицетворенiемъ закона въ предводителяхъ, избранныхъ вольными голосами. „Гдѣ два козака, тамъ они третьяго судятъ“: эта народная аксiома распространялась не на одно военное, такъ сказать, привилегированное сословiе въ Украинѣ (козакъ былъ только конкретнымъ выраженiемъ того, чѣмъ каждый *могъ* быть и, въ случаѣ надобности, *долженъ* былъ быть). Она, очевидно, старѣе того козачества, которое извѣстно намъ по письменнымъ преданiямъ [1]). Вкоренившееся вѣками признанiе одинаковыхъ человѣческихъ правъ за каждымъ членомъ ихъ общества дѣлало козаковъ неспособными даже и къ такой нобилитацiи, какую представляетъ придуманный панами выборъ изъ нихъ „лучшихъ людей“ для вписанiя въ реестръ козацкiй. Козаки пользовались этимъ отличiемъ только для полученiя назначеннаго имъ по реестру жалованья; въ сущности же число ихъ опредѣлялось не войсковымъ спискомъ, а интересомъ предстоявшаго похода, и сами короли содѣйствовали, подъ нужду, свободному развитiю козачества такъ называемыми приповѣдными листами, приглашавшими подъ козацкiя хоругви людей всякаго рода и званiя. Когда понятiе о равенствѣ притупилось въ разбогатѣвшихъ козацкихъ старшинахъ, которые поладили съ панами и стали смотрѣть свысока на Запорожье, — козаки начали сперва тайно, а потомъ явно нобилитоваться, и даже въ договоръ съ московскимъ царемъ включили статью о томъ шляхетствѣ, которое пошло въ козаки противъ шляхты польской; но то было уже начало разложенiя козачества по почину самого ихъ предводителя, пожелавшаго быть наслѣдственнымъ княземъ, подъ видомъ равноправнаго гетмана.

Каковы бы, впрочемъ, ни были причины ихъ задоровъ и ссоръ съ панами, но панскiе порядки въ Украинѣ и панскiя

---

[1]) Подчиненiе воли одного суду двоихъ, и слѣдовательно многихъ, выразилось также въ пословицѣ: *Колй два кáжуть: „пъяный“, то лягáй спáти.*

стремленія сдѣлать изъ Украины то, что̀ уже было сдѣлано изъ другихъ польскихъ провинцій, были главными стихіями, изъ которыхъ козаки съ одной стороны, а шляхта съ другой — черпали свою взаимную недовѣрчивость, непріязнь и, наконецъ, ожесточенную вражду. Защищая пановъ, какъ колонизаторовъ опустошенной татарами страны, польскіе моралисты воображаютъ защищать въ ихъ лицѣ дѣятелей цивилизаціи противъ степныхъ варваровъ, чуждавшихся ея благъ. Дѣйствительно, цивилизація много потеряла отъ козацкихъ возстаній. Жаль намъ тѣхъ многочисленныхъ пасікъ, тѣхъ фруктовыхъ и даже виноградныхъ садовъ, о которыхъ сохранились преданія, того земледѣлія и скотоводства, которое начало-было принимать въ Украинѣ такіе громадные размѣры, и, наконецъ, ремеслъ, которыя естественно процвѣтаютъ въ богатой мѣстными продуктами странѣ [1]). Но насъ успокаиваетъ мысль, что съ польской культурой было неразлучно рабовладѣніе; что отъ козацкихъ возстаній пострадала не та цивилизація, которая приходитъ къ народу путемъ экономическаго и умственнаго развитія массы, а та, которая, развивая удобства жизни, политическія идеи и вкусъ къ изящному въ одномъ сословіи на счетъ другихъ, приводитъ все гражданское общество къ деморализаціи. Знали козаки, или нѣтъ, къ чему именно пришли бы они, подчинясь польскому праву, намъ не извѣстно. Они, по отношенію къ потомству, которому оставили такъ мало письменъ своихъ, дѣлали свое дѣло, можно сказать, молча. Зато не только въ своихъ осадахъ и куреняхъ управлялись собственными, отъ самихъ себя поставленными властями, и не только не признавали надъ собой никакого другого права [2]),

---

[1]) Изъ дневника Ласоты, императорскаго посла на Запорожье, мы знаемъ, что запорожцы во время походовъ не нуждались ни въ какихъ мастерахъ для починки оружія и другихъ подѣлокъ военныхъ. Бопланъ, нѣсколько позже, говоритъ то же самое.

[2]) „Volumina Legum“, III, 122: „Osobne sobie sędzie y starsze postanowiwszy, przed żadnym prawem, iedno przez się ustanowionemi Atamany stawać niechcą“.

но еще вводили свою форму суда и въ городахъ. Они — выражаясь тогдашнимъ терминомъ — не хотѣли знать „присуду“ королевскихъ старостъ и забирали городскихъ и сельскихъ жителей подъ собственный козацкій присудъ такъ что, гдѣ были козаки, тамъ королевская администрація дѣлалась недѣйствительною [1]). Освобожденіе городовъ отъ козацкой юрисдикціи составляло предметъ постоянныхъ заботъ представителей шляхты на сеймахъ; мѣры принимались за мѣрами, однѣ другихъ безуспѣшнѣе, такъ какъ исполнительная власть не соотвѣтствовала законодательной; наконецъ, въ 1638 году, за десять лѣтъ до начала Хмельнищины, запрещено было мѣщанамъ отдавать дочерей своихъ въ замужество за козаковъ и продавать козакамъ какую бы то ни было недвижимую собственность. Козаки между тѣмъ крѣпли — и какъ военная корпорація, и какъ полумѣщанское сословіе. Утвердясь на Низу, они свою Січь сдѣлали школою рыцарства для всѣхъ недовольныхъ панскими порядками въ Украинѣ, для всѣхъ завистниковъ панскаго благоденствія, для всѣхъ обиженныхъ панами въ качествѣ претендентовъ на владѣніе *бáтькiвщиною*, то есть батьковскимъ займищемъ.

Мы еще будемъ имѣть случай указать, что козакованье было для нихъ не столько рыцарствомъ, въ смыслѣ призванія, не столько идеею соціальнаго отпора, а тѣмъ менѣе реакціи политической, сколько простымъ промысломъ, буднишнимъ добываньемъ насущнаго хлѣба, — такимъ точно, какъ то, изъ-за котораго черкасскіе мѣщане тягались — то съ кіевскими чернецами, то съ королевскимъ старостою Пенькомъ. Теперь скажемъ только, что первый періодъ козачества былъ вовсе не то, что̀ второй, равно

[1]) Id. II, 465: „Kozacy... zwierchność Starostow naszych nie przyznawaią, ale Hetmany swe, y inszą formę sprawiedliwości swey maią: czym miasta, y mieszczany nasze uciskaią, władzę urzzędnikow naszych, y Uvząd Ukrainny mieszaią ect.—Miasta też nasze y mieszczanie, chcemy aby się pod ich iurisdykcye nie podawali, y synom swym tego czynić nie pozwolali, *sub amissione bonorum et poena captis.*

какъ второй не то, что послѣдующіе. Предпріимчивый духъ, почти угаснувшій нынѣ въ украинскомъ народѣ, въ XVI и XVII вѣкѣ олицетворялся въ козакахъ соотвѣтственно потребностямъ страны. Козаки являлись представителями живой силы, тѣснимой панскою цензурою, которая стремилась заковать эту силу въ неподвижный status quo, и въ этомъ случаѣ правы тѣ историки, которые называютъ украинскихъ козаковъ (другихъ мы имъ охотно уступаемъ) врагами государственности, разбойниками, ненавистниками гражданскаго порядка. Всѣ сословія перебывали въ козакахъ единично, всѣ опирались на нихъ корпоративно, всѣ находили въ ихъ устройствѣ подъ нужду свое искомое; но ни одно сословіе не вдохнуло въ нихъ своего духа, по той причинѣ, что status quo былъ общій идеалъ всѣхъ партій, и ни одна не могла проникнуться полною радикальностью, за исключеніемъ козачества. Такъ же точно всѣ сосѣднія державы, и даже отброшенная далеко Швеція, старались воспользоваться козаками, какъ пользуются огнемъ для временныхъ надобностей; но ни одна не могла примириться съ ихъ идеаломъ равноправности. Тогдашняя современность недалеко ушла отъ среднихъ вѣковъ. Ни одно гражданское общество не было способно принять въ свою среду эту свободную дружину и дать ей свою государственную чеканку. А надо отдать честь польской шляхтѣ, что она соотвѣтствовала больше этой задачѣ, нежели какое-либо изъ тогдашнихъ государствъ. Козачество было не что иное, какъ осуществленіе народнаго идеала равноправности въ грубой формѣ, обусловленной его положеніемъ. Шляхетство, съ другой стороны, было не что иное, какъ осуществленіе идеала старопольской сельской гмины [1]), подъ вліяніемъ сосѣдняго феодализма. Еслибы не ксензы съ ихъ наукою властвовать и порабощаться, такія попытки къ ближенію, какую представляетъ Самуилъ Зборовскій, не говоря о многихъ

[1]) См. „Staropolska wiejska Gmina", przez A. Maciejowskiego („Dziennik Powszechny" 1861, № 414—415).

другихъ, могли бы привести къ тому, что Польша стала бы во главѣ Славянщины, какъ величайшій изъ новыхъ народовъ. Но обратимся къ убогой умомъ и благородствомъ дѣйствительности.

Въ первомъ періодѣ козаки были не что̀ иное, какъ козакующая противъ татаръ панская пограничная стража, которою предводительствовали тѣ, чья была земля. Земля de jure принадлежала — или королю, или панамъ. Въ первомъ случаѣ, король предоставлялъ своимъ старостамъ, какъ представителямъ своей власти, пожизненное владѣніе землею, съ правомъ чинить судъ и расправу въ предѣлахъ староства, такъ какъ бы это дѣлалъ самъ, находясь въ своей королевщинѣ. Во второмъ случаѣ, паны землевладѣльцы являлись еще болѣе точнымъ повтореніемъ короля въ уменьшенномъ видѣ, какъ государя относительно подданныхъ. Подданные въ Украинѣ были двухъ сортовъ: королевскіе и панскіе. Королевскіе находились подъ присудомъ старостъ, панскіе— подъ присудомъ дідича, или вотчинника. Тѣ и другіе были призываемы въ пограничныя воеводства для заселенія края и извлеченія изъ него доходовъ въ пользу собственниковъ земли—короля и пановъ. Чтобы они могли успѣшно исполнять свою функцію, нужна была охрана. Эту охрану устраивали старосты для королевскихъ, а паны — для своихъ собственныхъ имѣній. Охрана составлялась изъ элементовъ неоднообразныхъ и неравносильныхъ.

Въ польской Украинѣ, въ которую, по смыслу слова, слѣдуетъ включать и Червоную Русь, уцѣлѣлъ отъ татарскаго періода остатокъ княжескихъ дружинниковъ, извѣстный подъ именемъ бояръ и вольныхъ слугъ. Бояринъ у варягорусскихъ князей былъ тотъ же слуга, но только слуга-большакъ. Бояре относительно князя были то, что̀ у козаковъ *отама́нье*— относительно гетмана, кошового или полковника. Съ уничтоженіемъ государящихъ князей, южнорусскіе бояре, вмѣстѣ съ рядовыми слугами, остались безъ работы, какъ соціальное тѣло; разбрелись въ чужіе края, гдѣ находили по себѣ службу, на примѣръ, къ сѣверорусскимъ удѣль-

нымъ и великимъ князьямъ (еще съ XIV-го вѣка), а не то — разсѣевались по землямъ новыхъ владѣльцевъ или входили въ ихъ прибочную оружную компанію. Право отъѣзда отъ одного князя къ другому сохранили они въ своемъ обычаѣ по преданію. Такой отъѣздъ совершился въ большихъ размѣрахъ въ Червоной Руси, гдѣ позже другихъ украинскихъ мѣстностей уничтожились русскіе князья, съ своимъ самостоятельнымъ „русскимъ правомъ". Лишь только введено было тамъ Казимиромъ III право польское, бояре массами оставляютъ этотъ край и эмигрируютъ — болѣе сильные за Карпаты, а слабѣйшіе на Подолье и въ Кіевщину. Отсюда пошло письменное преданіе, что будтобы козачество обязано своимъ существованіемъ выходцамъ изъ Червоной Руси. Червоная Русь дала и постоянно давала контингентъ козачеству, но оно вызвано было колонизаціею окраинъ Польско-Литовскаго государства послѣ татарскаго лихолѣтья, а не упраздненіемъ дружинной службы. Въ XVI вѣкѣ, съ котораго мы начинаемъ имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о козакахъ, значеніе боярства, въ смыслѣ сословія, ослабѣло и тамъ, гдѣ гетманили не старосты и дідичи, а удѣльные и великіе князья, то есть въ Сѣверной Руси; оно впало въ неопредѣленность, потеряло юридическое значеніе. Въ Украинѣ бояринъ иногда значилъ меньше, чѣмъ мѣщанинъ, иногда больше; а такъ какъ это сословіе искони не было землевладѣльческимъ, а только служилымъ, въ смыслѣ княжескихъ глазъ и рукъ, то боярамъ и не пришлось удостоиться юридическаго равенства съ сословіемъ гербованнымъ, тогда какъ мѣщане, въ важныхъ должностяхъ своихъ, пользовались шляхетскими правами и, въ качествѣ землевладѣльцевъ, учавствовали, до извѣстнаго времени, въ сеймовыхъ собраніяхъ. Измельчавшіе такимъ обрасомъ бояре продолжали удерживать имя свое, какъ и въ званіи рукодайныхъ панскихъ слугъ, такъ и въ званіи старостинскихъ служебниковъ, даже и тогда, когда паны не отличали уже ихъ отъ мужиковъ, отъ собственно такъ называемыхъ подданныхъ. Только

въ составѣ козацкой корпораціи переставали они именовать себя боярами, и предпочли названіе *козакъ* названію *бояринъ*. Similia similibus gaudent. У князей варягоруссовъ бояре и вольные слуги козаковали противъ половцевъ, печенѣговъ или противъ сосѣдей совершенно такимъ способомъ, какъ у королевскихъ старостъ и вотчинныхъ дідичей — противъ соотвѣтственныхъ представителей непріязненнаго имъ элемента. Одинаковость экономическихъ и стратегическихъ потребностей вызвала повтореніе дружиннаго начала при другой, уже феодально-абсолютной политической системѣ на мѣсто федеративно-вѣчевой, какая существовала на Руси въ до-татарскій періодъ. Но доколѣ существовалъ бы варяго-русскій строй жизни, до тѣхъ поръ не могло бы образоваться самостоятельное козакованье дружинниковъ. Чуждый дружинному и вѣчевому началу абсолютный феодализмъ, введенный сперва литвинами, а потомъ поляками въ достояніи Владимира Кіевскаго, этого собирателя русской земли въ духѣ славянскомъ, привелъ къ раздѣленію одной ассоціаціи воинственныхъ администраторовъ на двѣ ассоціаціи, которыя были похожи съ виду и даже уживались между собой по однородности занятій, но въ основномъ принципѣ расходились діаметрально, и могли ужиться только подъ условіемъ полнаго пересозданія одной въ другую, то есть такого пересозданія, чтобы—или феодалы усвоили себѣ дружинное начало, или дружинники вошли въ составъ привилегированныхъ феоаловъ. Долговременная борьба ихъ за свои соціальныя понятія показала, что, какъ одно, такъ и другое было невозможно. Былое наше имѣетъ на нашу будущность гораздо больше вліянія, нежели многіе думаютъ. Причины упорства на своемъ двухъ лагерей, козацкаго и шляхетскаго, скрываются во временахъ до-кадлубковскихъ, и восходятъ, пожалуй, ко временамъ формаціи міра славянскаго и міра нѣмецкаго.

Возвращаясь къ старостамъ и вотчиннымъ дідичамъ русскимъ, этимъ удѣльнымъ князьямъ, воскреснувшимъ послѣ татар-

скаго погрома и литовскаго террора подъ дыханіемъ тевтонской жизни, скажемъ, что бояре отличались отъ черни случайнымъ владѣніемъ землею на правахъ вотчинниковъ, гораздо чаще на правѣ помѣстномъ, но главное отличіе ихъ составлялъ вольный переходъ съ мѣста на мѣсто, не замѣченный даже законодательствомъ, которое, исходя изъ интересовъ землевладѣльческихъ, а не государственныхъ, строго, хоть и безуспѣшно, оберегало присутствіе рабочей силы въ хозяйственныхъ единицахъ, но не стѣсняло лицъ служилыхъ. Бояре, по старинѣ, были слуги, а не работники. Будучи руками и глазами самихъ землевладѣльцевъ, они были народъ, крайне необходимый при тогдашней разбросанности поселковъ и пустынности всей литовской польской Украины. Потому-то бояре носили названія *путныхъ*, въ соотвѣтствіе chodaczkowej szlachty польскихъ хозяевъ и *конныхъ* бояръ, которые въ русскихъ провинціяхъ соотвѣтствовали przjacielom, приживальцамъ, полударовымъ хлѣбоѣдамъ польскаго экономическаго быта. Слугою дѣлался у пановъ каждый неосѣдлый, но вмѣстѣ также и не прикрѣпленный къ землѣ, въ томъ числѣ и шляхтичи, такъ сказать, примазавшіеся къ шляхтѣ родовой, или же измельчавшіе родовики, соотвѣтствовавшіе боярскимъ дѣтямъ у сѣверной руси. Въ польскихъ провинціяхъ такая безземельная шляхта, подъ именемъ brukowej szlachty, готова была къ услугамъ сеймующихъ или конфедерующихъ пановъ за кусокъ хлѣба и за куфель пива; въ провинціяхъ русскихъ она бѣдствовала гораздо меньше, и поэтому-то переходила весьма часто изъ коренной Польши въ польскую Русь или, говоря относительно, въ Украину, которая этимъ голоднымъ „братьямъ" сытыхъ помѣщиковъ польскихъ, больше нежели кому или чему другому, обязана преувеличенными слухами о своемъ богатствѣ. Какъ золотые сны о Мексико и Перу увлекали за океанъ земляковъ Кортеса и Пизарро, такъ голодное воображеніе тянуло къ намъ изъ Польши людей, которыхъ сословный предразсудокъ удалялъ отъ занятій

ремеслами и крамарствомъ [1]). Они-то по преимуществу бывали рукодайными слугами у потомственныхъ землевладѣльцевъ и прибочными служебниками у землевладѣльцевъ помѣстныхъ, то есть у королевскихъ старостъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ они вносили въ мѣстную администрацію закваску, подобную той „малой закваскѣ“, о которой сказано, что она все тѣсто заквашиваетъ. Украинская пословица: *не такъ паны, якъ паненята*, обязана имъ своимъ происхожденіемъ. Они, какъ это часто случается, приносили съ собою тотъ самый духъ господства надъ слабѣйшимъ или зависимымъ, который томилъ ихъ самихъ на родинѣ. Они, подстрекая землевладѣльцевъ русскихъ къ панованью польскому, были пропагандистами ссоры панскихъ подданныхъ съ попами, а королевскихъ съ старостами, и первые подавали примѣръ разрыва добровольной ассоціаціи бѣгствомъ отъ пановъ за Пороги или въ козацкіе выселки среди недоступныхъ еще для пана пустынь. Въ старостинскихъ зáмкахъ они представляли въ себѣ королевскимъ намѣстникамъ, этимъ своего рода сатрапамъ королевскимъ, готовое орудіе для превращенія необходимо вольной въ началѣ ассоціаціи въ громаду, которая принуждена была слушаться рабски того, кто прежде былъ не столько старостою, сколько „громадскимъ мужемъ“. И вотъ, дѣлясь выгодами своего положенія съ немногими, староста заставлялъ повиноваться себѣ многихъ, въ томъ числѣ и самихъ дружинниковъ. Они, эти

---

[1]) Послѣдній предразсудокъ сообщили они отчасти и козачеству, въ которое постоянно входили, какъ безпокойно-дѣятельный ингредіентъ. Якимъ Сомко, во второй половинѣ XVII вѣка, унизилъ себя во мнѣніи козацкаго общества тѣмъ, что имѣлъ *крамныя коморы*, а въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху возрожденія козачества, сдѣлавшагося уже анахронизмомъ, на правой сторонѣ Днѣпра, типическій, такъ называемый малеванный запорожецъ говоритъ:

Якъ хочъ мене назови,
На все позволяю,
Аби тілько не крáмаремъ,
Бо за те поляю.

недобитки можновладства польскаго, учили мѣстнаго уроженца старосту добивать выборное начало, котораго не могли искоренить въ нашемъ обществѣ ни татарскіе, ни литовскіе порядки, и, натурально, готовили въ будущемъ ту реакцію польскому праву, которая выразилась при Конашевичѣ-Сагайдачномъ героическимъ возстановленіемъ выборнаго начала, какъ въ обществѣ, такъ и въ самой церкви русской, а при Богданѣ Хмельницкомъ— рядомъ неслыханныхъ разбоевъ.

Не забѣгая впередъ, поспѣшимъ замѣтить, что эти же самые люди доставляли козачеству, въ дополненіе къ татарски-воинственному контингенту, контингентъ европейски-воинственный. Выходцы изъ глубины Польши, гдѣ, какъ указано выше, и вокругъ Кракова существовала Русь, состояли не изъ одной бруковой шляхты, не изъ однихъ тѣхъ, которые, по словамъ Михалона Литвина, привыкли къ своей Литовщинѣ еще въ постели кричать: „вина! вина!" не изъ однихъ такихъ, которыхъ нашъ холмскій землякъ, а польскій писатель, Рей, ставитъ ниже лѣсныхъ волковъ по грубости ихъ общественныхъ увеселеній. Между выходцами попадались и такіе люди, какъ Предисловъ Лянцкоронскій, отвѣдавшій войны съ невѣрными въ самой Азіи, окончившій полный курсъ рыцарства въ европейскихъ арміяхъ и вполнѣ соотвѣтствовавшій похвалѣ, которую такъ щедро расточаетъ древній лѣтописецъ древнимъ полякамъ: Non dominandi ambitus, non habendi urgebat libido, sed adalte robur animositatis exercebat, ut praeter magnanimitatem, nihil magnum estimarent. Если-бы не эта другого рода закваска козачества, никогда бы оно не совершило такихъ подвиговъ колонизаціи, о какихъ не смѣлъ мечтать ни „мудрый" Ярославъ, устроившій поселеніе „по Рьси", ни тотъ предпріимчивый князь, чьи „комони ржали за Сулою, чьи трубы трубили въ Новѣградѣ." При этомъ надобно имѣть въ виду, что въ рядовомъ козачествѣ, возникшемъ изъ положенія края, были, такъ сказать, офицеры изъ

высшаго сословія, которые назывались взаимно *товарищами*, доколѣ ходили въ козаки или козаковали. Въ польскомъ коронномъ войскѣ товарищами назывался весь его шляхетный контингентъ (выбранецъ, наемный нѣмецъ и проч. товарищемъ не назывался); коронно-войсковой шляхтичъ терялъ это почетное званіе только тогда, когда дѣлался поручикомъ, ротмистромъ и т. д. Въ старостинскихъ и панскихъ ополченіяхъ служили частію весьма знатные землевладѣльцы, которые нерѣдко дѣлались предводителями козачества, въ качествѣ выборныхъ козацкихъ гетмановъ. На примѣръ, въ половинѣ XVI вѣка судебные ораторы, въ своихъ рѣчахъ передъ королемъ и сенаторами, называютъ козаками князя Константина-Василія Острожскаго и князя Димитрія Сангушка наряду съ Дашковичемъ, Претвичемъ, Сверчовскимъ. Ходить въ козаки было въ началѣ дѣломъ самымъ почетнымъ, и въ образованіи козачества участвовали лучшіе люди и лучшіе воины въ польско-русскомъ дворянствѣ. Не панская прихоть, не безотчетное рыцарское удальство заставляло знатныхъ пановъ ходить въ козаки, но то самое чувство, которое внушало князю Игорю опоэтизированное желаніе испить шеломомъ Дону. Русская земля выполняла всё одну и ту же функцію, будучи расположена у края Европы, и мы можемъ называть ее Украиной въ самомъ почетномъ смыслѣ, помня, что она, со временъ Кіевскаго Владимира, была постоянно обращена лицемъ къ азіятскому, разрушительному міру. Названіе Малая Русь или Южная Русь, или польско-литовская Русь не выражаютъ роли этой страны въ исторіи европейской культуры,—той роли, которую присвоиваетъ себѣ Польша, не понимавшая Украины ни политически, ни исторически. Впослѣдствіи изъ этихъ волонтеровъ дѣлались воеводы, каштеляны, стражники, коронные гетманы. Старостинскій или панскій замокъ, дикое поле или татарскій шляхъ были для нихъ школою, въ которой они изучали не одно искусство боя съ невѣрными, но—что̀ было гораздо важнѣе—самую страну, это невѣдомое,

таинственное, опасное море степей украино-татарскихъ,—невѣдомое до того, что за составленіе весьма недостаточной карты татарскихъ шляховъ, галицко-русскій панъ Сінявскій получилъ въ свое время отъ короля такую награду, какія давались только за государственныя заслуги. Гетмановать въ тѣ времена значило быть вождемъ, водить войско, а водить войско значило знать мѣстность и въ стратегическомъ отношеніи, и въ отношеніи водопоевъ, паши, живности, на возможно широкомъ пространствѣ, по которому татары бродили—то въ качествѣ номадовъ, то въ качествѣ добычниковъ [1]). Разбой, если позволительно здѣсь такъ выразиться, противопоставлялся разбою, скитанье — скитанью, выносчивость — выносчивости. Это была служба ежедневная и еженочная, потому что татары жили почти одной только добычею. Молодой человѣкъ, упражнявшій способности свои подъ предводительствомъ какого-нибудь князя Рожинскаго, не забытаго народною пѣсенною музою донынѣ, развивался на пограничьѣ во всю ширину врожденныхъ доблестей своихъ. „Atque itu Podolii“, говоритъ одинъ изъ Геродотовъ новой Скиѳіи, „nocte ac dies bello continuo vitam totam transigunt. O vivos omni genere praemiorum dignos!“

Въ главѣ I-й я говорилъ о томъ, какъ литовско-русская торговля съ Греціею отхлынула съ береговъ Чорнаго моря, переставшаго быть *гостепріимнымъ* (pontus euxinus) по водвореніи турокъ въ Царьградѣ. Теперь слѣдуетъ сказать, что со стороны русскихъ людей постоянно наносился вредъ турецко-татарской торговлѣ на томъ важномъ торговомъ пути, который Сарницкій называетъ знаменитымъ „битымъ шляхомъ“ (via trita et celebris)

---

[1]) И послѣ Хмельнищины еще знаніе страны не потеряло важности, которую имѣло оно во времена Сінявскаго. Петро́ Дорошенко избранъ былъ за него въ гетманы. „Онъ — козакъ старый и поля знаетъ“, говорили козаки на избирательной радѣ, на конвокаціонномъ сеймѣ козацкомъ, и рѣшили выборъ въ пользу Дорошенка.

и который велъ отъ Бѣлгорода (Theodosia dicta veteribus) къ Очакову. На караваны, шедшіе этимъ путемъ съ богатствами эксплоатируемой завоевателями имперіи черезъ Очаковъ на Москву или на Астрахань, а оттуда возвращавшіеся съ произведеніями звѣроловнаго сѣвера и плодоноснаго востока, русскіе добычники нападали разбойницкимъ обычаемъ. Пограничные старосты воспользовались этимъ торговымъ путемъ для того, чтобы добыть языка и развѣдать, чтò замышляютъ враги, или чтò дѣлается въ Турещинѣ и Татарщинѣ. Для этого посылали они на „битый шляхъ“ собственно такъ называемыхъ козаковъ, людей, весьма легко вооруженныхъ и способныхъ къ быстрымъ, неожиданнымъ нападеніямъ (genus quoddam militum leuissimae armaturae velitationibus aptum, quos Kozakios vocant). Задача этихъ людей, по описанію, сдѣланному Сарницкимъ во второй половинѣ XVI-го вѣка, состояла въ томъ, чтобы схватить, кто подвернется подъ руку, и примчать къ старостѣ или другому старшинѣ. „Но чаще (продолжаетъ Сарницкій) бываетъ на оборотъ. Козаки возвращаются, прилегши на конѣ и поглядывая, какъ бы кто не замѣтилъ ихъ слѣдовъ и самихъ не схватилъ на погибель“. Естественно, что тутъ случалось, такъ же какъ и во времена Игоревы, „пересѣсть изъ сѣдла злата да въ сѣдло кощеево“, попросту — очутиться въ плѣну. Сарницкій пишетъ объ этомъ съ геродотовской опредѣлительностію: „... ita ex praetereuntibus rapiunt quos possunt, et ad praefectos suos citato et festinanti cursu reducunt, saepius tamen retro, ceruice inflexa, prospectantes, ne quis eorum vestigia signet, et urgendo capiti eorum invehat. Nam non raro alea cecus cadit quam optassent et saepe ex captiuante fit captiuus“. Почтенный географъ бесѣдовалъ съ удальцами, — конечно не полатыни, и получалъ на свои вопросы достойные Игоря Святославича отвѣты. „Изъ-за чего вы, козаки“, спрашивалъ онъ, „подвергаетесь такъ дерзко невѣрности военнаго счастья?“ — „Чтò за бѣда!“ отвѣчали ему:

„хоть и не будетъ никакой добычи, такъ и то хорошо, что повеселю этой забавою молодые лѣта мои“. — Пріятная забава! (замѣчаетъ про себя кабинетный дѣятель). Кто этого не знаетъ, чѣмъ она кончится, какъ попадешь въ татарскія руки?“ — „Et interroganti, cur ita temere dubio Marti se exponant, responsare solent: bene est, si, inquit, nihil inde vtilitatis percepero, nisi quod iuuenilem aetatem meam eo pacto consolabor contentaneroque, satis est, iuuat. At contentatio illa qualis futura sit, si interim ad manus Scythicas deueneris, nemo est qui ignorat“. Къ этому-то періоду относятся тѣ народныя наши думы, которыя, даже перейдя чрезъ медіумъ невѣжества кобзарскаго, всё еще и въ обломкахъ своихъ живо изображаютъ богатство поработителей Греціи и молодецкую жадность русскаго оборвыша поживиться отъ нихъ частью хищнической ихъ добычи, а не то — хоть повеселить себя рискомъ. Все равно вѣдь бѣда ежеминутно виситъ надъ головою.

Не думае (козакъ), не гадае,
Що на ёго молодого,
Ще й на чуру ёго малóго
    Біда настигае —

поютъ наши кобзари. Зачѣмъ же ея ждать? Не лучше ли juvenilem aetatam suam consolare?...

Это былъ не только шляхетскій, но и молодецкій періодъ козачества. Не одна добыча была задачею козацкихъ предпріятій: служили паны въ козакахъ больше въ видахъ защиты своихъ слободъ отъ монгольскихъ хищниковъ, чѣмъ изъ соотвѣтственнаго хищничества славянскаго. Даже преданіе о древней торговлѣ по Днѣстру съ Ѳеодосіею и другими черноморскими рынками не совсѣмъ порвалось въ земледѣльческой жизни ихъ. Въ скудномъ, сравнительно съ прежнимъ, количествѣ всё еще отправлялся хлѣбъ prono flumine, но уже ad barbaros, и (прибавляетъ географъ) non sine graui discrimine vitae (не безъ серьозной опасно-

сти жизни). Сосѣди, какъ мы видимъ, платили другъ другу одинаковой монетой. Другой современный географъ, Мартинъ Броневскій, указываетъ на соляной промыселъ, какъ на причину постоянной войны козаковъ съ татарами, что̀ мы видѣли и въ описаніи похожденій Самуила Зборовскаго. Не вдалекѣ отъ Кочубей-городища, у приморскихъ соляныхъ озеръ, собира̀лось безпрестанно множество козаковъ, этихъ первыхъ чумаковъ украинскихъ, и вѣчно происходили у нихъ битвы и стычки съ татарами. [1]) Это, говоритъ онъ, были крайне опасныя мѣста для проѣзда не только ночью, но и во всякое время. По всему тракту, которымъ онъ долженъ былъ проѣзжать во время своего посольства въ Астрахань, онъ то и дѣло видѣлъ мертвыя тѣла, если не самихъ козаковъ, то другихъ людей. Такова была функція козачества въ то время, отъ котораго дошли до насъ только случайныя и отрывочныя извѣстія о нихъ.

Но зато позади боевой линіи этихъ охранителей польской колонизаціи Украины существовалъ еще, говоря вообще, ладъ между воюющими за край и рядящими краемъ. Съ теченіемъ времени, добровольная ассоціація труда и воинственности въ панскихъ владѣніяхъ перешла въ обязательную. Въ панскихъ и королевскихъ слободахъ поселяне оканчивали различные сроки воли; старосты между тѣмъ начали окружать себя, вмѣсто туземныхъ жителей, выходцами, или, такъ сказать, вмѣсто земщины—опричниною. Вольные слобожане превращились, одни за другими, въ панща̀нъ, а на вольныхъ товарищей старосты по защитѣ сторожевого пункта — за̀мка — возлагалась обязанность сторожевой службы, обязанность утомительная и опасная, безъ позолоты славою и честью, которая награждала ихъ прежде, при существованіи воинскаго равенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ старосты начали забирать въ свои руки самыя прибыльныя статьи доходовъ: медовый про-

[1]) ... ibique magna vis Kozakorum perpetuo confluit, mutuisque bellis et caedibus frequentissimis concidunt.

мыселъ, весьма важный въ тѣ времена, рыболовныя мѣста, бобровые гоны, оставляя мѣщанамъ только то, что̀ было сопряжено съ опасностью постоянной защиты, именно скотоводство, на которое татары зарились почти такъ же, какъ и на ясырь, и земледѣліе, при которомъ легко было имъ захватить людей изолированныхъ работою. Много трогательныхъ картинъ изъ этого тяжкаго времени сохранила для насъ народная муза, и, между прочимъ, она представила трудное положеніе земледѣльцевъ, которые не успѣютъ-бывало взяться за дѣло, какъ на горизонтѣ показывается туча.

„Ой жніть, женці, обжинайтеся,
И на чорну хма́ру оглядайтеся",

говоритъ-бывало хозяинъ, которому и пахать поля иначе было невозможно, какъ съ пищалью возлѣ плуга.

Охъ и жнуть женці, розжинаються,
На чорную хма́ру озираються:
Ой то жъ не хмара, то жъ орда идѐ!
А нашъ Кова́ленко да перѐдъ веде...

Это былъ хозяинъ жатвы, побѣжавшій съ поля домой взглянуть, цѣлы ли жена его съ малыми дѣтками. Его схватили татары на дорогѣ и, чтобъ не ушолъ подъ часъ ихъ гонитвы за жнецами, ослѣпили. Народная муза вкладываетъ ему въ уста слѣдующія трогательныя слова:

„Ой повій, вітре, та й одъ півночи
На білее лице, на карні очі!
Ой нехай же я та подивлюся
На свои женці та на молоды̂і,
А на ты̂і серпы та й на золоты̂і!"

Разница между положеніемъ панскихъ и королевскихъ крестьянъ существовала, но выгода была не на сторонѣ послѣднихъ. Наслѣдственный панъ всё-таки щадилъ своихъ подданныхъ, съ которыми былъ связанъ общими преданіями и единствомъ интересовъ; староста, напротивъ, былъ королевскій урядникъ, котораго

во всякое время могли перевести въ другое мѣсто, какъ перевели Претвича изъ Бара въ Терембовль. Притомъ же панскихъ крестьянъ могъ перемапить къ себѣ сосѣдній панъ обѣщаніемъ срочной воли, если только былъ довольно силенъ, чтобъ отстоять свое пріобрѣтеніе противъ закона, дѣйствовавшаго довольно слабо на пограничьѣ. Старостинскихъ крестьянъ сманивать не смѣли: это значило бы вооружить противъ себя слишкомъ сильнаго пана — короля. Чтд касается до мѣщанъ, то они, наравнѣ съ прочими *подзамчáнами*, или людьми замкового прúсуду, подвергались одинаковому гнету со стороны старосты. Хоть они и не были крѣпки землѣ, но имъ вовсе не было выгодно мѣнять городъ на городъ. *Отъ Крáкова до 'Чáкова — всю́ды бідá однáкова*: пословица мѣщанская. Эта-то бѣда заставляла мѣщанъ искать заработковъ за предѣлами старóства, въ странѣ, надъ которою еще не отяготѣло злоупотребляемое панами и старостами jus primi occupantis. И вотъ мы видимъ ихъ на днѣпровскомъ Низу, сперва въ полосѣ Звонецкаго порога, а потомъ и глубже, въ такой пустынѣ, которой никто еще не „измѣрилъ саблею". Бѣда, распространившаяся отъ королевской столицы до самого крайняго города, стоявшаго на древней литовскорусской почвѣ, заставила украинскихъ мѣщанъ образовать за Порогами новое, революціонное козачество, по образцу выработаннаго на пограничьѣ Дашковичами, Лянцкоронскими, Претвичами, Рожинскими, но несравненно болѣе суровое въ условіяхъ козацкаго быта, — козачество, можно сказать, аскетическое, къ которому еще строже можно примѣнить похвалу средневѣкового лѣтописца: praeter magnanimitatem nihil magnum estimarent. Но, какъ борьба съ татарами была главною потребностью края, и козачество для Украины было своего рода нидерландскою плотиною, сдерживавшею опустошительную стихію, то старосты не очень сильно гнѣвались на мѣщанское своеволіе; иногда же имъ приходилось понять, или хоть смутно чувствовать, что запорожскій Низъ для нихъ — Mons Aventinus.

Чтобы придать употребленному мною сравненію достоинство правды, напомню моему серьозному читателю нѣкоторые факты изъ горестной лѣтописи плѣненія татарскаго, которое могло бы наконецъ сравниться съ вавилонскимъ, когдабы не украинскіе козаки: они лучше отстояли Русь противъ потомковъ Болеслава Храбраго и потомковъ Батыевыхъ, нежели ихъ первообразъ — варягоруссы — отъ однихъ и тѣхъ же силъ, напиравшихъ на Русь, одна — именемъ Европы, другая — именемъ Азіи. Въ 1549 году заполонила орда все семейство (тогда еще не польское) князя Вишневецкаго въ зáмкѣ Перемирѣ. Въ 1589, погнала она въ неволю князя Збаражскаго, также со всей семьею, и множество русской шляхты. По разсказу Іоахима Більскаго (русскій гербъ Правдичъ), въ 1593 году, подъ часъ сеймавого съѣзда волынскихъ пановъ, татары переловили сперва разставленную на шляхахъ панскую сторожу, а потомъ, въ отсутствіе отцовъ семействъ, набрали множество плѣнныхъ изъ панскихъ домовъ, особенно „бѣлаго пола“ (женщинъ). Если столбы, на которые опиралось все зданіе тогдашняго русскаго общества, такъ зловѣще шатались подъ напоромъ дикой стихіи, то что̀ же сказать о простомъ народѣ и о его семейныхъ утратахъ? Но онъ заявилъ о своихъ бѣдствіяхъ краснорѣчивѣе панскихъ лѣтописцевъ; его пѣсня не умолкаетъ до сихъ поръ среди панскихъ замковищъ, которыя, подобно погребенному въ мусорѣ Вавилону, потеряли даже прежнія имена свои. Звонко и побѣдительно надъ временемъ и людскимъ отупѣніемъ поетъ она:

Изъ-за горы, горы,
Зъ темнéнького лісу
Татары идуть,
Волыночку везуть.
У Волыночки коса —
Зъ золотóго волоса, —

Щирый біръ освітила,
Зелену діброву
И биту дорогу.
За нею въ погоню
Бáтенько іі.
Кивнула-махнула
Білою рукою:
Вернися, батéньку,
Вернися, ріднéнькиій!
Вже жъ мене не 'днімешъ,
Самъ марне загинешъ;
Занесетъ голову
На чужу сторону;
Занесешъ очиці
На турецькі гряниці!

И вотъ этакія-то раздирающія сердце сцены, совершавшіяся, какъ вокругъ низкихъ хатъ, такъ и вокругъ высокихъ зáмковъ, заставляли первыхъ краковскихъ типографовъ, заботившихся лучше своихъ патроновъ „о воспитаніи дѣтей“ [1]), называть современныхъ козаковъ безупречными и знаменитыми Геркулесами. Одни только козаки смѣли мечтать объ убіеніи гидры, засѣвшей въ Цареградѣ, на развалинахъ древняго міра, среди христіянскихъ народовъ. Не даромъ человѣкъ столь серьозный и ученый, какъ Сарницкій, насмотрѣвшись на граничанъ и на ихъ ежедневную и еженочную службу, воскликнулъ: „Oviros omni genera praemiorum dignos!“ (О мужи, достойные всякаго рода наградъ!)

Успѣхи козачества за Порогами, въ „необитаемой Подоліи“, какъ тогда называли днѣпровскія низовья, обратили на себя всеобщее вниманіе. Подольскіе и червонорусскіе паны поддерживали козаковъ своими собственными ротами сперва противъ старостъ, которые не признавали покамѣсть за низовыми козаками права сильна-

[1]) „Ksiąžki o wychowaniu dzyeci wiele potrzebne y požyteczne“. Krakow, 1553.

го, въ то время самаго убѣдительнаго на Украинѣ права; а когда сами старосты, уступая прорвавшемуся за Пороги потоку козачества, начали дѣлать козакамъ разныя adminicula [1]), на досаду королю, тогда — вмѣстѣ съ старостами противъ короля. Пограничные паны получали отъ нихъ вѣсти о переправѣ козаковъ на правый берегъ Днѣпра и указанія, въ какомъ полѣ или урочищѣ залечь на нихъ манерою Претвича, а сами давали козакамъ знать о направленіи татарской орды, уходившей къ днѣпровскимъ переправамъ съ добычею. Въ первомъ случаѣ, интереснѣе было нападать на татаръ пограничной панской стражѣ или козакующей шляхтѣ, чтобы не допустить ихъ пробраться въ населенныя мѣста и къ собственнымъ жилищамъ, въ послѣднемъ — было гораздо выгоднѣе для козаковъ заступить дорогу татарамъ: татары возвращались съ добычею. Козаки, награждая себя за военные труды и опасности отбитыми у татаръ лошадьми, скотомъ, съѣстными припасами, одеждою, утварью (орда хватала все, что̀ можно было схватить, даже столы и ослоны), вмѣстѣ съ тѣмъ оказывали важныя услуги подольскимъ, червонорусскимъ и украинскимъ панамъ освобожденіемъ отъ татаръ ясыра, на который орда жадничала больше всего. Вотъ къ этакимъ-то воинамъ-промышленникамъ приставали самые отважные и предпріимчивые люди изъ пограничнаго шляхетнаго козачества и, пріобрѣвъ между ними популярность, дѣлались ихъ предводителями, путемъ свободнаго выбора.

Что̀ же такое была въ сущности запорожская вольница? Это были мѣщане, которымъ не давали мѣщанствовать такъ, какъ бы имъ было выгодно. Это были мстители-паны, терявшіе, подобно князю Рожинскому, женъ, матерей и — чего никогда не забываетъ человѣческое сердце — дѣтей. Это были религіозные рыцари, дававшіе обѣтъ положить животъ свой въ борьбѣ съ врагами святого креста, или провести нѣсколько мѣсяцевъ среди лишеній

---

[1]) Вспомоществованія.

и опасностей. Это, наконецъ, были молодцы-шляхтичи, которымъ хотѣлось потѣшить juvenilem aetatem suam. Отчасти это были и мужики, но весьма и весьма отчасти. Первые запорожцы не нуждались въ мужицкомъ контингентѣ; съ своей стороны, тогдашніе мужики не были еще въ такой степени тѣснимы, чтобы покидать семейства и идти, что называется, *лугів потирати*, или бѣдствовать для невѣрнаго [1]) вооруженнаго чумакованья, вдали отъ дома. Относительно этого пункта нашихъ историковъ вводятъ въ заблюжденіе раннія извѣстія о хлопахъ въ козацкомъ войскѣ, находимыя ими въ польскихъ источникахъ. Они забываютъ, что польскіе писатели называютъ хлопомъ, plebs, каждаго негербованнаго, все равно какъ у старинныхъ латинскихъ прелатовъ — хоть бы, на примѣръ, и у самого Длугоша — язычники всѣ, не принадлежащіе къ римской церкви. Негербованныхъ бояръ, оставлявшихъ діичей и старостъ для козацкаго хлѣба, старосвѣтскіе лѣтописцы польскіе заносили въ свои хроники хлопами, со словъ раздосадованнаго пана; но бояре были такіе же хлопы, какъ и мѣщане. Бояре чаще всего дѣлались козаками. Ихъ ремесло до такой степени подходило къ козацкому, ихъ служба у пановъ такъ была сходна съ козацкимъ блуканьемъ, что задолго еще до времени Хмельницкаго имя бояръ въ Украинѣ исчезло совершенно. Относительно старосты, низовые козаки были отбившіеся отъ рукъ мѣщане. Относительно пана, они были поссорившіеся слуги. Относительно украинскихъ мѣщанъ, всѣхъ вообще подзамчанъ и людей панскихъ, они были то самое, что волки относительно собакъ. Паны, поссорясь съ низовцами, травили ихъ этими вѣрными и смирными псами, то въ видѣ выбранцевъ и надворныхъ хоругвей, то въ видѣ городовыхъ и реестровыхъ козаковъ, выдѣленныхъ изъ того же мѣщанства, изъ

---

[1]) Этотъ эпитетъ и теперь еще придается чумацкому промыслу. „Оце я встрявъ у невірне чумацтво, та й сумую", скажетъ вамъ иногда поселянинъ, сидя на *присні* подъ хатою.

того даже козачества, или, говоря метафоричесчки, изъ тѣхъ же волковъ, дѣлавшихся ручными. Это грубое или слишкомъ рѣзкое сравненіе опредѣляетъ, однакожъ, лучше всякаго иного, взаимныя отношенія мѣщанства и козачества, особенно въ тѣхъ важныхъ соціальныхъ вопросахъ, которые выпало на долю мѣщанамъ разрѣшать вмѣстѣ съ козаками. Но объ этомъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Теперь скажу только, что козаки были относительно польскаго строя жизни, по самой сущности козачества, какимъ оно сдѣлалось въ силу стѣсненій со стороны правительства, самые радикальные революціонеры, — совершенно такіе радикалы по отношенію къ панамъ, какими были паны по отношенію къ королю. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова status in statu. Это была крайне реакціонная республика, отрицавшая своими дѣйствіями все, что польская шляхта признавала святымъ и нерушимымъ во вѣки: господствующую церковь, сословныя привилегіи, право поземельной собственности и даже ту государственность, которая создалась въ постоянномъ стремленіи шляхты ограничить королевскую власть и силу въ пользу своего сословія.

ГЛАВА VII.

Старинные разжигатели международной вражды.— Экономическая реакція шляхты латинскому духовенству.— Легкомысліе шляхты въ дѣлѣ реформаціи.—Невѣжество русскаго духовенства и недоступность его для папы.— Упадокъ русской церкви отъ невѣжества всѣхъ слоевъ общества.— Несостоятельность русскихъ пановъ въ ролѣ патроновъ церкви.—Панскія слова, принимаемыя за дѣла.— Одинаковая неспособность польской и русской шляхты къ дѣятельному благочестію.

Отрицать господствующую въ Рѣчи-Посполитой церковь, то есть дѣлать какія-либо иновѣрческія демонстраціи, козаки не имѣли въ началѣ никакого повода и, по задачѣ своего образованія, не обращали вниманія на какія бы то ни было церковныя дѣла. Между тѣмъ въ Польшѣ готовилось нѣчто такое, съ чѣмъ они не могли рано или поздо не столкнуться, будучи, такъ сказать, извлеченіемъ квадратнаго или даже кубическаго корня изъ своего народа.

Пропаганда римскаго католичества въ Польшѣ, съ самого своего начала, была вмѣстѣ и пропагандой нетерпимости. Начиная съ береговъ Вислы, латинскій обрядъ настойчиво и послѣдовательно вытѣснялъ обрядъ славянскій, пока наконецъ дошолъ до территоріи, подвластной русскимъ князьямъ. По изслѣдованію весьма уважаемаго въ польской ученой литературѣ Лелевеля, въ войнѣ древняго польскаго дворянства съ чернью участвовало, какъ поджигающій элементъ, гоненіе греческаго вѣроученія на

берегахъ Вислы, такъ какъ славянскій обрядъ былъ тамъ народнымъ, а латинскій—лехитскимъ, и первый изъ нихъ распространялся со временъ Кирилла и Меѳодія между жителями селъ, а второй былъ принятъ отъ нѣмецкихъ епископовъ владѣльцами городовъ или зáмковъ. Наступившая затѣмъ борьба князей и королей-ляховъ съ князьями-русью, или лехитскихъ пановъ съ народомъ русскимъ, до татарщины, сопровождалась также подстрекательствомъ со стороны агентовъ римской куріи, которая съ 1232 года номинально начала назначать и постоянно назначала епископовъ на Кіевскую и другія намѣченныя ею въ Руси епископіи, не владѣя ни однимъ ступнемъ русской земли, и не имѣя въ Кіевѣ или въ какомъ-либо другомъ русскомъ городѣ ни одного престола. Это были епископы, такъ называемые in partibus infidelium. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что захваты римской куріи на берегахъ Вислы, на половину занятыхъ одноплеменниками русскихъ полянъ, и ея постоянныя, не препебрегавшія никакими средствами махинаціи въ пользу латинства много содѣйствовали враждѣ между представителями одной и другой народности. Эта вражда уже подъ перомъ Кадлубка, перваго прагматическаго историка польскаго, опредѣлилась весьма выразительно. „Русины", говоритъ онъ, „не упускаютъ никакого случая и не останавливаются ни передъ какою трудностью, чтобы бѣшенную свою ненависть и застарѣлую жажду мести угасить въ польской крови".

Представителями двухъ поссоренныхъ духовными людьми народностей были тѣ же духовные люди. Они, при тогдашнемъ невѣжествѣ и неразвитости общества, служили воюющимъ стосторонамъ не только грамотностію, почти исключительно имъ принадлежавшею, но и экономическими способностями, которыя, въ средніе вѣка, развивались практикою только въ монастырскихъ корпораціяхъ. Съ одной стороны, они, какъ грамотѣи, были хранителями старыхъ преданій и, въ интересахъ касты своей, тотовы

были на такія подвиги, какъ сочиненіе такъ-называемыхъ Исидоровскихъ Декреталій, этихъ документовъ на всемірное господство римскаго первосвященника по унаслѣдованному будтобы праву, съ другой, въ интересахъ личныхъ, какъ люди, жившіе даяніями, а не ремеслами или войною (война, впрочемъ, тоже была ремесломъ во времена оны), они дѣлали церковь учрежденіемъ экономическимъ, подъ видомъ учрежденія вѣроучительнаго. И вотъ, когда на берегахъ Днѣпра, Роси и Сулы кочевали торки и берендѣи, эта еще и въ наше время невѣрная, на взглядъ римской куріи, земля предназначалась увеличить силу папскаго господства надъ міромъ и — что̀ составляетъ самую сущность работы клерикаловъ — доставить римской церкви новые источники доходовъ. „Застарѣлая жажда мести" въ русинахъ, засвидѣтельствованная Кадлубкомъ въ такое отдаленное отъ насъ время [1]), высказывалась, конечно, не столько людьми обыкновенными, сколько тогдашнею русскою интеллигенціею, а именно духовенствомъ греческаго обряда, соперничающимъ съ латинцами, а уже подъ вліяніемъ духовенства — и людьми свѣтскими. Проповѣдники папской святости и божественности [2]) не обинуясь объявляли восточныхъ патріарховъ узурпаторами верховной власти надъ церковью, а на монастыри, митрополіи, архимандріи и протопопіи, владѣвшія землями и другими доходными статьями, пытались наложить загребистую руку свою. Естественно, что ненависть и вражда представителей русиновъ къ представителямъ поляковъ должна была быть такого, какъ опредѣлилъ ее Кадлубекъ. Иначе — не налегалъ бы такъ Θеодосій Печерскій, въ своихъ поученіяхъ, на „Божіихъ враговъ", то есть жидовъ и еретиковъ, держащихъ кривую вѣру.

---

[1]) Кадлубекъ родился въ 1160, умеръ въ 1223 году.

[2]) Въ самыхъ древнихъ изданіяхъ Каноническаго Права, въ изданіяхъ, признанныхъ Тридентскимъ соборомъ, въ изданіяхъ XVI и XVII вѣка, появившихся въ Римѣ, Парижѣ, Ліонѣ, Туринѣ, находятся слова: „кто скажетъ, что папа не есть сущій Господь Богъ, да будетъ анаѳема!"

Эти чувства можно провѣрить и на ближайшемъ къ намъ времени. Записанный польскимъ геральдикомъ Папроцкимъ и повторенный польскимъ историкомъ Шайнохою разсказъ о томъ, какъ окатоличилась холмская русь, выводитъ на сцену спокойное населеніе землевладѣльцевъ XVI-го вѣка, изъ которыхъ одни шли за православнымъ епископомъ холмскимъ, а другіе обратились въ латинство подобно его брату, ксензу официалу. Отобраніе церковныхъ имѣній у православной епископіи въ пользу латинскаго бискупства возбудило ненависть и вражду между соперничающимъ духовенствомъ, и отразилось на общественной и семейной жизни благословеннаго дарами природы уголка; сосѣди прервали между собою свиданія, родные братья, русскій владыка и польскій ксензъ официалъ, ненавидѣли другъ друга смертельно, и не призадумались бы возжечь между двумя паствами кровавую войну, лишь только бы явились удобовоспламенимые матеріалы. Но и того довольно, что холмскій владыка не только брата, да и крещеннаго братомъ по латинскому обряду племянника называлъ *бѣсовымъ ляхомъ.* [1]) Этотъ вышедшій на явь случай, одинъ изъ множества забытыхъ, даетъ понятіе о томъ, какъ натурально сердца русскихъ и поляковъ дѣлались игралищемъ соперничающаго духовенства, разъяреннаго противоположными интересами.

Захватъ Червоной Руси и фактическое основаніе въ ней латинскихъ епископствъ во времена Казимира III, Людовика Венгерскаго и Владислава Опольскаго не уменьшили застарѣлой вражды, охватившей представителей двухъ народностей еще до татарскаго нашествія, равно какъ не уменьшило ее отторженіе Ягайла отъ восточной церкви и послѣдовавшее за тѣмъ нахальное крещеніе христіянъ греческаго обряда въ латинскую вѣру, наравнѣ съ язычниками, съ цѣлью, прежде всего и послѣ всего,

---

[1]) Подробности, вполнѣ достойныя любопытства читателя, см. въ „Herbach Rycerstwa Polskiego“ przez Paprockiego, и въ „Szkicach historycznych“ przez Szajnochę.

*

экономическою, Преданія о сценахъ въ родѣ тѣхъ, которыя, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ памяти Кадлубекъ, были живы между поляками черезъ два-три поколѣнія послѣ Ягайла, и самая яркость красокъ, которыми они описывали русиновъ, жаждавшихъ польской крови, свидѣтельствуетъ, что ихъ собственныя сердца не были чужды такого же, привитого имъ духовенствомъ, ожесточенія. При королевскомъ дворѣ, на примѣръ, въ Краковѣ, разсказывали, около 1573 года, что будтобы, во время осады Луцка, при Владиславѣ Ягайлѣ, русины, въ виду осаждающихъ, перерѣзали горло одному плѣнному юношѣ польскому, самому красивому изъ всѣхъ плѣнныхъ, и начальные люди луцкіе выпили по глотку горячей крови, когда онъ еще дышалъ; потомъ разрѣзали ему животъ, вынули сердце съ внртренностями, положили въ большой ящикъ съ горящими угольями и окурили дымомъ этой мрачной жертвы всѣ углы крѣпости, произнося какія-то заклинанія, которыя, по ихъ убѣжденію, должны были освободить городъ отъ осады. Прибавляемая къ разсказу характеристика русиновъ, какъ народа „во всѣ времена преданнаго магіи, чарамъ и другимъ гнуснымъ колдовствамъ", ясно показываетъ сословіе, болѣе другихъ заинтересованное въ распространеніи подобныхъ разсказовъ [1]). Основою же легенды, расцвѣченной кровавымъ во-

---

[1]) „La Description du Royaume de Poloigne et Pays adiacens, avec les Status, Contitutions, Moeurs et Façons de faire d'Iceux". Par Blaise de Vigenere, Secretaire de feu Monseignieur le Duc Niuernois. A Paris, 1573. Эта очень рѣдкая книга находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Сравненіе текста Длугоша съ разсказомъ Блэза покажетъ, какъ иногда самый вымыселъ открываетъ новый источникъ истины, которой вовсе не желали обнаружить сочинители вымысла. Съ этой стороны пристрастныя и тенденціозныя произведенія историковъ дѣлаются, въ свою очередь, источниками для уразумѣнія того, что они старались переиначить по своимъ чувствамъ и понятіямъ.

Длугошъ: „Intra omnes obsidionis tempus, crudelis, inter Polonos, Ruthenos, et Lithuanos committebatur dimicatio. A Ruthenis tamen et Lithuanis primum orta. Si enim captiuabant aliquos captiuos Polonos, inspectante exercitu, in muris occidebant in frustra, caeteros impletos aqua suffocabant, et exquisitis necabant crudelitatibus. Quinque insuper fratres Praedicatorum Polonos, qui in castrum

ображеніемъ поджигателей международной вражды, послужило повѣствованіе Длугоша объ осадѣ Луцка въ 1431 году, повѣствованіе, показывающее, что ожесточеніе свирѣпствовало съ обѣихъ сторонъ.

Со временъ Казимира IV, въ положеніи латинопольской церкви произошла важная перемѣна. Право назначать на епископства и на низшія церкокныя мѣста перешло отъ папы къ королю. При Іоаннѣ-Альбертѣ постановлено, чтобы высшія должности при капитулахъ и каѳедральныхъ костелахъ были занимаемы только тѣми, чьи родители были природные поляки, а вмѣстѣ съ тѣмъ король утвердилъ за собою право—на основаніи древняго обычая, раздавать церковныя имѣнія и назначать на церковныя должности, опредѣлять, какія кто долженъ занимать мѣста по заслугамъ и ученымъ степенямъ, утверждать власть и святость духовныхъ судовъ и запрещать судамъ земскимъ вмѣшиваться въ духовныя дѣла. Эти права удержали за собою и послѣдующіе короли. Каждаго же, кто бы получилъ бенефицію помимо короля и сената, король могъ лишить церковнаго имущества отъ имени всей Рѣчи-Посполитой и даже изгнать изъ государства. Такимъ образомъ королю принадлежало вполнѣ jus patronatus или, какъ говорилось тогда, „подаванье хлѣбовъ духовныхъ. По обычному ходу дѣлъ человѣческихъ, „духовные хлѣбы“ доставались

Luczko, in aduentu exercitus, ex ciuitate fugerant, turpi morte damnauerant. Propter quod ex Poloni in captiuos Ruthenorum ct Lithuanorum, vicem reddendo, saeuiebant, compensando vicium vicio, vt non solun paribus, sed etiam maioribus prope odiis viderentur certasse. Ferant etiam Jurszam Capitaneum Lucensem, et Lithuanos atque Ruthenos, in castro Lucensi, in eam amentiam et tyrannidem effluxisse, vt omnem in Phytonibus, et phytonissis, retinendi et defendendi castri fiduciam reponerent. Unde peteutibus Judaeis, datus fuit ex captiuis Polonis vnus adolescens forma elegantior; quem continuo cultro iugulam infixo occidentes, extracto ex corpore eius sanguine, ventrem diuidunt; et corde, iecore, aliisque intestinis e corpore eductis, et in partes minutas diuisis, inque carbones viuos proiectis, fumo inde orto, omnes castri parietes et angulos, quasi thuris odore, precationes canendo sacrilegas, inficium; iuramento assecurando Jurszam et obsessos, nullam obsidionis aut expugnationis vim de castro fore nocituram“.

изъ королевскихъ рукъ не тѣмъ, кто былъ достойнѣе, а тѣмъ, кто находился поближе къ королю или имѣлъ при дворѣ ходатаевъ. Владѣтели соединенныхъ съ духовнымъ саномъ церковныхъ имуществъ, получаемыхъ уже не отъ римскаго первосвященника, не стали обращать особеннаго вниманія на внушенія римской куріи, и въ польской шляхтѣ началась политическая реакція церковной іерархіи. Поляки, управляясь простымъ разсчетомъ, безъ религіозныхъ умствованій, предупредили реформацію въ ея стремленіи отобрать у духовенства церковныя имущества, освободиться отъ десятинъ и стѣснить предѣлы духовной юрисдикціи. Съ своей стороны, духовенство, видя, что назначеніе іерарховъ и почти всѣ бенефиціи находятся въ рукахъ у короля, не находило практическаго смысла въ спеціяльныхъ занятіяхъ вопросами вѣры; въ угожденіи папѣ, духовные сановники ограничивались, по большей части, только экономическою стороною церкви, и предавались удовольствіямъ большого свѣта. „Прежде“, говоритъ папскій нунцій Маласпина въ концѣ XVI столѣтія, „польскіе паны, завися отъ апостольской столицы, постоянно отстаивали ея власть, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нунціемъ, часто ѣзжали въ Римъ, а нынѣ сторонятся отъ нунція и отъ Рима; нунцій дѣлается въ Польшѣ какъ-бы посломъ свѣтскаго государя“.

Здѣсь надобно указать на одно замѣчательное обстоятельство. Не смотря на то, что въ Польшѣ латинскій языкъ, съ начала XVI вѣка, былъ распространенъ больше, нежели въ Германіи [1]),

---

[1]) Успѣхами дѣтей въ латинскомъ языкѣ старинные поляки такъ гордились, какъ въ наше время гордятся нѣкоторыя матери англичанки и американки тѣмъ, что дѣти ихъ по 4-му и 5-му году удивляютъ ученыхъ своими энциклопедическими познаніями. Уже на 5-мъ году польскія дѣти XVI и XVII вѣка знали наизусть Donaty и по 100 стиховъ изъ Виргилія. Кромеръ, писавшій въ въ царствованіе Стефана Баторія, разсказываетъ чудеса о распространеніи латинскаго языка въ Польшѣ. „Богатые и бѣдные,“ говоритъ онъ, „посылаютъ въ школы и къ учителямъ своихъ дѣтей мужескаго пола, заботясь о томъ, чтобы

гдѣ итальянскіе путешественники съ трудомъ находили человѣка для объясненія своихъ надобностей на этомъ общеупотребительномъ тогда между просвѣщенными людьми языкѣ, — польская образованность стояла не только ниже процвѣтавшей тогда итальянской образованности, но и ниже германской. Поляки, не расположенные, по отзывамъ проживавшихъ между ними ученыхъ иностранцевъ, къ умственному труду, достигали большею частью, если не всегда, только средняго уровня образованности, и рѣдко можно было встрѣтить между ними человѣка съ основательнымъ знаніемъ какой-нибудь науки. Съ понятіемъ о шляхетскомъ достоинствѣ не согласовалось у нихъ достиженіе ученой степени, которая вела къ занятію высшихъ духовныхъ мѣстъ. Добиваться званія доктора, по мнѣнію высшаго польскаго общества, свойственно было только мѣщанамъ или хлопамъ, и, если изрѣдка паны получали ученыя степени, то развѣ въ заграничныхъ университетахъ, какъ-бы тайкомъ отъ „братьевъ шляхты". Отъ этого происходило странное явленіе: рядомъ съ ученымъ мужемъ, какимъ, на примѣръ, былъ Янъ Замойскій, — среди высшаго класса попадался весьма часто круглый невѣжда, и подъ внѣшней отдѣлкой рѣчи, о которой паны больше всего заботились, скрывалось изумительное незнаніе самыхъ обыкновенныхъ предметовъ науки [1]). По словамъ нунція Висконти, прожившаго лѣтъ шесть при польскомъ дворѣ, въ Польшѣ часто встрѣчались такіе епископы, которые не понимали даже значенія слова *епископъ*.

съ латинскими науками освоивать дѣтей съ самаго ранняго ихъ возраста, одинаково убогіе, какъ и богатые, одинаково шляхта, какъ и посполитство, а всего больше — мѣщане. Многіе держатъ учителей въ домахъ, и трудно даже въ латинской землѣ найти столько какъ здѣсь людей изъ простонародья, съ которыми можно разговаривать полатыни.

[1]) У Кромера находимъ весьма грустное подтвержденіе этихъ словъ заѣзжаго издалека иностранца. Онъ говоритъ: „Нѣкоторые поляки, пренебрегши домашними дѣлами, рискуя бѣдностью и лишеніями, охотно отправляются путешествовать, потому что имъ чужое нравится больше своего. Поляки охотно и легко

или попольски *бискупъ*. Этакіе-то епископы скорѣе ученыхъ пастырей церкви, которые въ Польшѣ были крайне рѣдки, бросались на свѣтскія занятія и забавы, а исполненіе духовныхъ обязанностей своихъ предоставляли своимъ намѣстникамъ, за извѣстное вознагражденіе [1]).

При такихъ обстоятельствахъ, реформаціонное движеніе, господствовавшее тогда за границею, въ нѣмецкихъ земляхъ, отразилось на Польскомъ государствѣ, прежде всего, небреженіемъ объ интересахъ религіи въ средѣ самого духовенства, которое, какъ нарочно, было приготовлено къ тому самими королями, или вѣрнѣе — подаваньемъ изъ ихъ рукъ „духовныхъ хлѣбовъ". Опаты и бискупы отличались больше экономическими и казначейскими способностями, нежели умѣньемъ и стараніемъ распространять въ обществѣ благочестіе, такъ что даже нунцій Маласпина совѣтовалъ Сигизмунду III выбрать вѣдателя казны его изъ этого „очень богатаго" класса людей, а не изъ свѣтскихъ, нужды нѣтъ, что, по его же замѣчанію, эти послѣдніе больше заботились о

научаются языкамъ тѣхъ народовъ, у которыхъ гостятъ: пріятно имъ подражать одеждѣ, тѣлодвиженіямъ и обычаямъ, которые увидятъ; они этимъ тщеславятся. То же самое слѣдуетъ сказать и объ основаніяхъ религіи; потому что во всемъ, чего бы ни коснулись, они обнаруживаютъ умъ гибкій и воспріимчивый. Они охотнѣе стараются освѣдомляться о чужихъ изобрѣтеніяхъ, нежели сами что-нибудь выдумать или изучить, такъ какъ не любятъ посвящать себя какой-нибудь одной наукѣ или искусству во всемъ относящемся къ ремесламъ; удовлетворяются сработаннымъ кое-какъ и не заботятся о тщательной докончености предмета. Заниматься искуствами и ремеслами въ этомъ краѣ некому, затѣмъ что поляки предпочитаютъ праздно роскошничать, вмѣсто того чтобы образовывать себя умственно или механически, а убогіе для насущнаго хлѣба не разъ бываютъ принуждены хвататься за работу, противную своему призванію. Лишь только успокоятъ они себя въ первыхъ потребностяхъ жизни, тотчасъ стараются устроиться въ домашнемъ быту по образцу богатыхъ людей, жеманятся, корчатъ изъ себя высшихъ — или изъ одного тщеславія, или, чтобы снискать себѣ и своимъ домашнимъ какую-нибудь охрану отъ несправедливостей и оскорбленій.

[1]) Это явленіе, точно копія съ оригинала, повторилось въ унитской церкви на Руси. Русскіе владыки, принявшіе унію, получали громадные по тому времени доходы и за небольшую часть этихъ доходовъ нанимали исполнителей духовныхъ обязанностей своихъ.

торговыхъ и земледѣльческихъ интересахъ, нежели о поддержаніи добрыхъ нравовъ въ семействахъ, слѣдовательно были финансистами опытными. По словамъ того же нунція, Виленское епископство семь лѣтъ не имѣло ни бискупа, ни суфрагана. „Еретики", говоритъ онъ, „забираютъ церковные имущества; въ приходахъ нѣтъ пробощовъ; дѣти умираютъ безъ крещенія; ересь усиливается; язычество поднимаетъ голову. Виленскій воевода [1]) присвоилъ себѣ десять миль епископской земли, и лишь только умретъ какой пробощъ, отбираетъ у шляхты плебанію и грунты, принадлежащіе приходскому костелу". Разновѣріе проявилось въ Польшѣ сперва подъ видомъ защиты „шляхетскихъ вольностей", какъ противодѣйствіе арцибискупамъ и бискупамъ въ подстрекательствѣ короля на едикты противъ диссидентовъ; магнаты, увлекаясь духомъ гражданской свободы, приняли проповѣдниковъ новаго ученія подъ свое покровительство, и даже лучшіе изъ духовенства, со всѣми своими приходами, открыто объявили себя противъ римской церкви. Но, при поверхностной образованности польской шляхты, протестанство не замедлило сдѣлаться модою въ высшемъ классѣ общества, признакомъ образованности, вывѣскою современности понятій. Каждый панъ избиралъ себѣ любое вѣроученіе изъ тѣхъ, которыя, вмѣстѣ съ ихъ прототипомъ лютеранствомъ, приходили въ Польшу и Литву изъ-за границы съ воспитанною тамъ знатною молодежью, наперерывъ ловившею въ Германіи новыя идеи помимо новыхъ знаній. Читатель долженъ помнить, что въ XVI вѣкѣ наука тѣсно была соединена съ богословіемъ. Пробудивъ у народовъ потребность церковной реформаціи, она нашла въ реформаторахъ новыхъ, самыхъ энергическихъ дѣятелей. Въ обществѣ образовалось, такъ сказать, четыре факультета свободныхъ наукъ, которые назывались: *католичествомъ*, отстаивавшимъ старую церковь, посредствомъ новой на-

[1]) Криштофъ Радзивилъ, воевода виленскій и великій гетманъ литовскій съ 1588 года. (Умеръ въ 1603).

*

ukи; *лютеранствомъ*, первымъ антагонистомъ старой церкви; *кальвинствомъ*, старавшимся усовершенствовать новое вѣроученіе, и *аріанствомъ*, которое на всѣ три вѣроученія смотрѣло, какъ на собраніе поповскихъ вымысловъ. Польскій панъ, воспитываясь или путешествуя за границею, считалъ себя обязаннымъ принадлежать къ одному изъ этихъ факультетовъ, но, съ ихъ поверхностнымъ образованіемъ, такіе прозелиты обновленной вѣры не прибавляли силы воителямъ за религіозныя убѣжденія; увеличивали только массу воюющихъ и вносили въ общество сбивчивость понятій, которою, въ Польшѣ, весьма удачно воспользовались іезуиты. Слѣдомъ за вѣтренною знатью, по извѣстію кардинала Людовизіо, отпадали отъ вѣры предковъ своихъ и другіе міряне: кто — изъ желанія стать на челѣ партіи, а кто — въ надеждѣ снискать милость могущественнаго пана, иные — изъ корыстныхъ разсчетовъ, а иные—изъ-за удовольствія жить, не стѣсняясь правилами католической церкви. Этотъ низшій, зависимый слой польской шляхты тянулъ за собой мѣщанъ и хлѣборобовъ, такъ какъ на однихъ онъ имѣлъ большое вліяніе, а надъ другими пользовался неограниченнымъ правомъ суда и безсудья. Вообще, простонародье вѣровало въ спасительное ученіе своей церкви лишь по преданію, а не то—переставало въ него вѣровать вовсе, видя самую церковь заподозрѣнною новаторами и оставленною на произволъ судьбы духовенствомъ.

Если коренная польская шляхта, близкая къ центрамъ администраціи, плавала такъ мелко въ славную эпоху европейской реформаціи и возрожденія гуманизма, то что же сказать о Червоной Руси, Волыни и Украинѣ? Послѣ паденія Царьграда, греческое духовенство низошло весьма скоро до простой обрядности. Во всей Греціи, сдѣлавшейся Турціею, нигдѣ не преподавались такъ-называемыя свободныя науки. Грамотность ограничивалась почти всюду умѣньемъ читать богослужебныя книги; для проповѣдей или другихъ бесѣдъ съ прихожанами попы употребляли языкъ

румунскій, болгарскій или турецкій. Естественно, что просвѣщеніе оттуда къ русскому духовенству не приходило. Могло бы оно приходить съ Запада; но польскій панъ для пана русскаго былъ образцомъ умственной лѣни и мелочного старанія казаться, а не быть чѣмъ-то; мѣстное же духовенство слишкомъ было раздражено посягательствомъ латинскихъ прелатовъ на русскія церковныя имущества, чтобы въ общеніи съ нимъ заимствоваться отъ него хоть отрывками знаній. Притомъ, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, которыя, такъ же какъ и латинскіе прелаты, получали изъ королевскихъ рукъ „духовные хлѣбы", слѣдовательно за исключеніемъ шляхетной іерархіи, это были по большей части бѣдняки, принужденные обрабатывать землю собственными руками. Даже спустя много лѣтъ послѣ основанія школъ, похожихъ на духовныя семинаріи, въ Острогѣ, во Львовѣ, въ Кіевѣ и другихъ городахъ, митрополитъ Петръ Могила находилъ въ русскихъ церквахъ такія славянскія книги, которыя были напечатаны противниками православія да еретиками, подъ видомъ богослужебныхъ православныхъ, и которыя русскіе священники, по его выраженію, не очень-то понимали. До распространенія острожскихъ и другихъ русскихъ изданій, въ церквахъ употреблялись книги рукописныя, которыхъ производствомъ занимались большею частію самоучки-дяки при церквахъ, какъ это можно видѣть, на примѣръ, изъ духовнаго завѣщанія православнаго пана Загоровскаго, назначившаго содержаніе приходскому дяку, чтобы онъ, сверхъ обученія дѣтей грамотѣ, „книги, якихъ церковъ пилне потребуетъ, зъ доброго зводу уставичне писалъ, абы въ каждый тыйдень по три тетради десткыхъ справедливо, а не фалшиве, написывалъ", на что̀ отпускалось бы ему извѣстное количество „купорвасу". Тотъ же Загоровскій — прибавимъ кстати — въ духовномъ завѣщаніи своемъ, составленномъ 1577 года, постановилъ, чтобы въ церкви говорились къ народу проповѣди. Каковы могли быть эти проповѣди при такомъ положеніи дѣлъ, что даже богослужебныя книги писались, а потомъ

и печатались, безъ просвѣщеннаго руководства,—не мудрено вообразить. Одинъ сельскій попъ подъ Львовомъ (разсказываетъ извѣстный Саковичъ, въ книгѣ своей Epanorthosis) не зналъ, что Рей былъ свѣтскій писатель, и выписку изъ его сочиненія принялъ за проповѣдь, почему и обратился къ своей паствѣ съ такими словами: „Послу́хайте, христия́не каза́ння свято́го Ре́я“. Случившійся при этомъ мѣстный шляхтичъ, впослѣдствіи францисканецъ, воспользовался невѣжествомъ проповѣдника и содралъ съ него пару воловъ за причисленіе польскаго сатирика къ лику святыхъ. Разсказъ этотъ не покажется выдумкою тому, кто знаетъ, что между русскими попами были тогда и такіе, которые вовсе не знали грамотѣ.

Самое званіе „благочестиваго попа́“ низошло тогда до того, что, по свидѣтельству православнаго писателя Захаріи Копыстенскаго, порядочный человѣкъ стыдился въ него вступать: почти всѣ они были грубые простолюдины. „Трудно было сказать“, говоритъ онъ съ горечью, „гдѣ чаще бываетъ русскій пресвитеръ: въ церкви, или въ корчмѣ.“ Другой современный писатель, сдѣлавшійся потомъ знаменитостью въ возстановленной православной іерархіи (Мелетій Смотрицкій), высказалъ свое горе объ упадкѣ русскаго духовенства слѣдующими словами: „Нѣкоторые изъ нашихъ пастырей разумнаго стада Христова едва достойны быть пастухамиословъ... Какъ можетъ быть учителемъ такой пастырь, который самъ ничему не учился?... Съ дѣтскихъ лѣтъ занимался онъ не изученіемъ священнаго писанія, а несвойственными духовному званію занятіями. Кто изъ корчмы, кто изъ панскаго двора, кто изъ войска, — проводилъ время въ праздности, а когда не стало на что̀ ѣсть и во что̀ одѣться и нужда ему шею согнула, тогда онъ начинаетъ благовѣствовать, а самъ не смыслитъ, что̀ такое благовѣствованіе, и какъ за него взяться. Церковь наша наполнена на духовныхъ мѣстахъ мальчишками, недорослями, грубіянами, нахалами, гуляками, обжорами, подлипалами, нена-

сытными сластолюбцами, святопродавцами, несправедливыми судьями, обманщиками, фарисеями, коварными Іудами."

Такъ горько жаловались ревнители медленно и тупо возникавшаго въ отрозненной Руси просвѣщенія на закоренѣлое невѣжество духовенства своего, на грубость его нравовъ и привычекъ, и отнюдь не подозрѣвали, что именно это невѣжество и первобытная грубость представителей славянскаго обряда, это отчужденіе отъ нихъ всѣхъ порядочныхъ людей тогдашнихъ—оборонили славянскій обрядъ въ Украинѣ отъ студентовъ четырехъ факультетовъ европейской науки, готовыхъ снабдить каждаго незрѣлыми плодами своей учености, оборонило его отъ еретической пропаганды, распространявшейся по всей Руси между панами, которые не замедлили сдѣлаться потомъ легкою добычею латинства, со всѣми своими вольными умствованіями. Нѣтъ худа безъ добра!... Къ русскому попу, съ его неподвижнымъ невѣжествомъ и съ его дикими привычками, угнетаемому при этомъ и панами, и собственными іерархами въ невѣроятной нынѣ степени, не было приступу ни тонкому діалектику, ни мастеру проводить жизнь среди земныхъ утѣхъ во имя небеснаго блаженства.

Надобно войти въ положеніе тогдашняго приходскаго священника, чтобы судить, какъ трудно было заронить въ его умъ какую-нибудь мысль, выработанную въ иныхъ странахъ, иными людьми, при иныхъ обстоятельствахъ. Владыки, не щадившіе другъ друга и не щадимые свѣтскими соперниками, обращались съ попами грубо, облагали ихъ произвольными налогами и, безъ всякаго отчета кому бы то ни было, наказывали тюремнымъ заключеніемъ или побоями. Староста или дідичъ имѣнія, въ которомъ находился приходъ, заставлялъ приходскаго священника ѣхать съ подводами, бралъ къ себѣ въ услуженіе сына его, располагалъ деспотически его семьею и обиралъ его на столько, на сколько заблагоразсудится. Это мы говоримъ о панахъ такъ-назы-

ваемыхъ благочестивыхъ. У папа-католика или протестанта и за самое богослуженіе взималась пошлина, съ простыхъ священниковъ по 2, а съ протопоповъ по 4 злотыхъ. Прозелиты новыхъ вѣроученій, особенно аріяне, доходили до того, что не разъ лишали православный храмъ всѣхъ его принадлежностей и обращали въ хлѣвъ. „Есть много безъ набоженства, безъ таинъ пресвятыхъ пребываючихъ", говоритъ очевидецъ упадка русской церкви, Захарія Копыстенскій. „Есть не мало и священниковъ, и людей свѣцкихъ, слезно по Украинѣ туляючихся. Едни съ десперацін въ козацство ся обернули, другіе розмаитого живота наслѣдуютъ, третьи въ еретицва розныи, въ арианство и въ лютеранство, яко то въ Новогрудку и индей". Для предохраненія безпастырной паствы отъ еретичества, Захарія Копыстенскій даетъ благочестивымъ такой наказъ: „Еслибы не было попа для крещенія, то не обращаться къ иновѣрцамъ; пусть креститъ дитя діаконъ или церковный якій чтецъ, или пѣвецъ. А еслибы и тыхъ не было, теды якій мужъ правовѣрный, а навѣтъ самъ отецъ нехай креститъ". Подобный же наказъ даетъ онъ и объ исповѣди: когда нѣтъ священника—исповѣдываться передъ Богомъ. Причастіе брать у священника и хранить для подобныхъ случаевъ, „любо въ пущи и на мори идучи, любо въ далекии краины межи иновѣрныи пущаючи". Дозволялось тогда людямъ свѣтскимъ держать св. тайны въ домахъ. Во время гоненій отъ иновѣрцевъ или другихъ опасностей, они сами причащались и другимъ разсылали [1]).

Это печальное положеніе дѣлъ должно было, съ одной стороны, породить пьянство, цинизмъ и всякаго рода грубый развратъ, но зато съ другой—оно выработало людей, которыхъ грудь окована была тройною бронею пристрастія къ гонимой старинѣ, энтузіазма въ противодѣйствіи торжествующей партіи и глубокаго

---

[1]) Автограф. рукопис. варш. библ. гр. Красинскихъ

омерзѣнія ко всему, что эта партія считала своею славою и красотою. Въ обоихъ случаяхъ пропаганда новаторовъ была напрасна. Черты разврата въ высшихъ и низшихъ слояхъ тогдашняго русскаго общества въ Рѣчи-Посполитой Польской многочисленны и разнообразны; но я укажу только на самую зловѣщую черту, которая показываетъ, что зло достигало уже крайняго развитія, и что сама природа вещей должна была наконецъ покарать общество истребленіемъ. Еще во времена Сигизмунда-Августа, женщины въ литовскорусскихъ провинціяхъ поражали иностранца Волона своимъ безстыдствомъ и безнравственностью; тѣ изъ нихъ, которыхъ Волонъ называетъ adulterae, пользовались въ обществѣ особеннымъ почетомъ, а скромныя и достойныя дѣвицы не обращали на себя, со стороны мужчинъ, никакого вниманія. Простой народъ не отставалъ отъ шляхты и приправлялъ свой развратъ пьянствомъ въ такихъ размѣрахъ, что винокуреніе въ литовскорусскихъ городахъ сдѣлалось самымъ выгоднымъ промысломъ. Отъ высшаго духовенства ни шляхетному, ни простонародному обществу ожидадать спасенья было нечего. Эти пожиратели „хлѣбовъ духовныхъ", получаемыхъ изъ королевскихъ рукъ по протекціи своихъ родныхъ или вельможныхъ милостивцевъ, вели въ монастыряхъ свѣтскую и даже семейную жизнь, забавлялись охотою, держали при себѣ, панскимъ обычаемъ, отряды сбродной вооруженной дружины и хаживали другъ на друга войною за церковныя имущества. Что касается до пановъ свѣтскихъ, то между ними много было такихъ, которыхъ предки еще недавно строили церкви, основывали монастыри, завѣщевали села и приселки на устройство шпиталей или, какъ панъ Загоровскій, на содержаніе проповѣдниковъ, школъ и переписчиковъ богослужебныхъ книгъ при церквахъ; много было такихъ, которые и сами были не прочь отъ благочестивыхъ пожертвованій; но въ цѣломъ своемъ составѣ это было сословіе нравственно и даже матеріально безсильное

для такого великаго дѣла, какъ поднятіе изъ упадка церкви и всего народа русскаго.

Съ нравственной стороны не доставало этому сословію образованности, которая въ Литвѣ, на Волыни, въ Галицкой Руси и въ собственно такъ называемой Украинѣ, а въ нее входила Кіевщина и Подолія, стояла несравненно ниже польскаго уровня. Умственное и религіозное движеніе появилось въ отрозненной Руси едва въ началѣ XVI вѣка. До тѣхъ поръ это былъ край до того необразованный, что, по свидѣтельству Стрыйковскаго, знатные литвины и русины для писарскихъ услугъ добывали себѣ людей изъ Московскаго царства. Замѣчательно, однакожъ, что мысль о необходимости сдѣлать священное писаніе общедоступнымъ была заявлена здѣсь прежде какихъ-либо другихъ попытокъ просвѣтить общество. Она, конечно, пришла къ намъ изъ западной Европы: она была у насъ пустыннымъ эхомъ того, о чомъ тамъ еще недавно смѣли только шептаться, и что стали наконецъ проповѣдывать съ кровель. Полочанинъ Скорина перевелъ Библію на такой русскій языкъ, какимъ говорили въ высшихъ кругахъ, набравшихся мертвой болгарщины и мертвящей польщизны, которыя, какъ Сцилла и Харибда, такъ долго угрожали гибелью народному языку южнорусскому. За отсутствіемъ типографіи на Руси, Скорина напечаталъ свой переводъ въ чешской Прагѣ. Только въ 1562 году основана была у насъ первая типографія въ Несвижѣ, и опять поражаетъ насъ случайность, которую можно истолковывать различнымъ образомъ. Первый, можно сказать, ученый тогдашняго времени среди русскихъ и поляковъ, Симонъ Будный, предложилъ дремлющему въ умственной неподвижности обществу нашему протестантскій катехизисъ на русскомъ языкѣ, напечатанный имъ въ едва появившейся на Руси типографіи. Спустя немного времени, литовскій гетманъ Григорій Ходкевичъ основалъ въ своемъ имѣніи Заблудовѣ вторую русскую типографію, и бѣжавшіе изъ полудикой тогда еще Москвы типо-

графы, Иванъ Θедоровъ и Петръ Мстиславецъ напечатали тамъ большой фоліантъ, Толковое Евангеліе, составленное безтрепетно правдивымъ Максимомъ Грекомъ, который для москвичей былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и съ которымъ они поступили гораздо безпощаднѣе, чѣмъ въ свое время Иродъ съ извѣстнымъ каждому энтузіастомъ правды. Наконецъ основана была знаменитая на Руси типографія въ городѣ Острогѣ, и въ 1580 году тотъ же Θедоръ, вмѣстѣ съ другими передовыми людьми, совершилъ здѣсь печатаніе церковной Библіи,—первый, весьма важный шагъ къ побѣдѣ надъ примитивнымъ невѣжествомъ низшихъ слоевъ нашего общества.

Уже самая дата изданія этой книги, развивающей всякое неудоборазвиваемое общество, (кто бы тамъ ни былъ душою этого предпріятія) показываетъ, высоко ли стояло въ умственномъ развитіи наше общество въ XVI вѣкѣ, не имѣя, до второй половины его, другой литературы, кромѣ лѣтописей, актовъ и писанныхъ церковныхъ книгъ? Богатые землевладѣльцы, которымъ больше убогихъ представлялось возможности развить мыслительную способность въ общеніи съ представителями иныхъ круговъ, иныхъ общественныхъ интересовъ, отдѣлены были другъ отъ друга огромными пространствами, часто—безлюдными пустынями: въ землѣ древнихъ деревлянъ — дремучими лѣсами, въ землѣ дреговичей — непроходимыми топями, дреговинами, а въ землѣ полянъ — дикими полями, которыя, по милости хищныхъ татаръ, были непроходимѣе лѣсовъ и топей [1]). Съѣзжались они въ многолюдныя собранія только въ двухъ случаяхъ: во первыхъ, въ случаѣ войны (война тогда стлала мосты, дѣлала гати, прорубала просѣки и облегчала торговыя операціи между отдаленными

---

[1]) Такъ было съ самого погрома татарскаго. Если не татары дѣлали заглохшіе поля опасными, то литвины, которые постоянно рыскали въ нашихъ пустыняхъ, какъ объ этомъ разсказываетъ Плано Карпини.

пунктами [1]); война водила за собой и *науки*, или то, что можно разумѣть въ нашей Руси подъ этимъ словомъ); во вторыхъ, они съѣзжались для сеймовыхъ совѣщаній и постановленій. Тѣ и другіе съѣзды были довольно рѣдки, въ смыслѣ непрерывности обмѣна свѣдѣніями. Остальное время каждый панъ замыкался въ своемъ вотчинномъ государствѣ и, если не подпадалъ подъ такое вліяніе богомыслящаго человѣка, какому подчинялись, на примѣръ, Изяславъ и Святославъ Ярославичи, то вся энциклопедія его знаній ограничивалась тѣмъ, чему его учили занятія хозяйствомъ, охотою, или пѣсни и преданія старины. Не даромъ литвины и русины держали у себя для канцелярскихъ дѣлъ людей московскаго племени: сами они были не въ состояніи писать грамотъ, листовъ, духовныхъ завѣщаній и другихъ необходимыхъ актовъ, а ихъ попы и дьяки, само собою разумѣется, были невѣжественнѣе пановъ, при ограниченности своихъ средствъ къ образованію и при замкнутости въ тѣсной сферѣ жизни. Это можно видѣть изъ сравнительнаго просвѣщенія того и другого класса общества въ наше время.

Прошу теперь моего читателя, чуждаго историческихъ утопій, вообразить падающую въ руины русскую церковь и дикорастущее русское общество при такихъ патронахъ и руководителяхъ. Ихъ пожертвованій на церкви, монастыри и школы, даже и такихъ, какое сдѣлалъ Загоровскій за три года до появленія Библіи въ печати, не слѣдуетъ приписывать имъ лично, все равно какъ не

[1]) Встрѣчая въ актахъ московскія посольства, торгующія соболями, слѣдуетъ имѣть въ виду безопасность дороги, обезпечиваемую посольствомъ, прикрытіе поѣзда вооруженною силою и трудность обмѣна произведеніями различныхъ странъ обыкновеннымъ способомъ. Поэтому, кромѣ подводъ посольскихъ, за послами обыкновенно шолъ обозъ купеческій. Литва, въ войнахъ съ крестоносцами, естественнымъ бездорожьемъ замѣняла у себя крѣпости. Предпринять походъ противъ крыжаковъ было однозначительно съ устройствомъ удобопроходимыхъ путей: сперва мостили мосты, гатили гати, а потомъ уже двигали войска. То же самое дѣлалось и съ противной стороны. То же самое дѣлалось и во всей лѣсистой и болотистой Руси.

слѣдуетъ приписывать разныхъ мирныхъ уставовъ какимъ-нибудь Канутамъ и Гардиканутамъ. Это были, со стороны пановъ, изяславовскія и святославовскія послушанія кому-нибудь въ родѣ Ѳеодосія Печерскаго, а пожалуй и похитрѣе Ѳеодосія. Развернемъ, на примѣръ, ветхій листокъ изъ бумагъ кіевскаго Никольскаго монастыря, который безпрестанно попадалъ въ противорѣчіе высокаго съ низкимъ, небеснаго съ земнымъ и, начавши ссориться съ козаками и мѣщанами во времена оны, продолжалъ свою хозяйственно-казуистическую практику до конца козачества. Извѣстный намъ Остапъ Дашковичъ, основатель запорожской колоніи (въ которую только лѣтописцы позднѣйшаго времени, да повторяющіе ихъ историки, помѣщаютъ на первыхъ же порахъ церковь), отправляется на войну и, обычаемъ варяго-русскихъ временъ, проситъ напутственнаго благословенія у игумена Никольскаго монастыря [1]). Игуменъ даетъ ему благословеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ, конечно, брашно и питіе; а когда благочестивый рыцарь увидѣлъ въ кубкѣ дно, добрый инокъ, съ приличными случаю внушеніями, подаетъ ему къ подписанію слѣдующую бумагу: „Я, такой-то Остапъ Дашковичъ, ѣдучи на господарскую службу, помыслилъ есми о своемъ животѣ, нѣшто станеться надо мною Божія воля, пригодиться смерть, и отказалъ свое власное отчизное сѣлище Гвоздово Николѣ Пустынному монастырю и игумену пустынскому и всей братіи". Благочестивый подвигъ Дашковича не мудрено приписать ему самому, но мы читаемъ между строкъ и видимъ въ этомъ актѣ игуменское, а вовсе не козацкое благочестіе [2]). Точно такъ всѣ мона-

[1]) Кто въ этомъ видитъ черту религіозности козацкой, тому совѣтуемъ прочесть, какъ Остряница въ Голтвѣ, а Богданъ Хмельницкій въ другихъ мѣстахъ прибѣгали передъ военными предпріятіями къ чарамъ и предсказаніямъ личностей менѣе почтенныхъ.

[2]) Въ этой мысли убѣждаетъ насъ еще больше то обстоятельство, что Гвоздовъ былъ уже однажды отказанъ Никольскому монастырю, да, видно, не попалъ изъ козацкихъ въ чернецкія руки. Въ актѣ сказано: „Какъ предъ симъ записалъ я селище Гвоздовъ, такъ и теперь подтверждаемъ".

стыри и церкви, болѣе или менѣе посредственно, созидались иноками, инокинями и свѣтскими попами, чтò не уменьшаетъ ни заслуженной активности однихъ, ни добродѣтельной пассивности другихъ, тѣмъ болѣе, что въ варварскія времена внутреннихъ и внѣшнихъ разбоевъ, обыкновенно именуемыхъ болѣе мягкими названіями, монастыри были хранилищами историческихъ, религіозныхъ и нравственныхъ преданій, каково бы ни было ихъ относительное достоинство.

Патроны церквей и руководители общества только на сеймовыхъ съѣздахъ обнимали умомъ всю совокупность явленій добра или зла въ области церковной и общественной дѣятельности, да и туда они привозили съ собой—или готовыя инструкціи, въ видѣ напоминанія о томъ, чтò имъ дѣлать, или такихъ людей, которые, хоть и жили у нихъ, но, не развлекаясь панскими хлопотами и забавами, имѣли побольше досуга, а пожалуй и ума, чѣмъ сами ихъ патроны, для того, чтобы дѣйствовать изъ-за спины своего милòстивца во славу его имени и въ пользу общества. Смѣшонъ былъ бы историкъ XXII-го столѣтія, когдабъ, исполнясь уваженія, подобающаго прекрасной личности Вильгельма Прусскаго, сдѣлалъ его душею прусской дипломатіи за послѣднее время. Не менѣе смѣшны для читающаго акты между строкъ тѣ ученые, которые въ наше время приписываютъ идею акта и проведеніе идеи въ жизнь тому только лицу, которое въ немъ поименовано.

Вооружась такими соображеніями, читатель мой смѣло можетъ странствовать со мною по темному, часто обманчивому, требующему постоянной бдительности лѣсу, называемому археографическими актами, и слѣдить по этимъ документамъ за дѣятельностью литовско-русскихъ благочестивыхъ пановъ въ великомъ вопросѣ поддержанія церкви, рушайщейся у нихъ передъ глазами, и общества, очевидно разлагающагося въ грубой чувственности и еще грубѣйшемъ невѣжествѣ.

Дѣятельность эта представлена нашему времени въ преувеличенномъ видѣ тѣми писателями, которые принимаютъ слова за дѣла, заслонившись фоліантами отъ шумнаго свѣта, гдѣ такъ часто одно говорится и пишется, а другое дѣлается. Патроны были какъ патроны. Пошумѣвъ на сеймахъ, разославши грамоты и письма куда слѣдуетъ, они воображали, что сдѣлали дѣло. Патроны сознавали себя силою, пока были всѣ вмѣстѣ, съ своимъ интеллигентнымъ штатомъ; но тотъ не знаетъ законовъ человѣческаго взаимодѣйствія, кто не испыталъ на себѣ охлаждающаго свойства родного уголка, отрозненнаго отъ столичнаго кипѣнія мыслей, нравственныхъ сдѣлокъ, умственныхъ страстей. Историки, пребывающіе ради своей профессіи всю жизнь въ столицахъ, воображаютъ вельможныхъ ревнителей древняго благочестія на своемъ мѣстѣ, а пожалуй и въ своемъ вѣкѣ; потому и приписываютъ имъ небывальщину. Сила, временно образовавшаяся отъ совокупности пановъ на многолюдномъ съѣздѣ, исчезала сама собой по возвращеніи каждаго ея представителя къ обычному порядку жизни. Отъ этой временно образовавшейся силы оставались только письмена, для помраченія умовъ отдаленнаго потомства, или лучше сказать—ученыхъ путеводителей его по лабиринту книжныхъ полокъ.

Такимъ ничтожнымъ по своимъ послѣдствіямъ былъ съѣздъ благочестивыхъ пановъ на варшавскомъ сеймѣ 1585 года, приводимый нынѣ въ книгахъ, какъ доказательство благочестивой дѣятельности магнатовъ. Онъ принесъ пользу только исторіи, но вовсе не народному и не церковному дѣлу. Благодаря этому съѣзду, исторія имѣетъ нынѣ передъ собой громкую манифестацію, которая изображаетъ какъ нельзя выразительнѣе горестное положеніе православной церкви тогдашней и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ панское самообольщеніе доблестными фразами. Это—соборное посланіе русскаго дворянства къ кіевскому митро-

политу Онисифору Дѣвочкѣ. Оно заслуживаетъ прочтенія въ подлинномъ текстѣ своемъ [1]).

„Великому нещастью своему причитати мусимъ", писали дво-

[1]) Для непривычныхъ къ тогдашнему письменному языку, прилагается переводъ акта, интереснаго не по одному содержанію своему, но и по самому изложенію, которое служитъ для насъ образцикомъ того, какъ писало высшее правоправящее сословіе тогдашнее, и какъ заставляло писать и, по мѣрѣ силъ, говорить все низшее, убивая такимъ образомъ языкъ, выработанный лучшими органами народнаго генія и дошедшій до насъ въ такъ-называемыхъ невольницкихъ плачахъ, историческихъ думахъ и пѣсняхъ.

„Великому несчастію своему приписать должны мы то, что во время вашего пастырства всѣ мы страшно утѣснены, плачемъ и скитаемся, какъ овцы, пастыря не имущія. Хотя вашу милость старшимъ своимъ имѣемъ, однако вашей милости не угодно заботиться о томъ, чтобы словесныхъ овецъ своихъ отъ губительныхъ волковъ оборонять и хоть сколько-нибудь спасать святое благочестіе... Такихъ бѣдъ никогда не бывало и впредь большихъ не можетъ быть, какъ эти. Во время пастырства вашей милости довольно всего злого въ законѣ нашемъ сталось: насилія святыни, замыканіе св. таинъ, запечатаніе св. церквей, запрещеніе звонить, выволакиваніе отъ престола изъ церквей Божіихъ поповъ; какъ будто-бы какихъ злодѣевъ, сажаютъ ихъ въ позорныя тюрьмы, а мірскимъ людямъ запрещаютъ въ церквахъ Божіихъ молиться и выгоняютъ. Такихъ насилій не дѣлается и подъ поганскими царями, какія творятся въ пастырствѣ вашей милости. Но этого мало: рубятъ кресты святые, захватываютъ колокола въ зáмокъ, по желанію жидовъ. А ваша милость еще и листами своими открытыми противъ церкви Божіей помогаете, — жидамъ на радость, святой вѣры нашей еще на большее униженіе а намъ на досаду. Кромѣ того, какія дѣлаются еще опустошенія!... Церкви обращаются въ костелы іезуитскіе, имѣнія, церкви Божіей пожертвованныя, теперь къ костеламъ приписаны, и многія другія великія нестроенія. Въ монастыряхъ честныхъ, вмѣсто игуменовъ и братіи, игумены съ женами и дѣтьми живутъ и церквами святыми владѣютъ и рядятъ; изъ большихъ крестовъ маленькіе дѣлаютъ; что̀ было дано къ Божіей чести и хвалѣ, изъ того святотатство сдѣлано: дѣлаютъ себѣ пояса, ложки, сосуды злочестивые, для удовлетворенія прихотей своихъ; изъ ризъ саяны, изъ епитрахилей брамы. Но, — что̀ еще хуже — ваша милость поставляешь однихъ епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, братіи своей, что̀ вашей милости и правила запрещаютъ; вслѣдствіе чего негодные люди становятся епископами и, къ поруганію святой вѣры, на столицахъ съ женами своими живутъ безъ всякаго стыда, и дѣтокъ плодятъ..... И другихъ, и другихъ, и другихъ бѣдъ великихъ и нестроенія множество! Чего, по причинѣ горести нашей, на сей разъ подробно изложить не можемъ. Наставилось епископовъ много, на одну епархію по два; отъ того порядокъ погибъ. Жаль намъ души и совѣсти вашей: за все отвѣтъ вы должны Господу Богу отдать."

ряне (что мы) „за вашего пастырства вси велицѣ утиснены, плачемъ и скитаемся, яко овцы пастыря неимущія; ачъ вашу милость старшого своего маемъ, але ваша милость подвизатися и працы чинити, словесныхъ овецъ отъ волковъ губящихъ боронити и ни троха ни въ чомъ святому благочестію ратунку давати не рачишъ.... Такихъ бѣдъ первѣй николи не бывало, и вже болшіи быти не могутъ, яко тые: за пастырства вашой милости досыть всего злого въ законѣ нашомъ сталося, яко згвалченья святостей, святыхъ таинъ замыканья, запечатованья церквей святыхъ, заказанье звоненья, также вывоженья отъ престола съ церквей Божіихъ поповъ, яко нѣкакихъ злочинцовъ шáрпаючи, въ срóсныхъ вязѣньяхъ ихъ сажаючи, и мирскимъ людемъ въ церквахъ Божьихъ молбъ забороняючи и выгоняючи; что ся таковые кгвалты не дѣлаютъ и подъ поганьскими царьми, яко ся то все дѣетъ въ пастырствѣ вашей милости. А што еще къ тому порубанья крестовъ святыхъ, побранья звоновъ до замку и кгволи жидомъ? И еще ваша милость и листы свои отвореные, противу церкви Божое, жидомъ на помощь даешъ, къ потѣсѣ имъ и къ большему оболженью закону нашого святого и къ жалю нашому! Къ тому еще якія дѣются спустошенья церквей! Изъ церкви костелы езуитскіе, и имѣнья, што бывали на церкви Божія нáданы, теперь къ костеламъ привернены, и иныя многія нестроенія великія. Въ монастырехъ честныхъ, вмѣсто игуменовъ и братьи, игумены съ жонами и съ дѣтьми живутъ, и церквами святыми владаютъ и радятъ; съ крестовъ великихъ малые чинятъ, и съ того, што было Богу къ чти и къ хвалѣ подано, съ того святокрадьство учинено, и собѣ поясы, и ложки, и сосуды злочестивые къ своимъ похотямъ направуютъ, и зъ ризъ саяны, съ петрахилевъ брамы. А што еще горшого, ваша милость рачишъ поставляти самъ одинъ епископы, безъ свидѣтелей и безъ насъ, братьи своее, чого вашой милости и правила забороняютъ; и за такимъ зквáпнымъ вашей милости совершеніемъ, негодные ся въ такій

великій станъ епископскій совершають и, къ поруганью закону святого, на столицы епископлей съ жонами своими кромѣ всякого встыду живутъ и дѣтки плодятъ. И иныхъ, и иныхъ, и иныхъ бѣдъ велихъ и нестроенія множество! чого, за жалемъ нашимъ, на тотъ часъ такъ много писати не можемъ. Наставилося епископовъ много, на одну столицу по два; затымъ и порядокъ згибъ.... Жаль намъ души и сумнѣнья вашей милости: за все отвѣтъ Господу Богу маешъ воздати..."

Чуждыми звуками, чуждымъ, нестройнымъ складомъ звучитъ эта замогильная рѣчь. Что это былъ за народъ? на какомъ это языкѣ писалъ онъ? невольно спрашиваешь себя. На языкѣ, обреченномъ погибели, на переходномъ къ польскому. Составители акта были уже полуполяки, и какъ ни разглагольствовали они въ пользу православія, сердце ихъ пребывало тамъ, гдѣ пребывало ихъ сокровище. Отъ своей церкви и народности не ждали они ничего для панскихъ домовъ своихъ: все приманчивое и желанное для нихъ находилось въ рукахъ у короля и его рады. Сеймовая протестація была чистымъ лицемѣріемъ: за словами никакое дѣло не слѣдовало. Еслибъ этотъ безполезный актъ потерялся въ архивномъ сору навѣки, историкъ могъ бы сказать, что паны даже не замѣтили, какъ русская церковь была близка къ паденію.

Здѣсь я долженъ взять прерванную нить моего повѣствованія о дѣятельности римской куріи и связать ее съ тѣмъ, что происходило у насъ, въ нашей отрозненной Руси.

Еслибы поляки не были питомцами нѣмецкаго духовенства искони, они бы — или не существовали вовсе въ видѣ Польскаго государства, которое мы знаемъ, какъ панскую когорту (cohors amicorum), или же, смѣшавшись въ нераздѣльное общественное тѣло съ сельскими гминами, поставили бы Польское государство на болѣе широкомъ основаніи. То была бы уже не шляхетски-демократическая Рѣчь-Посполитая. Другими словами — они сдѣлались бы способны образовать *государство*, то есть то, чѣмъ

республика шляхетская была еще менѣе, нежели ея незаконно рожденное чадо—козацкая республика; ибо въ такомъ случаѣ *народъ,* въ широкомъ значеніи слова, выучилъ бы ихъ государить въ духѣ равномѣрности. Вмѣсто того, духовные наставники выучили ихъ пановать и считать только себя народомъ, въ своей племенной отрозненности въ видѣ лехитской шляхты. Возвысилось это самозванное царство шляхты дѣйствіемъ посторонней силы, а не путемъ натуральной въ государственномъ организмѣ зрѣлости. Поэтому, польскому обществу, при всѣхъ его плѣнительныхъ качествахъ,—при его добродушной веселости, при его симпатіи ко всему возвышенному надъ повседневностью, наконецъ, при его готовности на помощь другу и брату, хотябы даже и съ большими пожертвованіями,—не было дано выработать въ себѣ той глубины духа, которая сказывается въ любви къ внутренней сущности дѣла, а не къ видимости его. Всегдашними недостатками поляка, говоря вообще, были—такъ называемая okazałość, самодовольство, удовлетвореніе себя посредственнымъ и возведеніе своего посредственнаго на высоту doskonałości (совершенства). Отсюда у нихъ легкое взвѣшиваніе чужой силы; отсюда ихъ увѣренность въ достиженіи труднодостижимаго; [1]) отсюда ихъ мел-

[1]) Болеславъ Храбрый въ Кіевѣ; Владиславъ III подъ Варною: политическая и церковная уніи, затѣянныя попусту; овладѣніе Москвою во вредъ внутреннимъ и внѣшнимъ интересамъ своимъ; Владиславъ королевичъ подъ Можайскомъ, спасенный Конашевичемъ-Сагайдачнымъ, гетманъ Жолковскій подъ Цоцорою; крайняя опасность коронпаго войска подъ Хотиномъ, устраненная еще разъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ; поднятіе на себя всей Украины польскимъ lekceważeniem chłopów; Янъ Собіскій подъ Вѣною, не рѣшающійся ударить на турокъ до прихода „дикой милиціи козацкой"; вторичная потеря Украины отъ lekceważenia chłopów, Украины, отданной панамъ жалкою боярскою политикою и вторично имъ отданной по недостатку историческаго образованія при Екатеринѣ, наконецъ, послѣдняя импровизація невозможнаго для Польши, подъ предводительствомъ достойнаго лучшей родины ополяченнаго русина Костюшки: вотъ подтвердительные факты изъ польской исторіи, къ которымъ, во имя самого человѣколюбія, распространяемаго, въ числѣ другихъ странъ, и на Польшу, можно примѣнить слова одного изъ современныхъ политико-экономовъ: „Хорошо, еслибы возможно было вовсе исключить изъ лѣтописей эти печальные памятники преступленій и безумія".

кое плаваніе по бездонной глубинѣ; отсюда, наконецъ, и это увлеченіе западною реформаціею со стороны внѣшней свободы, а не той, о которой заповѣдано намъ словами: „и уразумѣете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными“.

Реформація распространилась въ Польшѣ съ изумительною быстротою, но еще изумительнѣе для историка быстрота ея исчезновенія. Послѣднее явленіе принято у насъ приписывать іезуитамъ; но это не единственный примѣръ исканія того въ людяхъ, что заключено въ обстоятельствахъ. Я бы просилъ нашихъ историковъ объяснить мнѣ; почему тѣ же іезуиты оказались безсильными противъ реформаціи въ Германіи? Не потому ли, что сѣмена религіозной философіи нашли тамъ не одну только аристократическую почву; что подъ высшимъ, легко вывѣтривающимся слоемъ они нашли глубоко взрыхленную почву, чего вовсе не было въ Польшѣ? Реформація нужна низшимъ, а не высшимъ классамъ общества. Со временъ „Іисуса сына Давидова“, мы не встрѣчали на исторической аренѣ аристократовъ-реформаторовъ. Были между ними протекторы (знатные послѣдователи) реформаціи, но не реформаторы, не начинатели и двигатели реформаціи. Какъ сама собою начала въ польскомъ обществѣ рушиться преданность католической церкви, со временъ Казимира IV, такъ само собою рушилось бы и протестантство. Іезуиты вовсе не были для этого необходимы. И съ іезуитами, и безъ іезуитовъ, для польской аристократіи, какою мы ее знаемъ за ея кулисами, была возможна одна только вѣра, — вѣра въ мамону неправды.

Русскіе дворяне, въ свою очередь, не были способны развить въ себѣ того, что у апостола такъ прекрасно названо дѣятельнымъ благочестіемъ. Они, въ варягорусскія времена, были воспитаны хожденіемъ на полюдье, кормленіемъ въ княжихъ городахъ, взиманіемъ пошлинъ за княженецкіе суды, наконецъ слушаніемъ „соловья стараго времени“, который умѣлъ „ущекотать“ княжескіе

полки, но не умѣлъ развеселить печаль такого человѣка на княжескомъ пиру, какъ Ѳеодосій Печерскій [1]). Наши любезные обиратели варягоруссы, такъ же какъ и лехиты, были не отъ народа. Они не могли проникнуться глубоко духомъ христіянства уже по одному тому, что не были скорбящими и обремененными, а были причинителями скорби и обременителями. Греки могли ихъ научить обрядности, но не сущности вѣры, по той простой причинѣ, что сами были далеки отъ этой сущности. Оттого-то строители монастырей въ отрозненной Руси, завѣщатели имуществъ на богоугодныя, творимыя добродушными иноками, дѣла и даже основатели школъ и издатели библій — такъ скоро переходятъ на лоно католической вѣры, что на одной страницѣ лѣтописи читаемъ иноческое восхваленіе благочестія этихъ почтенныхъ господъ, а на другой — осужденіе ихъ отступничества. Они переходятъ въ католичество тотчасъ, лишь только начинаютъ родниться съ польскими домами и конфузиться своего неумѣнья доказать превосходство вѣры своей. Они должны были конфузиться передъ латинскими прелатами и ихъ воспитанниками, польскими панами: это очень понятно. Не могли наши паны „русаки“ указать имъ ни на богатство духовенства своего, тогда какъ латинцы съ гордостью говорили имъ о Римѣ и его всемірной эксплоатаціи, ни на торжество греческой церкви надъ невѣрными, которые такъ неопровержимо властвовали надъ ея первосвященниками, ни даже на внутреннее, философское достоинство догматовъ православія, котораго они не понимали ни умомъ, ни — еще менѣе — сердцемъ. Историки

---

[1]) Однажды Ѳеодосій посѣтилъ кіевскаго великаго князя Святослава Ярославича въ его княженецкихъ палатахъ и засталъ тамъ веселый пиръ. Играли на гусляхъ, на органахъ; пѣли пѣсни. Ѳеодосій остался, не удалился отъ несвойственной отшельническому духу сцены, но сидѣлъ молчаливъ и печаленъ; наконецъ молвилъ: „Будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ!“ Князь приказалъ немедленно пріостановить мірскія забавы, и постарался, чтобъ на будущее время святой мужъ, во время благосклонныхъ посѣщеній своихъ, не былъ опечаленъ праздными забавами.

объясняютъ таковое прискорбное для нихъ поведеніе своихъ героевъ православія слѣдствіями, но никакъ не причиною, хотя причина такъ очевидна.

Вѣра не была внѣдрена въ княжескихъ дружинниковъ и ихъ потомство, какъ залогъ лучшей жизни, потому что воображеніе не могло и представить имъ ничего лучше полюдья. Вѣра пришла къ нимъ не съ утѣшеніемъ, а съ угрозами, какъ разсказываетъ и первый лѣтописецъ русскій; слѣдовательно не влекла ихъ къ себѣ, какъ залогъ лучшаго, напротивъ, заставляла рабски лукавить. Она явилась во всей божественной прелести своей только такимъ людямъ въ древней Руси, какимъ проповѣдывали ее рыбаки галилейскіе. Только смердамъ да всѣмъ безвыходно тѣснимымъ въ варяжской займанщинѣ сказалась она драгоцѣннѣйшею стороною своею, и въ этой-то средѣ, какъ ни мало была она образована, утвердилась незыблемо. Съ источникомъ отрады человѣкъ разстается не легко, съ предметомъ страха—весьма охотно. Поэтому и русскіе дворяне впали, какъ мы видѣли, въ тотъ индиферентизмъ, при которомъ только и возможны были такія явленія, какія они описали въ своемъ соборномъ посланіи къ кіевскому митрополиту. Они впали въ этотъ индиферентизмъ во времена далекія: они стояли въ сторонѣ отъ своей церкви задолго до того времени, когда перестали называться ея членами. Но какова же, спроситъ читатель, какова была русская церковь безъ просвѣщенія и безъ высокой нравственности въ томъ обществѣ, которое составляло ее? Она была такою, какая только и могла выработаться при переработкѣ византійщины въ нашей свѣжей славянской натурѣ. Она на столько была чиста отъ всякія скверны, на сколько дикорастущій русскій духъ способенъ былъ возсоздать ее въ себѣ. Пора оставить намъ въ исторіи стереотипныя фразы. Отъ нихъ нѣтъ пользы ни наукѣ, ни нравственности. Русская церковь далеко была не тѣмъ во времена оны, чѣмъ зауряд ее представляютъ, хотя надо сказать, что она всё-таки была свѣ-

томъ, сіявшимъ во тьмѣ; и всё-таки надо отдать ей честь, что тьма не объяла свѣту ея, не смотря на всѣ усилія такихъ ангеловъ тьмы, какими были проповѣдники на Руси папизма. Разсмотримъ теперь, какъ оно такъ дивно — хотя въ сущности очень просто — сотворилось, что русская церковь не дала папизму погасить свѣтильника своего.

ГЛАВА VIII.

Основанія религіозности въ украинскомъ народѣ. — Монастырское проповѣданіе христіянства. — Юридическая замѣна народа одними высшими классами его. — Мѣщанство по отношенію къ церкви. — Магдебургское право и церковныя братства. — Мѣщане берутъ на себя попеченіе о церкви. — Противъ нихъ дѣйствуютъ, посредствомъ шляхты, іезуиты. — Мѣщане ищутъ представителей братствъ между панами. — Испорченная панами іерархія ищетъ въ уніи освобожденія отъ инспекціи со стороны церковныхъ братствъ.

Всякая сильная натура, выразившая себя въ добромъ или зломъ направленіи, не пропадаетъ въ жизни безслѣдно, но пропагандируетъ свой нравственный образъ въ грядущихъ поколѣніяхъ, продолжаетъ, такъ сказать, родъ свой, какъ это дѣлается въ зоологическомъ мірѣ. Она выдерживаетъ борьбу съ неблагопріятными для нея обстоятельствами, подавляетъ своихъ сравнительно слабыхъ соперниковъ и погибаетъ, то есть теряется безслѣдно для человѣческаго наблюденія, только тогда, когда выполнитъ свойственную ей роль, исчезаетъ тогда, когда жизнь выработаетъ на ея мѣсто уже другія орудія для своихъ вѣчныхъ операцій. На этомъ общемъ законѣ основывается, между прочимъ, та чудная связь, которая существуетъ между множествомъ индивидуумовъ нашего времени и однимъ или нѣсколькими индивидуумами временъ давно-минувшихъ. Этимъ закономъ объясняются также нѣкоторыя возмутительныя явленія современной намъ жизни, по

видимому, не свойственныя существующему порядку вещей, невозможныя въ немъ, діаметрально противуположныя цѣлямъ лучшихъ и могущественнѣйшихъ изъ представителей человѣческой расы.

Варягорусскій періодъ нашей исторіи не былъ въ натурѣ такъ безцвѣтенъ и безмысленъ, какъ онъ является въ монастырскихъ сказаніяхъ. Если мы будемъ разсматривать его только біологически, то и тогда не можемъ не признать въ дѣятеляхъ этого періода щедрыхъ даровъ жизни, судя по необычайности передвиженій, истребительныхъ и гнетущихъ другія силы, но всегда энергическихъ. Не одна, однакожъ, біологія можетъ быть приложена къ варяжскому періоду: отрывокъ погибшей эпопеи народной, ведущей свое происхожденіе отъ какого-то „соловья стараго времени", убѣждаетъ насъ въ предположеніи, что на берегахъ Днѣпра, Десны, Сулы и другихъ русскихъ рѣкъ кипѣла самобытная духовная дѣятельность свѣжаго, высоко одареннаго народа, какъ-будто предназначеннаго создать новую Грецію на мѣсто обветшалой [1]). Вдругъ допотопный плезіозавръ, въ видѣ Батыя, губитъ юное общество въ первомъ цвѣту, и, на мѣсто поэтическихъ звуковъ древняго бояна, по русской землѣ распространяется молчаніе безлюдной пустыни. Зачѣмъ это было нужно? гдѣ, въ какомъ вѣкѣ, въ какомъ сцѣпленіи живучихъ силъ скрывается разумная причина такого быстраго, доконченнаго въ два-три звѣрскихъ прыжка истребленія? Наука не собрала еще своихъ средствъ для объясненія подобныхъ, какъ мы привыкли говорить, случайностей. Но въ этой историческй картинѣ, на мой взглядъ, еще не такъ много контраста, какъ въ двухъ другихъ преданіяхъ лаконической, почти нѣмой старины русской. Вотъ они:

Народъ нашъ самъ по себѣ выработалъ кроткое начало благоволенія къ ближнимъ и нравственное „стыдѣніе" въ словахъ и по-

---

[1]) Нельзя здѣсь не припомнить суевѣрныхъ догадокъ старинныхъ грамотѣевъ, что древняя Троя находилась въ землѣ Кіевской.

ступкахъ между двумя полами. Не доставало, по видимому, только лучей божественнаго разума, чтобы дать этой духовной жизни достойное человѣческаго общества развитіе. И вотъ, чрезъ посредство женскаго сердца, этого перваго и вѣчнаго проводника христіянства въ жизнь, совершилась апостольская миссія. Казалось бы, среди этого кроткаго народа, процвѣтетъ христіянство въ той поэтической прелести, какою оно возсіяло изъ сердца своего перваго апостола. Нѣтъ, колеблемая вѣтромъ трость въ пустынѣ, человѣкъ, очищающій грѣхи самоумерщвленіемъ, вдали отъ общества и семейства, вотъ что̀ сдѣлалось идеаломъ днѣпровскихъ прозелитовъ! Надъ нашимъ заимствованіемъ ученія богочеловѣка отъ испорченныхъ грековъ какъ-будто исполнилось апостольское слово: „Течетъ ли изъ мутнаго источника чистая вода“? Христіянская жизнь первыхъ иноковъ, распространившихъ по всей русской землѣ новые догматы вѣры, проводима была въ подземныхъ ямахъ, въ причиненіи самому себѣ физическихъ страданій, въ отверженіи лучшихъ даровъ божественной благости, а христіянская любовь ихъ сосредоточивалась на тѣсномъ кругѣ своихъ единовѣрцевъ. Въ противоположность ученію богочеловѣка, что многіе придутъ отъ востока и запада и возлягутъ на лонѣ Авраамовомъ, что властенъ Господь и изъ камня создать Аврааму чада, эти подземные апостолы проповѣдывали фанатическое отчужденіе и ненависть. „Своему личному врагу, который убилъ бы передъ твоими очами твоего сына, или брата, прости все, но не прощай врагамъ Божіимъ той вины, что они держатъ кривую вѣру“: такова была ихъ проповѣдь. Христосъ, благимъ общеніемъ своимъ съ иновѣрцами, разрушалъ сектаторскія правила, подобныя, на примѣръ, тому, „чтобы жиды не прикасались къ самарянамъ“, а эти носители въѣвшихся въ тѣло веригъ, покрытые догматически-несмываемою ими никогда корою грязи, учили омывать сосудъ и очищать его молитвою послѣ того, какъ изъ него напьется латинянинъ.

Но христіянство имѣетъ дивную силу вырабатывать общество для лучшей жизни въ вѣкахъ грядущихъ, какимъ бы извращеніямъ ни подвергалась его проповѣдь временно. Тѣ же фанатическіе аскеты пропагандировали, какъ словомъ, такъ и самимъ дѣломъ, милосердіе, и пропагандировали въ такія эпохи, когда оно, по видимому, совершенно изсякло въ русскомъ сердцѣ. Они рѣзкимъ укоромъ останавливали тирана, для котораго не было уже никакой нравственной узды въ обществѣ. Они и въ политической жизни сдѣлали много для единенія русскихъ областей общимъ чиноначаліемъ церковнымъ, общими монастырскими правилами и преданіями, общимъ дѣятельнымъ благочестіемъ, распространеннымъ въ особенности на скорбящихъ и обремененныхъ, упрочивая такимъ образомъ народную связь, которая впослѣдствіи готова была порваться окончательно, и не порвалась единственно потому, что возмутительное для нынѣшней гуманности подвижничество, которое пришлось по душѣ современному обществу, вязало жителей отдаленныхъ странъ безчисленными узлами духовнаго единенія, и совершало свою таинственную, едва сознаваемую самими подвижниками, работу въ теченіе многихъ вѣковъ.

Татарское опустошеніе Руси справедливо объясняютъ русскимъ свободолюбіемъ и героизмомъ; но въ томъ упорствѣ, въ томъ беззавѣтномъ героизмѣ, съ которымъ русскіе гибли подъ наваломъ дичи монгольской, сказался также и духъ нетерпимости къ „Божіимъ врагамъ", проповѣданной монастырями. Грѣшный княжескій, боярскій и гостино-греческій міръ, который аскетическая церковь русская такъ строго осуждала, палъ подъ ударами Батыя со всею своею культурою, можетъ быть, столько же жертвою монастырскихъ внушеній, сколько и жертвою богатырскаго правила — предпочитать смерть постыдному полону. Посреди жалкихъ остатковъ этого міра, сдѣлавшагося для насъ почти сказочнымъ, уцѣлѣли монастыри, а между монастырями сохранилось

ихъ древнее единеніе. Только благодаря монастырямъ, разорванная послѣ татарскаго опустошенія на куски, русская земля не потеряла нравственнаго единства; и такимъ же аскетамъ, какимъ былъ ихъ прототипъ, поучавшійся иноческой жизни на Аѳонѣ, но не епископамъ въ родѣ корсунянина Анастаса и не вельможамъ въ родѣ крестителя Добрыни, суждено было спасать отрозненную отъ остальнаго русскаго міра нашу родину. Густой туманъ невѣжества покрылъ ее послѣ такъ называемаго народомъ *лихолѣтья.* Свѣтлыми точками въ этомъ туманѣ были монастыри. Тамъ сохранилась грамотность; тамъ велись письменныя преданія о вѣчно дорогихъ человѣческому сердцу предкахъ, которые были снесены военными бурями съ лица русской земли. Иноки были единственными печальниками темнаго и безотвѣтнаго народа, единственными его наставниками, а подъ часъ и кормителями.

Прежнее государственное начало, проявлявшееся въ соединеніи вѣча съ княжескимъ управленіемъ, это, можно сказать, зарожденіе чего-то великаго въ маломъ и возвышеннаго въ низкомъ, исчезло вдругъ, какъ выкидышъ; а его мѣсто заняла литовско-польская государственность, которая построилась не на естественной ассоціаціи труда и талантовъ, а на завоевательномъ преобладаніи одного класса надъ другими. Эта государственность подавила „русское право", вписанное въ память народа подъ формою обычая. Народъ юридически пересталъ быть *народомъ,* и долженъ былъ уступить это названіе двумъ высшимъ классамъ общества, которыхъ право олицетворялъ въ тебѣ король. „Еслибы право само по себѣ могло говорить и дѣйствовать, намъ бы не нужно было короля: онъ у насъ — говорящее и дѣйствующее право". Такъ опредѣляли королевскую функцію независимые члены Рѣчи-Посполитой Польской [1]). И вотъ это-то говорящее и дѣйствующее право польское, съ помощью „вѣрныхъ совѣтниковъ" своихъ,

[1]) Со словъ папскаго нунція Маласпины.

путемъ придворныхъ злоупотребленій королевскою властью, находившеюся въ рукахъ многихъ, а не одного, привело и латинскую, и русскую церковь, въ предѣлахъ польсяой политической системы, въ то состояніе, въ какомъ изобразили ее сеймующіе русскіе дворяне въ писмѣ къ кіевскому митрополиту. Не сомнѣваемся въ томъ, что органомъ русскихъ дворянъ въ этомъ, равно какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, были люди, преданные не столько фамильнымъ, можно даже сказать—династическимъ, интересамъ и свѣтскимъ забавамъ, сколько иноческому богомыслію. Церковное управленіе, руководимое папистами, разновѣрцами, да и самими православными, которые ни въ чомъ не были лучше ихъ, самими даже тѣми, которые подписали имена свои подъ соборнымъ посланіемъ, довело церковь до положенія отчаяннаго; и вотъ почему, среди крайняго нечестія общества, этого мнимаго собранія вѣрующихъ, начали раздаваться громкіе сигналы тревоги со стороны тѣхъ, которые были вѣрующими не на словахъ только, но и въ глубинѣ души своей. Угрожаемая гибелью народная жизнь вызвала къ дѣятельности послѣднія, глубоко скрытыя силы свои.

Тогдашнее дворянство, говоря вообще, не было и не могло быть сѣдалищемъ христіянскаго благочестія. Оставляя въ сторонѣ польское высшее общество и вникая только въ русское, мы сдѣлаемъ общее замѣчаніе: что, если продукты высшей цивилизаціи вносятся въ общество, стоящее на низкой ступени развитія, то первое, по крайней мѣрѣ, время по принятіи продуктовъ цивилизаціи, вмѣсто самой цивилизаціи, знаменуется упадкомъ общественной нравственности, разнузданностью страстей, распущенностью нравовъ и естественнымъ слѣдствіемъ всего этого—оскудѣніемъ вѣры. Еще прежде реформаціоннаго движенія за границею, наполнившаго нашъ высшій классъ верхоглядами и красноглаголивыми франтами, въ нашу простацкую русь проникли, чрезъ посредство нашихъ польскихъ родныхъ и пріятелей, продукты

утонченной итальянской культуры, которая такъ сильно отзывалась вліяніемъ развратнаго злодѣя, папы Александра VI. Въ Италіи тогда не одни свѣтскіе, но и духовные образованные люди, уподобляясь своимъ образцамъ, древнимъ римскимъ философамъ, считали религію необходимою для одной черни, которую, ради спокойствія и выгодъ, надобно держать въ заблужденіи. Такой взглядъ на нравственную связь церкви съ обществомъ неизбѣжно усвоивался людьми, которые патронатъ, принадлежавшій королю, а мѣстами и землевладѣльцамъ,обратили въ предметъ придворной и провинціяльной интриги. Для нихъ была удобна и полезна одна только форма благочестія—лицемѣріе. Оттого въ польскомъ обществѣ даже магнаты, подобные Замойскому, дозволяли себѣ безнравственные „экзорбитанціи" на счетъ своихъ единовѣрцевъ, а въ обществѣ русскомъ ревнители древняго благочестія окружали себя новаторами, праздными обжорами, а часто и вѣдомыми всѣмъ убійцами. Благочестіе, если оно и было въ панскомъ обществѣ во времена большей простоты нравовъ,—съ утонченностью быта и съ развитіемъ на Руси иноземной роскоши, съѣхало на почву матеріяльныхъ выгодъ, а не то—пустого тщеславія. Для подтвержденія этихъ словъ, достаточно указать на отсутствіе даже хотя бы одного случая, въ которомъ бы какой-нибудь прославленный панегиристами фундаторъ церкви, монастыря, церковной школы и т. п. отважился дѣйствовать хоть такъ изъ ревности къ отеческой вѣрѣ, какъ, на примѣръ, дѣйствовалъ галицкій помѣщикъ Опалинскій, который, по выраженію Львовской лѣтописи, „о пса войну точилъ" съ сосѣдомъ Стадницкимъ цѣлыхъ два года, и у котораго подъ знаменами собиралось болѣе семи тысячъ народу. [1]) Никто изъ нихъ не вступался такъ яростно, такъ героически за вѣру, какъ этотъ панъ за ничтожныя въ началѣ оскорбленія, или

---

[1]) Нѣсколько документовъ 1610-го года, относящихся къ ожесточенной враждѣ этихъ двухъ пановъ, находится въ рукописяхъ Императ. Публ. Библ. разнолз. Л. Q, отд. IV, № 8.

какъ, на примѣръ, Іеремія Вишневецкій за свою опеку надъ родными. Станиславъ Радзивилъ, въ своемъ дневникѣ, передаетъ потомству, съ видимымъ сочувствіемъ къ этому герою полноправства, какъ онъ кричалъ на всю Польшу, что: ieżeliby krol chciał z dobrtych go wypędzić, życie miał prędzej stracić, niżeli dopuścić, aby kto inny miał opiekę [1]). Но этотъ знаменитый русскій панъ, за себя лично, готовъ былъ и не на такую рѣшимость. Дворянинъ его Машкевичъ, разсказавъ, какъ не хотѣлось однажды его княжеской милости присягнуть въ томъ, что онъ дѣйствительно по болѣзни не явился къ суду на сеймъ, записалъ, вовсе не сознавая, что предаетъ патрона позору, слѣдующее:

„Князь всячески старался уклониться отъ присяги, однакожъ (коронный) хорунжій (Александръ Конецпольскій) настаивалъ, и ему некуда было дѣться—приходилось присягнуть. Но сохрани, Господи Боже! много бѣды вышло бы изъ этой присяги. Ибо съ вечера передъ урочнымъ днемъ князь Вишневецкій собралъ всѣхъ слугъ, бывшихъ при немъ, всего человѣкъ около 4.000. Собравши всѣхъ, кромѣ пѣхоты и мелкаго народу, произнесъ онъ имъ рѣчь и просилъ, чтобы всѣ стояли возлѣ него и смотрѣли на него: что̀ онъ начнетъ, то они доканчивали бы. „Если я присягну", говорилъ онъ, „то, поднявшись, тотчасъ ударю саблею хорунжаго и начну рубить всѣхъ, кто его станетъ защищать, хоть бы то былъ и самъ король; а вы всѣ до единаго, дворовые слуги и молодежь, протѣснитесь въ сенаторскую избу и помогайте мнѣ".—„Такъ бы и было, когдабъ онъ присягнулъ (заключаетъ свой драгоцѣнный разсказъ Машкевичъ); но самъ король Владиславъ IV съ панами сенаторами постарались, чтобъ панъ хорунжій не настаивалъ на присягѣ".

Вотъ какова была панская религіозность! и только такою

[1]) Еслибы король захотѣлъ вытѣснить его изъ этихъ имѣній, то онъ скорѣе готовъ былъ жизни лишиться, нежели допустить, чтобы кто другой присвоилъ себѣ эту опеку.

могла она выработаться изъ всѣхъ прецедентовъ польскаго и русскаго панства. Мы вѣримъ, что предокъ Іереміи, Дмитрій Вишневецкій, предпочелъ смерть отступничеству. Мы вѣримъ, что и самъ Іеремія сдѣлалъ бы то же самое въ плѣну. Но на свободѣ онъ позволялъ разбирать, передъ своими глазами, камень по камню, ту церковь, которую предки его—не созидали, нѣтъ: это призваніе повыше ихъ уровня, а обогащали. На свободѣ онъ позволилъ взять себя за руку и вывести изъ отеческой церкви, или даже больше того: онъ, подобно королю Сигизмунду-Августу, позволилъ іезуиту заступить себѣ дорогу и повелительнымъ жестомъ указать, въ какую церковь приличнѣе идти такому великому пану. Та холодность къ интересамъ церкви, на которую постоянно жаловались, въ первыя времена уніи, папскіе нунціи, характизуетъ не одну польскую знать. Русскіе паны, похожіе на польскихъ во всемъ другомъ, стояли въ томъ же самомъ положеніи относительно своей церкви, въ какомъ ихъ премирующая братія — къ своей.

Совсѣмъ другое явленіе по отношенію къ церкви представляло литовскорусское мѣщанство. Связь этого сословія съ гражданскимъ обществомъ русскимъ, существовавшимъ до татарскаго погрома, для насъ потеряна, такъ какъ XIV вѣкъ, можно сказать, вычеркнутъ судьбою изъ нашихъ историческихъ воспоминаній. Татарщина, неожиданнымъ и страшнымъ ударомъ, повергла насъ въ безпамятство; очнувшись, мы видимъ себя уже въ связи съ Литвою, а потомъ съ Польшею. Вѣчевой порядокъ, безъ принимаемаго и отсылаемаго вѣчанами князя, продолжаться не могъ. Вездѣ появилась небывалая прежде на Руси абсолютная власть, связанная съ народомъ только матеріяльными интересами. Интересы нравственные между ними почти не существовали. Церковь предоставлена была собственному вѣдѣнію; новая правоправящая власть относилась къ ней внимательно только по вопросамъ имущественнымъ. Такъ точно и народный самосудъ остался не-

тронутымъ, по недостатку гражданской развитости въ новыхъ верховникахъ русской земли. Села свободно группировались въ судебныя общины или *копы*, которыми рядили въ повседневныхъ дѣлахъ депутаты, называвшіеся *мужами сходатаями*. Постановленія такой общины называемыя нами копнымъ правомъ, были обязательны для каждаго села, входившаго въ составъ копы. Обычай, этотъ родоначальникъ всякаго закона, [1]) руководилъ мужами сходатаями и придавалъ ихъ сходкамъ власть, которой подчинялись и наслѣдственные владѣльцы, дідичи и оттичи подлежащихъ селъ. *Копа*, синонимъ *громада*, [2]) была вѣче безъ князя, осиротѣлое вѣче. Торговые люди, обитатели рынковъ и владѣтели товаровъ, а не земли, жители городовъ, мѣщане, оставили Русь, или были перебиты татарами при защитѣ княжихъ городовъ. Города послѣ татаръ стали называться *городищами*, мѣстами, гдѣ стоялъ городъ, а жители этихъ мѣстъ—*мѣщанами*. Но мѣщанъ было мало: города перестали быть безопасными, а сидѣнье въ нихъ—доходнымъ; порвались пути сообщенія и торговыя связи; прекратился спросъ на ремесленные издѣлія; сельская промышленность почти вся заключались въ замкнутые предѣлы сельскихъ громадъ, которыми вѣдали мужи сходатаи, свободные de facto патріархи русскихъ пустынь. [3]) Еслибъ не литовскіе собиратели дани и не странствующіе изъ села въ село чернецы, со-

---

[1]) Замѣчательно, что авторъ „Апокризиса“ (1597 г.), опредѣляя „общее государственное право“, говоритъ: „Право, упоминаемое въ этой главѣ, двояко: одно неписанное, которое называемъ обычаемъ, а другое писанное“, и пр. „Относительно права неписаннаго, или обычая, не нужно много говорить и показывать, что оно нарушено митрополитомъ и владыками: всѣ это знаютъ и признаютъ, да и сами нарушители, кажется, не настолько смѣлы и безстыдны, чтобы могли оспаривать“.

[2]) О сѣнѣ въ Украинѣ говорятъ: *копить* и *громадить*, въ одномъ и томъ же смыслѣ.

[3]) Одинъ изъ лучшихъ русскихъ историковъ говоритъ: „Городовъ, въ смыслѣ корпорацій особаго сословія, съ особыми правами, кромѣ сѣверныхъ народоправныхъ, въ татарской Руси не существовало, торговля и промышленность до

биравшіе другого рода дань на свои ограбленные хищниками монастыри, то наши безграмотные предки могли бы потерять понятіе о томъ, что они — народъ, въ смыслѣ гражданскомъ, и что родная земля, за предѣлами ихъ околицъ, раскинулась на весьма широкое пространство. Безлюдье было характеристическою чертою не только Руси, но Литвы и пограничной съ Литвою Польши въ XIII и XIV вѣкѣ. Большая часть привилегій и пожалованій тогдашнихъ основана на стараніи привлечь населеніе въ пустыя мѣстности, заинтересовать его въ пользу сельскихъ и городскихъ промысловъ. Сельскіе промыслы находились или подъ опекою частныхъ землевладѣльцевъ, или подъ завѣдываніемъ княжеско-королевскихъ урядниковъ-экономовъ; но городскими озаботилось преимущественно центральное правительство. При недостаткѣ собственнаго идеала относительно городского устройства, польско-литовскіе города формировались по подобію нѣмецкихъ. Въ началѣ это были подвижные рынки подъ защитою за́мка, въ которомъ сидѣлъ королевскій сборщикъ дани и судья; потомъ рынки, или базарныя площади, превратились въ собраніе торговыхъ и ремесленныхъ поселеній. Но охотниковъ до жизни въ городѣ было мало. Славянинъ вообще любитъ поле, лѣса, раскидистое село. Бѣда не научила его, какъ нѣмца, сжиматься въ орѣховую скорлупу ради безопасности. При томъ же сельскій народъ былъ нуженъ панамъ и королевскимъ экономамъ для обработки полей и лѣсныхъ промысловъ. И вотъ короли обратились къ густому населенію за границею своей Савроматіи; стали вызывать въ польскіе города нѣмцевъ. Нѣмцы не иначе переселялись, какъ подъ условіемъ сохраненія своего тевтонскаго городского права, котораго пропагандистомъ былъ у нихъ городъ Магдебургъ. Этимъ путемъ въ славянскую иррегулярную жизнь

такой степени были ничтожны, и отличались первобытными пріемами, что занимавшіеся ими не могли подняться до значенія и правъ, высшихъ надъ крестьянскими“.

внесено начало нѣмецкой регулярной цивилизаціи, подъ именемъ магдебургскаго права [1]).

Магдебургское право научило насъ раздѣленію общей городской корпораціи на спеціяльныя, подъ названіемъ цеховъ; оно дало нашимъ горожанамъ идею и о церковныхъ братствахъ, которые въ послѣдствіи разыграли весьма важную роль въ защитѣ русской автономіи противъ автономіи польской. Верховная власть находила выгоднымъ поддерживать на Руси городское право въ его постоянной борьбѣ съ земскимъ. Какъ городское, такъ и земское начало существовали сами собою въ нашемъ обществѣ, и такіе города наши, какъ Вильно, Кіевъ, Львовъ, никогда не переставали быть торговыми и административными центрами. Идея магдебургскаго права совпала въ нихъ съ древнею идеею народнаго самосуда; только что нѣмцы, какъ народъ, прочно организовавшійся, явились регуляторами славянскихъ городскихъ порядковъ. Магдебурское, или, какъ у насъ называли, *майтборское* право сперва принималось на Руси тупо, но потомъ вошло въ большую славу; русскіе города, начиная съ XV вѣка, стали

[1]) Сущность магдебургскаго права состояла въ слѣдующемъ: Мѣщане извѣстнаго города, на основаніи этого права, составляли общину, имѣвшую свое внутреннее устройство, свой судъ и управленіе. Главное завѣдываніе городомъ возлагалось на бургомистровъ и ратмановъ, а власть судебная предоставлена была войту и лавникамъ, или присяжнымъ засѣдателямъ. Обязанность бургомистра и ратмановъ состояла въ распоряженіи городскими доходами и расходами. Бургомистръ, какъ выборный членъ свободной общины, исправлялъ свою должность только одинъ мѣсяцъ со дня выбора, потомъ передавалъ свой судъ старшему изъ ратмановъ, а тотъ такимъ же порядкомъ передавалъ третьему и т. д., пока наконецъ четвертый ратманъ не оканчивалъ своей мѣсячной службы и не передавалъ ее опять старшему ратману. Такой чередъ продолжался до новыхъ выборовъ, т. е. до перваго понедѣльника послѣ новаго года. Войтъ и лавники избирались на всю жизнь и составляли мѣстный судъ. Въ городахъ, имѣвшихъ магдебургское право, одни только мѣщане пользовались имъ. Въ самомъ Вильнѣ магдебургское право простиралось только на обывателей, бывшихъ въ вѣдѣніи ратуши и имѣвшихъ жительство на городскихъ земляхъ; жившіе же на земляхъ, принадлежащихъ зáмку, епископу и церквамъ, не пользовались этимъ правомъ.

испрашивать его себѣ отъ верховной власти. Но, что и безъ нѣмецкой формальности города русскіе умѣли организоваться на своихъ старыхъ началахъ, доказательствомъ тому служитъ Червоная Русь, гдѣ магдебургское право не считалось необходимымъ для самозащиты въ такой степени, какъ въ городахъ такъ называемыхъ литовскихъ. Причиною этому, главнымъ образомъ, было то, что Червоная Русь, доставшись Польшѣ путемъ захвата, была задабриваема королями. Короли раздавали мѣщанамъ свои столовыя имѣнія, именно земли уничтоженныхъ русскихъ князей, въ видѣ королевщинъ, на ряду съ мелкою шляхтою; отъ этого образовалось множество мелкихъ землевладѣльцевъ; магнатскій элементъ не могъ развиться тамъ въ такой степени, какъ въ обширныхъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ литовскихъ пановъ, или въ пожалованныхъ навѣки громадныхъ королевщинахъ на Украйнѣ; покупать у короля „магдебургскій привилей", стоившій дорого, было не зачѣмъ, а дарить его въ Галичинѣ короли, съ своей стороны, не имѣли причины: тамъ города защищались отъ шляхты собственными ресурсами, а торговля и промышленность развивались въ нихъ безъ помѣхи со стороны другого, слишкомъ сильно преобладающаго сословія. Галицкіе города образовали даже своего рода ганзу съ городами малопольскими: почти ежегодно посылали они своихъ делегатовъ на общіе съѣзды, гдѣ представители мѣщанства трактовали не только о вопросахъ судебныхъ, но также и объ интересахъ, общихъ всѣмъ городамъ, связаннымъ между собою торговыми дѣлами. Самая колонизація пограничныхъ пустынь въ окресностяхъ Львова, въ XIV и XV вѣкѣ, обязана преимущественно предпріимчивой дѣятельности торговаго класса, который не только владѣлъ сначала землями въ Галиціи, но и защищалъ ихъ собственными руками отъ вторженія непріятелей. [1]) Короли были довольны соперничаньемъ мѣщанъ съ дво-

[1]) Когда, въ 1603 году, Лавринъ Писочинскій, брацлавскій подкоморій, возвращался изъ Крыма, гдѣ онъ узналъ о приготовленіяхъ хана къ походу въ

рянствомъ, обезпечивали ихъ города отъ поползновеній шляхты пріобрѣтать и строить въ нихъ дома, а когда сами мѣщане находили иногда выгоднымъ втягивать шляхту въ города, чтобы, подъ ея защитою, дѣйствовать въ интересахъ своей церкви, королевская власть вооружалась противъ такихъ поползновеній грозными универсалами.

Богатѣйшія церкви, монастыри, училища и богадѣльни, кѣмъ бы и когда бы они ни были сооружены и основаны, находились въ городахъ. Мѣщане были естественными ихъ охранителями и de facto собственниками. Королю, вмѣстѣ съ панами, принадлежало подаванье хлѣбовъ духовныхъ; королевскимъ и панскимъ ставленникамъ доставались доходы съ церковныхъ и монастырскихъ имуществъ; на долю мѣщанамъ, примыкавшимъ своими жилищами непосредственно къ святилищамъ, выпало то, что̀ у апостола названо дѣятельнымъ благочестіемъ. Были примѣры, что и паны отстаивали храмы противъ иновѣрцевъ, но мотивъ у нихъ былъ имущественный или, что̀ почти то же самое, патронскій: никто изъ нихъ не вооружался за церковь, чужую для него не въ одномъ, такъ въ другомъ отношеніи. Напротивъ, мѣщане не разъ и не два доказали, что въ ихъ устахъ не пустыми звуками были такія слова, какъ „ревность дому твоего снѣде мя". Они, можно сказать, на порогѣ обороняемыхъ ими храмовъ клали собственныя головы подъ королевскій мечъ. Но, пока до того не дошло еще, мѣщане, совершенно независимо отъ сословія панскаго и отъ своей іерархіи, созданной панствомъ, обнаружили такую ревность къ поддержанію древняго благочестія, до которой паны, какъ сословіе, никогда не возвышались.

Одинъ изъ нашихъ историковъ утверждаетъ, будтобы „мысль о братствахъ перешла къ русскимъ отъ западной церкви, гдѣ было

Венгрію, онъ, въ числѣ разныхъ старостъ, далъ знать и львовскимъ мѣщанамъ, чтобъ они были на сторожѣ. (Рукоп. Император. Публ. Библ. польск. отд. IV, № 71, л. 124.)

въ обычаѣ составлять добровольныя корпораціи на религіозныхъ началахъ". Мы не находимъ въ исторіи слѣда этого перехода, не можемъ указать момента, въ который бы такое заимствованіе соотвѣтствовало обстоятельствамъ русской церкви, и, кромѣ того, характеръ самихъ первыхъ братствъ противорѣчитъ римской идеѣ невмѣшательства міряпъ въ дѣла церкви. Указаніе упомянутаго историка на іезуитовъ, которые „особенно любили учреждать братства", грѣшитъ противъ извѣстнаго факта, что іезуиты постоянно ставили свои учрежденія параллельно съ православными, чтобы дискредитовать послѣднія; да притомъ наши церковныя братства появились задолго до перехода корпораціи іезуитовъ на русскую почву [1]). Церковныя братства въ отрозненной Руси, съ самого того времени, когда ихъ слѣдъ обозначился передъ нами въ нашихъ полуистребленныхъ письменныхъ памятникахъ, появляются на исторической сценѣ съ характеромъ попечителей о церкви. Они имѣли много общаго съ цеховымъ

[1]) Обычай латинцевъ подкрѣплять церковное управленіе братствами перенятъ ими отъ православныхъ и протестантовъ, и совершенно не съ такимъ характеромъ, съ какимъ существовали эти братства въ церкви православной. Братское общество при католической церкви было не больше, какъ извѣстный орденъ (напр. братство св. Анны, признанное папою и королемъ), который орденъ былъ въ полномъ подчиненіи и распоряженіи у католическаго духовенства, или это было общество людей кающихся. Ихъ обязанности опредѣлились самимъ духовенствомъ, и они назывались братчиками потому только, что всѣ несли на себѣ степень одного духовнаго наказанія; но въ ихъ общей дѣятельности, по отношенію къ духовенству и народу, ничего не было живого и самостоятельнаго. Они должны были каждый день бывать при богослуженіи, принимать св. тайны, прочитывать каждый день извѣстныя молитвы и извѣстное число ихъ, служить нищимъ и бѣднымъ. Отличительными достоинствами ихъ должны быть: скромность, набожность, молчаніе и исполненіе, безъ разсужденія, всего того, что повелѣваетъ дѣлать и чему учитъ св. костелъ. Желающимъ познакомиться поближе съ устройствомъ и значеніемъ этихъ братствъ укажемъ на маленькую книжечку „Ustawy Bractwa, które pod Tytułem Nayświętszych Serc Jezusa y Maryi zaprowadzone iest w Połockim Xięży. 1759 г." Братства съ подобнымъ характеромъ можно видѣть въ католической церкви и въ настоящее время: это общество составляютъ ханжи, бабы съ корунками (чотками) и съ шкаплиржами — знаками посвященія ихъ въ общество св. костела.

устройствомъ русскихъ городовъ. И цехи, и церковные братства были свободными общинами въ городскомъ населеніи. Магдебургское право дало тѣмъ и другимъ прочную организацію. Подъ его вліяніемъ, братства завели у себя самосудъ и выработали для себя особые громадскіе уставы. Они сходились въ опредѣленныхъ мѣстахъ для совѣщаній по дѣламъ церковнаго благочинія и внѣшняго устройства храмовъ. Обиженный въ своемъ замкнутомъ кругу братчикъ обязанъ былъ искать суда только у братства, но отнюдь не у духовнаго или свѣтскаго, городского или земскаго начальства; такъ точно было и въ цехахъ. Какъ цехи, такъ и братства ежегодно избирали старшину свою для управленія общими ихъ дѣлами. И ремесленные цехи, и церковныя братства признавали себя обязанными снабжать свою церковь всѣмъ необходимымъ, заботиться о распространеніи хвалы Божіей между православными, присутствовать въ праздники при богослуженіи и участвовать въ погребеніи умершихъ братьевъ. Съ теченіемъ времени братская община въ большихъ городахъ является довольно богатою средствами для поддержанія благочестія въ народѣ и становится въ такое же отношеніе къ церкви, какъ и патроны, только не на словахъ, а на дѣлѣ. Она беретъ подъ свое попеченіе и охрану отдѣльныя церкви и монастыри, наблюдаетъ надъ духовенствомъ, и даже мѣстному епископу не позволяетъ имѣть власть надъ братскими монастырями. Въ 1544 году, за 36 лѣтъ до напечатанія Острожской Библіи, полоцкіе мѣщане жаловались королю на своего архіепископа Симеона, обвиняя его въ симоніи, въ незаконномъ пользованіи монастырскими имуществами, въ самовольномъ, безъ ихъ выбора, постановленіи за деньги архимандритовъ и въ томъ, что онъ „попомъ и людемъ въ мѣстѣ и по селамъ и по всей парафіи своей кривды и шкоды великіи дѣлаетъ“. [1]) Въ то время братства еще не иска-

[1]) Въ вопросѣ объ отношеніи магдебургскаго права къ церковнымъ братствамъ я воспользовался сводомъ актовъ, сдѣланнымъ Д. N. Синицынымъ, мало-

ли защиты у патріарха отъ высшей іерархіи мѣстной и признавали надъ собою власть митрополита, но, минуя его, какъ человѣка потворливаго, обращались, конечно, къ верховному подавателю столицъ духовныхъ и хлѣбовъ духовныхъ". Побужденія у нихъ были не тѣ, что у пановъ: они считали оскорбленными членами церкви не только себя, но и сельскій народъ. Прежде чѣмъ была написана первая церковная протестація отъ лица дворянства, мѣщане заявили, что церковь, по ихъ мнѣнію, существуетъ не для епископа и не въ епископѣ, а для всего народа и въ цѣломъ народѣ. Дѣятельность церковныхъ братчиковъ не ограничивалась только извѣстнымъ монастыремъ или городомъ: они слѣдили за дѣятельностію своего архіепископа по всей епархіи. Подобный полоцкому случай представляютъ современные акты и во Львовѣ. Въ 1551 году, львовскій епископъ Арсеній Болобанъ, отецъ знаменитаго своими гоненіями на братство Гедеона, хотѣлъ присвоить себѣ духовную власть и управленіе братскимъ Онуфріевскимъ монастыремъ. Монахи, вмѣстѣ съ братствомъ, протестовали передъ королемъ.

Противъ церковныхъ братствъ, отстаивавшихъ автономію русской церкви и, можно сказать, русскаго народа, римская церковь выставила врага, вполнѣ соотвѣтствовавшаго важности значенія братствъ, врага сильнаго своими ресурсами и весьма опаснаго по систематичности дѣйствій своихъ. Король Сигизмундъ-Августъ, вѣрный своей политикѣ терпимости ко всякому религіозному товариществу въ государствѣ, послушался совѣта кардинала Гозіуса, и дозволилъ ввести во владѣніяхъ Рѣчи-Посполитой орденъ іезуитовъ. Іезуиты сдѣлали главнымъ сѣдалищемъ

извѣстнымъ, но почтеннымъ изыскателемъ литовско-русской старины, печатавшимъ, подобно автору, статьи свои въ нелѣпѣйшемъ изъ провинціальныхъ журналовъ, „Вѣстникѣ Югозападной Россіи". Полагаю, что Д. Х. Синицынъ, такъ же какъ и пишущій строки сіи, не зналъ, отдавая редактору рукопись, въ какомъ сообществѣ очутится онъ, и чѣмъ окажется самъ редакторъ.

пропаганды своей Пруссію, гдѣ Гозіусъ былъ епископомъ и усиливался остановить успѣхи реформаціи въ этой тогда еще польской провинціи; потомъ, въ 1564 году, они вступили въ Великую Польшу, куда призвалъ ихъ познанскій епископъ Конарскій; наконецъ, въ 1570 году, появились въ Вильнѣ, а въ 1582 году, черезъ два года по изданіи въ Острогѣ Библіи, король Стефанъ Баторій отдалъ іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ всѣ православные монастыри и церкви съ отчинами и имуществомъ ихъ, оставивъ неприкосновенною одну только епископскую каѳедру полоцкую. Король въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ законно: церкви, какъ зданія, и церковныя имущества, какъ достояніе короны, принадлежали ему. Съ королемъ братства не имѣли силъ бороться за оскорбленіе народнаго чувства. Онъ имѣлъ въ виду воспитаніе юношества, а іезуиты славились педагогическимъ искусствомъ; ко всѣмъ же вѣроисповѣданіямъ онъ былъ одинаково равнодушенъ. Іезуиты явились людьми солидными, милосердыми къ бѣднымъ, почтительными къ авторитетамъ и властямъ, даже какъ-будто безкорыстными въ своихъ трудахъ по распространенію просвѣщенія. Презрѣнія къ русской церкви они не выражали, открыто ее не гнали, но старались подкопать ея основанія тѣмъ, что переманивали въ латинство воспитывавшихся у нихъ представителей крупнаго землевладѣнія въ Литвѣ и Руси. Единственное посягательство ихъ на независимость русской церкви состояло, покамѣсть, въ томъ, что они твердили о необходимости привести ее въ древнее общеніе съ римскою, для преуспѣванія въ ней христіянскаго благочестія. Немногіе подозрѣвали въ началѣ что-нибудь опасное для русской автономіи въ этомъ тихомъ орденѣ, состоявшемъ большею частію изъ людей бывалыхъ, полированныхъ, часто весьма ученыхъ, вообще же любезныхъ и предупредительныхъ. Іезуиты не ограничились достояніемъ своимъ въ Пинскѣ; они проникли всюду, гдѣ аристократы нуждались—или въ наукѣ, или въ просвѣщенной бесѣдѣ, или въ услу-

гахъ, требующихъ скромности и знанія свѣта. Они сдѣлались друзьями дома въ первѣйшихъ русскихъ фамиліяхъ, на примѣръ у князей Острожскихъ, воспитателями молодого поколѣнія и усладителями досуговъ стараго, а что̀ всего было для пановъ драгоцѣннѣе — вѣрными слугами имущественныхъ и другихъ панскихъ интересовъ. Въ этомъ качествѣ проникли іезуиты и въ Червонную Русь, гдѣ они были гораздо больше дома, нежели въ самомъ Полоцкѣ. Латинство вкоренилось тамъ со временъ Казимира IV, и львовскій арцибискупъ, считая въ своей діецезіи цвѣтъ окатоличеннаго русскаго дворянства, смотрѣлъ на него, какъ полководецъ—на расквартированную по всей странѣ армію. Изъ каждаго панскаго дома іезуиты сдѣлали операціонный базизъ для своихъ дѣйствій. Дѣло переработки русскаго элемента въ польскій пошло у нихъ успѣшно. Назначеніе негодныхъ людей на епископіи и архимандріи, поддержка со стороны правительства прозелитовъ, обращавшихъ силою русскія церкви въ костелы по своимъ имѣніямъ, и тому подобныя явленія тогдашней трагической эпохи слѣдуетъ приписать въ значительной степени ихъ ловкому содѣйствію. Въ это-то время возопили сеймовые русскіе паны къ своему митрополиту тѣмъ громкимъ коллективнымъ воплемъ, который мы повторили въ своемъ мѣстѣ. Но краснорѣчивыя слова ихъ такъ и остались словами. Напротивъ, мѣщане, безмолвные передъ королемъ и сеймомъ, не переставали дѣйствовать.

Въ 1582 году въ Польшѣ введенъ новый григоріанскій календарь. Согласно іезуитской тактикѣ, львовскому бургомистру и радцамъ прислана, въ слѣдующемъ году, королевская грамота, въ которой православнымъ русинамъ запрещалось заниматься ремеслами и продажею товаровъ въ праздники, означенные въ новомъ календарѣ. Это запрещеніе львовскіе іезуиты распространили и на богослуженіе по старому календарю. Въ настоящемъ случаѣ, они дѣйствовали, какъ и всегда, по пословицѣ — загребать жаръ чужими руками. Оставаясь въ сторонѣ, они устроили гоненіе на

мѣщанское благочестіе посредствомъ львовскаго арцибискупа Яна-Димитрія Суликовскаго. Арцибискупъ, именемъ закона, оскорбленнаго якобы ослушаніемъ православныхъ, поручилъ это дѣло брату своему Войцеху. Въ праздникъ навечерія Рождества Христова, Войцехъ взялъ съ собой канониковъ изъ капитулы, да отрядъ вооруженныхъ людей и толпу католической черни, всегда готовой доказать рвеніе свое къ единой спасающей вѣрѣ, какъ ее учатъ латинскіе толеранты. Эти новые крестоносцы ходили по городу изъ одной церкви въ другую, изъ одного монастыря въ другой, именемъ короля выгоняли оттуда народъ, отрывали священниковъ отъ престола, не давая докончить литургію, а церкви запечатывали. Народъ оставался въ недоумѣніи, что̀ съ нимъ происходитъ. Но тутъ выступило на сцену братство, сорвало печати съ церковныхъ дверей и произвело въ городѣ всеобщее волненіе между благочестивыми. Противная партія притаилась, а оскорбленные русины, вмѣстѣ съ епископомъ своимъ Болобаномъ, послали королю жалобу. Такъ какъ тутъ замѣшался интересъ Болобана, принадлежавшаго къ знатной фамиліи, то жалоба угрожала Суликовскому непріятными послѣдствіями: Стефанъ Баторій держалъ королевскій мечъ въ собственныхъ рукахъ и любилъ при случаѣ настоять на исполненіи закона. Но на помощь гонителямъ русской церкви приспѣли ея патроны: стараніями князя Константина-Василія Острожскаго и другаго православнаго пана Воловича, поддержанными со стороны католиковъ Станиславомъ Жолковскимъ, судебное преслѣдованіе Суликовскаго было остановлено. Король нашелся въ необходимости воспретить принужденіе православныхъ къ принятію новаго календаря, съ тѣмъ однакоже, чтобъ они не нарушали публичныхъ римскихъ празднествъ.

Съ этого времени мѣщане начинаютъ искать членовъ для своихъ братствъ между богатою и сильною шляхтою греческой вѣры, и часто находятъ въ томъ самомъ домѣ, даже въ томъ са-

момъ лицѣ своего адгерента, что и іезуиты. Обыкновенно знатный панъ любилъ искательства. Чѣмъ полнѣе былъ панскій домъ ходатаями и подлипалами, тѣмъ больше было ему славы. Эта-то слава дошла въ нѣкоторыхъ случаяхъ и до насъ, въ томъ невѣрномъ смыслѣ, который разорителей церкви представляетъ ся охранителями. Знатнаго пана занимало одинаково, или не занимало вовсе, какъ то, что̀ казалось справедливымъ или высокимъ для одной партіи, такъ и то, что̀ находила такимъ совершенно противоположная партія, смотря по тому, выигрывали, или страдали близкіе его интересы отъ его благосклоннаго вниманія къ просителямъ. Даже высшая, королевская и сеймовая политика держалась этого правила, и никогда больше, какъ въ періодъ заграничнаго реформаціоннаго движенія. Борьба между враждебными элементами долго была сомнительною. Въ этомъ сознаніи люди воспитывались, выростали, старались; и оно-то было причиною той безразличности или противорѣчія въ дѣйствіяхъ, которая такъ часто поражаетъ насъ въ нѣкоторыхъ изъ личностей XVI вѣка, памятныхъ въ нашей исторіи. Не подражаніе іезуитамъ, любившимъ дѣлать свое дѣло изъ-за спины сильнаго человѣка, а горькая необходимость заставляла членовъ церковныхъ братствъ, этихъ чисто-мѣщанскихъ учрежденій, искать благосклонности у единовѣрныхъ вельможъ. Шляхта въ Польскомъ государствѣ значила все; она присвоила только своему сословію названіе народа, и, пока мѣщане пополняли братскій реестръ одними своими „славетными" именами, ихъ религіозная корпорація могла подвергаться безнаказанно такимъ насиліямъ, какъ сейчасъ описанное. Совсѣмъ другое выходило дѣло, когда въ этомъ реестрѣ фигурировали имена мѣстной шляхты, въ качествѣ „старшихъ братчиковъ". Тогда мѣщанамъ открывался путь не только въ трибуналы, но и въ сеймовыя собранія. Паны, съ своей стороны, въ глазахъ различныхъ партій, пріобрѣтали союзомъ съ братствами новое значеніе, какъ представители русскаго народа (вспомнимъ Зборовскаго въ ко-

зацкой средѣ); и такимъ образомъ между двумя сословіями, различными по своему прошедшему и настоящему, по своимъ стремленіямъ и симпатіямъ, заключались обязательства, сущность которыхъ состояла въ такихъ, на примѣръ, выраженіяхъ: „Мы (дворяне) въ городѣ вообще не живемъ и, по отдаленности, не часто бываемъ, а потому поручаемъ надзоръ и возлагаемъ труды на младшихъ пановъ братій нашихъ, съ тѣмъ чтобы они во всемъ ссылались на насъ, яко на старшихъ, а мы, яко старшіе младшимъ, должны имъ помогать, за нихъ заступаться на каждомъ мѣстѣ и во всякомъ дѣлѣ". Заручась товариществомъ нѣсколькихъ тузовъ изъ господствующаго сословія, простонародные братчики и ихъ смиренные священники не такъ уже боялись антагонистовъ своихъ, и не страшенъ былъ имъ самъ панъ староста мѣстный, который не посмотрѣлъ бы подъ часъ и на магдебургское право, но для котораго ссора съ богатою шляхтою была бы крайне неудобна. Всего тяжеле для сердца этихъ въ самомъ дѣлѣ благочестивыхъ людей было то, что̀ такъ рельефно выставлено въ соборномъ посланіи сеймующей русской шляхты, и что̀ едва-ли не было сочинено и подано панамъ къ подписи однимъ изъ *дѣйствительныхъ* членовъ львовскаго братства. Документъ этотъ указывалъ прямо на коренное зло, дискредитующее русскую церковь и грозящее ей окончательнымъ паденіемъ — на шаткость столбовъ церкви, іерарховъ. Братство рѣшилось дѣйствовать единственнымъ возможнымъ для неяго способомъ — усугубленіемъ нравственнаго надзора надъ покровительствуемою панами іерархіею и привлеченіемъ недостойныхъ архіереевъ къ духовному суду, который находился въ рукахъ патріарха. Вскорѣ представился имъ къ тому благопріятный случай.

Въ 1588 году, изъ Греціи ѣхалъ въ Москву цареградскій патріархъ Іеремія просить милостыни у богатаго русскаго царя, которому за то везъ икону съ каплями Христовой крови. Турецкіе султаны поступали съ патріархами такъ точно, какъ и съ молдав-

скими господарями: кто дастъ больше, тому и предпочтеніе. Султанъ Амуратъ III нашолъ выгоднымъ низложить Іеремію и сослать въ отдаленный монастырь, а черезъ пять лѣтъ нашолъ выгоднымъ возвратить его на патріаршій престолъ. Вернувшись въ Царьградъ, Іеремія засталъ соборную церковь уже мечетью; надобно было строить новую. Денегъ взять было въ Турціи неоткуда; онъ обратился къ русскимъ ресурсамъ. А дабы ничто не стѣсняло его въ архипастырской практикѣ, испросилъ у Сигизмунда III дозволеніе воспользоваться принадлежавшимъ ему правомъ суда и расправы надъ русскимъ духовенствомъ. Патріархъ зналъ о безпорядкахъ въ церковномъ управленіи на Руси и готовился смѣстить недостойнаго архипастыря, Онисифора Дівочку. Поводомъ къ такому рѣшенію послужили, однакожъ, не столько проступки его въ качествѣ іерарха, сколько открытіе, что онъ, до своего посвященія, будучи міряниномъ, овдовѣлъ и женился опять; а церковными правилами возбранено было посвящать двоеженцевъ. Обнаруженіе рокового факта и смѣщеніе митрополита, по всей вѣроятности, не обошлось безъ іезуитовъ: они заготовили на этотъ важный постъ своего кандидата. Львовскіе братчики радовались патріаршему суду, воображая, что, вмѣсто Онисифора Дівочки, митрополія будетъ ввѣрена болѣе достойному пастырю; но выборъ патріарха, къ удивленію всѣхъ, остановился на минскомъ архимандритѣ Михаилѣ Рогозѣ. Рогоза былъ іезуитскій воспитанникъ. Дѣло устроено такъ искусно, что патріархъ не опрашивалъ даже дворянства, которому принадлежало jus patronatus, то есть избраніе достойнѣйшаго въ митрополиты, для представленія на утвержденіе королю. Онъ удовлетворился только рекомендаціею Скумина-Тишкевича, будущаго противника уніи, и еще нѣсколькихъ пановъ, подготовленныхъ къ возведенію минскаго архимандрита въ высшій духовный санъ. Сидя по своимъ имѣніямъ, русскіе паны молчали,—тѣ самые паны, которые, года

три тому назадъ, принимали церковныя дѣла такъ близко къ сердцу.

Должно быть, уже и тогда о Михаилѣ Рогозѣ носились тревожные слухи. Благоразумный собиратель милостыни не сталъ противиться желанію дворянъ; но, при посвященіи ихъ избранника, выгородилъ себя слѣдующими словами: „Если онъ достоинъ, то пусть будетъ по вашему слову достоинъ; но если онъ не достоинъ, а вы его представляете за достойнаго, то сами узрите, а я чистъ". Впрочемъ на патріарха могло сдѣлать непріятное впечатлѣніе и то обстоятельство, что кандидатъ въ такой высокій санъ не представилъ ему праведной мзды за посвященіе. Предчувствіе не обмануло его. На возвратномъ пути изъ Москвы, онъ послалъ къ Рогозѣ своего епископа, грека Діонисія, требовать у него 250 талеровъ. Діонисій увѣщевалъ Рогозу такъ: „Еслибы твоя милость поѣхалъ самъ къ патріарху, то тебѣ стало бы дороже. Патріархъ долженъ былъ содержаться на твоемъ хлѣбѣ, а потому справедливо возвратить ему издержки. У патріарха нѣтъ ни фольварковъ, ни селъ, ни маетностей". Но Рогоза объявилъ, что не обязанъ ничего давать. Онъ разсудилъ, прибавляетъ, очевидно, съ улыбкой, авторъ современнаго разсказа о дѣятеляхъ уніи, что теперь не нужно уже пастыря, когда онъ самъ сдѣлался пастыремъ". Вообще тогдашніе духовные люди перестали уже смотрѣть на патріарховъ наивно, и толковали ихъ судъ и расправу такъ, что они ѣздятъ на Русь не для церковнаго благочинія, но „ради злата и сребра многа".

Тѣмъ не менѣе львовское братство сочло необходимымъ освободиться отъ мѣстной духовной юрисдикціи и испросило у патріарха грамоту, которою онъ подтвердилъ благословеніе антіохійскаго патріарха, данное въ 1586 году. По этому благословенію и по новому уставу, утвержденному Іеремією, львовскому братству принадлежалъ надзоръ надъ благочиніемъ и порядкомъ всей русской церкви. Братчики обязаны были всюду наблюдать и

слѣдить за порядкомъ церковнаго, религіознаго и нравственнаго быта, все узнавать и обо всемъ доносить братству, которое имѣло право обличать не только священнослужителей передъ епископомъ, но и самого епископа, если онъ ведетъ себя недостойно, въ случаѣ же его закоснѣлости, не признавать его власти и противиться ему, какъ врагу истины. Очевидно изъ этого, что братчики брали на себя возстановленіе падавшей русской церкви, въ духѣ первыхъ временъ христіянства. Но они не разсчитывали на одну инспекцію: въ ихъ средѣ были люди, понимавшіе, что нравственность держится не страхомъ, а внутренними убѣжденіями, и что наука прежде всего другого должна спѣшить на помощь нравственности тамъ, гдѣ она въ опасности. Поэтому львовскіе братчики внесли въ проектъ своего устава не только основаніе славяно-греческой школы, но право перепечатанія даже такихъ книгъ, какъ грамматика, риторика, піитика и философія. Вслѣдъ за львовскимъ, заведено было такое же братство въ Вильнѣ, а потомъ и во многихъ другихъ литовско-русскихъ городахъ.

Львовскій православный епископъ Гедеонъ Болобанъ воспротивился распоряженіямъ патріарха, не хотѣлъ подчиниться дарованному (т. е. проданному) имъ львовскимъ братчикамъ уставу, началъ стѣснять ихъ школу и типографію, но получилъ отъ патріарха такое грозное breve, какое когда-либо гремѣло съ высоты самого Ватикана надъ головой ослушнаго прелата. „...Слышахомъ (писалъ, т. е. подписалъ), яко спротивити сътворилъ еси себе, и яко противишися Богу, возбраняеши и прешкождаеши добрѣ дѣлающимъ... Мы убо судивше и истинно испытавше обрѣтохомъ тя убійцу и ненавистника добру: (ты дѣйствуешь) яко врагъ Божій и чужій вѣры его. Пишемъ убо къ тебѣ, да ни въ чемже, ни ко единомуже противъ что возглаголеши въ Львовѣ сущему братству и общемыслію, на главахъ ихъ боголюбія и на потребнѣйшихъ роду благочестивыхъ, въ нихже Богъ почиваетъ и славится. И аще убо, еже услышится, яко възбраняеши

благаго, первѣе убо яко обидникъ, будеши отлученый и въ клятвѣ сый... Вонми добрѣ и хранися отъ нашего завѣщанія о семъ братствѣ и отъ осуженія! Тако да будетъ, а не инако...“

Русскіе архіереи вознепщевали о такихъ распоряженіяхъ первосвященника; въ особенности же горьки были они львовскому епископу. Онъ, на котораго призванъ св. Духъ, долженъ повиноваться приговору пекарей, чоботарей, воскобойниковъ и всякаго рода ремесленниковъ и торгашей! Таковъ былъ его ропотъ. Таковъ былъ общій взглядъ высшихъ классовъ на соціальныя отношенія сословій. Таковы были понятія даже и тѣхъ, на которыхъ наивнѣйшіе изъ братчиковъ возлагали упованіе свое, и которые поддерживали съ ними связи совершенно въ томъ духѣ, какъ Зборовскіе и другіе паны — съ низовцами. Мысль объ уніи съ римскою церковью заронилась тогда не въ одну голову. Шляхетное духовенство, поставляемое по выбору и протекціи знатныхъ пановъ, не могло иначе относиться къ мѣщанамъ, какъ съ *погóрдою*. Между тѣмъ, какъ видно и изъ самого устава братскаго, въ числѣ этихъ торгашей находились люди мыслящіе, въ особенности типóграфы, которые въ тотъ вѣкъ вообще были, по ремеслу своему, можно сказать, учеными. Имъ-то, этимъ немногимъ свѣточамъ среди темной мѣщанской массы, которымъ и московское мракобѣсіе, и латинское іезуитство были враждебны одинаково, обязано русское общество тѣмъ, что хоть не скоро, но выбралось наконецъ на дорогу общаго человѣческаго просвѣщенія. По злобѣ Гедеона можно угадать, кто былъ душею братскихъ совѣщаній во Львовѣ: онъ вытащилъ богоявленскаго монаха, братскаго типографа, Мину изъ Онуфріевскаго монастыря, заковалъ въ кандалы и велѣлъ отвести въ Галичъ; послѣ, выпустивши его на волю, опять схватилъ и привязалъ къ повозкѣ, а братскому школьному учителю Кириллу, за то, что говорилъ передъ патріархомъ апологію погречески, приказалъ вырвать бороду. Вотъ этакимъ-то мученикамъ религіи и просвѣщенія, а не магнатамъ, удѣлявшимъ

на занятія дѣлами церкви часть своего времени между одною и другою забавою, должны мы приписать великое по своему успѣху противодѣйствіе католичеству, грозившему стереть съ русской земли русское имя. Эти люди, въ своемъ убожествѣ и беззащитности, шли по слѣдамъ первыхъ проповѣдниковъ христіянства и оставили послѣ себя слѣдъ, достойный памяти болѣе просвѣщеннаго вѣка, чѣмъ тотъ, въ которомъ жили они. Они-то распространили въ обществѣ убѣжденіе, что „совершеннѣйшій соборъ не есть судилище однихъ только епископовъ"; что „между свѣтскими бываетъ много людей благочестивыхъ, одною простотою могущихъ дѣлать многое"; что между ними „много бываетъ ученыхъ, которые гораздо умнѣе епископовъ"; что „простому міряниву, не имѣющему посвященія, но знающему писаніе, надобно вѣрить больше въ поученіяхъ, нежели самому папѣ"; что „больше надобно вѣрить одному міряниву, изъ писанія доказывающему, нежели всему собору". [1]) Эти-то люди, для которыхъ имущество

[1]) Апокрисисъ албо Отповѣдь на Книжки о Соборѣ Берестейскомъ, Именемъ Людій староджитнои Релѣи Грецкои, чрезъ Христофора Филялета врихрѣ дана". Вильно, 1597. Эта книга была критеріемъ суда между западною и восточною церквами, который перешолъ въ сознаніе всей русской интеллигенціи тогдашней, отстоявшей русскій народъ противъ папско-латинскаго деспотизма надъ его умомъ и совѣстью. По мнѣнію іезуита Скарги, главнаго представителя латинскаго движенія въ Южной Руси, о соединеніи церквей не нужно было бы даже и объявлять міряпамъ, такъ какъ это дѣло пастырей. Скарга смотритъ на пастырей церкви, особенно на представителей ея, епископовъ, какъ на прямыхъ посредниковъ между Богомъ и людьми, которые вслѣдствіе этого никогда не могутъ погрѣшить. Толковать о членахъ вѣры и изъяснять спасительный ихъ смыслъ могутъ одни только духовные и епископы: ибо какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ повелѣно слушать однихъ только духовныхъ властей и слѣдовать ихъ вѣрѣ, а свѣтскимъ, какъ овцамъ, идти за пастырями безпрекословно. Они заблудить не могутъ: а еслибы и заблудили, *чего быть не можетъ*, то слушатели ихъ были бы оправданы, а они осуждены. Ибо, если Богъ повелѣлъ слушать ихъ и вѣрить имъ, то самъ бы ихъ обманулъ, еслибы приказалъ слушать заблуждающихъ.—На это авторъ „Апокрисиса" говоритъ: „Если однимъ пастырямъ ввѣрено охраненіе истинъ вѣры и заботливость о спасеніи стада ихъ, а мірскіе должны только безпрестанно слѣдовать за ними, то пастыри церкви, сейчасъ же, какъ только узнали, что въ церкви проявились ложь и

было послѣднее дѣло, а религіозное стремленіе сердца — первое, „стояли во главѣ православнаго движенія,“ а вовсе не тѣ, которые потеряли право обращать свою мысль и чувство къ общественнымъ условіямъ окружавшей ихъ жизни, которыхъ нужда къ тому не побуждала, которыхъ самолюбіе было пресыщено ремесленнымъ цехомъ панегиристовъ, и которые, по тому самому, грязнули безвозвратно въ своихъ собственныхъ мелочныхъ интересахъ.

Для характеристики вѣка и выясненія внутренней связи

заблужденіе, должны были объявить объ этомъ мірянамъ прежде, чѣмъ они отправились въ Римъ, чтобы умирающіе въ это время не отходили отъ жизни сей безъ спасительной вѣры; если же они этого не сдѣлали, то правы ли они въ спасеніи людскомъ?... Моисей, мірской человѣкъ, не только разсуждалъ о богослуженіи, но установилъ весь порядокъ, чинъ его, и самъ Богъ поручилъ учредить это не Аарону іерею, но мірскому человѣку. По смерти Моисея, Богъ повелѣлъ вторично обрѣзать сыновъ Израилевыхъ не Елеазару іерею, но мірскому человѣку, отъ колѣна Ефремова, Іисусу Навину. Но эти доводы касательно власти мірскихъ людей въ церкви очень слабы: ибо велика разность между временами ветхаго и новаго завѣта, между евреями, бывшими подъ закономъ, и между христіянами, живущими подъ благодатью истинною. Тамъ одно только колѣно Левитское призвано было къ служенію іерейскому; здѣсь же, вѣрою во Іисуса Христа, царями и іереями Богу Отцу всѣ учинены. Тамъ одна только часть служила Богу и въ одномъ только храмѣ іерусалимскомъ, здѣсь же всѣ христіяне освящены во всемъ житіи, на всякомъ мѣстѣ, на всякое время, во всѣхъ дѣлахъ и судахъ, на славославіе Христово и чтобы они славили Бога и служили ему не только духомъ, но и тѣломъ, поелику они члены Христовы и пріобрѣтеніе Св. Духа“.—Въ доказательство своихъ мыслей, авторъ „Апокрисиса“ приводитъ свидѣтельства Августина и Іеронима. Взглядъ автора „Апокрисиса“ на значеніе власти епископской въ церкви и вообще духовенства на соборѣ былъ таковъ: общее мнѣніе должно быть судьею собора, а соборъ есть только выраженіе духовно-нравственнаго единства. Онъ изъ соборовъ апостольскихъ вселенскихъ и помѣстныхъ дѣлаетъ выводъ: что голосъ народа всегда уважался въ церкви и на соборахъ. — Пастыри не должны управлять совѣстью мірянъ такъ, чтобы стѣснять своими требованіями ихъ свободу: пастыри обязаны только наблюдать за ихъ дѣлами и совѣстью, и согласать ихъ и свою жизнь съ закономъ евангельскимъ и постановленіями церкви. Въ церкви голосъ даже одного ея члена долженъ быть уважаемъ. Не обратить на него вниманія не возможно: въ противномъ случаѣ, будетъ стѣсненіе совѣсти вѣрующаго и пренебреженіе имъ, а вслѣдствіе этого—отверженіе его на погибель, безъ всякой разумной причины. Что́ касается блага всѣхъ и спасенія души, то это

*

общественныхъ явленій, которыхъ сценою была тогда наша отрозненная Русь, я долженъ разсказать еще объ одномъ дѣятелѣ опозоренной церкви, которой защиту и возстановленіе приписываютъ или богатымъ лицемѣрамъ, или бездомнымъ промышленникамъ (козакамъ), или наконецъ — это всего обиднѣе — темной и разъединенной массѣ чернорабочихъ, сельскимъ мужикамъ, которыхъ нынче вошло въ моду титуловать *народомъ*,— крайность, противоположная шляхетской, но никакъ не той корпораціи и не тѣмъ личностямъ, которымъ эта слава принадлежитъ по справедливости.

должно быть всѣми постановлено съ общаго согласія и тогда уже принято. Каждый міранинъ, если онъ только истинно содержитъ вѣру и вмѣшивается въ дѣла и суды церковные съ доброю цѣлью, не только не заслуживаетъ порицанія, но достоинъ похвалы и одобренія. Въ силу грамоты Сигизмунда III, дозволившей Іереміи II учредить въ церкви братства, за всѣми мірянами признается право присутствовать на соборахъ. Но это присутствіе не должно быть однимъ только страдательнымъ: иначе, оно не будетъ имѣть никакого смысла. Если же дѣла соборныя подлежатъ обсужденію всѣхъ мірянъ, то имъ подлежатъ и осужденіе и лишеніе достоинствъ тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя отступили отъ вѣры. Далѣе: мірскимъ людямъ принадлежитъ право избранія епископовъ и священниковъ; а кто избираетъ, тотъ имѣетъ право и низвергать. Въ подтвержденіе этихъ мыслей, авторъ „Апокрисиса" приводитъ довольно характерное мѣсто изъ 4 письма 1 кн. Кипріяна: „Простой народъ, слушая повелѣній епископскихъ и боясь Бога, долженъ отлучаться худого властелина и не прикасаться приношеніямъ святотатца іерея, поелику онъ больше всѣхъ имѣетъ власти избирать достойныхъ іереевъ, а недостойныхъ избѣгать. Это вытекаетъ, (объясняетъ авторъ „Апокрисиса") изъ особеннаго благоговѣнія къ Богу, когда избраніе іерея совершается въ присутствіи цѣлаго народа, предъ глазами всѣхъ, и достойный и способный іерей утверждается послѣ того общимъ голосомъ". — Міряне признаютъ за собою неотъемлемое право избирать достойныхъ іерарховъ, и никто противъ ихъ воли не долженъ поставляться, на основаніи Антіохійскаго собора. Кромѣ того, пастыри церкви избираются для народа, для него и надъ нимъ составляется духовная власть; потому-то онъ долженъ и избирать ихъ самъ изъ среды себя, такъ какъ только ему одному можетъ быть извѣстна жизнь избираемаго и его благочестіе. Но, признавая законнымъ участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви, авторъ „Апокрисиса" говоритъ: „Мірскіе люди согрѣшившихъ пастырей церкви и достойныхъ отлученія не имѣютъ права ни проклинать, ни произносить надъ ними приговора, ни обнародовать своихъ постановленій о пастыряхъ, но должны свидѣтельствовать и наблюдать, чтобы не было учинено что-нибудь несправедливо, безрасудно, по скорости и гнѣву".

Во время посвященія Михаила Рогозы въ кіевскіе митрополиты, луцкимъ епископомъ былъ Кириллъ Терлецкій. Онъ отличался самоуправствомъ еще больше Болобана, и, по видимому, не было такого дѣла, на которое не рѣшился бы, въ виду предстоящей выгоды. Сохранилось до нашего времени множество жалобъ и позвовъ на этого епископа. Одни обвиняли его въ изнасилованіи проѣзжавшей черезъ его имѣніе дѣвицы, другіе жаловались на претерпѣнные отъ него побои, третьи просили законной кары за его разбойницкіе наѣзды съ толпою вооруженныхъ людей. Даже на Аѳонъ заходили слухи о его неистовствахъ и злодѣяніяхъ. Тамъ подвизался одинъ изъ галицкихъ русиновъ, человѣкъ одного закала съ авторомъ „Апокрисиса,“ именемъ Іоаннъ изъ Вишни. Онъ удалился отъ міра, въ которомъ было такъ мало „творящихъ благостыню“, но, по свойству горячей, любящей натуры, не могъ, въ „тихомъ своемъ пристанищѣ“, отвернуть глазъ отъ „житейскаго моря, воздвизаемаго бурею напастей“. Въ укорительномъ посланіи своемъ къ русскимъ владыкамъ, онъ, смѣсью родного языка съ библейскимъ, какъ это было тогда въ ходу обратилъ къ Терлецкому саркастически-рѣзкое слово: „Пощупайся только въ лысую головку, ксенже бискупе луцкій“, писалъ онъ: „колько еси за своего священства живыхъ мертво къ Богу послалъ, однихъ сіканою, другихъ водотопленою, третихъ огнепальною смертію отъ сея жизни изгналъ?... Вспомяни и Филипа маляра многопѣняжного. Камо ты румяны золоты, по его невольномъ отході, осталися, и въ чимъ ныні вязенню сидятъ“? Этого представителя избираемой аристократами іерархіи, то есть Терлецкаго, кто-то изъ нихъ самихъ, или, чрезъ ихъ посредство, кто-то изъ іезуитовъ, рекомендовалъ благосклонному вниманію патріарха, въ тѣхъ же самихъ видахъ, что и Михаила Рогозу. Патріархъ, еще на пути въ Москву, вслѣдъ за Онисифоромъ Дівочкою, низложилъ также супрасльскаго архимандрита Тимоѳея Злобу, котораго обвиняли въ убійствѣ; прочимъ духовнымъ гро-

зилъ учинить, на возвратномъ пути, розыскъ и сдѣлать то же съ другими отступниками отъ правилъ iерейской чести и добродѣтели. Обдираемые турецкимъ султаномъ, патрiархи очутились въ необходимости собирать на Руси мзду, то посредствомъ перемѣны духовныхъ сановниковъ, то посредствомъ угрозы судомъ; а ихъ архимандриты, игумены и даже епископы постоянно просили милостыни въ домахъ у знатныхъ пановъ, иногда выпрашивали у нихъ даже мѣста, то есть духовные хлѣбы, на досаду туземнымъ искателямъ оныхъ, и нерѣдко вносили въ общество раздоры и недоразумѣнiя [1]). Отъ этого уваженiе къ патрiархамъ падало, и противники древняго благочестiя прiобрѣтали новые аргументы для отвращенiя людей образованныхъ и богатыхъ отъ предковской ихъ вѣры. Патрiархъ, по дорогѣ въ Царьградъ, гостилъ у великаго коронпаго гетмана Яна Замойскаго, котораго предки недавно еще были православными. Замойскiй, подобно вельможамъ, остававшимся въ благочестiи, давалъ у себя прiютъ представителямъ всѣхъ социальныхъ и религiозныхъ идей, хаотически боров-

[1]) Такъ, въ 1580 году, въ достопамятный годъ выхода въ свѣтъ Острожской Библiи, луцкiй владыка Iона Красенскiй жаловался (30 iюня) луцкому старостѣ и подстаростiю, что князь Константинъ Острожскiй (которому приписываютъ всю честь изданiя Библiи), „въ день святыхъ апостолъ Петра и Павла, не маючи жадного взгляду на зверхность Е. К. М., покой права посполитого и на вольности польскiе а на конституцiи сеймовые, торгнувшися на учтивое упривилеванье, за службы его, Красенскаго, ему отъ славной памяти короля Сигизмунда-Августа наданое, наѣхалъ моцно гвалтомъ, маючи при собѣ почетъ великiй слугъ, татаръ поганцовъ и иныхъ много разного стану людей, бояръ и подданныхъ его, на монастырь, на дворъ и села Буремецъ, Подгайцы и село Боголюбое... сребро, золото, цынь, мѣдь, кони, быдло рогатое, волы, коровы... збожье въ гумнѣ стоячое и на полѣ засѣяное, попелу шмальцованого 250 лаштовъ... забралъ, бояръ и подданныхъ всѣхъ подъ послушенство свое подбилъ, и колько десять коней поганцовъ татаръ своихъ у монастыри Св. Миколы и въ дворѣ жидичинскомъ и вездѣ слугъ, бояръ и подданныхъ своихъ почты немалые зоставилъ...“ Все это—изъ-за того, чтобы ввести во владѣнiе монастыремъ Теофана Грека, владыку мегленскаго, которому тотъ же князь Острожскiй исходатайствовалъ у короля духовный хлѣбъ на Руси.

шихся тогда въ Рѣчи-Посполитой [1]). Онъ же, притомъ, былъ человѣкъ европейской учености, одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ между панами, и бесѣда съ Іереміею, человѣкомъ тоже ученымъ, была для него интересна. Провѣдавъ о расположенности патріарха къ Терлецкому, Гедеонъ Болобанъ явился въ домѣ Замойскаго и доносилъ патріарху на луцкаго епископа, что въ народѣ обвиняютъ его въ наѣздахъ, буйствѣ, развратѣ, дѣланіи фальшивой монеты. Патріархъ свелъ его съ глазу на глазъ съ Терлецкимъ, и Гедеонъ тутъ же сталъ увѣрять, что всѣ толки о немъ въ народѣ—клевета, сталъ восхвалять святую жизнь Кирилла Терлецкаго и выражать ему братское дружелюбіе. Патріархъ отпустилъ Кирилла милостиво, а Гедеонъ, зная, что патріархъ не умѣетъ читать и писать порусски и попольски, подсунулъ ему къ подписи бумагу, содержавшую въ себѣ обвиненіе Кирилла. Патріархъ, свѣдавъ потомъ, что его обманули, выдалъ Кириллу оправдательную грамоту, объявляя въ ней, что онъ обманутъ, и назначилъ его своимъ экзархомъ или намѣстникомъ на предстоящій съѣздъ русскаго духовенства. Это еще не все. По жалобѣ львовскаго братства, патріархъ оставилъ Гедеона подъ запрещеніемъ до покаянія. Тогда Гедеонъ обратился къ львовскому католическому епископу Суликовскому,—тому самому, который устроилъ трагическую сцену въ навечеріе Рождества Христова, и на котораго онъ жаловался королю,—кланялся ему, объяснялъ, что патріархъ притѣсняетъ владыкъ, желая съ нихъ что-нибудь сорвать, совѣтовался о средствахъ избавить русское духовенство отъ цареградской не-

---

[1]) Этому вельможѣ, проводѣйствовавшему православію на Брестскомъ соборѣ 1596 года, посвящена была обличавшая дѣйствія собора книга „Апокрисисъ". Знатные паны представляли, въ борьбѣ двухъ вѣръ и обществъ, какъ-бы не сознающія этой борьбы стѣны или башни, изъ-за которыхъ воители метали одни въ другихъ боевые снаряды. Въ посвященіи къ „Апокрисису" сказано: „. . .вѣдаючи и то, же предкове в. м. нѣколи греческои релѣи были. Въ которую надѣю тежъ подъ заслоною зацного имени в. м. моего милостивого пана, яко за нѣякимъ щитомъ, межи люде здаломися пустити тую книжечку".

воли и высказалъ мысль, что хорошо было бы подчинить русскую церковь папѣ. Но и тутъ не конецъ характеристикѣ. На соборѣ въ Брестѣ Гедеонъ подписалъ, вмѣстѣ съ другими архіереями, актъ соединенія церквей, а когда унія не была принята знатными панами, онъ перебѣжалъ въ ихъ лагерь и увѣрялъ, будтобы подписалъ бланкъ, на которомъ ничего еще не было написано. И благочестивые паны приняли его въ свою среду; они повѣрили, или сдѣлали видъ, что повѣрили, его оправданію, и заставили его подать это оправданіе во владимирскомъ замковомъ, такъ называемомъ гродскомъ судѣ, въ видѣ протестаціи, чтобы увѣрить и другихъ въ честности человѣка, заковывающаго въ кандалы братскихъ типографовъ и вырывающаго бороды братскимъ учителямъ.

Чтобы понять, какъ это было возможно въ панской средѣ тогдашней, надобно вспомнить, что польское высшее общество, высватавъ за Сигизмунда I-го итальянскую принцессу изъ дома Сфорца, знаменитую въ Польшѣ королеву Бону, вмѣстѣ съ нею пересадило на савроматскую почву продукты придворной культуры итальянской. Королева Бона пропагондировала въ Польшѣ весьма усердно тѣ пороки и злодѣянія, за обличеніе которыхъ ея земляки и родственники сожгли Савонаролу. Итальянскій нравственный развратъ XVI вѣка, въ видѣ готовыхъ продуктовъ высшей цивилизаціи, быстро охватилъ умы и сердца польскихъ савроматовъ, и отъ нихъ свободно переходилъ въ Червоную Русь, путемъ колонизаціи. Остальная литовская Русь была ограждена отъ него въ нѣкоторой степени тѣмъ, что ляхи не имѣли права селиться въ предѣлахъ Литовско-русскаго княжества; но съ 1569 года, со времени политической уніи, состоявшейся на Люблинскомъ сеймѣ, исчезла и эта преграда. Главнымъ виновникомъ этого сліянія гражданскихъ обществъ, несоединимыхъ по своей формаціи, былъ прославляемый нашими историками князь Константинъ-Василій Острожскій. Онъ былъ виновенъ панскою пассивностію, недостаткомъ сознанія русской природы и неуваже-

ніемъ къ правамъ своего *народа*, въ обширномъ смыслѣ слова. Еслибы онъ не подписалъ люблинскаго акта политической уніи, не осмѣлились бы польскіе паны употребить надъ прочими депутатами тѣхъ насильственныхъ мѣръ, которыя потомъ провозглашены, какъ это часто бываетъ въ исторіи, „соединеніемъ свободныхъ со свободными и равныхъ съ равными". Домъ Острожскихъ, такъ точно какъ и домъ Вишневецкихъ, былъ широкими вратами, ведущими въ погибель русскую вѣру и народность; но эхо панегиристовъ XVI вѣка до сихъ поръ оглушаетъ нашихъ историковъ: они князя Константина-Василія Острожскаго ставятъ едва не наравнѣ съ Владимиромъ Равноапостольнымъ. Я подтвержу ниже справедливость моего протеста; а теперь скажу, что вообще высшее русское общество находилось тогда въ положеніи ни мало не благопріятномъ для такихъ прекрасныхъ исключеній, какимъ представляютъ у насъ эту убогую дарами природы личность. Тогдашній русскій міръ похожъ былъ на Іудею и Самарію во времена босоногихъ апостоловъ. Къ Іудеѣ, съ ея книжниками и фарисеями, тупо державшимися буквы закона и обрядности, подходила близко Русь московская; на Самарію, готовую увѣровать, что „истинные поклонницы" не нуждаются въ Іерусалимѣ, была похожа наша отрозненная Русь. Высшія сферы, выкованныя на сѣверѣ Іоаннами да Годуновыми, доказали на Максимѣ Грекѣ, на попѣ Сильвестрѣ и на многихъ подобныхъ имъ герояхъ нравственности, свое тождество съ обвинителями человѣка, назвавшаго себя гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. На юго-западѣ, то есть въ польско-литовской Руси, самъ Курбскій, реакціонеръ Іоанновщины, развратился въ общеніи съ князьями Острожскими, Сангушками и другими. На сѣверѣ, при сильномъ преобладаніи буквоученія, погубившаго Никона даже при „тишайшемъ" изъ государей, не было мѣста разумной пропагандѣ нравственныхъ началъ снизу вверхъ; а на верху даже и тотъ, кто могъ взять все подъ прикрытіемъ законной формальности, боролся съ соблазномъ кра-

жи безъ приглашенія закона въ соучастники. (См. „Ист. Россіи“ С. М. Соловьева, т. X, стр. 210). На юго-западѣ, политическое развращеніе умовъ обуяло всѣхъ до того, что не различали предателей вѣры, народности и равноправности отъ ея героевъ. Здѣсь прежде всего и послѣ всего нужно было принадлежать къ знатному дому, чтобы сподобиться, какъ чести на землѣ, такъ и святости на небесахъ. Такова была пропаганда культуры, принадлежавшая сперва баронамъ пограничныхъ марокъ нѣмецкихъ, потомъ нѣмецкому духовенству, воспитанному феодализмомъ, наконецъ просвѣтителямъ Италіи, папамъ и кардиналамъ, не позволявшимъ двигаться землѣ въ небесной сферѣ и человѣческому сердцу — въ сферѣ чистыхъ, безкорыстныхъ стремленій. Задолго до уніи, эта пропаганда сдѣлала свое дѣло надъ высшимъ классомъ общества; но низшее, въ формѣ братствъ, заявило претензію на гуманизмъ, почерпаемый не изъ классической литературы, а изъ общедоступнаго и вездѣсущаго источника. Претензія была опасная, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ умныхъ проповѣдниковъ папскаго абсолютизма могла она казаться таковою, и эти умные проповѣдники приготовились заглушить ее церковною уніею.

ГЛАВА IX.

Съѣзды православныхъ іерарховъ въ Брестѣ Литовскомъ и соглашеніе устроить церковную унію.—Іезуитская инструкція кіевскому митрополиту.—Пассивная натура русскихъ пановъ и разсчетъ на нее іезуитской партіи.—Объявленіе церковной уніи и пустой взрывъ негодованія со стороны пановъ.—Характеристика русскаго магната въ лицѣ богатѣйшаго изъ нихъ.—Неоправдавшіяся надежды сочинителей уніи.

Все было подготовлено къ церковной уніи: люди, интересы, страсти. Это былъ результатъ сложной работы іезуитскаго ордена и многихъ сознательныхъ и безсознательныхъ орудій его. Оставалось только сдѣлать послѣдній шагъ. И вотъ, въ 1590 году, въ томъ самомъ году, когда козаки подверглись первому, самому тяжкому стѣсненію, собрался въ литовскомъ городѣ Брестѣ соборъ изъ православныхъ духовныхъ лицъ и русской шляхты, съ цѣлью установить церковное благочестіе на прочныхъ основаніяхъ. Соборъ этотъ былъ назначенъ патріархомъ Іереміею; онъ самъ желалъ на немъ присутствовать; но митрополитъ Рогоза медлилъ конвокаціею до тѣхъ поръ, пока патріархъ не удалился. Его мѣсто занялъ теперь человѣкъ, лучше котораго не возможно было и желать для предположенной іезуитами цѣли.

Еще въ 1577 году, краснорѣчивый проповѣдникъ, и публичный ораторъ, іезуитъ Петръ Скарга, издалъ, на польскомъ, тогда общедоступномъ языкѣ, сочиненіе: „О Единствѣ Церкви Божіей и объ Отступленіи Грековъ отъ Единства, съ Предостереженіемъ и

Наставленіемъ Народамъ Русскимъ". Книга эта предназначалась программою для совращенія православныхъ въ унію, а черезъ посредство уніи — въ латинство. Въ ней прежде всего указаны причины, по которымъ въ русской церкви никогда не можетъ быть порядка. *Первая причина* — семейная жизнь священниковъ, которые, вслѣдствіе этого, заботятся только о мірскомъ, оставляя безъ всякаго пастырскаго попеченія свою паству. Семейная жизнь священниковъ служитъ причиною того, что на Руси вся наука упала и попы омужичились (zchłopieli). *Вторая причина* — славянскій языкъ. Греки, говоритъ Скарга, обманули русскихъ и съ умысломъ не дали имъ своего языка, оставивъ у нихъ языкъ славянскій: грекамъ хотѣлось, чтобы русскій народъ никогда не достигъ до настоящаго разумѣнія истины и науки: потому что только при помощи латинскаго и греческаго языковъ можно быть доскональнымъ въ наукѣ и вѣрѣ. На всемъ свѣтѣ еще никогда не было и никогда не будетъ ни академіи, ни коллегіи, гдѣ бы богословіе, философія и другія науки могли преподаваться и быть понимаемы на иномъ языкѣ. При славянскомъ языкѣ никогда никто ученымъ не можетъ быть: онъ никогда не имѣлъ правилъ и грамматики. У васъ, русскихъ, и не слышно о такихъ людяхъ, которые бы знали греческій языкъ, старый и новый; а у насъ по всему свѣту господствуетъ одна вѣра и одинъ языкъ (разумѣется, латинскій); христіянинъ въ Индіи можетъ говорить съ полякомъ о Богѣ. *Третья причина*, не позволяющая быть порядку въ русской церкви, это — униженіе духовнаго сословія и вмѣшательство свѣтскихъ лицъ въ церковныя дѣла.

Показавъ несостоятельность церкви православной, какъ со стороны догматической, такъ и со стороны нравственной, Скарга указываетъ средства выйти изъ этого безвыходнаго положенія. 1-е, чтобы кіевскій митрополитъ принималъ благословеніе не отъ константинопольскаго патріарха, но отъ папы; 2-е, каждый русскій долженъ быть согласенъ съ римскою церковью во всѣхъ

артикулахъ вѣры; 3-е, русскіе должны признавать верховную власть столицы римской; что же касается церковныхъ обрядовъ, то они могутъ оставаться по прежнему неприкосновенными. Эта же самая книга, съ нѣкоторыми прибавленіями, подъ заглавіемъ: „O Rządzie i Jedności Kościoła Bożego“, напечатана была, въ 1590 году, вторымъ изданіемъ, съ посвященіемъ Сигизмунду III. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что книга эта многимъ принесла пользу и многимъ раскрыла глаза: ясное свидѣтельство, что іезуиты, еще до открытаго введенія уніи, работали надъ приготовленіемъ къ ней общества.

Съ польской точки зрѣнія, съ точки зрѣнія латинскаго духовенства, послѣ такихъ послѣдовательныхъ и искусно направляемыхъ приготовленій, омужиченные русскіе попы, съ ихъ невѣжественною и лишенною гражданскихъ правъ паствою (паны не входили въ разсчетъ клерикально-польской политики: они были уже въ ея сѣтяхъ), представляли римской куріи вѣрную добычу Не такъ вышло на дѣлѣ.

Исторія церковной уніи заслуживаетъ быть разработанною въ отдѣльномъ сочиненіи. Въ ней много интереснаго для богослова, юриста, политико-эконома и поэта. Въ моей книгѣ я даю ей мѣста лишь столько, сколько необходимо для освѣщенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ, которымъ имя, замѣчу кстати, должно быть—легіонъ. Каждый изъ насъ сознаетъ въ собственной индивидуальности подчиненность безчисленнымъ вліяніямъ, и потому не слѣдуетъ смотрѣть на исторію, какъ на собраніе біографій. За каждою выступившею на передній планъ фигурою непремѣнно скрываются цѣлыя толпы фигуръ, которыя сдѣлали дѣло прежде, чѣмъ она совершила передъ нами представительство свое. Тѣмъ собственно и интересна для насъ каждая вступающая впередъ личность, что она служитъ органомъ заднихъ, остающихся для насъ въ полусвѣтѣ и полутьмѣ, но могущественно на нее вліяющихъ... Поэтому-то церковная унія, гдѣ замѣшано столько

римскихъ, польскихъ и русскихъ интересовъ, гдѣ на сцену выходитъ столько лицъ и учрежденій, можетъ быть предметомъ обширнаго историческаго труда, и поэтому же я долженъ, не вдаваясь въ подробную характеристику уніи, ограничиваться лишь эскизомъ этого религіозно-политическаго явленія.

На первомъ же съѣздѣ русскіе іерархи выполнили главную для нихъ часть программы, напечатанной къ этому времени вторымъ изданіемъ. Въ числѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ дѣйствій, они заключили съ панами весьма значительное условіе — не позволять простымъ людямъ держать монастыри. Это значило— лишить магдебургскія, цеховыя и братскія общины патроната надъ монастырями, которые епископы и архимандриты обращали въ экономическія заведенія, оставляя церкви безъ оконъ, безъ книгъ, безъ утвари и богослуженія, а не то — держа ихъ запертыми. На второмъ съѣздѣ, 1591 года, рѣшено было избавиться уніею отъ вмѣшательста свѣтскихъ людей вообще въ церковныя дѣла. Но мысль эта выразилась открыто только въ протестаціяхъ противъ королевскихъ урядниковъ и помѣщиковъ за то, что они вступаются въ дѣла духовенства, судятъ священниковъ, разводятъ браки; а тайно отъ большинства присутствовавшихъ на соборѣ составленъ четырмя архіереями актъ признанія папы главою церкви. Эти архіереи были: Кириллъ луцкій, Гедеонъ львовскій, Леонтій пинскій и Діонисій холмскій. Митрополитъ показывалъ видъ, будто ничего не знаетъ, и заставлялъ іезуитовъ тайно убѣждать себя (просто-напросто — дѣло шло о возвышеніи, въ глазахъ короля, цѣны отступничеству).

Здѣсь приведу извлеченіе изъ письма ловкихъ агентовъ короля къ Михаилу Рогозѣ, которое и подтвердитъ, и дополнитъ сказанное мною объ отношеніяхъ іезуитскаго ордена къ разнымъ слоямъ польскаго и русскаго общества. Іезуиты писали къ Рогозѣ:

„Мы бы желали, чтобы ваша милость благоволили видѣть въ

нашихъ совѣтахъ и adhortacyach такую же преданность къ вашей особѣ, какъ и къ общему благу католической церкви. Конечно долгъ и профессія наша велятъ намъ имѣть въ виду прежде всего увеличеніе вселенской церкви подъ послушаніемъ единаго пастыря, но та же самая ревность къ общему благу тѣмъ больше влечетъ насъ къ benewolencyi вашей милости, чѣмъ больше усматриваемъ въ особѣ вашей милости заслуги и задатки дальнѣйшей propensyi благочестивой ревности къ той же церкви. Велика будетъ радость всѣхъ католиковъ, когда они, благодаря мудрымъ стараніямъ столь великаго архипастыря, увидятъ осуществленіе давно желаннаго соединенія; но не менѣе блистательное украшеніе будетъ и для вашей милости, когда, будучи въ нашихъ краяхъ примасомъ восточной церкви, возсядете вы въ сенатѣ рядомъ съ короннымъ примасомъ. А это не возможно, доколѣ вы будете оставаться въ какой-либо зависимости отъ патріарха, находящагося подъ поганскою властью, или имѣть съ нимъ какія бы то ни было сношенія. Доколѣ этотъ узелъ не будетъ разрубленъ, дотолѣ и у самого короля его милости и у коронныхъ чиновъ не развяжутся руки. Скажите, почему коронныя провинціи, принимающія обряды западной церкви, должны считаться хуже московскихъ, имѣющихъ собственныхъ патріарховъ? Ваша милость уже сломали первый ледъ счастливо, и, какъ, вступая на свой высокій постъ, вы не искали благословенія цареградскаго патріарха, по причинѣ суевѣрія, котораго набрались греки въ бусурманской средѣ, живя вдали отъ центра истиннаго ученія, такъ можете обойтись безъ него и впослѣдствіи. Да не устрашаютъ вашу милость разныя препятствія и impedimenta. Большею частью они уже устранены; остальныя могутъ быть устранены мудрымъ совѣтомъ и постоянствомъ въ задуманномъ предпріятіи. Развѣ маловажное преодолѣно препятствіе благимъ нашимъ намѣреніямъ тѣмъ, что выборъ іерарховъ начинаетъ ускользать изъ рукъ у русской шляхты? Она почуяла здѣсь нашу

твердость въ пажгасаніи народа русскаго; она могла бы и впослѣдствіи почуять эту рѣшимость. Потому-то надобно бояться, чтобы на ту должность, которую занимаете нынѣ вы, не поставлялись такіе люди, которые бы могли разрушать основанія этого труда и начатаго вашею милостію зданія. Не безъ Божіей воли это сталось, что они, не избирая вашей милости на это fastigium, не могутъ, однакожъ, до сихъ поръ столкнуть и низвести съ него вашей милости. Имѣете бо ваша милость королевскую привилегію; есть у васъ въ Коронѣ и Литвѣ тайныя связи, родство, пріятели и могущественная факція; за васъ стоитъ и публично вся католическая церковь, которая, въ случаѣ надобности, поддержитъ васъ могущественно. Кто же отъ вашей милости tronum reposcet, когда вы, in spem et casum successionis [по примѣру западныхъ прелатовъ], подберете себѣ коадъютора? А для него при дворѣ его королевской милости привилегія будетъ готова, только бы онъ, съ своей стороны, былъ готовъ слѣдовать по стопамъ вашей милости. Наконецъ, не смотрите на ваше духовенство, ни на ничтожные бунты безумной черни. Что касается духовенства, то ваша милость всего удобнѣе можете держать его въ послушаніи слѣдующимъ способомъ. Замѣщайте всѣ вакансіи не знатными людьми, чтобъ не брыкались, а простыми, убогими и такими, которые бы вполнѣ зависѣли отъ вашей милости. А еслибы на духовныхъ прелатурахъ оказались строптивые, тогда, подъ предлогомъ надобности въ ревностныхъ наставникахъ и порядочныхъ игуменахъ, смѣщайте противящихся и непослушныхъ вамъ прелатовъ, а на ихъ бенефиціи возвышайте преданныхъ вамъ, оставивши, однакожъ, себѣ на каждой изъ нихъ юргельты; а чтобъ и эти не разжирѣли, отправляйте подозрѣваемыхъ на иныя мѣста и, по указанію обстоятельствъ, перемѣщайте. Не мѣшаетъ иныхъ охлаждать (wyiskrzać), per speciem honoris, почетнѣйшими поѣздками и посольствами, которыя бы они совершали на собственный счотъ. Протопоповъ которые попроще, бе-

рите съ собой въ дорогу и заблаговременно пріучайте при себѣ, и направляйте къ тому, чтобъ они усвоивали вашъ способъ дѣйствія. На поповъ накладывайте подати для общаго блага святой церкви, и всего больше наблюдайте за тѣмъ, чтобъ они, безъ вашей милости, яко своего пастыря, не отправляли синодовъ и всяческихъ сходокъ, а кто бы изъ нихъ осмѣлился преступить строгое запрещеніе, тѣхъ ad carceres. Что касается свѣтскихъ, а особливо черни, то, какъ донынѣ ваша милость поступали prudentissime, такъ и на будущее время, по мѣрѣ возможности, вы будете осмотрительны, чтобы не подать имъ никакого повода къ уразумѣнію замысловъ и намѣреній вашей милости. Потому, еслибы надобно было опасаться войны съ ними, то мы не совѣтуемъ наступать на нихъ явно. Гораздо лучше въ мирное время передовыя между ними головы различными способами уловлять и обязывать, то чрезъ посредство своихъ агентовъ, то какими либо иными дѣйствіями и награжденіями. Церемоній не вносить въ церковь разомъ: онѣ могутъ быть измѣнены мало-помалу. Диспутовъ и споровъ съ западною церковію in speciem не оставляйте, равно какъ и другихъ подобныхъ способовъ для уничтоженія слѣда своего предпріятія, чѣмъ можно замылить глаза не только шляхтѣ, но и черни. Для молодежи ихъ открывайте особыя школы, лишь бы имъ не запрещали посѣщать католическіе костелы и доканчивать образованіе въ школахъ нашихъ отцовъ (іезуитовъ). Слово *унія* должно быть изгнано: не трудно придумать другое, которое бы не такъ было противно для слуха народа. Кто ходитъ около слоновъ, тѣ берегутся носить красное платье. — Что касается, въ особенности, до сословія шляхетскаго, то ему больше всего внушайте, дѣйствуя на совѣсть, чтобъ не имѣли общенія съ еретиками въ Коронѣ и Литвѣ, а напротивъ, помогали бы искренно католикамъ къ ихъ искорененію. Отъ этого предостереженія, по нашему мнѣнію, такъ много зависитъ, что, доколѣ еретики не будутъ истреблены въ Рѣчи-Посполитой, до

тѣхъ поръ нельзя надѣяться совершеннаго согласія уніи греческихъ церквей въ отечествѣ съ костеломъ католическимъ. Ибо, какимъ образомъ могли бы послѣдователи восточной церкви обратиться вполнѣ подъ послушаніе св. отца, доколѣ въ Польшѣ будутъ отказывать ему въ послушаніи тѣ, которые нѣкогда были членами западной церкви? Остальное возложимъ на Господа Бога, а потомъ на доброе сердце его королевской милости, у котораго въ рукахъ находится раздача beneficiorum spiritualium, и на ревность коронныхъ чиновъ, которые, имѣя въ своихъ владѣніяхъ jus patronatus, станутъ допускать къ отправленію богослуженія однихъ только унитовъ. Будемъ надѣяться, что нашъ богобоязненный, благочестивый государь и столь горячая, при его покровительствѣ, къ католическому обряду королевская рада, не перестанутъ притѣснять, то на сеймахъ, то въ судахъ, отступниковъ отъ св. католической вѣры, а этимъ потянутъ и упорныхъ въ русскомъ народѣ схизматиковъ: волею-неволею принуждены они будутъ поддаться подъ послушаніе св. отца. А мы всѣ члены ордена (zakonnicy) не оставимъ содѣйствовать съ нашей стороны не только молитвами, но и работою въ вертоградѣ Господнемъ".

Это письмо вмѣстѣ съ тѣмъ очеркомъ современнаго гражданскаго общества, который представленъ мною выше, показываетъ, что агенты короля и приверженцы римской куріи въ Польшѣ считали православную русь не только вѣрною, но и легкою добычею латинской церкви. Общество было разрознено въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ; связи между различными его частями — или порвались сами собою, или были порваны; соперничество и недовѣріе господствовали тамъ, гдѣ бы слѣдовало царствовать согласію; просвѣщеніе въ высшемъ классѣ было только кажущееся; мракъ, свойственный народной массѣ, едва мѣстами начиналъ уступать случайнымъ проблескамъ знанія. Но практика показала, что добыча была не такъ

легка, и что необразованныхъ русскихъ поповъ, съ ихъ безграмотною паствою, гораздо труднѣе nawrócić, нежели просвѣщенныхъ въ заграничныхъ университетахъ членовъ дома князей Острожскихъ и другихъ такъ называемыхъ патроновъ православія. Что̀ касается собственно до козаковъ, какъ военной корпораціи, то церковная унія коснулась ихъ лишь воскриліемъ лицемѣрной ризы своей, а потому, минуя многія событія и обстоятельства этого въ высшей степени интереснаго времени, займемся перечнемъ лишь самаго необходимаго для ясности предстоящаго намъ повѣтствованія.

Придворные патеры Сигизмунда III работали дѣятельно посредствомъ своихъ агентовъ на Руси. Православныхъ пановъ они, что̀ называется, обернули вокругъ пальца, дѣлая ихъ сознательными и безсознательными орудіями такихъ важныхъ дѣяній, какъ возведеніе іезуита на fastigium русской церкви, въ глазахъ издателя славянской Библіи и многочисленныхъ приверженцевъ его. Мѣщанъ имѣли они больше всего въ виду, но меньше всего боялись на поприщѣ интриги, такъ какъ мѣщане лишены были голоса на сеймѣ; а шляхетнымъ ихъ представителямъ, этимъ „старшимъ братчикамъ" мѣщанскимъ, іезуиты всегда готовы были давать полную свободу проявлять силу свою въ словоизверженіи. Они хорошо знали натуру пассивныхъ людей вообще и русскихъ пановъ въ особенности: они знали, что, чѣмъ больше пассивный человѣкъ говоритъ, тѣмъ меньше дѣлается онъ способенъ дѣйствовать. Притомъ іезуиты разочли ариѳметически, что паны, охладѣвъ къ реформаціи, охладѣютъ и къ православію. Только задоръ однихъ пановъ къ новаторству, въ противодѣйствіе королю и его католической радѣ, подстрекалъ другихъ къ упорству въ древнемъ благочестіи, на зло той же самой придворной лигѣ. Знали очень хорошо іезуиты—и для этого не нужно было особенной прозорливости, — что православные паны всѣ очутятся въ одной церкви съ королемъ и сенаторами, но никакъ не съ торгашами

и хлопами, никакъ не съ этими чоботарями, воскобойниками и купнірями, которымъ они давали свои охранныя грамоты, въ качествѣ старшихъ братчиковъ. А безъ привилегированныхъ, неприкосновенныхъ для самого короля, членовъ братства, какая религіозная корпорація въ низшихъ сферахъ могла устоять противъ шляхетскаго полноправства?

О козакахъ іезуиты вовсе не думали въ началѣ: начали они думать о козакахъ только тогда, когда мѣщане и ихъ духовенство ухватились за эту послѣднюю защиту противъ допускаемыхъ закономъ насилій; но это, какъ мы увидимъ, случилось вовсе не такъ скоро, какъ увѣряютъ бездоказательно, наши историки — и друзья, и враги козачества.

Итакъ іезуиты дѣйствовали смѣло, быстро, настойчиво. Безъ вѣдома такихъ тузовъ православія, какъ Острожскій, Скуминъ-Тишкевичъ и другіе, которыхъ дома́ развѣ имъ самимъ казались прибѣжищемъ древняго русскаго благочестія, а въ глазахъ іезуитовъ были наилучшими очагами католичества, составленъ былъ актъ отреченія отъ православія; помимо ихъ согласія, отправлена была, осенью 1595 года, депутація въ Римъ, съ выраженіемъ готовности грекорусской церкви признать своимъ главою, вмѣсто Христа, папу. Послами были извѣстный уже намъ Кириллъ Терлецкій и новый владимирскій епископъ Ипатій Потій, возведенный въ этотъ санъ изъ брестскихъ каштеляновъ, по смерти Мелетія Хребтовича-Богуринскаго, въ 1593 году. Потій принадлежалъ къ панамъ аристократамъ. Папскій нунцій Коммендони обратилъ его изъ православія въ католичество; но іезуиты наставили его обратиться снова въ православіе, чтобы тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовать въ пользу латинской церкви, въ званіи унитскаго архіерея. „Замыливая глаза" православнымъ согласно іезуитской практикѣ, Потій заложилъ самъ православное братство въ Брестѣ, на подобіе Львовскаго. Немногіе и въ наше время понимаютъ разницу между иниціативою общества, указанною ходомъ

вѣдомой многимъ жизни, и инициативою одного лица, да еще не связаннаго органически съ обществомъ. Братство Брестское было похоже на Львовское только именемъ, но не духомъ. Не понимали этого мѣщанскіе „старшіе братчики", и въ ихъ числѣ Острожскій. Онъ, глубокій уже старикъ, уважалъ Потія за хорошую нравственность, ученость и благочестіе; онъ не противился возведенію въ архіерейскій санъ этого человѣка, котораго имѣлъ полную возможность знать хорошо, и который, передъ его глазами, въ мартѣ мѣсяцѣ носилъ еще военную одежду по должности каштеляна, а въ апрѣлѣ облачился въ одежду святительскую. Читатель мой помнитъ, что князь Острожскій не противился ни Люблинской уніи, ни сеймовому закону о козакахъ, ни возведенію вѣдомаго орудія іезуитовъ на вершину церковной власти въ польской Руси. Его никогда не было тамъ, гдѣ бы онъ могъ положить на вѣсы принадлежавшіе ему сто городовъ и 1.300 селъ съ ихъ населеніемъ, готовымъ поддержать его, какъ русскаго князя, потомка Кіевскаго Владиміра, сына знаменитаго полководца и коронннаго гетмана, который спасалъ Русь и отъ татарскихъ, и отъ литовскихъ, и отъ московскихъ вторженій. Этотъ-то новый православный архипастырь, вмѣстѣ съ старымъ другомъ дома Острожскихъ, Терлецкимъ, явился въ Римъ искать благословенія своему дѣлу у того первосященника, въ интересахъ котораго сожигали десятки тысячъ христіянъ на всемъ пространствѣ отъ Кадикса до Данцига. Святой отецъ благословилъ ихъ доброе начинаніе, что̀ называется, обѣими руками. Отступники вернулись изъ Рима съ торжествомъ; торжественно встрѣтилъ ихъ Сигизмундъ III съ своимъ сенатомъ; унія признана была фактомъ совершившимся и утверждена королевскимъ правительствомъ.

Но сила вещей тотчасъ же показала свою независимость отъ придворной политики. Два православные епископа, львовскій и перемышльскій, протестовали противъ уніи, которую готовы были принять, еслибы приняли ее русскіе паны; а русскіе паны вовсе

не были расположены уступать папскому королю даромъ свои освященныя обычаемъ права на участіе въ дѣлахъ церкви. Іезуиты знали, что они потребовали бы за свою уступку слишкомъ много, а папскій король и безъ того былъ на столько ограниченъ въ Польшѣ, что не могъ даже запугать ересь кострами. Они разочли почти безошибочно, что панская пассивность не устоитъ противъ силы совершившагося факта, но ошиблись въ томъ, что воображали шляхту *народомъ*, ошиблись по польски. Шляхта называла себя, но *не была* народомъ: она была только узурпаторомъ обще-народныхъ правъ, и ей рано или поздно предстояло сводить счеты съ такъ называемымъ мотлохомъ (motłoch).

Ничто подобное никому не снилось въ Рѣчи-Посполитой, даже и между протестантами, которые, по принципу своей вѣры, защищали низшіе классы общества и тѣмъ вредили себѣ въ высшихъ. Эти самые люди, религіозные защитники простого народа, всё-таки до того съ высока смотрѣли на низшіе классы, что находили естественнымъ карать смертью мѣщанъ и освобождать отъ всякой кары шляхтичей, пойманныхъ на святотатствѣ, грабежѣ и разбоѣ, какъ объ этомъ, на примѣръ, разсказываетъ евангелическій панъ Оржельскій въ драгоцѣнныхъ своихъ запискахъ о безкоролевьи по смерти Стефана Баторія [1]).

---

[1]) Это весьма важная для уразумѣнія Польши страница польской исторіи. Приводимъ ее въ польскомъ переводѣ В. В. Спасовича съ латинской рукописи, принадлежащей Императорской Публичной Библіотекѣ.

„Tym czasem w Polsce, oprócz rozruchow i zabójstw w różnych miejscach pomiędzy prywatnemi osobami wydarzonych, wybuchło nowego rodzaju zaburzenie. Jacyś negodziwce, chcąc na wzór francuzki gwałt zadać religii chreściańskiej, utworzyli pewną sektę łotrowską, tak że, popierając pozornie sprawę Biskupów i duchowieństwa, zamierzyli zbogacić się łupiestwem i grabieżą. Podczas niebytności w Krakowie Wojewody, Starosty, Burgrabiów zamku, 10 pazdziernika (1579) sprawili burdę i tumult, które potem w zupełny bunt się przerodziły. Nasłali kilku swoich spólników na świątynię ewangielicką *Brogiem* zwaną na rynku Swiętojańskim, złajali publicznie zelżywemi wyrazami predykanta, potém z dobytą bronią wszyscy wspólnemi siłami opadli świątynię pięknie zbudowaną, wyłamali drzwi i ramy okien, a gdy predykant uciekł, rozrzócili dach i zostawili gołe tylko

Итакъ вотъ въ чомъ состояла ошибка великой католической идеи—превратить нашу живую Славянщину въ религіозную окаменѣлость. Но, покамѣстъ, іезуиты не сознавали еще своей ошибки, и все свое вниманіе обращали на то сословіе, за предѣлами котораго для нихъ не было *народа*. Въ этомъ сословіи объявленіе во всеобщее свѣдѣніе о совершившемся соединеніи церквей произвело бурю; только іезуиты знали, или должны были знать, что это будетъ буря словъ, шляхетская буря. Впрочемъ они, какъ пришельцы, какъ члены государства римскаго и какъ традиціонные поджигатели международной и междусословной вражды, были не прочь и отъ кровавой бури, какъ это видно изъ ихъ письма къ Михаилу Рогозѣ. Во всякомъ случаѣ, со стороны іезуитовъ сдѣланъ былъ геройскій шагъ, напоминающій планъ Торквемады, устроенный на погибель

ściany; nastempnie wdarli się do sklepów i złupili wielkie summy srebra i pieniędzy, złożonych w tém pewném i bezpieczném miejscu przez szlachtę i kupców, a wynoszących do 60.000 złotych, przyczém poraniono zostało mnóstwo osób broniących świątyni. Podwojewodzi Zygmunt Pałczowski, chący gwałt ten powsciagnąć, zmuszony był uciekać z wielkiém dla się niebezpieczeństwem. Bunt ten trwał trzy dni. Magistrat miejski bardziej mu się dziwował, niż go uśmierzał. — O ten wypadek jedni winili Biskupa i duchowieństwo, drudzy Wojewodę Sieradzkiego, którego słudzy mieli, jak powiadano, udział w rabunku, inni zaś znowu żaków Akademii Krakowskiej. Przyjechał Woiewoda, Senatorowie i Magistrat, robili w Ratuszu inkwizycija tego bezprawia, lecz znaczna część winowajców składała się z szlachty, sług Wojewody Sieradzkiego i duchowieństwa, a choć ich przekonano o czyn, jednak, ponieważ okazali się szlachtą, wolnemi ludźmi i równemi z rodu pierwszym osobom Pzplitéj, puszczono ich wolno, zaś gardłem ukarano tylko pięć osób z pomiędzy motłochu, którzy ledwie resztkami łupu się pożywili. Taki był koniec tego bezpawia. Biskup Krakowski ofiarował się wpawdzie wypłacić ze swej kieszeni kilka tysięcy złotych na poprawienie Brogu, lecz nie przyjęto tego wynagrodzenia, nie odpowiednego ani ogromowi straty, ani wielkości wyrządzonej krzywdy, a Brog wyrestawrowany został kosztem ewangelików".

Судъ надъ шляхтою и нешляхтою, въ приведенномъ случаѣ, до того былъ въ правахъ „братьевъ шляхты", что почтенный авторъ записокъ не отнесся къ потомству ни съ малѣйшимъ протестомъ противъ амнистіи. Чего же не возможно было дѣлать шляхтѣ? И чего не могли дѣлать чрезъ посредство шляхты іезуиты? И чего не могли они дѣлать съ нею самою, при отсутствіи въ ней идеи гражданскаго долга?

Друзей Свѣта въ Испаніи. Перетрусили тогда многіе при дворѣ Сигизмунда III, и, по всей вѣроятности, Сигизмундъ-Католикъ больше всѣхъ, потому что его громкій универсалъ о состоявшейся уніи отдался столь же громкимъ эхомъ негодованія со стороны русскихъ пановъ. Острожскіе, Корыбуты-Вишневецкіе, Сангушки, Сапеги, Огинскіе, Ходкевичи, Пацы, Хребтовичи, Воловичи, Корсаки и пр. и пр., этотъ великій контингентъ католичества, вознепщевали о православіи, возшумѣли объ уніи, взревѣли, аки древніе буй-туры русскіе, противъ короля, сената и римской куріи. Въ то время объ этихъ такъ называемыхъ просвѣщенныхъ, мнимо патріотическихъ и мнимо преданныхъ отеческой вѣрѣ панскихъ домахъ во всей Европѣ имѣли то преувеличенное понятіе, которое какимъ-то чудомъ отражается и въ современной намъ мыслящей средѣ. Вездѣ ждали страшнаго потрясенія Польской республики по случаю уніи и соображали веденіе дѣлъ своихъ съ этимъ ожиданіемъ. Такъ, на примѣръ, посолъ императора Рудольфа II потому, между прочимъ, старался „задобрить“ низовыхъ козаковъ, что, по его убѣжденію, „въ Польшѣ скоро должно наступить grosse mutation“. Дворянство, мѣщанство и козачество, по видимому, соединились тогда, то есть могли бы соединиться, общими всѣмъ имъ экономическими и духовными интересами; государственный переворотъ казался неизбѣжнымъ. Но Польша, по словамъ одного изъ папскихъ нунціевъ, не была ни монархія, ни республика. Въ настоящемъ случаѣ, она оказалась собраніемъ монархій и республикъ, изъ которыхъ каждая преслѣдовала отдѣльныя цѣли; именно: каждое воеводство смотрѣло на себя и дѣйствовало, какъ самостоятельное политическое тѣло; каждый повѣтъ въ воеводствѣ, представляемый обыкновенно какимъ-нибудь могущественнымъ паномъ, въ свою очередь, старался играть подобную же роль; каждый панскій домъ, какъ на примѣръ домъ князей Острожскихъ, былъ, безъ преувеличенія, государствомъ въ государствѣ; каждый городъ, пользовавшійся маг-

дебургскимъ правомъ, желалъ быть и называлъ себя отдѣльною республикою („рѣчь-посполитая мѣстская“); а козаковъ, даже въ памфлетахъ, распространяемыхъ между сеймующими панами, именовали козацкою республикою. Политическая безурядица, обыкновенно губящая государства, спасла на этотъ разъ Рѣчь-Посполитую отъ опаснаго потрясенія. Но всего больше помогла королю и его іезуитской радѣ пассивность русскихъ пановъ. Это не были уже древніе „буй-туры“ русскіе, которыхъ „золоченые шеломы по крови плавали“, которыхъ храбрая дружина „рыкала аки туры, раненные калеными стрѣлами на полѣ незнаемѣ“. Не имъ было „вступать въ золотое стремя за обиду своего времени“. „Храбрая мысль не устремляла ихъ ума на дѣло“; они ужъ и не понимали, что̀ значило „высоко плавати на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся“. Не туры и даже не зубри были русскіе паны наши въ ту эпоху, а быки необъѣзженные. Ихъ уже начали объѣзжать іезуиты, и прежде всего принялись за такіе дома, какъ знаменитый домъ князей Острожскихъ.

Представителемъ этого дома былъ на то время сынъ того Константина Ивановича князя Острожскаго, о которомъ гласила молва, что онъ одержалъ тридцать побѣдъ на вѣку своемъ. Онъ носилъ два имени — Константинъ и Василій, данныя ему, по латинскому обычаю, при крещеніи. Мы такъ и будемъ называть его, чтобы читатель не смѣшивалъ этого Константина Острожскаго съ его отцемъ Константиномъ, великимъ гетманомъ Сигизмунда I-го, который потому, вѣроятно, и оставилъ на Руси „солодкую память“, что главный представитель Руси, князь Острожскій, умѣлъ внушить ему болѣе вѣрное понятіе о своей родинѣ, нежели какое былъ способенъ внушить сынъ его Сигизмунду-Августу, Стефану Баторію и Сигизмунду III-му. Константинъ-Василій князь Острожскій былъ уже почти 90-лѣтній старикъ въ эпоху церковной уніи. Молодость его досягала первыхъ временъ украинскаго козачества. Когда „славный русскій воинъ Полюсъ“

нобилъ на Руси татарскіе загоны одновременно съ его отцемъ, онъ могъ уже слышать, въ колыбели, народныя пѣсни, складываемыя въ старину послѣ каждаго подобнаго событія. Когда хмельницкій староста Предиславъ Лянцкоронскій догналъ и разбилъ орду у Овидова озера, Константинъ-Василій могъ, играя на колѣняхъ у возвратившагося съ похода воина, разспрашивать о подробностяхъ этого славнаго на всю Русь подвига. Во время похоронъ Лянцкоронскаго онъ былъ уже юношею, какъ говорилось тогда, съ наусіемъ. Сохранилось преданіе, что онъ хаживалъ въ козаки вмѣстѣ съ барскимъ старостою Претвичемъ и другими пограничными старостами; слѣдовательно козачество зарождалось и росло вмѣстѣ съ нимъ. Въ годъ кончины Евстафія Дашковича ему было не менѣе 35 лѣтъ. Во время основанія запорожской Сѣчи онъ могъ уже поддерживать планъ князя Димитрія Вишневецкаго въ королевской радѣ. Но никакихъ доблестныхъ или патріотическихъ дѣлъ изъ его молодости не записано даже и панегиристами. Больше ли Константинъ-Василій любилъ козакованье, или придворную политику, или же панское домонтарство,—ничего не извѣстно; а извѣстенъ уже изъ позднѣйшей его эпохи, когда онъ былъ далеко за поворотомъ лѣтъ, слѣдующій характеристическій фактъ, разсказанный подробно современнымъ королевскимъ дворяниномъ, Лукашемъ Горницкимъ, который закончилъ хронику свою 1572 годомъ, слѣдовательно за 24 года до объявленія церковной уніи [1]).

У отца Константина-Василія Острожскаго былъ братъ Илья, которому, въ числѣ прочихъ наслѣдственныхъ имѣній, принадлежалъ и знаменитый городъ Острогъ. Онъ умеръ безъ наслѣдниковъ мужескаго пола, поручивъ опекѣ короля Сигизмунда-Августа вдову свою и дочь, очень богатую невѣсту. Еще до своего совершеннолѣтія, она имѣла множество искателей руки ея, но намъ

[1]) Это необходимо имѣть въ виду, чтобы не объяснять сказанія этого современника религіознымъ антагонизмомъ.

извѣстенъ только самый рѣшительный, въ періодъ полнаго ея развитія, князь Димитрій Сангушко. Большой охотникъ до козакованья, онъ водилъ дружбу съ низовцами, и въ то же самое время былъ очень друженъ съ Константиномъ-Василіемъ княземъ Острожскимъ, хотя одинъ изъ нихъ былъ еще молодой человѣкъ, а другой — уже почти старикъ. Острожскій могъ имѣть свой разсчетъ въ дружбѣ съ Сангушкомъ, если въ человѣческихъ дѣлахъ прежде всего надо искать тайной работы ума, власти и силы. Ему было тогда уже подъ пятьдесятъ лѣтъ: вдова брата владѣла роднымъ гнѣздомъ его; король могъ выдать молодую княжну Острожскую за человѣка, непріятнаго роду Острожскихъ, пожалуй даже вреднаго: вѣдь мать Сигизмунда-Августа внушила не только сыну, но и Сигизмунду I-му, выкованное въ Италіи правило: divide et impera. Какъ бы оно тамъ ни было, только вдовствующей княгинѣ Острожской доложили однажды, что къ за́мку приближается какое-то войско. Это ѣхалъ къ ней въ гости искатель руки ея дочери. Сангушко писалъ уже къ княжнѣ о своихъ чувствахъ къ ней, но та отговаривалась опекуномъ. Сангушко просилъ позволенія объясниться лично и назначалъ день своего посѣщенія. Ему отвѣчали, что будутъ рады видѣть его, какъ сосѣда. Свита знатнаго пана изъ пятидесяти или даже изъ сотни человѣкъ не озадачивала въ то время никого; но впереди коннаго отряда, скакавшаго къ за́мку весьма быстро, замковая стража различила фигуру князя Василія, какъ называли Константина Константиновича Острожскаго. [1]) Княгиня, видно, знала, съ какимъ умысломъ жалуетъ къ ней кіевскій воевода, маршалъ волынской

[1]) Подъ именемъ *князя Василія* онъ былъ извѣстенъ и въ Турещинѣ. Королевскій посолъ Пісочинскій записалъ въ своемъ дневникѣ, 1602 года 17 мая, какъ въ Бѣлгородѣ пришли къ нему отъ санджака турки и доказывали, что король могъ бы обуздать козаковъ, еслибъ только захотѣлъ, „poniewaz to wszytko ludzie z iego panstwa i tez z dobr kniazia Wasyliowych, kniazia Zbaraskiego i inych panow, poddanych iego.“ (Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. отд. IV, № 71, л. 107).

земли etc. etc. Она велѣла запереть ворота; но не такъ безопасно для замчанъ было повиноваться ей, какъ, можетъ быть, она думала. Гости вломились въ „брону“ бурно.

Мы заимствуемъ подробности этого событія изъ обвинительной рѣчи, произнесенной адвокатомъ вдовы Острожской передъ королемъ. Авторъ хроники, подражая Өукидиду, высказалъ всѣ обстоятельства дѣла и собственныя мысли чужими рѣчами. Онъ, очевидно, раздѣлялъ убѣжденія повтореннаго имъ, якобы по памяти, оратора. Это былъ и деликатный, и безопасный способъ высказаться вполнѣ о такой крупной фигурѣ, какою былъ въ Рѣчи-Посполитой князь Василій. Ораторъ-обвинитель, Станиславъ Чарновскій, говорилъ въ переданной Горницкимъ рѣчи, будто-бы нѣсколько человѣкъ убито при вторженіи въ зáмокъ. Онъ прибавилъ даже, будто-бы натискъ на замчанъ былъ таковъ, какъ бываетъ въ то время, когда кто-нибудь возьметъ зáмокъ третьимъ или четвертымъ штурмомъ, съ тѣмъ чтобы помститься въ немъ serdzistym sercem за кровь брата, товарища, друга своего и оказать этимъ послѣднюю услугу помершей душѣ. Но противная сторона возразила, что съ князьями было только около сотни всадниковъ, тогда какъ въ Острожскомъ зáмкѣ, кромѣ людей, которые постоянно „живутъ на Острогѣ“, кромѣ урядниковъ, домовниковъ, пѣшихъ и самого двора княгини, насчитывается болѣе тысячи коней. Князь Василій потребовалъ ключи отъ замковыхъ воротъ и отъ всѣхъ строеній; а потомъ, будто-бы, предалъ зáмокъ грабежу и буйству своихъ спутниковъ. Всѣ эти дѣйствія не представляютъ достаточныхъ основаній необходимости своей, на сколько намъ извѣстно положеніе одной и другой стороны; а потому мы принимаемъ ихъ за цвѣты ораторскаго краснорѣчія; дѣло, навѣрное, не выходило изъ предѣловъ козацкой попойки. Интересны только слова о козакованьѣ, которыми Горницкій, вѣроятно, противникъ козачества, хотѣлъ уколоть обоихъ князей: „A nie dziw: albowiem iaka wstrzymałość, iaka miara w tych ludziech bydź mogła, ktorzy

dla rozhełzaney woli swoiey, dla chciwości, dla rozpusty w kozactwo się udali“? [1]) Но потомъ слѣдуютъ такія обвиненія, которыхъ никто бы не осмѣлился импровизировать въ присутствіи королевскаго ареопага, да и самая баниція князя Сангушка, а вслѣдствіе баниціи смерть, показываютъ, что они были не голословныя [2]).

Мы сохранимъ послѣдовательность этого сказанія. Явясь съ женихомъ къ дамамъ, князь Василій произнесъ длинную рѣчь, что̀ было во вкусѣ польскаго общества [3]) и согласуется съ писаніями Острожскаго. Онъ распространился о природной опекѣ своей надъ племянницею, выставлялъ доброжелательство свое къ ея дому, объяснялъ, что воля его въ настоящемъ случаѣ идетъ отъ самого Господа Бога, что онъ обѣщалъ руку княжны своему молодому пріятелю, далъ ему слово и пріѣхалъ для того, чтобъ

---

[1]) И не удивительно: ибо какая сдержанность, какая умѣренность могла быть у людей, которые, ради необузданнаго своевольства, ради жадности, ради разврата, вдались въ козачество?

[2]) Судебныя рѣчи, pro и contra, приведенныя Горницкимъ, весьма интересны, какъ произведенія замѣчательнаго ораторскаго искусства и какъ характеристика вѣка и общества. Для насъ, изучающихъ старину свою по юридическимъ бумагамъ, онѣ драгоцѣнны, какъ живой голосъ среди нѣмого архива. Авторъ „Русской Исторіи въ Жизнеописаніяхъ“ отозвался о князѣ Константинѣ Константиновичѣ Острожскомъ слѣдующими словами: „Въ *молодости* своей, *какъ разсказываютъ*, онъ заявлялъ себя въ домашней жизни не совсѣмъ благовиднымъ образомъ: такъ, между прочимъ, онъ помогъ князю Димитрію Сангушкѣ увезти насильно свою племянницу Острожскую“. — Слова: „какъ разсказываютъ“, можно такъ понять: что это, пожалуй, и выдумка. Скептицизмъ бываетъ иногда полезенъ въ историческихъ изысканіяхъ; но, кто въ третьемъ, исправленномъ изданіи книги своей, ссылается на малорусскія лѣтописи въ томъ, что *первые* запорожцы, при вступленіи въ Сѣчь, обѣщали ходить въ церковь (см. выше примѣчаніе на стр. 67), тому никакъ ужъ не приходится заподазривать свидѣтельство современника о томъ, что̀ происходило въ его сферѣ, и что̀ онъ имѣлъ полную возможность видѣть и слышать.

[3]) Папскій нунцій Гоноратъ Висконти разсказываетъ, что поляки отличаются охотою говорить рѣчи, и что даже въ домашнихъ бесѣдахъ, когда одинъ говорилъ, другіе весьма внимательно слушали его; потомъ произносилъ рѣчь другой собесѣдникъ, и этакъ проходило у нихъ все время въ произнесеніи другъ передъ другомъ рѣчей.

дѣло сдѣлалось такъ, а не иначе. Женихъ, съ своей стороны, представилъ права на вниманіе высокорожденной невѣсты, упомянулъ о своихъ заслугахъ Рѣчи-Посполитой въ качествѣ пограничнаго воина, выставилъ свое богатство, силу, пріятелей своихъ, рыцарскую фигуру, мужество, лѣта [1]) и, подобно своему свату, заключилъ рѣчь увѣренностью, что иначе, какъ согласіемъ, это дѣло не кончится.— „Какъ"! отвѣчала оскорбленная княжна: „неужели этимъ способомъ обращаются къ друзьямъ или ищутъ дружбы"? Отъ горя и предчувствія самаго ужаснаго, что̀ должно было слѣдовать за такимъ приступомъ, она впала въ обморокъ. Ее привели въ чувство; она продолжала высказывать свое негодованіе; она не хотѣла слышать о бракѣ; она защищалась волею короля, единственнаго опекуна своего. —„Мы тебя и просить не станемъ", сказалъ наконецъ дядя и, подойдя ближе, взялъ ее за руку. Княгиня Острожская ухватила дочь за другую руку, но онъ оттолкнулъ ее довольно безцеремонно и, передавая невѣсту жениху, сказалъ: „Возьми ее отъ меня; моя тутъ власть: я дядя". Если вѣрить всему разсказу, княгиня упала отъ толчка на полъ; потомъ обратилась къ своимъ слугамъ съ упреками и угрозами, требуя защиты правъ своихъ. Но, видно, князь Василій въ домѣ предковъ своихъ былъ сильнѣе огорченной невѣстки. Онъ заперъ ее въ боковой комнатѣ и велѣлъ позвать священника, чтобы тутъ же и обвѣнчать молодую чету. Священникъ осмѣлился просить отсрочки до утра, въ виду того, что и княгиня можетъ спокойнѣе обсудить сдѣланное предложеніе, и сама невѣста придетъ, можетъ быть, къ болѣе благосклоннымъ чувствамъ. Но князь Василій загремѣлъ на него: „Не на совѣтъ пригласили тебя, попе! Если не хочешь дѣлать, что̀ тебѣ велятъ, такъ эта булава принудитъ". Подъ вѣнцемъ, княжна Острожская громко протестовала, обращаясь къ служилой шляхтѣ, и не хотѣла отвѣчать на вопросы

[1]) Напомнимъ читателю подобную рѣчь любезнаго всѣмъ балагура, пана Паска (Pamiętniki Chrizostoma Paska), передъ своею невѣстою.

священника. Дядя отвѣчалъ за племянницу, какъ дѣлаютъ при крещеніи дѣтей.

Потомъ обвинитель Острожскаго разсказалъ королю и сенаторамъ, какъ два пріятеля совершили застольный пиръ, точно все обстояло благополучно, точно невѣста не рвалась за столомъ, какъ татарская плѣнница, а послѣ пиршества, съ средневѣковою грубостью нравовъ, фактическій бракъ. [1]) Еслибы то, что̀ сообщаетъ Горницкій, не было произнесено Чарновскимъ передъ королемъ и панами рады, онъ не осмѣлился бы написать подобнаго скандала въ хроникѣ, изъ уваженія къ шляхетской чести князя Острожскаго и князя Сангушка, которая для поляка того времени составляла святыню святынь. Еслибы подобное „дѣланіе непочестныхъ речей съ бѣлами головами“ не было въ духѣ времени, въ характерѣ обвиняемыхъ лицъ и въ соотвѣтствіи съ показаніями свидѣтелей, то самая чудовищность обвиненія заподозрила бы жалобу

[1]) Привожу текстъ обвиненія: „Gdy xiężna miasto pokarmow łzami się karmiła, boiąc się tak stryi, iako i ten nowy gwałtowny małżonek, żeby nie zamieszkali, kazali pachołkom wyniść z komnaty, za ktoremi ostatni stryi wyszedł. Co gdy się stało, uboga xiężna, iako przed kapłanem, tak i tu broniąc poczciwości swoiey, była tak silna xiędzu Dymitrowi, iż sług na ratunek zawołać musiał: przy oczu ktorych iako się pastwił nad xiężną poddaną W. K. Mci, ubogą sierotą, wnuczką onego sławnego hetmana Konstantego, corką cnotliwego Iliego, uszy święte W. K. Mci nie dopusczą mi wypowiedzieć. Nie tylko z poczciwą żoną żaden cnotliwy małżonek tak się nie obchodził, ale ani z ową, ktora wstyd zaprzedała.... Ehey xiężę Wasylu, gdziekolwiek iest, ku tobie mowię: i mogłżeś ty przewieść na sobie, abyś to czynił nad synowicą twoią, czego by żaden poczciwy nad niewolnicą swą uczynić nie chciał? I mogłżeś zdrowym okiem na to patrzyć, gdy synowica twoia tak wele łez wylewała? mogłżeś to wycierpieć a nie wezdrnąć się, gdyś słyszał wrzask iey w komnacie, a wiedziałeś, iż nie sam tylko Dymitr był z nią w łożnicy? Czyś tego nie wiedział, iż iako stryi synowicy iest drugim oicem, tak stryiowi synowica iest drugą corką? I także u ciebie był wielki Dymitr, także u ciebie był miły, iż dla wypełnienia pochoci iego cielesnych, dla wywyższenia domu iego, dla zbogacenia iego osoby, miałeś zhańbić dom twoy, synowicę ku pośmiechu, siebie w niebezpieczeństwo czci i żywota wprawić? Nie bardzoś tego ganię, iżeś tu na sąd nie stanął, wiedząc iż przy boku Paskim ci siedzieć mieli, którzy są przyiaciołmi cnocie, uczciwości, wstydowi, a okrutni nieprzyiaciele morderzom, gwałtownikom, bezbożnikom...“

предъ лицемъ королевской рады, и она не была бы уважена. Но, видно, убѣдительны были представленныя доказательства: королевская рада не согласилась даже на отсрочку суда, просимую адвокатомъ противной стороны, и тутъ же король произнесъ приговоръ, лишавшій князя Сангушка чести и защиты закона.

Послѣ этого фамильнаго дѣла, водворившаго князя Василія въ знаменитомъ городѣ Острогѣ, мы встрѣчаемъ имя его въ такомъ дѣлѣ, отъ котораго зависѣла вся будущность Польши и Руси, — въ съѣздѣ на Люблинскій сеймъ 1569 года. Здѣсь польскіе паны сватали нашу отрозненную Русь такъ точно, какъ двое друзей — княжну Острожскую. При посредствѣ короля, они настояли на „добровольномъ" соединеніи несоединимаго, нужды нѣтъ, что пришлось „свободныхъ къ свободнымъ, а равныхъ къ равнымъ" присоединять замыканьемъ городскихъ бронъ, лишеніемъ должностей, королевскою немилостью и наконецъ силою оружія. „O wolności polska"! восклицалъ ораторъ передъ королевскимъ ареопагомъ по дѣлу Сангушка и Острожскаго: „i taż się więc przed obcemi narody chlubuiemy? Nędzna nasza wolność w Polscze, w ktorey iest tak wiele swywoli"! [1]) Эти самыя слова повторялись русинами въ запертомъ Люблинѣ. Но князь Острожскій не подалъ голоса противъ знаменитаго присоединенія, которое, по словамъ поляковъ, распространило благодѣянія польской свободы на всю Литву и Русь, а по суду исторіи, водворило въ Литвѣ и Руси на мѣсто русскаго, польское право, которое пролило рѣки польско-русской крови и до нашего времени сохраняетъ вредное для общества вліяніе свое. Князь Острожскій одинъ могъ бы отстоять Русь отъ польскаго права, при своемъ политическомъ значеніи въ литовско-русскомъ обществѣ; но онъ и не подумалъ отстаивать.

---

[1]) О польская свобода! и этой свободой мы величаемся передъ чужими народами? Ахъ, какъ бѣдна свобода наша въ Польшѣ, гдѣ такъ много самоуправства!

Вслѣдъ за тѣмъ наступили сеймовыя совѣщанія о козакахъ, которыхъ положеніе, которыхъ воинскія дѣла, которыхъ значеніе для пограничной колонизаціи князю Острожскому были извѣстнѣе, нежели кому-либо изъ магнатовъ. Но мы не видимъ и тутъ слѣда его *русской* дѣятельности: онъ понималъ козачество попольски; идея равноправности была чужда ему. Вмѣсто того, чтобы радоваться этому сильному органу русской автономіи, изнемогавшей въ борьбѣ съ польскою, князь Острожскій заключаетъ съ татарскимъ ханомъ договоръ о поголовномъ истребленіи козацкой колоніи на днѣпровскомъ Низу.

И развѣ это все? Нѣтъ! Въ угоду Баторію, князь Константинъ-Василій широко опустошалъ единовѣрную ему страну за Днѣпромъ до Стародуба и Почепа; опустошалъ единовѣрную страну въ то самое время, когда у него въ Острогѣ печаталась Библія (а ему приписываютъ чувство древняго русскаго благочестія, сознаніе русской народности, покровительство православію!). Онъ дѣйствовалъ тутъ, какъ полякъ. Какъ полякъ, онъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Замойскимъ и противъ партіи Зборовскихъ, которая хотѣла отмстить за смерть Самуила Зборовскаго, запорожскаго гетмана, воспѣваемаго еще и нынѣ въ кобзарской думѣ. Какъ полякъ, отнесся онъ и къ сеймовому закону 1590 года.

Не забыли всего этого козаки, и готовили представить бывшему участнику своихъ походовъ многолѣтній счетъ къ уплатѣ. Сохранилось письменное преданіе, что именно съ 1590 года, когда состоялось грозное, хоть и безсильное, противъ нихъ постановленіе, козаки задумали отмщеніе князю Острожскому, которое осуществилось, наконецъ, подъ предводительствомъ Косинскаго. Если принять за несомнѣнное, что возстаніе козаковъ при Косинскомъ было такимъ началомъ открытой завзятости козацкой противъ пановъ, которое неизбѣжно, даже противъ желанія Косинскаго, должно было имѣть продолженіе, то имя князя Острожскаго на скрижаляхъ польско-русской исторіи обозначится

передъ нами кровавыми буквами. Онъ могъ бы предупредить — и не предупредилъ — столѣтнюю рѣзню между шляхтою и козаками.

Къ чертамъ крупнымъ прибавимъ еще мелкую, но такую, о которой можно сказать, что она очерчиваетъ всего человѣка. Князь Острожскій владѣлъ цѣлою сотнею городовъ и за́мковъ, болѣе чѣмъ 1.300 деревнями и получалъ чистаго годового дохода 1.200.000 злотыхъ, которые въ то время, на коммерческомъ рынкѣ, равнялись нынѣшнимъ рублямъ, а по другимъ извѣстіямъ— до милліона червоныхъ злотыхъ; но при всемъ этомъ онъ оставлялъ за́мки принадлежащихъ ему королевщинъ въ полуразрушенномъ видѣ. На конвокаціонномъ сеймѣ 1575 года онъ просилъ у Рѣчи-Посполитой пособія на починку кіевскаго за́мка и, чтобы склонить сеймъ къ выдачѣ денегъ, доносилъ сеймующимъ панамъ, чрезъ своего сына, отступника Януша, будтобы московскій царь идетъ на Кіевъ съ огромными силами, которыя сосредоточены уже въ Черниговѣ. Съ какимъ презрѣніемъ отвергнуто мизерное ходатайство богатѣйшаго изъ магнатовъ, можно судить по отзыву Святослава Оржельскаго въ его благородныхъ запискахъ. [1]) Но князь Константинъ-Василій ни мало не былъ сконфуженъ отказомъ. Въ 1592 году онъ выпросилъ у сейма свидѣтельство въ томъ, что не по его волѣ Рѣчь-Посполитая не предпринимала починки полуразрушенныхъ укрѣпленій въ Кіевѣ и Бѣлой-Церкви, что на это нуженъ большой коштъ, и что онъ, Острожскій, не въ состояніи и не обязанъ произвести эту починку. Кому покажется страннымъ, какъ могъ Острожскій получить подобный документъ

[1]) Оржельскій: „Godna zastanowienia podłość dzierzawców królewszczyzn, po większej części magnatów, posunięta do takiego stopnia, że niechcieli nawet do skarbu wnosić z powinności należnéj i prawami przepisanéj części dochodów, oraz zamki opatrywać. Tak Wojewoda Kijowski, posiadający z górą 1.300 wiosek, 100 miast i zamków, ani myślał o naprawie zamku Kijowskiego, tamującego drogę Moskwie i Tatarom i leżącego w najobronniejszej pozycji, owszem bezczelnie żebrał o pomoc u Rzplitéj.“

отъ собранія государственныхъ чиновъ, тому совѣтуемъ заглянуть въ англійскій парламентъ передъ закрытіемъ засѣданій; а Польша, въ отношеніи правильности гражданскихъ отправленій, была пониже, даже и во мнѣніи своего потомства, нынѣшней Англіи. Напрасно король добивался послѣ этого, очевидно не зная о существованіи документа въ рукахъ Острожскаго, чтобъ онъ исправилъ пограничные замки: ихъ исправили сами мѣщане, по собственному почину, когда наконецъ умеръ престарѣлый кіевскій воевода. Точно такъ не могъ вытребовать король отъ Острожскаго и подымнаго, котораго за много лѣтъ накопилось на немъ до 4.000 копъ грошей литовскихъ. Между тѣмъ князь Константинъ-Василій платилъ громадное жалованье одному каштеляну за то только, чтобъ онъ два раза въ годъ постоялъ у него за стуломъ во время обѣда. Домъ его былъ вѣчно полонъ гостей, а въ числѣ придворныхъ онъ содержалъ обжору, который изумлялъ всѣхъ количествомъ пищи, пожираемой за панскимъ столомъ.

Въ толпѣ гостей, постоянно окружавшихъ магната, не преобладалъ никакой элементъ: ни русскій, ни польскій, ни православный, ни католическій; ни древнее русское благочестіе, ни новыя вѣроученія германской реформаціи. Это былъ рынокъ, на которомъ предлагались всевозможные товары; это былъ porto franco, куда ввозили безъ осмотра все, что̀ желали пустить въ ходъ. На письменномъ столѣ патрона православія лежали письма Поссевина или другихъ ему подобныхъ вмѣстѣ съ письмами православнаго князя Курбскаго и посланіями аскета съ Аѳонской горы. [1]) Іезуитъ Мотовило былъ любимымъ его собесѣдникомъ. Духовникъ Сигизмунда Католика, Скарга, находилъ у него дружескую помощь въ распространеніи своихъ писаній. Тутъ промелькнула и

[1]) Въ сочиненіи своемъ „Оборона Церкви Всходней", Захарія Копыстенскій говоритъ о князѣ Василіи: „Монаховъ святогорцевъ релии греческои почестно приймовалъ и, прикладомъ отца своего, ялмужну давалъ". (Рукопись варш. библ. гр. Красинскихъ.)

*

зловѣщая личность названнаго Димитрія, едва не погубившаго до конца русскую землю. [1]) Сюда съѣзжались для диспутовъ и пріятельскихъ бесѣдъ представители лютеранства, кальвинства и аріянства. На сколько каждая партія извлекла пользы изъ доступности князя Острожскаго, изъ неопредѣленности его характера,— это ихъ дѣло. Мы только скажемъ, что имя князя Острожскаго столь же громко отзывалось въ Римѣ, какъ въ Москвѣ, въ Царе-градѣ и на Аѳонѣ, потому что вокругъ него увивались представители всѣхъ вѣроученій, точно вокругъ Кіевскаго Владимира. Отъ этого-то берешь теперь съ библіотечной полки одну книгу, положимъ русскую, и находишь въ ней, что князь Острожскій— „главный дѣятель защиты православія противъ католичества", „глава православнаго движенія", и тому подобное, а развернешь латинскую, польскую, или даже нѣмецкую книгу — тотъ же князь Острожскій является приверженцемъ лютеранства, кальвинства, деизма, а современный ему папскій нунцій Маласпина называетъ его прямо атеистомъ. Каждый видѣлъ въ немъ то, что желалъ видѣть, и всѣ, въ данный моментъ и въ извѣстномъ отношеніи, были болѣе или менѣе правы.

Такъ, были правы люди, превозносившіе князя Острожскаго за его пожертвованіе на основаніе греко-славянскаго училища въ городѣ Острогѣ, на заведеніе типографіи и печатаніе богослужебныхъ и другихъ книгъ. Это были, конечно, пожертвованія не-

---

[1]) Между сказаніями объ этомъ современниковъ, сохранилось прелестное изображеніе престарѣлаго князя, нарисованное какою-то наивною личностью оныхъ дней, разумѣется, столь же далекое отъ дѣйствительности, какъ и современная намъ иконографія князя Острожскаго. Лѣтописецъ, воображая, что названный Димитрій былъ Отрепьевъ, говоритъ о немъ и о его товарищахъ слѣдующее: „И пріидоша въ Острозѣполь, и повѣдаша объ ихъ князю Констянтину Констянтиновичу, и повелѣ имъ внити въ полаты своя, и внидоша и поклонишася ему, и видѣху благовѣрнаго князя, сѣдяща на мѣстѣ своемъ, возрасту мала суща, браду имѣя до земли, на колѣнахъ же его постланъ бысть платъ, на немже лежаще брада его". („Сказаніе и Повѣсть еже содѣяся въ царствующемъ Градѣ Москвѣ и о Ростригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ и о Похожденіи его").

маловажныя. Свидѣтели щедротъ богатаго патрона имѣли полное основаніе славословить его. Но другіе, съ такою же основательностью, могли бы восхвалять —и восхваляли—его за то, что̀ мы готовы назвать пустою спесью, магнатскимъ чванствомъ и отсутствіемъ душевнаго благородства. Сумма, которую князь Острожскій платилъ готовому къ услугамъ каштеляну, была, можетъ быть, гораздо значительнѣе той, какая шла на училище, типографію и проч. Въ заведеніи училища, въ распространеніи по Руси богослужебныхъ и другихъ книгъ, естественно, слѣдуетъ предполагать намъ вліяніе на него людей, заинтересованныхъ въ этомъ хорошемъ дѣлѣ: онъ только склонялся на разумныя просьбы. Но въ наймѣ вельможнаго каштеляна для лакейской должности мы видимъ самого князя Константина-Василія, съ его сотнею городовъ и за̀мковъ, съ его милліономъ червонцевъ годового дохода,—того самого князя Василія, который дорожилъ титломъ опекуна родныхъ своихъ такъ точно, какъ и князь Іеремія Вишневецкій.

Еще превозносятъ князя Острожскаго за его протесты, за окружныя посланія, за участіе или даже починъ въ шумныхъ и грозныхъ съѣздахъ для защиты православія. Но мы не знаемъ, самъ ли князь Острожскій писалъ, или только подписывалъ сочиненные для него попами бумаги; а хотябы и самъ, то слова словами, а дѣла дѣлами. Когда нужно было вломиться въ за̀мокъ Острогъ и выдать насильно племянницу замужъ, князь Константинъ-Василій не посмотрѣлъ на гнѣвъ короля и на приговоръ его рады, столь грозно поразившій маленькаго магната, князя Сунгушка. Но въ православномъ движеніи онъ ограничился угрозами, что соберетъ 15.000 или даже 20.000 войска, и не собралъ ни одной тысячи. Относительно православія онъ былъ такой же панъ, какъ и тѣ, которые пошумѣли на варшавскомъ сеймѣ въ 1585 году,—не выше и не ниже ихъ. Онъ выслушивалъ просьбы и жалобы благочестивыхъ мѣщанъ, вслѣдъ за тѣмъ бесѣдовалъ съ послѣдователями аріянскаго ученія, или съ іезуитами, а потомъ

любовался обжорою, который поражалъ его застольниковъ чудовищнымъ аппетитомъ своимъ, и все это у него одно съ другимъ какъ-то ладилось. Съ одной стороны, молва трубила о его благородной щедрости, а съ другой — лежатъ передъ нами письменныя свидѣтельства о его безстыдной скаредности. О чомъ его просили, услаждая, конечно, панскій слухъ подобающею лестью, то онъ дѣлалъ охотно: [1]) онъ даже подчинялся дружескимъ укоризнамъ и совѣтамъ такихъ людей, какъ знаменитый князь Курбскій, — почти въ такой, однакожъ, мѣрѣ, какъ и внушеніямъ іезуита Скарги; но гдѣ дѣло само о себѣ вопіяло, такъ князь Острожскій былъ обыкновеннымъ польско-русскимъ паномъ. Такимъ вопіющимъ дѣломъ былъ, между прочимъ, Кіевъ, столица его воеводства, колыбель православія, собраніе священныхъ для русскаго человѣка памятниковъ. Острожскій оставлялъ его въ совершенномъ запустѣніи съ его древними церквами, не смотря на важное значеніе его и въ стратегическомъ отношеніи; онъ спокойно выслушивалъ упреки въ этомъ еще отъ Сигизмунда Августа, потомъ отъ Сигизмунда III; онъ смотрѣлъ равнодушно на городъ, о которомъ даже иновѣрцы отзывались въ его время, какъ о музеѣ драгонѣнныхъ древностей.

Соединеніе всѣхъ приведенныхъ здѣсь обстоятельствъ даетъ понять, что, если у князя Константина Константиновича или Константина-Василія Острожскаго былъ интересъ, характеризующій

---

[1]) Въ коротенькой лѣтописи, написанной по смерти Богдана Хмѣльницкаго, такая роль Острожскаго проглядываетъ даже сквозь воображеніе несвѣдущаго въ дѣлахъ міра сего писателя. Онъ говоритъ: „Въ то время въ городѣ Острогѣ великій князь Константинъ Ивановичъ (лѣтописецъ не зналъ, что такъ звали князь-Васильева отца) Острожскій, неисчетнаго богатства и добродѣтели мужъ, благочестивъ-же и многомилостивъ. Тогда въ хоромахъ своихъ на Пещанкѣ въ уединеніи, работой королевской и вѣрой прилежно занимался. И явились къ нему бояре и князи кіевскіе, и говорили князю Константину, же треба искусителямъ языкъ отсѣщи и оружіе отнять. Здѣсь и сеймъ совершили, и нарядъ нарядили во всю Украину, въ города и села, како противостати оскорбителямъ православныя вѣры и всего народа рускаго“.

его съ особенною выразительностію, то этотъ интересъ былъ вовсе не борьба съ латинствомъ или уніею за православіе, и что, если у него былъ какой-нибудь характеръ, то вовсе не такой, который бы помогалъ ему играть роль, желательную для его біографовъ. Біографы этого жалкаго старика, надѣлавшаго безсознательно очень много вреда русскому дѣлу, простираютъ нѣжность къ нему до смѣшного. На примѣръ, они разсказываютъ, какъ Острожскій пригласилъ знаменитаго ученаго, бывшаго ректора падуанскаго университета, грека Никифора, присутствовать на брестскомъ соборѣ 1596 года, въ качествѣ намѣстника цареградскаго патріарха. Партія Замойскаго, который па ту пору былъ въ ссорѣ съ Острожскимъ, обвинила Никифора въ самозванствѣ, въ шпіонствѣ, даже въ чернокнижіи. Князь Острожскій защищалъ его передъ королемъ и сенаторами, но вышолъ изъ терпѣнія, наговорилъ королю грубостей и удалился изъ собранія, оставивши своего гостя въ рукахъ враговъ его. Король, изъ политическаго разсчета, послалъ вслѣдъ за взбалмошнымъ старикомъ зятя его Радзивила; тотъ убѣждалъ его успокоиться и говорилъ, что король обѣщалъ освободить Никифора. „Нехáй вінъ ёго зъисть“! отвѣчалъ Острожскій, и не вернулся въ залу суда. Никифора посадили въ Маріенбургскую крѣпость, гдѣ онъ и скончался, а князь Острожскій помирился съ Замойскимъ. Ни одинъ изъ нашихъ историковъ не указалъ на этотъ фактъ, какъ на предосудительный. „Заступнику православія“ все у нихъ позволительно.

Прибавлю еще одну черту нашей исторіографіи по отношенію къ Острожскому. Князя Василія обвиняли въ подстрекательствѣ козацкихъ купъ на грабежъ имѣній тѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ пановъ, которые содѣйствовали церковной уніи. Не извѣстно, до какой степени онъ участвовалъ, конечно, чрезъ своихъ кліентовъ, въ подстрекательствѣ; но историческій судъ въ его пользу опирается у насъ на слѣдующемъ аргументѣ: „Острожскій, въ своихъ письмахъ къ зятю Радзивилу, жаловался, что на него

клевещутъ, и свидѣтельствовался Богомъ въ своей невинности... Въ самомъ дѣлѣ (замѣчаетъ съ катехизическою наивностью историкъ) нѣтъ основанія утверждать, чтобъ старикъ преклонныхъ лѣтъ рѣшился такъ нагло лгать, употребляя въ дѣло такія средства". Достопочтенный трудолюбецъ могъ бы прослѣдить по книгамъ порокъ лжи въ историческихъ личностяхъ и удостовѣриться, что онъ гораздо свойственнѣе преклонной старости, нежели цвѣтущимъ лѣтамъ юности или мужества. Украинскій народъ глубже вглядѣлся въ жизнь, складывая пословицу свою: *старо́му брехáти, а багáтому крáсти*, хотя онъ не имѣлъ понятія ни о Сикстѣ V, ни о нашемъ землякѣ Мазепѣ со стороны притворства, ни о множествѣ такихъ личностей, какъ Меттернихъ и Талейранъ, которые отнюдь не дѣлались чистосердечнѣе, по мѣрѣ того какъ старились и дряхлѣли. По свойству своей природы, по своему политическому и соціальному положенію, князь Острожскій долженъ былъ играть различныя роли передъ различными людьми. Развѣ это рѣдко встрѣчается въ исторіи? Что княземъ Острожскимъ пугали враговъ православія, что съ нимъ вездѣ носились и преувеличивали тѣ или другія стороны его дѣятельности, это такъ натурально въ тогдашнемъ положеніи русской церкви и русскаго общества; но принимать молву XVI и XVII вѣка въ буквальномъ смыслѣ, при нынѣшнемъ развитіи исторіографіи, значитъ—возвращаться въ лѣтописный періодъ науки. Сами хвалители князя Острожскаго и подобныхъ ему дѣятелей, въ концѣ концовъ, должны согласиться съ авторомъ этой написанной попросту книги, что православіе напрасно устремляло на нихъ „исполненныя ожиданія очи": ничего не дождалось оно отъ тѣхъ людей, которые до сихъ поръ, по старой памяти, слывутъ передовиками религіознаго движенія въ XVI и XVII вѣкѣ, и всѣхъ меньше дождалось оно отъ князя Острожскаго. Онъ съ двадцати тысячъ войска съѣхалъ подъ конецъ жизни на то, что благочестиво совѣтовалъ Львовскому братству терпѣть, терпѣть и терпѣть.

Но за то и унія далеко не имѣла такихъ успѣховъ, на какіе разсчитывали католики, и какіе приписываются ей въ наше время. Интимныя сношенія папскихъ легатовъ, или нунціевъ, съ римскою куріею, сдѣлавшіяся нынѣ явными, показываютъ, что захватъ церковныхъ имуществъ, подъ эгидою фанатика короля, былъ скорѣе предметомъ страха, нежели радости, для сторонниковъ Рима въ отрозненной Руси. Въ инструкціи, данной нунцію Ланчелотти, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ его предшественниками, говорится, что, по объявленіи уніи, къ ней „пристало мало духовенства, а еще меньше народу". Въ двадцатипятилѣтіе, истекшее съ того времени, получены римскою куріею прискорбные для нея результаты религіозной дѣятельности короля, сената и католической шляхты, не смотря на то, что въ это двадцатипятилѣтіе уже лилась кровь изъ-за уніи, и что унія имѣла знатнаго мученика въ лицѣ Грековича, намѣстника унитскаго митрополита. Онъ былъ утопленъ въ проруби на Днѣпрѣ запорожскими козаками, противъ Видубицкаго монастыря, подъ Кіевомъ. Козаки раздѣли его донага и, бросая въ воду, примолвили съ трагическимъ сарказмомъ: „Благáй пáпу, нехáй тебé ряту́е". Несчастный силился выбраться изъ проруби, хватаясь за окраны, но козаки обрубили ему руки. Прискорбіе римской куріи о безуспѣшности уніи выражено въ конфиденціальномъ документѣ слѣдующими словами: „Пожалуй, есть (на Руси) и епископы, и пастыри унитскіе, но почти безъ паствы, а къ тому пребываютъ они въ большомъ страхѣ, чтобъ не прогнали ихъ и не отняли церквей, отобранныхъ у дизунитовъ. Умнѣйшіе изъ епископовъ (въ Римѣ) предвидятъ много злого отъ уніи и думаютъ, что было бы лучше, когдабъ ея вовсе не было. Всего больше печалитъ унитскихъ архіереевъ опасеніе, какъ бы имъ не остаться одинокими, когда ихъ покинутъ немногіе изъ ихъ послѣдователей, а новые сдѣлаются тогда еще упорнѣе (въ старой своей вѣрѣ) и къ нимъ не пристанутъ". По свидѣтельству нунція Торреса, въ 1620 году,

въ нашей отрозненной Руси было два архіепископства и шесть епископствъ унитскихъ. Въ этихъ епархіяхъ насчитываетъ онъ 13 монастырей, въ которыхъ находилось всего только до 200 монаховъ, „не болѣе 200“.—„Много и другихъ монастырей въ этихъ епархіяхъ“, прибавляетъ онъ, „но они заперты по неимѣнію монаховъ, тогда какъ у дизунитовъ только въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей до 800 монаховъ“. Въ 1621 году насчиталъ Торресъ унитскихъ церквей въ польской-литовской Руси 2.169, а дизунитскихъ, то есть православныхъ, только 1.089; но, судя по тому, что пастыри унитскіе оставались безъ паствы, надобно думать, что отобранныя у православныхъ церкви стояли пусты, и что, слѣдовательно, дѣло уніи ограничивалось только захватомъ имуществъ, приписанныхъ къ церквамъ и монастырямъ. „Не возможно выразить“, говоритъ тотъ же нунцій, „какъ русскій народъ ненавидитъ латинцевъ. Увидавъ ксенза, плюютъ на землю съ досады и омерзѣнія. Оттого немногіе переходятъ въ унію, и труднѣе отклонить ихъ отъ ихъ вѣры, нежели лютеранъ и кальвинистовъ“.

Кто же останавливалъ успѣхи уніи? кто ей такъ сильно противодѣйствовалъ?

ГЛАВА X.

Заслуга польской конституціи передъ просвѣщеніемъ Руси. — Аскетическое начало въ поддержаніи падающей церкви.—Защита церковнославянскаго языка.—Монашество, какъ связь между народомъ и церковію.—Изображеніе панскаго элемента передъ народомъ, съ монастырской точки зрѣнія.—Нравственная поддержка мѣщанства въ качествѣ церковныхъ братчиковъ.—Защита монашества отъ осмѣяній и хулы.—Значеніе Аѳонской горы въ исторіи русской церкви.—Обличеніе унитскихъ іерарховъ.—Оправданіе распоряженій цареградскаго патріарха.—Сопоставленіе папизма съ православіемъ.

Главная цѣль уніи со стороны католическаго духовенства состояла въ томъ, чтобы захватить въ свои руки церковныя имущества, посредствомъ которыхъ оно могло бы править умами и совѣстью русскаго дворянства, слѣдовательно — какъ оно думало — и народа. Главное побужденіе къ уніи со стороны русской іерархіи заключалось въ желаніи освободиться отъ власти міряпъ, отъ ихъ надзора и вмѣшательства въ церковныя дѣла. Главная причина противодѣйствія уніи со стороны мѣщанъ и ихъ убогаго, гонимаго духовенства таилась въ надеждѣ сохранить предковскую вѣру, спасти отеческія преданія, отразить вторженія въ свои святыни пришельцевъ и отступниковъ. Два лагеря вооружились противъ одного рѣшимостью одолѣть непослушныхъ, браздами и уздою востягнуть противящихся тому, что для папистовъ было болѣе нежели свято. Предоставляю судить моему читателю, на чьей сторонѣ было больше естественныхъ правъ, этого основанія всякаго могущества, и больше духовности стремленій, слѣдовательно и

энтузіазма, который въ дѣлѣ религіи и общественной самостоятельности значитъ все, и безъ котораго въ этой области жизни не выигрывался еще ни одинъ призъ.

Русскіе паны, Ходкевичъ и Острожскій, сдѣлали великое дѣло, давъ у себя пріютъ бѣжавшему изъ Москвы типографскому искусству, которое вслѣдъ за ними поддержали и распространили церковныя братства. Въ то время типографіи не были простою фабрикаціею книгъ, какъ нынѣ: это были сборища энтузіастовъ которые, какъ-бы предчуствуя, къ чему искусство ихъ приведетъ человѣчество, работали изо всѣхъ силъ и достигали высшаго умственнаго развитія, какое только было возможно въ ихъ убогой средѣ. Они, силою энтузіазма, сопровождающаго всякое новое дѣло жизни, увлекали за собой и преданныхъ множеству пріятныхъ занятій аристократовъ, и подавленныхъ множествомъ тяжкихъ заботъ мѣщанъ. Тотъ сильно ошибется, кто типографское движеніе станетъ приписывать патронамъ: это было такое же дѣло кліентовъ, какъ и алхимія, которая, послуживъ во времена оны приманкою магнатскому корыстолюбію, выработала для мозольныхъ рукъ нашего времени безцѣнную науку. Типографія льстила гордости панской, давала широкій ходъ во всѣ стороны панегирикамъ, которые въ тѣ времена казались почти такою же вѣрною славою, какою въ наше время считается (съ одинаковой наивностью) слава литературная. Паны вмѣняли себѣ въ униженіе домогаться ученыхъ степеней наравнѣ съ людьми низшими, но принимали охотно славу, которую ковали для нихъ многоученые и хитроумные труженики. Они величались осуществленіемъ чужой мысли, какъ величается каждый изъ насъ образованностью, которая въ сущности есть не что иное, какъ присвоеніе себѣ чужой умственной работы, чужого умственнаго капитала. Но и за то спасибо имъ, что не поступили они съ бѣглыми типографами по-московски. Въ этомъ случаѣ наша современность должна ударить челомъ передъ польскою конституціею,

которая, хлопоча въ пользу своекорыстнаго вельможества, выработала для Польши, Литвы и отрозненной Руси благородное начало терпимости. Подъ ея широкимъ кровомъ, дававшимъ больше простора наглому эгоизму шляхетской массы, нежели самоотверженности скромныхъ клiентовъ этой массы, нашолъ себѣ прiютъ русскiй гуманизмъ, на сколько могъ онъ проявиться въ русскомъ обществѣ. Заблудово, Острогъ, Львовъ, Вильно, а потомъ Кiевъ и много другихъ мѣстъ, пришли къ единству русскаго самосознанiя посредствомъ типографовъ. Какъ въ старину монастырскiе иноки не дали русской землѣ впасть въ областную замкнутость и исключительность, такъ эти апостолы „нѣмой проповѣди", сообщаясь и лично, и посредствомъ работъ своихъ другъ съ другомъ, сблизили Литву съ Червоною Русью, а Украину съ ними обѣими. Никакiя преслѣдованiя со стороны законной власти, дѣйствовавшей, гдѣ можно, беззаконно, не унимали жару, съ которымъ они предавались своему дѣлу. Они поступали по заповѣди божественнаго Учителя: „Когда васъ будутъ гнать въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой". Они тѣсно связали дѣло свое съ людьми науки и религiознаго движенiя. Спасаясь изъ заключенiя черезъ дымовыя трубы, ихъ партизаны являлись внѣ городовъ, среди охранительной толпы народа, и возвѣщали пришествiе въ свѣтъ лучшихъ людей, лучшихъ учителей церкви, лучшихъ правителей общества. Почти всѣ имена этихъ людей забыты; но каковы они были и какъ дѣйствовали, историкъ видитъ по сравненiю слѣдующаго поколѣнiя съ предыдущимъ.

Наши философы, выросшiе на всемъ готовомъ, отзываются съ нѣкоторымъ пренебреженiемъ о тогдашнихъ писателяхъ, называютъ авторовъ прочитанныхъ ими сквозь свои очки тогдашнихъ книжекъ „литературными защитниками православiя въ козацкомъ духѣ"; но въ ихъ-то неловкихъ, засоренныхъ всякимъ наносомъ и неизбѣжно заносчивыхъ писанiяхъ скрывался тотъ огонь, который согрѣлъ охладѣвшую кровь русскаго организма и

далъ ей новое обращеніе. Въ красотѣ русскаго слова, въ достоинствѣ русскаго литературнаго вкуса, въ независимости русскаго духа они играли ту темную, но зиждительную роль, какую въ человѣческой красотѣ, граціи и силѣ играетъ незримый аппаратъ, варящій и переваривающій разнообразныя вещества еще грубѣе, чѣмъ по-козацки, для того, чтобы выработать человѣку цвѣтущее здоровье.

Не мое дѣло перечислять произведенія тогдашнихъ перьевъ и типографскихъ станковъ, и не въ такой, какъ предлагаемая мною книга, можетъ имѣть мѣсто подробное разсмотрѣніе ихъ внутренняго смысла, ихъ взаимной связи, ихъ дѣйствія на современное общество и, посредствомъ нисходящихъ поколѣній, на наше отдаленное время. Но произведенія одного пустынножителя тогдашняго, уцѣлѣвшія игрою случая изъ многаго множества подобныхъ, которыя погибли невозвратно, имѣютъ столь тѣсную связь съ изображаемыми мною событіями, что оставить ихъ въ сторонѣ значило бы — отвернуться отъ современной живописи нравовъ, обычаевъ, страстей и злодѣяній. Я ужъ упомянулъ объ аскетическомъ началѣ въ строеніи русской церкви со временъ древнѣйшихъ. Оно было явленіемъ естественнымъ и необходимымъ. Заповѣдь: „не любите міра, ни яже въ мірѣ", громко взывала къ сердцамъ, которыя, по кроткой натурѣ своей, не могли предаваться роскоши полюдья, пиршествамъ среди примитивныхъ грубыхъ обрядовъ брака, оргіямъ на полуязыческихъ тризнахъ. Это были сердца поэтическія, въ лучшемъ значеніи слова. Они повиновались тому движенію, которое выражено въ стихѣ великаго поэта, выхваченнаго польскимъ элементомъ изъ нашей русской среды:

Kochać świat, sprzyjać światu daleko od świata.

Эти отшельники изнуряли себя постами, бдѣніемъ, тяжелыми трудами и лишеніями; они, можно сказать, хоронили себя заживо, въ порывѣ отрицанія прелестей міра сего, ненавистныхъ имъ

въ томъ видѣ, въ какомъ представлялся имъ княжеско-дружинный міръ, полный грабежа, рѣзни, увѣченья; но, силою жажды лучшаго, оказали русской землѣ услугу незабвенную. Правда, что они своею нетерпимостью наготовили даже и нашему времени много страданій; но та же ревнивая и неприступная ни для кого посторонняго нетерпимость сохранила здоровую, дѣвственную чистоту церкви православной, какъ опору великаго русскаго міра, какъ охрану его нравственности въ грядущемъ времени. Правда и то, что эти благочестивые пустынножители оставили послѣ себя тунеядное монашество; но въ сонмахъ тунеядцевъ передали они потомству и дѣйствительныхъ послѣдователей благотворительной, самоотверженной, мудрствующей горняя жизни своей. Малочисленны были ихъ послѣдователи, но тѣмъ неменѣе служили они свѣточами русскому міру среди обнимавшей его со всѣхъ сторонъ тьмы. Таковы были въ сѣверной Руси преподобный Сергій, новгородскій архіепископъ Геннадій, преподобный Нилъ Сорскій, благородный пришлецъ Максимъ Грекъ и великій патріархъ Никонъ. Что значитъ тунеядство Варлаамовъ и Мисаиловъ, какъ мало значитъ оно сравнительно съ той неоцѣнимой пользой, которую принесли дѣлу русской жизни немногіе представители иноческихъ добродѣтелей! Нигдѣ нѣтъ большаго тунеядства, какъ въ Академіи Наукъ. Если сравнить суммы, ею поглощенныя и поглощаемыя со временъ Елизаветы, съ достоинствомъ такъ называемыхъ ученыхъ работъ большей части академиковъ, съ этимъ переливаньемъ изъ пустого въ порожнее; то можно придти въ ужасъ и негодованіе; но трудами такихъ людей, какъ Ломоносовъ и немногіе изъ его нетунеядныхъ преемниковъ, мы „движемся“ въ мірѣ науки и „есмы“ въ собраніи самостоятельныхъ націй.

Отрозненная Русь очутилась въ рукахъ чужеземныхъ монарховъ, и это имѣло такое дѣйствіе на ея монастыри, что люди, желавшіе посвятить себя безупречному богомыслію, удалялись на Аѳонскую гору. Тамъ, среди агарянскаго владычества, они нахо-

дили больше отрады своему пламенному духу, нежели въ отечествѣ преподобнаго Θеодосія Печерскаго. Они были правы въ своемъ выборѣ: они тамъ сохранили жертвенный огонь въ чистотѣ, чтобы, во времена лучшія, перенести его въ Кіевъ и ввѣрить охранѣ новой іерархіи, вышедшей изъ болѣе здоровой народной среды. Въ числѣ такихъ добровольныхъ изгнанниковъ былъ нѣкто Іоаннъ изъ Вишни. Мы уже замѣтили гдѣ-то, что Червоная Русь поставляла для Польши лучшихъ воиновъ, что всѣ коронные гетманы польскіе были родомъ русины. Она дала козакамъ первыхъ предводителей. Она дала церкви первыхъ защитниковъ. Авторъ „Апокрисиса", этого кодекса церковно-соціальной догматики русской, который, по всей справедливости, можно бы озаглавить „Камнемъ Вѣры", былъ землякъ Яна Замойскаго. Сагайдачный и Іовъ Борецкій, сдѣлавшіе великій поворотъ русской церкви къ самодѣятельности, были уроженцы червонорусскіе. Іоаннъ Вишенскій происходилъ оттуда же. Не устояли храбрые Русичи на Поросіи, на Посуліи, на Посеміи; не удержали за собой и Поднѣпрія. Когда „возстогна Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми, и тоска разліяся по русской землѣ", народная сила наша отступила къ горамъ „галицкаго осмомысла Ярослава", которыя онъ въ свое время „подпиралъ желѣзными полками"; но уже не „звонила она въ дѣдовскую славу", не „побѣждала полковъ кликомъ, безъ щитовъ, съ одними засапожниками". И однакожъ тамъ, въ этомъ подгорьѣ, держалось дружинное начало варягорусское, спустя много лѣтъ послѣ татарскаго погрома, и сила русскаго движенія въ періодѣ новомъ началась оттуда. Карпаты и Нева — вотъ два устоя русскаго міра противъ иноземщины. Съ одного конца, со временъ Александра Невскаго, не переставала Русь вырабатывать единодержавіе, съ другого, со временъ „безупречныхъ Геркулесовъ" русскихъ, — равноправность на судѣ: два великія начала, при сліяніи которыхъ, при которыхъ естественномъ взаимодѣйствіи, всѣ ошибки и грѣ-

хи отдѣльныхъ личностей изчезаютъ безслѣдно, путемъ великодушнаго забвенія.

Вотъ съ этого-то южнаго конца Руси, изъ ея подгорья, удалился на Аѳонъ человѣкъ, котораго можно назвать предтечею великихъ личностей, возстановившихъ русскую іерархію въ виду Сигизмунда Католика, въ виду его ультра-католической рады и гремящаго надъ ними ватиканскимъ громомъ папы. До него дошолъ слухъ о зловѣщемъ событіи 1596 года. Ему сообщали паломники о безобразіи представителей русской іерархіи, о смятеніи православнаго міра среди умственнаго и тѣлеснаго разврата, о борьбѣ немногихъ за весь этотъ міръ съ грозною силою соперниковъ и о послѣднемъ упованіи, которое они возлагаютъ на щедраго, великодушнаго, могущественнаго „патрона русской церкви". Добровольный мученикъ нищеты и аскетическихъ лишеній исполнился духа апостольской ревности, и написалъ первое свое посланіе, обращаясь къ другу Скарги, Курбскаго, аріянъ и кальвиновъ, котораго не могъ разсмотрѣть ясно изъ своего подоблачнаго далека, но вмѣстѣ съ тѣмъ обратился и ко „всімъ православнымъ христіянамъ Малôі Россіи, такъ духовнымъ, яко и свіцкимъ одъ вышшого стану и до конечного". Онъ писалъ тѣмъ языкомъ, въ которомъ, для знающаго простонародный южно-русскій, древнеболгарскій и польскій, такъ очевидна борьба абоpигена съ элементами пришлыми. Красоты въ сліяніи трехъ разнородныхъ элементовъ, подъ перомъ Іоанна Вишенскаго, нѣтъ и, по его скудной образованности, быть не могло, но это перо исполнено силы, природнаго краснорѣчія и малорусскаго язвительнаго сарказма. Съ этой стороны письма его съ Аѳонской горы не лишены и для нашего времени увлекательности, а въ свою эпоху они должны были производить вліяніе могущественное и плодотворное [1]).

[1]) Весьма жаль, что мы не знаемъ, гдѣ первоначально найдена рукопись Іоанна изъ Вишни, и какими путями пришла она въ Императорскую Публичную Библіотеку.

На примѣръ, въ тѣ времена подъ славянскій языкъ подкапывались латинцы, утверждая, что латынь имѣетъ будущность, а славянская рѣчь не имѣетъ. Полемику такого рода вели люди, славные своею ученостью и краснорѣчіемъ, каковъ былъ, въ числѣ множества другихъ, іезуитъ Петръ Скарга. Русская молодежь, представлявшая, въ мірѣ интеллигенціи, панскіе наши дома, эта обманчивая spes magna futuri, никла челомъ передъ великими авторитетами, и въ обществѣ распространялось предубѣжденіе противъ библейскаго нашего языка, подобное тому, какое, во времена Фридриха Великаго, существовало въ Германіи противъ нѣмецкаго, во времена Костюшки, въ Польшѣ,—противъ польскаго, а въ наше время, въ Украинѣ, — противъ украинскаго. Предубѣжденіе проникало и въ среду церковныхъ братчиковъ. Они не сознавали въ себѣ столько силы, чтобы постоять за достоинство любезнаго имъ сердцу языка и заградить уста авторитетамъ, которымъ была доступна сфера всего образованнаго свѣта. Одни только греки и латины, казалось имъ, были способны объяснить „всѣхъ вещей дѣйства и причины". Если наканунѣ открытія Америки мудрено было вообразить Америку, то за полтораста лѣтъ до Ломоносова еще труднѣе было найти органическую связь русскаго слова съ церковнославянскимъ, нужды нѣтъ, что дѣло происходило на почвѣ связующаго два элемента языка южно-русскаго, —на почвѣ этой украинской рѣчи, которая и въ наше еще время встрѣчаетъ обскурантизмъ среди учености. Даже польскому языку отдавали тогдашніе русскіе грамотѣи наши предпочтеніе передъ славянскимъ,—тому языку, который не кто другой какъ ихъ же предки вызвали изъ ничтожества, перейдя первые къ нему отъ латинской рѣчи въ исторической литературѣ (Бѣльскій). Часто писали они книги въ защиту славянскаго языка и православія попольски. И дѣйствительно, церковнославянскій

Это указаніе было бы драгоцѣнно для историка, еслибъ оно было сдѣлано Археологическою Коммиссіею при напечатаніи посланій аѳонскаго отшельника.

языкъ былъ труденъ для писателей и невсюду яснъ для публики; по у нихъ, независимо отъ этого языка, была своя живая рѣчь, непротивная языку церковному, много ему обязанная своимъ складомъ и способная, подъ перомъ человѣка талантливаго, сочетаться съ церковнославянщиною въ полнозвучную гармонію. Нѣтъ, они эту рѣчь подтянули къ польщизнѣ, одѣли ее въ польское лохмотье, въ недоноски польской грамотности, и естественно — или робѣли выступать съ этимъ языкомъ на литературное состязаніе съ учеными антагонистами, или выступали съ дерзновеніемъ оборвыша, который ободряетъ себя сочувствіемъ такой же, какъ и самъ онъ малограмотной публики. Все таки не умѣла эта несчастная бурсацкая литература сказать мѣткое и убѣдительное для всѣхъ и каждаго слово въ пользу того языка, на которомъ совершалось грекорусское богослуженіе. У нея, покамѣсть, не было авторитетовъ. Авторитетами для осиротѣлой паствы русской, для изолированныхъ братчиковъ, поддерживаемыхъ только съ виду панами, которыхъ дома уже разъѣдало латинство, авторитетами безпастырной паствы явились аѳонскіе подвижники, и прежде всѣхъ галичанинъ Іоаннъ изъ Вишни. Мѣшая свой мѣстный говоръ съ языкомъ библейскимъ и врожденный сарказмъ съ важностію рѣчи инока, онъ, можно сказать, пророчески высказался не обинуясь, о взаимныхъ отношеніяхъ трехъ языковъ, боровшихся тогда между собою въ живомъ обществѣ братскомъ. [1])

---

[1]) Противъ подлиннаго правописанія Іоанна сдѣлалъ я фонетическія поправки въ тѣхъ словахъ, которыя онъ произносилъ не такъ, какъ стали бы читать его писаніе въ наше время образовавшіеся на литературѣ общерусской и несвѣдущіе въ украинскомъ и галиційскомъ говорѣ. Кто хочетъ удостовѣриться въ вѣрности моихъ поправокъ, тому укажу на церковное чтеніе и проповѣди галицко-русскихъ священниковъ нашего времени, не только тѣхъ, которые прониклись идеею украинскаго самосохраненія въ словѣ (этихъ, покамѣсть, очень, очень мало), но и тѣхъ, которые или вовсе ничего не вѣдаютъ объ украинской литературѣ (этихъ больше всего), и даже тѣхъ, которые изо всѣхъ силъ стараются снискать расположенность противниковъ теоріи Макса-Миллера о непреодолимой для человѣческихъ средствъ формаціи языковъ.

*

„Евангелия и Апостола въ церкві на литургиі простымъ языкомъ не выворочайте, по литургиі же, для вырозуміння людского, по просту толкуйте и выкладайте. Книги церковныі всі и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте: сказую бо вамъ тайну великую, яко дияволъ толикую завистъ имаеть на словенскій языкъ, же ледво живъ одъ гніва; радъ бы его до щеты погубилъ и всю борбу свою на тое двигнулъ, да его обмерзить и въ огиду и ненависть приведеть; и што нѣкоторыі наши на словенский языкъ хулять и не любять, да знаешъ певно, яко того майстра дѣйствомъ и рыганиемъ, духа его поднявши, творять. А то для того диаволъ на словенскій языкъ борбу тую маеть, занеже есть плодоноснійшій одъ всіхъ языковъ и Богу любимійший: понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть кграматикъ, риторикъ, диалектикъ и прочіхъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, диявола вмістныхъ, простымъ приліжнымъ читаннемъ, безъ всякого ухищрения, къ Богу приводить, простоту и смиренне будуеть и Духа святого подъемлеть... Чи не ліпше тобі изучити часловецъ, псалтиръ, октоихъ, апостолъ и евангелие, зъ иншими церкві свойственными, и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вічную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ ся въ жизни сей звати, и въ геену одъити? Розсуди! Ліпше есть ані аза не знати, только бы до Христа ся дотиснути, который блаженную простоту любить и въ ней обитель собі чинить и тамъ ся упокоеваеть.“

Не надъ однимъ церковнославянскимъ языкомъ насмѣхались приверженцы латинства, но и надъ охранителями его. Архіереевъ нашей отрозненной Руси они прибрали къ рукамъ давно; паны сознательно и безсознательно творили волю ихъ; городскихъ поповъ надѣялись они одолѣть съ одолѣніемъ братствъ, а братствамъ предстоялъ вѣрный конецъ съ окончательнымъ, такъ сказать, фактическимъ и юридическимъ переходомъ русскаго дворянства въ католичество; о сельскихъ попахъ они вовсе не думали:

тѣхъ обратить въ унію, а потомъ и въ латинство, воля пана или нагайка его дозорцы. Но вотъ гдѣ была неопреодолимая для нихъ преграда—въ монастыряхъ! Одна кіевская Лавра считала до тысячи монаховъ, и эти монахи собирали медовую и всякую дань въ пользу Кіево-Печерской обители не только въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой, но и по ту сторону московскаго рубежа. Сила экономическая всегда значила много: безъ нея сила нравственная—что душа безъ тѣла. Собираніе дани въ пользу монастырей было, пожалуй, своего рода полюдьемъ, но оно значило много въ противодѣйствіи польскому праву, польскому элементу и притязаніямъ латинской церкви. Въ человѣческомъ низкомъ, для ума проницательнаго, часто таится великое, равно какъ и въ человѣческомъ великомъ изощренный взглядъ часто открываетъ пошлое. Старинные акты свидѣтельствуютъ, что монахи пользовались на своемъ полюдьи, такъ же какъ и изчезнувшіе ихъ друзья, варягоруссы, правомъ, коротко выраженнымъ въ уставныхъ грамотахъ словами: *а ночь пити.* Много, конечно, было и безобразія въ хожденіи честной братіи изъ села въ село, изъ пасіки въ пасіку, но, безъ сомнѣнія, гораздо больше было того, для чего учреждались монастыри и для чего народъ, во всей своей совокупности, постоянно ихъ поддерживалъ. Важность русскихъ монастырей не была невѣдомою представителемъ того учрежденія, которое еще съ 1231 года начало назначать въ Русь епископовъ in partibus infidelium. Они прибѣгали къ самому вѣрному средству: подкопать эти устои древняго благочестія русскаго — къ дискредитованію и осмѣянію монаховъ между людьми благочестивыми. Іоаннъ изъ Вишни отражалъ метаемыя ими стрѣлы съ достоинствомъ аскета и съ неподражаемымъ сарказмомъ русина. Онъ зналъ, чѣмъ взять во мнѣніи своей публики; онъ сознавалъ это силою таланта, а талантъ, это органъ самой публики.

„Чому ся ты, римлянине, сміеши зъ духовного иноческого чина? (писалъ онъ.) Ты же ми, відаю, отповіси, ижъ каптуръ или

страшило на голові носить, што мы зовемо клобукъ, и зась смію́ся, ижъ волосье довге носить; што не кшталтовне, яко въ міхъ, оболокся, и зась поясище нікчемное скурапое, или ременное черевичище, німашъ на што погледіти, или чоботища невытертні, ажъ гадиться погледівши на нихъ; а до того — хлопъ простый; не знаеть и поговорити съ чоловікомъ, коли ёго о што запытаешъ... Тебе жъ, смішнику зъ иноческоі некшталтовноі одежи вопрошу: Что ти ползуеть красная и кшталтовная одежда, коли темница вічная тя зъ нею покрыеть? Что тя ползуеть злотоглавая делія, коли адъ тя зъ нею пожреть? Что тя ползуеть алтембасовый копенякъ, коли геенна въ нідра своя тя зъ нимъ приіметъ?.. Или не відаешъ, смішнику, яко на врожденныхъ женами больщомъ тая мѣхомъ шитая и некшталтовная одежда изображена есть? Облеченъ бо былъ, рече, Іоаннъ въ одежду отъ власъ велблюждъ. То видишъ, ижъ не мовить: убранъ, яко идолъ, але просто: облеченъ, яко покаянию проповідникъ... Если бо царіе, Давидъ и инші, пепломъ головы своі посыповали и веретищемъ ся одівали, и на землі голой ся пометали, и постомъ внутреннюю свою мертвили, и кости своп сушили, каючися передъ Богомъ, яко да получать милость отъ него: а ты што розуміешъ о собі, выбрытвивши потылицю, магерку верхъ рога головного повісивши, косичку или пірце верхъ магерки устромивши и делію на собі перепявши, плече одно вышшие одъ другого накокорічивши, яко полетіти хотячи? Тобі ли покаяния не треба? Віру ми ими, еще больше отъ другихъ потреба, зане дворское злое житие всі границі прироження и цноты гвалтуеть. Досить теды о одежі некшталтовной ся рекло... Уже ступимъ до невытертыхъ черевиковъ или чоботъ. Тые для того такъ инокъ носить, да тебе мирянина одъ себе отженеть и миренъ будеть: бо еслибы красного што на собі носилъ, ты бы на него миленько погълядовалъ, и говорити зъ нимъ прагнулъ, и порожніми бесідами зачепалъ; а въ томъ бы еси ему перешкоду и забаву, мысли отторгаючи отъ памяти Божия, чинилъ. А коли видишъ, ижъ болото

маеть на черевиціхъ, и твоі очи не звикли того смотріти неохендозства, тогды бігаешъ одъ него, мерзячи тымъ неоздобнымъ строемъ; чому онъ и радъ, яко да свободно Богу ся молить... Але стой ты, кривоногий бачмажниче изъ своею кривоножною бачмáгою! Чи можешъ нéю такъ попрати силу вражию, яко тотъ невытертый черевичище? Мнімаю, што тя омилить тая надія. А то чомъ? Для тóго, ижъ сила вражия внутри и въ долині пяты твоея бачмáги седить, и она тоть строй вымислила и съ тебе ся всегда явне сміéть. А трафить ти ся передъ паномъ стояти, але подтыкáеть тя, да переплетаешъ ногами, то тую, то сюю напередъ поставляючи и на пяту зась выворочаючи; а то сила вражия, куды хочеть, ногами твоіми поворочáеть для тóго, ижъ власть въ ногахъ твоіхъ маеть и сама подъ пятою седить. А черевичище невытертое иноково не такъ; але яко стало на одномъ місцю одъ вечора предъ Богомъ на молитву, тогды, яко камень неподвижный, доколь ажъ день освітить, стоить и біси одъ тоі коморки, где ся мóлить, далеко отганяеть... А ты для чóго, брате, посміваешъ инока?.. Или не відаешъ, ижъ житие се плача и подвига есть, а не сміху и утіхи? Всі бо, рече, святыі плачуще изъ мира сего изыйдоша... Или не відаешъ, яко въ томъ житиі, ради которого ты живеши, еще ні въ сні тобі о томъ приснитися можеть? Или не відаешъ, ижъ въ тыхъ многихъ мисахъ, полмисахъ, приставкахъ чорныхъ и шарыхъ, чірвоныхъ и білыхъ юхахъ и многихъ шкляницяхъ и келишкохъ, и винахъ, мушкателяхъ, малвазияхъ, аликантохъ, ревулахъ, медохъ и пивáхъ розмаітыхъ тотъ смыслъ еще міста не маеть? Или не відаешъ, яко въ статутахъ, конституцияхъ, правахъ, практикахъ, сварахъ, прехитренняхъ умъ плывáючий того помысла о животі вічномъ подняти и вмістити не можеть? Или не відаешъ, яко въ сміхахъ, руганняхъ, пражномовствахъ, многомовствахъ, кунштахъ, блазéнствахъ, шидерствахъ розумъ блудячий того помысла о животі вічномъ видіти нікóли ся не сподобить? Или не відаешъ, яко зе псы братство принявшиі,

зъ хорты, окгары, выжлы и другими ку́ндысы и о нихъ пыльность и стиранье чинячи̂, абы имъ бо́ки повны, хребты ровны и гладки были, того помысла о животі вічномъ видіти не можеш? Или не відаешъ, яко на тыхъ гордыхъ бода́віяхъ, ва́лахахъ, дрикгантахъ, ступакахъ, едноходникахъ, колысахъ, лектикахъ, дрожкахъ, карытахъ котчихъ трупъ свой переміняючи, о животі вічномъ мыслити—въмістити не может? Или не відаешъ, яко въ за́мкохъ, містахъ, селахъ, поляхъ, кгрунтахъ, границяхъ розширенняхъ мысль блу́дячая о царствии Божомъ мыслити не может? Или не відаешъ, яко много предстоящимъ гологлавымъ треперными и многоперными макгероносцемъ, шлыко́мъ, ковпако́мъ, ку́чмамъ, высоконогимъ и низькосытымъ слугамъ, дворяномъ воіномъ и гайдукомъ-смертоносцемъ радуючийся о царствии Божімъ не только мыслити, но ні помечтати не может?.. Ныні межи ляхи князі руськиі всі поеретичіли и християнства, истинныя віры, одступили, и еще на слідъ Божий хулять и ропщуть, иночеський чинъ ругають, посміваютъ, злословять, лжуть, клевещуть, судять, мерзять, безчестять и до конця нена́видять, и, учинивши тое плодоносие, еще спастися сподіваютъ! Не надійтеся, не надійтеся спасения, если ся до тыхъ клобуковъ зъ любовию не обратитѐ! Я васъ упевняю и тую тайну вамъ одкрываю: еслибы тыі каптуроносці межи васъ не были, уже бы есте давно погибли, уже бы есте тыі власти давно потратили, уже бы есте тотъ декретъ на Іюдеи Христомъ реченный (се оставляется домъ вашъ пустъ), давно однесли. Але тыі клобучники васъ передъ Богомъ заступаютъ, ижъ милость Божия терпить безбожию вашому, очѐкиваючи васъ, да ся възратитѐ на покаяние и въ первый чинъ благочестия устроите. А еслибы тыі межи вами не были или не будуть, розумѣючи розумійте, ижъ яко слина исчезнете и запустіете.“

Здѣсь остановимся и вставимъ свое слово. Хотя посланіе обращено къ „благочестивому господарю княжаті Василію Острозскому“, но въ немъ не находимъ ни малѣйшей похвалы его

благочестію, никакого упоминанія о его дѣлахъ по вопросу о древней русской вѣрѣ; напротивъ, изобразивъ свѣтскаго насмѣшника надъ иноческою одеждою и просторѣчіемъ, оно прямо переходитъ къ богачу, точно какъ-будто о самомъ князѣ Василіи, а не о комъ другомъ была рѣчь, и возбуждаетъ евангельскій вопросъ: кто можетъ спасенъ быти? и не всѣ ли власти и царіе бывшіе и будущіе погибли и погибнутъ? На этотъ вопросъ оно отвѣчаетъ, что, за исключеніемъ немногихъ, которые извѣстны намъ счетомъ, всѣ прочіе цари и богачи прежнихъ временъ погибли и оставили по себѣ память своихъ дѣлъ на хулу и вѣчное поруганіе. Потомъ предлагаетъ средство спасенія для властелина. Это средство заключается въ уразумѣніи, что гордиться ему нечѣмъ: напротивъ, надобно бояться отвѣта за распоряженіе ввѣреннымъ ему на время богатствомъ; что „хоть онъ и высоко сидитъ и выше всѣхъ глядитъ", но, какъ земля и прахъ, онъ равенъ съ низшими; что смѣшно тѣмъ величаться, что̀ скоро измѣняется и исчезаетъ; что долженъ онъ всѣмъ отворять утробу свою къ милосердію; и что надобно хранить почитаніе, боязнь и стыдъ передъ Богомъ и святыми. Этими чертами дѣятельнаго благочестія анахоретъ какъ-будто хочетъ выразить противоположныя черты, свойственныя личности, къ которой онъ обратился, и даже явно намекаетъ, что, безъ содѣйствія святыхъ, „не можетъ онъ обрѣсти милости Божіей, за забавою власти и распоряженія міромъ". „Этимъ способомъ", продолжаетъ онъ, „можетъ властелинъ король или князь спастись, надѣясь, однакожъ, не на свою добродѣтель мірскую, а на этихъ бѣдняковъ, которые ходятъ въ хвостатыхъ каптурахъ, клобукахъ и мѣшковатой одеждѣ, въ ременномъ поясищѣ и невычищенныхъ черевичищахъ". Тутъ онъ обращается мыслью ко временамъ преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго и рисуетъ его спасительное общеніе съ предками князя Острожскаго: „Такъ и первые благочестивые царіе християнские [въ церковныхъ историяхъ знаходимо] пішо въ пустыню драбантова-

ли и тамъ о Христѣ забавлячихся (проживающихъ) на помочъ или о причину (о ходатайствѣ) къ Богу своею покорою собі еднали, и сухого хліба зъ ними ся причащали, и еще похвалу тому гощенню и честованню тымъ обычаемъ чинили, мовячи: ніколиже, рече, царская многосмышленная трапеза такъ мя не усолодила и въ любовный насытокъ не пришла, якоже твой сухий хлібъ и тое зелійце, честный отче". „А нынѣ", говоритъ онъ вслѣдъ за симъ, „русскіе князья *всѣ* оеретичились между ляхами и отступили отъ христіянства, отъ истинной вѣры". Не выгораживаетъ прямодушный инокъ ни одного, всѣхъ обвиняетъ въ отпаденіи отъ православія, точно какъ-будто зналъ онъ, что de facto не было уже православія и въ домѣ самого Острожскаго. Потомъ насъ поражаетъ въ его строгой рѣчи глубокое уразумѣніе силы, таящейся въ пренебреженномъ богатыми и знатными людьми иночествѣ. „Увѣряю васъ и открываю вамъ великую тайну: еслибы не было между васъ этихъ каптуроносцевъ, то давно бы вы уже погибли, давно бы утратили свои высокія мѣста, давно бы совершился надъ вами приговоръ: се оставляется домъ вашъ пустъ". [1])

Іоаннъ изъ Вишни поучалъ разумѣнію истины своеобразно; его премудрость была убѣдительна для „чадъ премудрости", въ какомъ бы низкомъ званіи они ни прибывали. Самый выборъ простонароднаго языка, попорченнаго, какъ и въ наше время въ

[1]) За этимъ потокимъ грозящаго краснорѣчія, перечисляетъ онъ счастливцевъ міра сего, отвергшихъ „русскую простоту", и въ числѣ ихъ именуетъ князя Константина Острожскаго, „который отвергъ простоту христіянскую и ухватился за мірскую хитрость папской вѣры, точно за привлекательную цацку. Но долго ли такъ пожилъ? исчезъ и пропалъ! А почему плода послѣ себя не оставилъ? Потому, что христіянство погубилъ". Послѣднія слова представляются несообразными. Пишетъ человѣкъ къ Острожскому и говоритъ о немъ, какъ о мертвомъ! До болѣе удовлетворительнаго объясненія этого мѣста въ иноческомъ посланіи, я такъ себѣ толкую его. Іоаннъ получалъ разновременно и отъ разныхъ людей о князѣ Острожскомъ извѣстія словесныя и письменныя. Въ однихъ Острожскаго называли Василіемъ, въ другихъ Константиномъ; въ однихъ его

Галиціи, польщизною и приправленнаго языкомъ церковнымъ, показываетъ, что писалъ онъ не для высшаго класса. Іоаннъ вызывалъ смѣло на бой „прегордую Латину": онъ чувствовалъ за весь народъ. „Съ нами Богъ восточными"! восклицалъ онъ, „разумѣйте, языці и ты, прегордая Латино, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!" Эти слова звучатъ въ нашемъ слухѣ совершенно иначе, нежели звучали изъ устъ аѳонскаго инока въ слухѣ тѣхъ, для кого предназначались. Каждое время имѣетъ свой кличъ, отъ котораго трепещетъ предчувствіемъ или восторгомъ торжества стойкое въ борьбѣ сердце. Для своего времени кличъ Іоанна изъ Вишни былъ спасителенъ. Безъ потрясеній, которыя производилъ въ сердцахъ голосъ, такихъ отшельниковъ, каковъ былъ Іоаннъ Вишенскій, голосъ, пожалуй, дикій, пустынно-пронзительный, но тѣмъ не менѣе вѣщій, безъ того трепета жизни, который возбуждалъ онъ въ обществѣ львовскихъ, виленскихъ, витебскихъ, кіевскихъ братчиковъ, мы бы не дожили до того, что видимъ наконецъ русскую семью почти всю уже собранною и готовящеюся, хоть поздно, пріобщиться таинъ всемірной жизни.

Всего важнѣе было для Іоанна удержать безпастырную паству русскую въ демократическихъ понятіяхъ о ничтожествѣ панскаго превосходства. Онъ топталъ передъ ея глазами гордость богатства и роскоши запыленнымъ и грязнымъ чобочищемъ своимъ; онъ докорялъ вертлявому и пустому отступнику его мнимымъ превосходствомъ. „Чомъ ся сміешъ зъ инока, ижъ онъ не уміеть съ тобою говорити и трактовати? (вопрошалъ онъ)... А што жъ ты

хвалили, хоть не совсѣмъ, въ другихъ прямо причисляли къ тѣмъ, которые, по выраженію народной пѣсни, „пьютъ да гуляють, ляхомъ вырубáютъ". Отпаденіе въ латинство Януша Острожскаго могли смѣшать съ отпаденіемъ Константина. Но что̀ значатъ слова: „плода послѣ себя не оставилъ"? Янушъ Константиновичъ или Васильевичъ дѣйствительно умеръ бездѣтнымъ, но въ 1620 году. Это уже, очевидно, позднѣйшая вставка въ посланіе Іоанна. Іоаннъ писалъ не послѣ 1620 года, а вскорѣ послѣ Брестскаго собора: ибо поводомъ къ посланію послужила присланная ему книжка, изданная противъ „Апокрисиса".

здороваго знаешъ?... и отъ кого ты ся научилъ, да бесідуешъ доброе?... Альбо мнімаешъ, ижъ ся ты чого пожиточного въ замту́зі (въ за́мкѣ) научилъ? албо мнімаешъ, ижъ ты што цнотливого у ку́рвы (проститутки) слышалъ? албо мнімаешъ ижъ ты што богобойного отъ шинкарки навыкъ? албо мнімаешъ, ижъ ты что розсудного отъ дудки и скрипки и фрюярника разобралъ? альбо мнімаешъ, ижъ ты отъ трубача, сурмача, пищалника, шайманика, органисты, рекгалисты и инструментисты и бубенисты што о дусі и духовныхъ річахъ коли слышалъ? альбо мнімаешъ, ижъ ты отъ всіхъ пастыревъ, мисливцовъ или возовозовъ, возницъ или скачемудрець, кухарокъ или пирогохитрцевъ-пекаровъ што о богословиі навыклъ? Чомъ ся ругаешъ, брате дворянине, зъ инока, ижъ невміеть съ тобою говорити?... Што жъ инокъ не уміетъ говорити съ тобою, коли ты иноковы бе́сіды не примаеши и яко песъ встеклый (бѣшенный) отъ своего пожитку и спасения бігаеши? Если зась ты што иноку сказовати хочеши, не маешъ нічо́го таковогo въ скарбі сердца своего, чимъ бы еси его своіми повістьми и до конца отрулъ. Уже бо инокъ отъ твоего смрада твоей премудрости світской свое начиння душеносное очистилъ, твой разумъ, который ты носишъ, изблювалъ, изврацалъ и сплювалъ, и тотъ сосудъ душевный слезами помылъ, по́стомъ, молитвою, скорбми, бідами, трудомъ и подвигомъ выжегъ, вышікъ и выполіровалъ, и новое чистое насіння богословиі посіялъ. И того ли ради, брате милый, ругаеши инока? и того ради дурнымъ зовеши и посміваеши инока?... Или не відаеши, еслибы не вмілъ инокъ съ тобою говорити,—больше его невмілое молчание, нежели твоя изученая философия! Не видишъ ли, ижъ тотъ простинею на пути живота вічного стоить, а ты зъ мудростию мирскою еще на пути погибельномъ стоиши!... Не ругайся, да не поруганъ будеши; не сміися, да не посміянъ будеши; не безчести, да не обезчещенъ будеши".

Съ разныхъ сторонъ подходила польская партія къ иноку,

нельзя ли его низвести съ той высоты, на которой онъ стоялъ во мнѣніи своего народа. Не удавалось осмѣяніе,—старались выставить передъ народомъ сребролюбіе, обжорство и пьянство чернецовъ. Но народъ зналъ чернецовъ со временъ преподобнаго Ѳеодосія; видалъ онъ чернецовъ и на лавкѣ и подъ лавкою, однакожъ сохранилъ убѣжденіе, что они — хранители святыни церковной и указатели пути къ духовной жизни, нужды нѣтъ, что между ними встрѣчаются грѣшники и безобразники. Развѣ изза этихъ уклонившихся отъ пути „Христова (говоринъ Іоаннъ) самый слѣдъ Христовъ и путь живота вѣчнаго уничтожился? Вовсе нѣтъ! Путь Христовъ цѣлъ стоитъ, а погибли только тѣ, которые съ него совратились“. Стоя между своею безпастырною паствою и врагами православія, онъ не даетъ имъ разлучить народъ съ единственнымъ безопаснымъ убѣжищемъ русской вѣры—съ монашествующимъ духовенствомъ, которое не было такъ раздроблено, какъ свѣтское, и стояло фалангами всторонѣ отъ житейскаго торжища. Онъ отвѣчаетъ искусителямъ народа побѣдительно:

„Але зась речеши, яко зло житие маютъ иноки, по кόрчмахъ ходять и упиваються, и по гόдахъ (балахъ) обіды чинять, и приятельство собі зъ мирскими єднають, и до того гроші збирають и на лихву дають? О, если гроші збирають и на лихву дають, а еслибы и на лихву не давали, але при собі ховали, купа до купы привязовали, грошъ до гроша для розмноження прикладали, таковыхъ сміле можешъ назвати тымъ именемъ: Іюда, рабъ и лестецъ, другъ и предатель, образомъ въ апостоліхъ, а діломъ въ зрадцахъ: образомъ въ спасаемыхъ, а діломъ въ пропадаемыхъ, образомъ въ ученикахъ, а діломъ въ продаемыхъ.... А о обідахъ и напиттю, если того грошовою гріха инокъ не чинить и не имѣетъ нічого въ своімъ схованню, а трафиться ему одъ того чрева и одъ того горла звытяжитися, тому ни мало не чюдуйся: и я тому вірую, што трафляется и то въ вашей земли иноку, ижъ часомъ и переночуетъ въ корчмі. Не все бо пшеница въ посі-

ванию ся знаходить, але знайдешъ другую ниву, которая большей куколю, нежели пшеницї народить. Также и межи иноки въ доспїянню на звїтяжство того чрева мало іхъ есть; абовімъ подвигъ и борба есть жизнь тая, которої ты не знаешъ: бо еще еси на войну не вибрався, еще еси доматуръ, еще еси кровоідъ, мясоідъ, волоідъ, скотоідъ, звїроідъ, свиноідъ, куроідъ, гускоідъ, птахоідъ, сытоідъ, сласноідъ, маслоідъ, пирогоідъ; еще еси перипоспалъ, подушкоспалъ; еще еси тїлу угодникъ; еще еси тїлолюбитель; еще еси кровонрагнитель; еще еси перцолюбецъ, кгвоздиколюбецъ, кминолюбецъ, цукролюбецъ и другихъ брїденъ горко и сладколюбецъ; еще еси конфактолюбецъ; еще еси чревобїсникъ; еще еси гортановстекъ (гортанобѣснователь); еще еси гортанокгратель; еще еси гортаномудрецъ; еще еси дитина; еще еси младенецъ; еще еси млекопий. Якъ же ты хочешъ бїду-военника, бьючогося и боручогося, у цїцьки материое дома сидячи, розознати, розсудити?... Не суди жъ, брате, да не осужденъ будеши, и обрати свои очи, помысли на себе самого, якъ ся усправедливишъ Богу зъ того корчмарства, которое всїгды во адї чрева своего носишъ, и которое смачнїйшее пиво, медъ или вино, коштуючи тое, горломъ глытаеши, а которое тобї не любо, тое подлїйшимъ черевомъ возницькимъ, мысливскимъ травишъ и давати повелїваеши... Тому неборакові въ місяць разъ трафиться напитися, и то безъ браку: што знайдеть, горкое ли, или квасное, пиво альбо медъ, тое глощеть, только бы тую поганку утробу наситити моглъ; а по насыщенню зась терпить, въ келию влїзши, доколї ся ему дру́гий такий празникъ трафу́нкомъ намїрить [1]). А въ тебе

[1]) Въ 3-мъ томѣ „Историческихъ Монографій Н. И. Костомарова (стр. 206) приведено мѣсто изъ Іоанна Вишенскаго о монашескомъ чоботищѣ, по сравненію его съ башмаками свѣтскаго щоголя и, между прочимъ, приписываются автору аѳонскихъ посланій слѣдующія слова: „а ты, кривоногій башмачникъ, *на своихъ тоненькихъ подошвахъ переваливаешься съ бока на бокъ*... оттого, что у тебя *въ носкахъ, загнутыхъ къ верху*, бѣсъ сидитъ“. Слова, напечатанныя здѣсь курсивомъ, принадлежатъ кому-то другому, но не Іоанну Вишенскому. Я перечитывалъ при-

што середа, то Рожество череву; а що пятниця, то великдень весілля празнованния жидівського кромі другихъ розрішенныхъ дній, мовлю. А предся себе видіти не хоцеши, але на бідника хулный языкъ вывернулъ еси. А еслибы и такъ было, жеби отъ бісовъ зманеного инока въ корчмі пиючого виделъ еси, однакъ, день обо два забавившися, зась на покуту и плачъ въ келию біжить и за злые два дні 40 дній добрыхъ наміщаеть, постить, алчеть и страждеть, за долгъ гріховный покутою платить и отмщаеть. А ты всігды въ корчмі живеши, и самъ шинкаремъ еси, корчмы запродаеши, людські сумніння опоіваеши скупостию корчемного торгу, зъ Афраимами жидовскими людское чрево оціневаеши, а предся тое поганство видіти не хочеши, и очи суда, щобъ себе не видіти, зажмурилъ еси. Видиши ли, въ якой пивниці содомской седиши, и руки и ноги отпилъ еси, и до конца обезумілъ еси. А то зась не видиши, ижъ за твоимъ черевомъ бочки зъ пивами, барила зъ медами, барилка зъ винами, шкатулы зъ фляшами, наполнеными виномъ, малвазиею, зъ горілкою горко-дорогою волочятъ, а предся тое корчмарство свое видіти не хочеши, але на бідника зуби наостривъ еси" [1]).

лежно его посланія, и не нашолъ въ нихъ также и слѣдующихъ курсивныхъ словъ, приведенныхъ въ той же книгѣ (стр. 207): „случаются и пиры и пьянство, *да за то не бываетъ у насъ проклятой музыки*; при томъ, если инокъ когда-нибудь напьется, то не разбираетъ и не привередничаетъ, горькое или сладкое попадется ему, пиво, или медъ, — все равно, лишь бы *хмѣльно и весело было, а бываетъ это развѣ въ большіе праздники*; *за то въ посты* проживаютъ очень воздержно, *вкушаютъ капусту и рѣдьку, пищу покаянія достойную*". Этотъ курсивъ придаетъ Іоанну изъ Вишни что-то общее съ Варлаамомъ и Мисаиломъ въ корчмѣ на Литовской границѣ. („Борисъ Годуновъ", Пушкина). Мнѣ и, надѣюсь, моему читателю онъ представляется личностью разряда иного. Кстати уже замѣтить, что нѣтъ въ посланіяхъ Іоанна Вишенскаго и слѣдующей болтовни: „*По старосвѣтски собравшись въ бесѣду, поѣсть, попить, повеселиться — это еще половина грѣха: дѣдовская простота соблюдается; человѣкъ не пристращается къ земному; а вотъ какъ выдумывать способы къ веселью — вотъ первый грѣхъ*"*!* (стр. 207).

[1]) Такія обширныя выписки изъ источниковъ, я знаю, не принято дѣлать. Странный, обветшалый языкъ аѳонскаго апостола сдѣлаетъ чтеніе этихъ страницъ

Посланіе свое Іоаннъ Вишенскій заключилъ презрительнымъ воззрѣніемъ на преимущества рожденія, которыя онъ подчиняетъ превосходству духа. Это былъ вызовъ на битву за самое дорогое для обѣихъ сторонъ. Онъ наказываетъ—писаніе свое „пропустить всѣмъ до ушей“, не боясь ляха. „Тотъ бо страхъ ляховъ“, говоритъ онъ, „за безвірие ваше на васъ попущенъ, да ся познаете, если есте христiяне, или еретики“.

До сихъ поръ въ украинскомъ простонародьи, и особливо между горожанами, хранится благодарная память объ Аѳонѣ. Они конечно упустили изъ виду нить преданій, но тѣ пожертвованія, которыя они туда посылаютъ по собственному почину (очевидно и понятно, безъ поощренія со стороны мѣстнаго духовенства), эти пожертвованія, подъ оболочкой простодушнаго вѣрованія въ аѳонскую святыню, даютъ намъ видѣть преемство того чувства, которое, въ критическое время православной церкви „въ польской землѣ“, связывало безпастырную Русь съ Аѳономъ. Іоаннъ дѣйствовалъ по примѣру апостола Павла: посланія свои передавалъ онъ черезъ руки близкихъ людей, сподвижниковъ своихъ, которые живымъ голосомъ дѣйствовали на сердца и утверждали братскія общества въ надеждѣ на лучшее время. Второе изъ дошедшихъ до насъ посланій принесъ на Русь проигуменъ аѳонскій. „Дошелъ до меня слухъ изъ лядской земли, то есть Малой Русіи“,

---

тягостнымъ. Это я также знаю. Но, во первыхъ, предлагаемая книга, „въ глазахъ автора, есть только набросокъ того, какъ, по его мнѣнію, должна быть написана исторія его родины“,—это не болѣе, какъ подготовка къ будущей работѣ, картонъ, по которому напишется картина, подмалевокъ, мѣстами даже не проложенный. Во вторыхъ, при такомъ извращеніи характера важнѣйшихъ памятниковъ нашей южно русской старины, какому подвергся „Апокрисисъ“, названный сочиненіемъ, написаннымъ по-козацки, и Іоаннъ Вишенскій, низведенный, въ передѣлкѣ, до тривьяльнаго монашескаго балагурства, необходимо было показать этого защитника беззащитной церкви русской документально. Въ третьихъ, наконецъ, авторъ имѣетъ въ виду не столько петербургскую или московскую публику, сколько ту (а она никакъ не малочисленнѣе и, по своему значенію въ вопросѣ, не маловажнѣе столичной), которая будетъ читать Іоанна Вишенскаго, вовсе не затрудняясь языкомъ.

писалъ онъ, „какъ на васъ напали злыя ереси, и потому послалъ я отца нашего Саву проигумена, отъ святыхъ Павла; а вы, Христовы христіяне, примите его съ радостью и сотворите милостыни, о чемъ васъ просимъ“. Посланіе начинается громкимъ и угрожающимъ воплемъ, точно какъ-будто снова роздался гласъ вопіющаго въ пустынѣ:

„Тобі въ землі зовемой польской мешка́ючему всякого возраста, стану и преложенства народу руському, литовскому и лядскому, въ розділеныхъ сектахъ и вірахъ розмаітыхъ, сей гласъ въ слухъ да достиже́.

„Ознаймую вамъ, якъ земля, по которой ногами вашими ходите.... на васъ плачеть, стогнеть и вопиеть, просячи Сътворителя, яко да пошле серпъ смертный, серпъ казні погибильноі, якоже древле на Содомляны, и всемирного потому, котрый бы васъ выгубити и искоренити могъ, изволяючи ліпше пуста въ чистоті стояти, нежели вашимъ безбожствомъ населена и беззаконными дѣлы осквернена и запустошена... Где бо нині въ лядськой землі віра? где надежда? где правда и справедливость суда? где покора? где евангельскиі заповіді? где апостольская проповідь? где хранение заповідей Божиіхъ? где непорочное священство? где крестоносное житие иноческое? где про́стое, благоговінное и благочестивое християнство? Не все ли превратися въ паче всіхъ языкъ нечистыхъ нечестнійшее житие и безвірие?... Днесь бо въ Лядской землі священники всі, якоже древле нікогда Елизавелини... жерці, чревомъ, а не духомъ, офірують, пано́ве зась надъ Бога богами вишшими надъ своими подручными подданными ся починили... Вмісто евангельскоі проповіді, апостольскоі науки и святыхъ закона и ограничення цноты и учтивости сумнення християнського, нынi поганськиі учителі, Аристото́лы, Платоны и другиі тим подобныі машкарники и комедійники въ дворіхъ Христа Бога владіють, вмісто зась смиренныя простоты и нищеты — гордость, хитрость, матлярство и лихоимство владіеть... Покай-

теся убо, всі жителі тоя́ землі, покайтеся, да не погибнете двоякою погибелию, и вічною и дочасною, отъ скорого гніва Божия нагло!... На поповъ же вашихъ русского рода, на сыны чоловіческия не надійтеся: въ нихже ність спасения! Всі бо живого Бога и віри яже въ него отступили, прелести же еретической, любві духа тщеславного, жизнолюбовию и лихоимству ся поклонили.

„Да прокляты будуть владыки, архимандриты и игумены, котрыі монастырі позапустівали и фольварки собі зъ мість святихъ почнили, и сами только зъ слуговинами и приятельми ся въ нихъ тѣлесне и скотски перехо́вують; на містохъ святыхъ ле́жачи, гроши збирають; съ тыхъ доходовъ, на богомольці святиі на́даныхъ, дівка́мъ своімъ віно торгують, сыны одіваѣть, жены украшають, слуги умножають, барвы справу́ють, приятелі збога́чують. кариты зиждуть, возники́ сытые и единообразные спрягають, роскошъ свою поганськи исполняють. А въ монастырі рікъ и потоковъ, въ молитвѣ къ небесному кругу текущихъ, иноческого чина, по закону церковному, видіти ність, и місто бдіния, пісні и молитвы и торжества духовного, псы выють, гласять и ликують... Владыки бо безбожниі, вмісто правила и книжного чтения и поучения въ законі Господні день и нощъ, надъ статутами и лжею увесь вікъ свой упражняють и погубляють, и, вмісто богословия и внимания настоящого жития, прелести, хитрости человіческия, лжи щекарства и прокурацій диявольского празнословия и угождения ся учять... Сего ради ее глаголеть Владыка Господь Саваоѳъ: О горе моцнымъ и преложонымъ (высоко поставленнымъ) въ лядской землі! не́ престанеть бо ярость моя на противность ихъ, и судъ лукавства ихъ и противления надъ ними учиню, и наведу руку мою на нихъ, и роспалю бідами и искусомъ въ чистоту... и будеть кріпость ихъ яко па́здерие згребное и діла ихъ яко искры огнены, съжегуться беззаконници и грішниці вкупі, и не будеть угашаяй“!

Вслѣдъ за тѣмъ онъ пишетъ посланіе къ предателямъ православія, Ипатію Потію, Кириллу Терлецкому, Леонтію Пелчицкому, Діонисію Збируйскому и Григорку, какъ называетъ онъ Гедеона Болобана, который, до посвященія своего, носилъ имя Григорія. Становя его наравнѣ съ отступниками, Іоаннъ Вишенскій высказываетъ свою солидарность съ церковнымъ братствомъ Львовскимъ, въ глазахъ котораго онъ былъ „врагъ Божій и чужий вѣры его". Аѳонскій инокъ въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ ту же самостоятельность сужденія о томъ, что̀ *есть*, а не *кажется*, которая видна въ его отзывѣ о панахъ, которыхъ обвиняетъ въ отступничествѣ поголовно, нужды нѣтъ, что нѣкоторые продолжали еще пантронствовать надъ русскою церковью. Въ новомъ посланіи своемъ онъ желаетъ предателямъ-архіереямъ ниспосланія свыше памяти покаянія и страха геенны. До него на Аѳонъ дошло сочиненіе ихъ: „Оборона Згоды зъ Латинскимъ Костеломъ и Вѣрою *Риму служачею*" (какое наивное самообличеніе)! На немъ лежала нравственная обязанность обличить непризванныхъ представителей православной церкви передъ ея членами. Онъ относится къ этимъ „бискупамъ" саркастически. „Изумило меня", пишетъ онъ, какъ и откуда получили вы такой даръ блаженства и святости, что дерзнули соединить вѣру съ безвѣріемъ? Надивясь этому достаточно, сталъ я искать въ вашей жизни слѣда евангельскаго, который привелъ васъ къ высокому вашему положенію. Но ваши милости алчущихъ заставляете голодать и дѣлаете бѣдныхъ вашихъ подданныхъ жаждущими; вы обдираете тѣхъ, которые завѣщаны благочестивыми христіянами на прокормленіе сиротъ, и похищаете съ гумна стоги и оборги; вы, съ вашими слугами, пожираете ихъ трудъ и кровавый потъ; лежа и сидя, смѣясь и играя, курите перепуща́ныя горі́лки, варите троякое самое дорогое пиво и вливаете въ пропасть ненасытнаго чрева; вы и ваши гости пресыщаетесь, а церковныя сироты алчутъ и жаждутъ, а бѣдные подданные, въ своей неволѣ, не въ состояніи удовлетво-

рить годовому обиходу, тѣснятся съ дѣтьми своими, уменьшаютъ пищу свою со страха, что не хватитъ хлѣба до будущаго урожая... Не вы ли забираете у бѣдныхъ подданныхъ изъ оборы кони, волы, овцы, тянете съ нихъ денежныя дани, дани пота и труда, обдираете ихъ до живого, обнажаете, мучите, томите, гоните лѣтомъ и зимою въ непогодное время на комяги и шкуны; а сами, точно идолы, сидите на одномъ мѣстѣ, а если и случится перенести этотъ оплодотворенный трупъ на другое мѣсто, то переносите его безскорбно на колыскахъ, какъ-будто и съ мѣста не трогаясь. Между тѣмъ бѣдные подданные день и ночь трудятся и мучатся для васъ, а вы, высосавъ изъ нихъ кровь, силы и плоды трудовъ ихъ, обобравъ ихъ до нитки въ оборѣ и коморѣ, сорванцовъ своихъ, которые стоятъ передъ вами, одѣваете фалюндышами, утръфинами и каразіями, чтобы насытить око свое красноглядствомъ этихъ прислужниковъ, тогда какъ бѣдные подданные не имѣютъ и простой сермяжки доброй, чтобы покрыть наготу свою. Вы съ поту ихъ наполняете мѣшки золотыми, талярáми, полталя́рками, ортами, четвертаками и трояками; отводите въ шкатулахъ удобныя мѣста для почиванья поименованныхъ особъ, а у этихъ бѣдняковъ нѣтъ и шеляга на покупку соли".

Потомъ онъ доказываетъ, что единственно корысть іерарховъ была побужденіемъ ихъ къ уніи и наградою за нее. „Теперъ вы", говоритъ онъ, „тучнитéсь, кормитесь, питаетесь, насыщаете чрево роскошными снідьми, услаждаете, смакуете, мажете, собі угождаете, волю похотную во всемъ исполняете... Теперъ вы слугъ лічбою двояко и трояко, нежели перво есте міли, умножаете; славою віка сего корунуетеся, въ достаткахъ безпечальныхъ и роскошныхъ, якъ въ маслі плывáете, дочки богатымъ віномъ бискупскимъ обвінуете, зятей панами пышногордійшими починили есте, и своихъ повинныхъ (родныхъ) церковнымъ сиротскимъ убозскимъ... добромъ обогатили есте, титулы имъ славнійшие у світа сего починили есте, отъ войскихъ на подкоморихъ, отъ под-

коморихъ на судій, отъ судей на кашталяны, отъ кашталяновъ на старосты, отъ старостъ на воеводы переворочаете... Не ваши милости ли большей ныні маете, нежели перво есте иміли, и богатшими и пышнійшими есте, нежели перво есте были? А если не правду мовлю, отвалімъ тотъ надгробный камень и узримъ явно все житие ваше першее въ мирскомъ стану и ныні рекомо въ духовномъ, хто што перво былъ и што имілъ, и хто теперъ есть и што имаеть. Начну жъ отъ мирославнійшихъ. Перво его милость кашталянъ Потій, если и кашталянства титулъ догонилъ, але только по четыре слуговины и въ одежді, якая барва въмістититися могла, за собою волочилъ, а ныні, коли бискупомъ зосталъ, перебіжить лічба и десятковая, и барва суто дорожшая и славнійшая. Также и его милость арцибискупъ, коли простымъ Рогозиною былъ, не знаю, если и два слуговины переховати на службу свою моглъ, а ныні лічбою переважить и десятокъ, барвою ровно съ першимъ. Также и Кирило, коли попомъ простымъ былъ, только дячка за собою волочилъ, которому кермашами пирожными заплату чинилъ; а ныні, коли бискупомъ зосталъ, догонить слугами и барвою первыхъ. Также Холмскій, коли въ Луцку жилъ, „Сексопомъ„ („Саксонское Зерцало“, собраніе законовъ) и „Майдебурскимъ Правомъ“ свое черево кормилъ, а ныні, коли бискупомъ осталъ, мусить быти, и слуговинъ собі набылъ. Также и Григорко, коли дворяниномъ Рогозинымъ былъ, и хлопчика не имілъ, а ныні, мусить быти, и тотъ теперъ, коли бискупомъ зосталъ, въ череві ширший, въ горлі сластолюбнійший, въ помыслі высочайший, въ достатку богатший и въ слуговинахъ довольнійший. А Пинского въ первомъ житию не зналемъ, але по нынѣшнемъ показуеться, што и тотъ, якъ другиі, также единою, бо вижу, якъ не вслідъ Христа, но вслідъ світа сего пилькгримацію всі вишреченые трудять... Не днесь ли каштеляны, дворяны, жовнірми, воіны, кровопролийцами, купцями, медвідниками, а утро попами, а по утру

бискупами, а по утру утрешнімъ арцибискупами почишилися есте"?

Еще нужно было аѳонскому апостолу поддержать на Руси значеніе цареградскаго патріарха, который далъ спасительную силу братствамъ среди падающей въ развалины грекорусской церкви, и отъ котораго надобно было ожидать въ недалекомъ будущемъ возстановленія этихъ дорогихъ развалинъ. Сочиненія Скарги и многихъ другихъ папистовъ, распространяемыя по нашей отрозненной Руси, наполнены доказательствами, что патріархъ унижалъ русскую церковь своимъ первосвященствомъ, яко рабъ турецкаго султана, и оскорблялъ ея достоинство поощреніемъ свѣтскихъ лицъ ко вмѣшательству въ церковныя дѣла. Іоаннъ изъ Вишни во всѣхъ четырехъ посланіяхъ своихъ игнорировалъ такъ называвшихся старшихъ братчиковъ церкви, какъ людей отпѣтыхъ, и говорилъ только о младшихъ. Тѣ были у него почетные, номинальные, а эти дѣйствительные члены общества вѣрующихъ. Онъ приводитъ слѣдующее заглавіе одного отдѣла опровергаемаго имъ сочиненія о согласіи съ латинскимъ костеломъ.

„Яко дурный, неславный и непожиточный былъ приіздъ Іере-„мея патріарха, а тымъ, ижъ хлоповъ, простыхъ шевцовъ, и сі-„дельниковъ и кожемяковъ надъ епископовъ преложилъ и увесь по-„рядокъ церковный, отъ духовенства отнявши, світскимъ людемъ „въ моць подалъ, въ чомъ великое уближеніе власти епископской „учинилъ".

„Якъ же вы ся духовными... и вірными звати можете", пишетъ Іоаннъ, „коли брата своего подлійшимъ одъ себе чините, уничижаете и ни за што быти вміняете, хлопаете, кожемякаете, сідельникаете, шевцями на поруганіе прозываете?... Повіждь ми и свідоцтво дай,—не гордую хулу и дменіе, але божественного гласа писаніемъ покажи.... А коли ты показати то не можешь, яко ты лішший надъ хлопа, а самъ ся гордостію чинишь,—якъ

же ты духовнымъ или наветъ и християнномъ прóстымъ зватися можеши?... Што жъ чи́нить (патриархъ)? Созываетъ стадо словесное овца Христовы, будь кожемяки, сідельники, шевці, всякого стану, чина и возраста православныхъ християнъ. Съзвавши сихъ, мовить къ нимъ тыми словы: „„Спасайтеся, братия моя, сами́, а пастирми спастися не можете.... Спасайтеся, братия моя возлюбленная, вірное стадо Христове, руський благочестивий народе, сами́; спасайтеся вірою, спасайтеся заповідьми евангельскими, спасайтеся закономъ отеческимъ, спасайтеся честнымъ и цiломудренымъ житиемъ“ “... Повідте жъ ми тое, о клеветниці! того ли ради патриаршинъ неславный и безпожиточный приіздъ быти сказоваете, яко овца своя союзомъ любве, закона, віры и единомыслия едностию связалъ, совокупилъ, утвердилъ и укгрунтовалъ? То ли и Христа дурнымъ и непожиточне до Іерусалима пришедшого наречете́, который, видівше архиерее и пастырі безплодныі, мѣста церковныі въ широкихъ реверендахъ позасіданыі, обідовъ и вечерей торжественыхъ пильнуючиі, по торжищахъ славно ходящиі, въскрылия реверендъ за собою волочащиі, зъ оныхъ духовенство духовное церковного строения и ряду зодравши, на прóстыхъ сітоткателей рыболововъ вложилъ, послѣдиже и кожемякъ въ тое достоинство увлеклъ? То ли и Христосъ для того одъ васъ будетъ дурнымъ и непожиточнымъ названъ, якъ и патриарха?... Поступімъ засъ, для чого патриарха рядъ церковный на хлопы, кожемяки, сідельники и люди світские вложилъ, а бискупы въ томъ достоінстві пренебрегалъ и голыми чести быти показалъ и обелжениемъ власти ихъ конечноі учинилъ? Пытаю васъ, бискупы, скажіте ми тое. Христосъ Владыка-Богъ, коли спасение проповѣдати вселенній послати хотілъ, архиерее ли іерусалимскиі на тое достоинство избралъ? Анну и Кайафу ли тою годностию почтимъ, и оныхъ ли на тую службу оную воззвалъ?... Але когда добрый Владыка на проповідь выбралъ прóстыхъ хлоповъ, смиренныхъ нищихъ, беззлобивыхъ рыболововъ, кожемякъ,

и тымъ церковъ свою поручилъ въ шафунокъ, спасение человіческое, досвідчивши ихъ быти вірными, злецилъ (ввѣрилъ); такъ же власне и патриарха, сліда Христова држачися, учинилъ: тымъ, которыхъ быти не еретиками, не отщепенцами, не развратниками благочестия досвідчивши, церковъ Христову и своего пастырства моць строения злецилъ, и якъ еі хранити отъ ереси антихристового учения научилъ; и Анны и Кайафы оставилъ, архирее широкореверендныі и на лектикахъ колышучиися пренебреглъ, а бискупы саки по Римі гонячиии ни за что быти и розумітися осудилъ..... Але вы, бискупы, по тому вашому обличению што учините? вержешеся, вімъ зась, до того надымания, мовячи: „„Тыі хлопы прóстыі въ своихъ кучкахъ и домкахъ сидять, а мы предся на столахъ епископскихъ лежимó; тыі хлопы зъ одноі мысочки поливку або борщикъ хлéбчють, а мы предся по колько-десять полмисковъ розмантыми смаками уфарбованыхъ пожираемъ; тыі хлопы бітцкимъ або муравскимъ кгермачкомъ ся покрывають, а мы предся въ гатласі, адамашку и соболіхъ шубах ходимо; тыі хлопи сами́ и панóве и слуги собі суть, а мы предся предстоящихъ барвяноходцевъ по колько-десять маемо; передъ тыми хлопы ніхто славный шапки не здойметь, а передъ нами и воеводы здыймають и низько кланяються““. На тое кокошення, панóве бискупы, вамъ отповімъ такъ:... Вы, панóве бискупы, сидитé на містахъ епископскихъ, але на достоинстві и учтивости не сидитé; селами владіете, але вашими душами дияволъ владіеть; пастырями ся зоветé, але есте вовки́;... епископами ся именуете, але есте мучителі; духовными ся быти розуміете, але есте поганці и язычники... Духъ ли Святый васъ поставилъ епископы пасти церковъ Господа и Бога, или духъ антихристовъ пасти чрево и множити несытое лихоимство?... Чимъ же ся вы надъ поповъ православныхъ вышшими въ спасенні душевномъ чините? Вімъ, яко вышшиі есте, и я вамъ признати мушу, але чревомъ роскошнійшимъ, и горломъ сластолюбнійшимъ, и помысломъ пишнійшимъ, и лихоимствомъ

несытійшимъ. Тымъ есте вышшиі одъ поповъ православныхъ, а не спасеніемъ душевнымъ; а спасеніемъ душевнымъ не только одъ поповъ, але и одъ прóстыхъ світськихъ православныхъ такъ далеко меншими и послідній шими есте, яко изъ Іерусалима до Рима и далі.... Такъ відайте: не только очи здоровые ока гнилого усмотріти и осудити могуть и власть имають, але и само тіло церковное, то есть прóстые християне, по Христову гласу, скверноначальника извеpечи, осудити и прокляти власть имають, [1]) да не зъ тымъ блазненнымъ окомъ, или пастыремъ, въ геенную внийдуть; а священниці православноі віры, поборниці благочестия, въ своемъ степени неподóзренные, таковую силу, власть и началство имають правду евангельсхую боронити и о ней ся до крове заставляти, яко же самъ Христосъ и прочиі апостоли".

Въ слѣдующихъ строкахъ отшельникъ Іоаннъ изобразилъ исторію упадка духовенства подъ вліяніемъ патроната, который

[1]) Одинъ изъ нашихъ историковъ говоритъ: „Не мудрено, если православію явились и литературные защитники такъ сказать въ козацкомъ духѣ, какимъ былъ Христофоръ Бронскій, написавшій знаменитую въ свое время книгу „Апокрозисъ" (это, конечно, опечатка), гдѣ, вопреки строгому подчиненію духовнымъ властямъ въ дѣлахъ вѣры, чего требовала издавна православная церковь, дозволялъ равное и свободное участіе мысли свѣтскимъ людямъ наравнѣ съ духовными" и т. д. Написавшій глубоко обдуманныя строки сіи долженъ послѣдовательно распространить *козацкій духъ* и на Іоанна Вишенскаго, который такъ согласенъ во взглядѣ на современную церковь по отношенію къ мірянамъ съ авторомъ „Апокрисиса", какъ-будто оба они принадлежали къ одной и той же монашеской общинѣ. (Въ предисловіи къ почтенному труду Кіевской Духовной Академіи, изданію „Апокрисиса" въ переводѣ на нынѣшній литературный языкъ, есть указаніе, что авторъ этого достопамятнаго творенія дѣйствительно принадлежалъ къ святогорцамъ). Никогда такіе люди, какъ Іоаннъ Вишенскій и Христофоръ Бронскій, не проповѣдывали правилъ, не согласныхъ съ требованіями православной церкви, въ то время, когда православная церковь имѣла законную іерархію, служащую ей органомъ. Но то было время предательства, въ которое соблюденіе указаннаго нашимъ историкомъ правила какъ разъ привело бы ее туда, куда желали привести ее іезуиты. Называя такіе подвиги благочестія, какъ сочиненіе „Апокрисиса", литературнымъ козаческомъ, историкъ показываетъ, что понимаетъ тогдашнюю полемику церковную не лучше тѣхъ, противъ кого она вооружилась. Скарга похвалилъ бы его за его сужденіе. „Oto mi człowiek"! сказалъ бы онъ.

легко уступалъ мѣсто подкупу, какъ учрежденіе только по виду охранительное для русской церкви, при испорченности самихъ патроновъ.

„Покажіте ми, о бискупы, кто давалъ за вами свидітельство отъ вніппихъ, якъ есте на той степень достойні и якъ есть житиемъ добрымъ исполнили всі ты добродітелі, Павломъ реченыи? Подобаетъ бо, рече, ему и свидітельство иміти отъ внішнихъ, да не въ поношение впадетъ и въ сіть неприязнену. Хто жъ давалъ за вами свидітельство отъ православныхъ, скажіте ми? А если показати не можете, тогды я вамъ показати хощу, хто давалъ за вами свидітельство. Первое, вамъ посвідчили румянці, то есть червоные золотые зъ білыми великими тяляры, полталярками, орты, четвертаки и потройники. Ато якъ? Ото такъ, што славнійшимъ секретаромъ и рефендаромъ похлібцемъ и тайнымъ лгаромъ его королевскоі милости, абы ся причинили и свідчили, якъ годный человікъ на панствованя бискупскихъ доходовъ и пожитковъ и своволного и вшетечного мешканя на тыхъ именияхъ и селахъ, бискупу належачихъ, за которую причину тому особі, завивши въ папірецъ сто, или якъ ся трафитъ, чирвоныхъ золотыхъ, въ руку тыцъ! другому засъ тыхъ же шафранцювъ очелюбныхъ, завивши также, въ руку тыцъ! Одправивши же румянолюбцювъ, потомъ ступімо до понеславнійшихъ особъ: тымъ засъ ворочки понаповнявши, овымъ великихъ білыхъ талеровъ, овымъ засъ полталярковъ, овымъ ортовъ и четвертаковъ, тому въ руку тыцъ! овому тыцъ! и сёму тыцъ! а писарсдрачі южъ не бракуютъ, и потройники зъ грошами беруть и деруть. Ты ходатаі, панове бискупи, за вами свідчили, якъ есте годні на своволное житие селъ епископскихъ; свідчилъ засъ поклонъ, нікоторая тысяча чирвоныхъ въ кишеню королевскую; а до того свідчили вамъ ваше злое сумніння, ижъ есте обіцали віры отврещися и антихристу поклонитися, што и скуткомъ есте постигли и желаемое исполнили“.

Наконецъ прямодушный апостолъ говоритъ и о себѣ:

„А еслибы зась хто... на мéне одъ зависти пóтваръ вложити хотілъ, мовячи: яко доразливе и ущипливе въ томъ писанию мовить,—на тое вамъ такъ отповімъ: научилемся одъ Христа истины безъ похлібства, ложъ лжею, вовка вовкомъ, злóдія злóдіемъ, разбойника разбойникомъ, диявола дияволомъ звати... Нехай же теды Духъ Святый тыі уста затвóрить и оніміти дасть, которыі бы тое писание мое завистию хулити хотіли, которыі отъ источника истинного начерпавши, тотъ поточокъ малый одъ мене въ ваши преділа пущенъ есть; але, хочъ же ся видить малый, однакъ, чаю на Бога, якъ алчущихъ и жаждущихъ правду видіти достаточне напóіть, наситить и удовлить. О семъ дóзді. Будеть зась и тая пóхвалка у противныхъ—волно ти, мовлячи, тамъ заочне въ далекомъ куті, хочъ же и правдою, о насъ такъ безпечно ширмовати; але колибы еси тутъ былъ, и тобі бы есмо тотъ языкъ, яко и Никифору, затворили и прописнути не дали́. На тое вамъ такъ отповімъ: не для далекости одъ васъ будучи, я вправду сміле мовлю и правдою васъ постигаю, але за правду и умрети изволяю, аще Богъ даруеть, да знаете и помолітеся Богу, да васъ сподобить и зраковиднѣ одъ мене рéченое слышати: азъ бо желаю, но еще волі Божоі на сие ність; а о собі наскаковати безстуднѣ песски, якоже вы, на поповство безъ волі Божоі не хоцу: научихъ бо ся благоговіти къ благоговінному и одъ оного повелінія ожидати, аще и братская любовъ православныхъ християнъ съ преділовъ естественныхъ ми вытягаеть, яко и анаѳема,—молюся за нихъ быти по Павлу, аще бы въ чесомъ на православиі пострадати міли, желая зъ ними всегды ся знахóдити, и если бо аще и не плотию, но вірою, любовию и духомъ, обаче тілеснымъ совокупленнемъ не у́ воля Божия быти приспі; будетъ же, и скоро, дасть Богъ, точию да очистятъ и изметуть церковъ Христову, по рéченому імъ. Але то чуднійшая, ижъ ся вы послуханнемъ правды не хвалите, але кривдою и звитяже-

ствомъ правду хелпите, хвалитеся затворами темничными, битиемъ и убитиемъ, хвалитеся обелженнемъ мирскимъ, яко Іюдее, мнімаючи обелжити Христа.... Таковый бо намъ и ключъ къ отверзению царства небесного Христосъ оставилъ, яко да отъ погибельныхъ сыновъ въ віці семъ страждемо, мовячи: „„Аще Мене изгнаша, и васъ изженуть; аще Мене обезчестиша, и васъ обезчестять; аще Мене убиша, и васъ убиють, яко ність ученикъ надъ учителя, ниже рабъ надъ владыку; довліеть бо вамъ тое жъ страдати, што и Я страдалъ"", рече.... Не хблпітежъ ся (не величайтесь) тымъ, латинниці, антихристове племя и наслідие, якъ вы православныхъ мучити, катовати, біду творити и безчестити силу, власть и начальство отъ антихриста вамъ дарованое имате, кгдыжъ вы тымъ тиранствомъ побідити терпінния нашого не можеше, віры нашоі православноі одъ насъ выстрашити и насъ въ свое поганство уволочи всуе и прожне мыслите".

Четвертое посланіе посвящаетъ Іоаннъ догматамъ вѣры, въ назиданіе русской безпастырной паствѣ, но подъ конецъ изображаетъ положеніе церковныхъ братствъ, трудное положеніе, въ которомъ, однакожъ, они отстояли незвисимость родной церкви.

„Якоже прежде, во время идолопоклонства, отъ нечестивыхъ царей християне понуждаеми были, глаголюще: „„Пожри Ваалу, Аполону или другому коему идолу, богу поганскому""? Аще не хощуть, то имите ихъ и мучте, имінія разграбите; аще же ни тако преложитися не хощуть, и до конца убийте""; сице и нині Латина християномъ православнымъ твбрять, одновляюще прежде бывшее идолопоклонство и гонение, глаголюще: „„Поклонися папі, приими его самосмышленний законъ, календаръ новоутвбреный и почитай, ветхий же одступи и всю прелесть нашея віри честно почти, на насъ истины ничтоже не глаголи, лжи и прелести нашоі не хули; аще же не хощете, то имите ихъ и мучте досадами и бідами. Вы, войтове, бурмистрове, лантвойтове, власть мирская градская, и повсюду не дадіте руси ни едино пространство въ жизни

ихъ; въ судѣхъ по руси не поборяйте, паче же и кривдіте; въ сусідстві любви не показуйте, ниже́ зъ ними ся общіте, паче же ихъ ненавидіте; въ купляхъ, торгахъ, ремеслахъ русинъ съ папежникомъ волности единой да не имать; въ цехахъ ремѐсницькихъ русину быти не достоить, доколі ся не попанежить; на власти войтовства и бурмистранства и прочихъ строительствъ отъ руського народа да ся не поставляють, доколі ся у папежа не увірують. Аще же симъ руси не досадите́ и своеі християнскоі віри отступити и папі идолопоклонитися не хощуть, набоженство имъ розоріте, на праздники старо́го календаря звонити не дадіте, новый же святити и праздновати зъ силою понудіте и виною запретіте; аще же и еще не послушають, сакраментъ Христовъ обезчестіте, на землю пролийте и ногами попоріте и потопчіте, церквы запечатуйте и одъ всіхъ странъ бідно творіте и досаждайте, да поне сими бідами и досадами повинуться поклонитися папі и костелові римському; аще же ни и сими досадами имъ не одоліете, въ темницяхъ затворяйте и безъ винъ вины на нихъ налагайте, бийте, безчестіте и убийте въ имя найсвятшого папы: прощение и разрішение отъ него примете и въ чисцю за то и за вся беззакония посмерти очиститеся" ". Видите ли, погибели сынове, за што ради таковый прелестный и поганский чистець собі по смерти соградили, яко да погански житие сего віка суетно поживши, по смерти въ чистець входять, изъ чистця зась въ царство небесное выскакують?... Видиши ли, православный християнине, латинскоі правды плоды — поганское безвірие, мучительский идолопоклонный нравъ? Видиши ли, яко ты истинный пуркгаториумъ въ жизни сей отъ досадъ латинськихъ плывеши, да очищенъ скорбми и бідами достоинъ въ царство небесное внийти будеши, Латина же, досаждающе и заповіди Христовы діломъ разоряюще, по смерти въ геенні вічній чиститися изволяють; но они убо своеі прелести да послідують и на чистець по смерти уповають; ты же, православниче, въ жизни сей чистець изволи проплыти, идѣже и

твой Законоположникъ прошлылъ самъ и Ему послідующії ученици, въ которомъ чистцу, доколі есмо въ плоті сей, и насъ понуждають и учять, абысмо ся пурковали и чистили, ибо подвигъ велий настоитъ...“

Да, великій настоялъ подвигъ единственнымъ представителямъ воюющей церкви, мѣщанамъ съ ихъ убогимъ духовенствомъ безъ пастырей! Что отъ пановъ нечего было ждать поддержки, это сознавалъ ясно ихъ путеводитель и засвидѣтельствовалъ поголовнымъ обличеніемъ всѣхъ, стоявшихъ на высотѣ знатности власти и богатства; а что сельскіе хлѣборобы были не помощники мѣщанамъ въ ихъ трудномъ подвигѣ, это видно изъ его молчанія. Даже о гоненіяхъ на поселянъ за вѣру не сказалъ защитникъ православія ни слова. Они, какъ трава подъ вѣтромъ, какъ низкорослыя заросли подъ налетѣвшею бурею, какъ безпомощныя стада овецъ подъ убійственнымъ градомъ, склонялись и гнулись къ землѣ; они потупясь ожидали пассивно и безнадежно конца жизни, но не конца напасти. Вмѣстѣ съ ними безотвѣтно, беззащитно, безнадежно терпѣли и ихъ загнанные, угнетенные донельзя, подневольные наравнѣ съ ними пастыри. Оставались одни козаки. Но о козакахъ будетъ рѣчь впереди; а теперь оглянемся на зловѣщую картину, нарисованную передъ нами могучимъ перомъ аѳонскаго апостола. Въ своихъ посланіяхъ онъ изобразилъ то житейское море, воздвизаемое бурями напастей, о которомъ такъ поэтически поетъ утреннюющая церковь. Онъ, глядѣвшій на житейское море и его напасти съ подоблачной горы своей, изобразилъ его такъ выразительно, что перу историка не осталось ничего дѣлать съ его рукописью. Среди бури напастей, въ бушующемъ житейскомъ морѣ, только его пустынный голосъ, голосъ отошедшей на гору церкви Христовой, покрывалъ стихійныя начала жизни, въ ихъ безпорядочномъ бореніи между собою. Всѣ голоса, молящіе, грозящіе, всѣ вопли жертвъ и крики притѣснителей, призывы къ отпору и перекличка между раскиданными ча-

стями братскаго воинства, все пробивается неясно сквозь грозный ревъ и гулъ, точно крики потерявшихъ дорогу среди степной мятели. Его голосъ былъ явственно слышенъ; онъ давалъ сбившимся съ дороги направленіе; онъ ободрялъ, онъ пророчествовалъ, и такъ дѣйствительно сталось, какъ онъ пророчествовалъ среди бури.

Вотъ кто останавливалъ успѣхи уніи! Останавливали ихъ послѣдователи тѣхъ пустынножителей, которые одни „хранили себя неоскверненными отъ міра,"—тѣ немногія, во всѣ времена немногія, личности, которыхъ великій Учитель называетъ солью земли. Онѣ скрываются не въ одной толпѣ черноризцевъ; онѣ возможны даже и между мытарями, возможны и въ средѣ ученыхъ мудрецовъ и въ темной массѣ народа; но ихъ всегда бываетъ мало, хотя свѣтъ держится ими.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

ПЕРВОМУ ТОМУ

ИСТОРІИ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

УКРАИНСКІЯ НАРОДНЫЯ ДУМЫ,

ПОДЪ ТѢМИ ЗАГЛАВІЯМИ, КАКІЯ ДАЛИ ИМЪ НАРОДНЫЕ ПѢВЦЫ — КОБЗАРИ.

НЕВОЛЬНИЦЬКІЙ ПЛАЧ.

I.

Два міра, мусульманскій и христіянскій, стоя другъ противъ друга, ограждались форпостами, которые называются въ думѣ городами. Подъ именемъ *городоов* слѣдуетъ разумѣть здѣсь всякій поселокъ: ни одинъ изъ нихъ (ни даже хуторъ или пасіка) не могъ стоять безъ рва и вала, безъ палисада или какого-либо тына. Ежегодно ожидали въ старину татарскаго набѣга, имѣвшаго цѣлью, прежде всего, полонить людей, которые, въ качествѣ невольниковъ, служили бы въ Турéщинѣ работниками. Въ думахъ воспѣвается преимущественно неволя и каторга турецкая, хотя народъ полонили татары. (Турки только направляли татаръ и помогали имъ, иногда предводительствовали ими, въ качествѣ гетмановъ походныхъ.) Это потому, что сами татары мало нуждались въ рабочихъ, будучи по преимуществу номадами, и предпочитали продавать плѣнниковъ своихъ туркамъ. Упоминаемый въ этой думѣ городъ Козловъ (Евпаторія) былъ главнымъ рынкомъ торговли невольниками.

Не ясний сокіл квилить-проквиляє,
Як син до батька-до матері з тяжкóї неволі в городи́ християнські
поклон посилає,
Сокола яснéнького рідним братом називає:
„Соколе ясний,
„Брате мій рідний!
„Ти високо літаєш,
„Ти далеко видаєш, —

*

„Чому в мого батька-у матері ніко́ли в гостях не буваєш?
„Полинь ти, соколе ясний,
„Брате мій рідний,
„У городи́ християнські,
„Сядь-пади
„У мого батька й матері перед ворітьми,
„Жалобне́нько проквили,
„Об моєї пригоді козацької припомяни.
„Нехай отець і мату́ся
„Мою пригоду козацькую знають,
„Статки, маєтки збувають,
„Великі скарби́ собирають,—
„Головоньку козацькую з тяжкої неволі визволяють!
„Бо як стане Чорнеє море сгравати,
„То не знатиме отець, либонь матірь
„У которої ка́торзі шукати:
„Чи у пристані Козловської
„Чи у городі Царьграді на базарі.
„Будуть ушкали́, турки яничари набігати,
„За Червонеє море у Орабськую землю запродати,
„Будуть за них срібло-злато, не лічачи,
„Сукна дорогі поставами, не мірячи,
„За них брати."

II.

Плѣнникамъ назначалась цѣна соотвѣтственно полу, возрасту, красотѣ, или богатству. Людей богатыхъ, за которыхъ надѣялись взять хорошій выкупъ, не употребляли на работы въ полѣ, саду, въ домахъ и улицахъ, опасаясь бѣгства, которое совершалось безпрестанно. Ихъ держали взаперти, въ темницѣ, какъ представляетъ патетическая народная муза, и эти больше всего тосковали о родинѣ, неразвлекаемые ничѣмъ въ безнадежной тоскѣ своей. Родные, и, разумѣется, чаще всего отцы, странствовали по Турещинѣ, купивши себѣ фирманъ, и искали своихъ сыновей и дочерей, какъ объ этомъ говорится въ думѣ. То-то было пилигримство!...

То брат-товариш теє зачуває,
До брата-товариша промовляє:
„Товарише, брате мій рідний!

„Та не треба нам в городи́ христяньскі поклону посилати,
„Своєму батьку й матці білшого жалю́ завдавати:
„Бо хотя наш батько й мати будуть добре дбати,
„Грунти́, великі маєтки збувати,
„Скарби́ збірати, —
„Та не знатимуть, де, в якій тяжкій неволі турецкій синів своїх шукати:
„Що сюди ніхто не захожає,
„І люд хрещений не заїжжає,
„Тільки соколи ясне́нькі літають,
„На темниці сідають,
„Жалібне́нько квилять-проквиляють,
„Нас всіх бідних невольників у тяжкій неволі турецькій
„Добрим здоровьем навіщають.“

III.

Тѣхъ невольниковъ, которые отличались физическою силою, но не представляли надежды на выкупъ, отправляли на галеры, въ качествѣ гребцовъ. Они были постоянно прикованы къ своимъ мѣстамъ, постоянно работали, какъ въ наше время безсознательная сила пара въ машинахъ, и всего ужаснѣе было для нихъ то, что праздничные дни не отличались отъ буднишнихъ. Но, хотя, по словамъ думы руки и ноги у нихъ были проѣдены до костей желѣзомъ или сыромятнымъ ремнемъ, которымъ обезпечивали ихъ турки отъ побѣга, но на морѣ могли ежеминутно показаться козацкія чайки. Это была самая поэтическая надежда на освобожденіе, и какъ же было народу не идеализировать козака въ своихъ пѣсняхъ до того, что каждый герой романса называется въ нихъ *козакъ*, или съ нѣжностью любви—*козаченько*?

Тогді далася бідному невольнику
Тяжкая неволя добре знати:
Кайда́ни руки-ноги позъїдали,
Сирая сириця до жовтої кості
Тіло козацькеє проїдала.
То бідниї невольники, на кров, на тіло поглядали,
Об вірі Християнський гадали,
Землю Турецьку, віру бусурманськую проклинали:

„Ти, земле Турецькая, віро бусурменськая!
„Ти єсь наполнена срібломъ-златом
„І дорогими напитками;
„Тілько, же бідному невольнику на світі не вільно:
„Що бідниї невільники у тобі пробувають,
„Празника Рожества, будь-ли Воскресения не знають,
„Все у неволі проклятоі, на каторзі турецькоі
„На Чорнім морі пробувають,
„Землю Турецькую, віру бусурменськую проклинають:
„Ти, земле Турецька, ти, віро бусурманська,
„Ти, розлуко християнська!
„Уже бо ти разлучила не единого за сім літ войною
Мужа з жоною, брата з сестрою,
„Діто́к мале́ньких з отцем и матко́ю!
„Визволь, Боже, бідного невольника
„На святоруській берег,
„На край веселий,
„Між народ хрещений"!

НЕВОЛЬНИЦЬКИЙ ПЛАЧ.

I.

Этотъ варіянстъ невольницкаго плача представляетъ одновременно и рынокъ невольницкій, и каторгу на галерахъ. Стихъ: „У потребі царській", означаетъ, что дѣло идетъ о военноплѣнныхъ, съ которыми обращались еще жесточе, чѣмъ съ такъ называемымъ ясыромъ, на который смотрѣли только безжалостно, какъ смотрятъ, на примѣръ, въ куриномъ ряду на несчастныхъ птицъ, опрокинутыхъ внизъ головою, или какъ смотрятъ въ столицѣ мясники на телегу, наваленную живыми телятами. Слово *царській* относится къ „царю перекопскому", какъ обыкновенно назывался во времена оны крымскій Ханъ. Если онъ лично предводительствовалъ набѣгомъ и имѣлъ съ козаками удачную „потребу", то конечно много тамъ было военноплѣнныхъ. Ихъ передали по принадлежности Турку, у котораго татаринъ игралъ роль охотничьей собаки, и вотъ является, въ думѣ, на сцену баша съ полнымъ просторомъ для мщенія, которымъ козаки вѣчно

обмѣнивались съ мусульманами, смотря по тому, на чьей улицѣ случался праздникъ.

Що на Чорному морю,
На тому білому каменю,
У потребі царськiй,
У громаді козацькiй,
Много там війська понáжено, [1])
У три ряди бідних, безщастних невольників посажено,
По два та по три до-купи посковано,
По двоє кайдáнів на ноги покладено,
Сирою сирицею назад руки повязано.

II.

Ой у святу ж то було неділю, не̂ сизі орли заклекотали,
Як то бідні безщасні невольники у тяжкій неволі заплакáли,
На коліна упадали,
У гору руки підиймали,
Кайдáнами забряжчали;
Господа милосердного прохали та благали:
„Подай нам, Господи, з неба дрібен дощик,
А з низу буйний вітер,
„Хочай-би чи не встала на Чорному морю бистрая хвиля;
„Хочай-би чи не повиривала якорів з турецької каторги!
„Да вже ж ся нам турецька-бусурменська каторга надоїла:
„Кайдáни-залізо ноги поврпвало,
„Біле тіло козацьке молодецьке коло жовтої кості пошмугляло!“

III.

Баша турецький, бусурманський,
Недовірок християнський,
По ринку він похожає,
Він сам добре теє зачуває,

---

[1]) *Понажено* значитъ обнажено. Невольники на галерахъ были одѣты только по поясъ. Ихъ голыя спины представляли туркамъ удобство пригонять ихъ къ работѣ лозою, которую козаки называли червоною тáволгою (spirea).

На слуги свої, на турки-яничари зо́-зла гукае:
„Кажу я вамъ, турки-яничари, добре ви дбайте!,
„Із ряду до ряду захожайте,
„По три пучки тернини і червоної та́волги набірайте,
„Бідного невольника по-тричі въ одпім місці затинайте!“
То ті слуги, турки-яничари, добре дбали,
Із ряду до ряду захожали,
По три пучки тернини і червоної таволги у руки набірали,
По тричі в однім місці бідного невольника затинали,
Тіло біле козацьке молодецьке коло жовтої кості оббивали,
Кров християнську неповинно проливали.

IV.

Стали бідні невольники на собі кров християнську забачати,
Стали землю турецьку, віру бусурменську клясти-проклинати:
„Ти, земле, Турецька, віро бусурменська,
„Ти, розлуко християнська!
„Не одного ти розлучила мужа з жоною,
Брата з сестрою,
„Діто́к мале́ньких з отцем и матко́ю!
„Хто у тобі срібло-злато заробляе,
„В чужі зе́млі несе, пьє-гуляе,
„У турецькій землі одрадости собі не мае“.
Визволь, Господи, всіх бідних невольників

З тяжко́ї неволі турецької,
З каторги бусурменської
На тихі води,
На ясні зорі,
У край веселий,
У мір хрещений,
На святоруський берег
В города християнські!
Даруй, Боже, милости вашій,
І всёму війську запорозьскому
На многая літа.

ПРО МАРУСЮ БОГУСЛАВКУ.

I.

Народный паѳосъ преувеличиваетъ срокъ заключенія: и одинъ день въ неволѣ для козака могъ казаться годомъ; а если ихъ продержали мѣсяцъ, то у нихъ тоски набралось на 30 лѣтъ. Тутъ своего рода истина. Народные наши Гомеры заботились только о томъ, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе на слушателей, и достигали своей цѣли: вопли XVI столѣтія долетѣли до насъ!

Що на Чорному морі,
На камені біле́нькому,
Там стояла темниця камяна́я.
Що у тій-то темниці пробувало сім-сот козаків,
Бідних невольників.
То вже тридцять літ у неволі пробувають,
Божого світу, сонця праведного в вічі собі не видають.

II.

При этомъ и слѣдующемъ отдѣлахъ думы пускай вспомнитъ читатель, каково должны были почувствовать козаки рѣзню въ Каневѣ кругомъ церкви въ „роко́вый день Великдень", устроенную имъ панами въ 1596 году. Подъ конецъ столѣтней козацко-шляхетской войны, вражда къ ляхамъ и вражда къ бусурманамъ въ козацкомъ сердцѣ поравнялись. Не въ одной тутъ религіи дѣло: враги козачества расторгали связи съ семьею, вторгались въ тотъ міръ понятій и чувствъ, который собственно и былъ жизнью для козака, вѣчно выставленнаго на смерть. Отсюда такое трагическое выраженіе горя въ третьемъ отдѣлѣ этой думы. Только Данте умѣлъ такъ чувствовать: онъ падалъ отъ состраданія на землю какъ мертвый; чужая тоска будила въ его сердцѣ собственную.

То до їх дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка,
Прихождає,
Словами промовляє:
„Гей козаки,

„Ви, бідниї невольники!
„Угадайте, що в нашій землі християнській за день тепера?“
Що тоді бідні невольники зачували,
Дівку бранку,
Марусю, попівну Богуславку
По річах познавали
Словами промовляли:
„Гей дівко бранко,
„Марусю, попівно Богуславко!
„Почім ми можем знати,
„Що в нашій землі християнській за день тепера?
„Що трицять літ у неволі пробуеаєм,
„Божого світу, сонця праведного у вічі собі не видаєм.
„То ми не можемо знати,
„Що в нашій землі християнській за день тепера“.
Тоді дівка бранка,
Маруся попівна Богуславка,
Теє зачуває,
До козаків словами промовляє:
„Ой козаки,
„Ви, бідниї невольники!
„Що сёгодні у нашій землі християнській Великóдная субота,
„А завтра святий празник, роковий день Велик-день.“

III.

У Шекспира еще жесточе поступаютъ съ вѣстникомъ несчастья, чѣмъ поступили козаки съ Марусею Богуславкою; кто гибнетъ, тотъ рѣдко щадитъ другого. Гдѣ было мѣсто въ козацкомъ сердцѣ для пощады? Изъ нихъ сама судьба выковала такихъ ужасныхъ людей, какими они являются въ исторіи.

То тоді ті козаки теє зачували,
Білим лицем до сирої землі припадали,
Дівку бранку,
Марусю, попівну Богуславку,
Кляли-проклинали:
„Та бодай ти, дівко бранко,

„Марусю, попівно Богуславко,
„Щастя й долі собі не мала,
Як ти нам святий празник, роковий день Велик-день сказала!“

IV.

Антитезъ предыдущему. Народная муза заявляетъ здѣсь, что ожесточенное сердце украинскаго народа сохранило способность къ лучшимъ человѣческимъ движеніямъ, и, что̀ очень важно, она предоставила женскому сердцу хранить чувства, которыя были вытѣснены, на время военныхъ бурь и политическихъ страданій, изъ сердца козацкаго. Черезъ всю нашу пѣсенность проходитъ прекрасно согласованный дуэтъ. Женщины внесли въ нашу устную словесность лучшее, что̀ въ ней есть. Самые Гомеры козацкіе, какъ видимъ, отдавали имъ справедливость: устами Маруси какой-то усачъ или сѣдовласый „дідъ“ высказалъ то, что̀ у него было самаго задушевнаго.

То тоді дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка,
Тее зачувала,
Словами промовляла:
„Ой козаки,
„Ви, бідниї невольники!
„Та не лайте мене, не проклинайте:
Бо, як буде наш пан турецький до мечеті відъїжджати,
„То буде мині, дівці бранці,
„Марусі, попівні Богуславці,
„На руки ключи віддавати;
„То буду я до темниці приходжати,
„Темницю відмикати,
„Вас всіх, бідних невольників, на волю випускати.“

V.

Въ этомъ отдѣлѣ думы черта украинскаго домоводства переносятся и въ Турцію. Въ Украинѣ домъ держится не хозяиномъ, а хозяйкою. Какъ ни деспотствуетъ „панъ господарь“ (слова щедрівки), но, въ концѣ кон-

цовъ, онъ является властью исполнительною. Женщины украинскія вообще даровитѣе своихъ мужиковъ и порядочнѣе. Онѣ законодательствуютъ относительно устройства двора и хаты; онѣ исправляютъ должность кассира и казначея. Ключи отъ скрыні и отъ коморы находятся у нихъ. И онѣ хранятъ ввѣренныя имъ деньги со всею добросовѣстностью даже у такихъ мужьевъ, какъ „турецкій панъ" въ кобзарской думѣ, и даже у тѣхъ, на которыхъ скупость и несправедливость жалуются. Въ особенности интересно слѣдить за мѣщанскимъ и купеческимъ бытомъ: тамъ женщина рѣшительно премируетъ и исправляетъ должность головы, а мужъ служитъ больше руками и ногами. Оттого и кобзарь далъ Марусѣ Богуславкѣ у турчина положеніе вовсе не рабское. Она у него такая госпожа, что можетъ даже освободить невольниковъ, не говоря ни слова объ отвѣтственности передъ своимъ „турецкимъ паномъ."

То на святий празник, рокóвий день Велик-день,
Став пан турецький до мечеті відъїжджати,
Став дівці бранці,
Марусі, попівні Богуславці,
На руки ключи віддавати.
Тоді дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка,
Добре дбає —
До темниці прихождає,
Темницю відмикає,
Всіх козаків,
Бідних невольників,
На волю випускає,
І словами промовляє:
„Ой козаки,
„Ви, бідниї невольники!
„Кажу я вам, добре дбайте,
„В городи християнські утікайте;
„Тількі прошу я вас, одного города Богуслава не минайте.
„Моёму батьку й матери знати давайте:
„Та нехай мій батько добре дбає,
„Гуртів, великих маєтків нехай не збуває,
„Великих скарбів не збірає,
„Та нехай мене, дівки бранки,

„Марусі, попівни Богуславки,
„З неволі не викупляє:
„Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
„Для роскоши турецької,
„Для лакомства нещастного!“

VI.

Припѣвъ къ этой думѣ придаетъ невольницкимъ думамъ характеръ молитвословія. И опять я обращаюсь къ козакамъ. Если Богъ выслушивалъ иногда невольниковъ въ ихъ „просьбахъ щирыхъ, въ ихъ несщасныхъ молитвáхъ“, то кого онъ посылалъ исполнить волю свою? Посылалъ или такого кроткаго ангела, какой отворилъ темницу Петру, или такихъ грозныхъ посланниковъ, передъ которыми „подвижеся и трепетна бысть земля“. Такими посланниками гнѣва Божія на невѣрныхъ бусурманъ, въ глазахъ народа, были козаки. Какъ же было народной музѣ не окружить козака тою любовью, какой музы другихъ народовъ не выражаютъ къ своимъ рыцарямъ? Въ этомъ IV отдѣлѣ, послѣ изложенныхъ въ предшествующихъ отдѣлахъ обстоятельствъ, говорится: „Ой визволи, Боже, *насъ* всіхъ, бідныхъ невольниківъ“. Это подтверждаетъ слова Стрыйковскаго, приведенныя выше въ примѣчаніи къ стр. 119, гдѣ онъ говоритъ, что „... ten zdawna sławnie wzięty obyczaj (пѣть о современныхъ событіяхъ), i dziś w Greciej, w Aziej, w Traciej... i w inszych krainach zachowuja, jakom się sam temu przypatrzył i własnymi uszami nasłuchał, iż pospolicie na każdych biesiadach, a w Turczech na ulicach i na bazarach, pospolitych rynkach, zacnych ludzi dzieje składnymi wierszami śpiewają, przy skrzypcach, które Serbskimi zowiemi, lutniach, kobzach i arfach, z wielką pociechą ludu pospolitego. A u Turków o najmniejszej potrzebie i bitwie z chrześcijany zaraz pieśni ludzie na to z skarbu cesarskiego opatrzeni składają...“. При этомъ вспоминается также и древнее сказаніе о народномъ пѣснопѣніи: „Ту німці и венедиці, ту греці и морава поють славу Святъ-славлю, кають князя Игоря“.

Можно полагать, что невольницкія думы складывались и пѣлись тамъ же на сценѣ невольничества, передъ отцами и братьями, отыскивавшими по невольницкимъ рынкамъ своихъ дорогихъ сердцу. Турещина была наполнена славянами, и они-то слушали такихъ кобзарей „z wielkim upodobaniem“, кекъ говоритъ Стрыйковскій. Публика однихъ невольниковъ, не говоря о торговомъ народѣ, въ томъ числѣ и потурнаковъ, была въ Турещинѣ весьма многочислена, такъ что коренные турки относились къ нимъ, какъ пастухи къ стаду. А что мусульмане не мѣшали славянамъ

жить по-своему, въ этомъ можно убѣдиться, путешествуя въ наше время по турецкому берегу Дуная, населенному нашимъ украинскимъ народомъ, бѣжавшимъ туда отъ панщины и другихъ невзгодъ. Тамъ я мѣстами видѣлъ и слышалъ больше украинскаго, чѣмъ въ самой Украинѣ, особенно по части украинской *старосвіцчини.*

Ой, визволи, Боже, нас всіх, бідних невольників,
З тяжко́ї неволі,
З віри бусурменської,
На ясні зорі,
На тихі води,
У край веселий,
У мир хрещений!
Вислухай, Боже, у прозьбах щирих,
У нещасних молитва́х
Нас, бідних невольників!

PS. Столько же примѣчаній можно было бы присовокупить и къ другимъ думамъ; но, можетъ быть, они излишні. Авторъ сдѣлалъ пробу.

ПРО ТРЁХ БРАТІВ ОЗІВСЬКИХ.

I.

Ой то не пили пилили,
Не тумани́ уставали,—
Як із землі Турецької,
Да з віри бусурменської,
Із города із Озіва з тяжко́ї неволі
Три братикі втікали.
Два кінних, третій пішой пішениця,
Як-би той чужий чужениця,
За кінними біжить-підбігає.
На сире коріння, на біле каміння
Ніжки свої козацькиї посікає, кровъю сліди заливає,
До кінних братів добігає,
За стремена хватає,
Словами промовляє:
„Станьте ви, братця! коней попасіте, мене подождіте,
„З собою візьміте, до городів християських хоч мало підвезіте“

„Нехай же я буду знати,
„Куди в городи християнські
„До отця до матери дохождати.“

I ті брати теє зачували,
Словами промовляли:
—, ,Ой, братіку наш менший, милий,
„Як голубонько сивий!
„Ой та ми сами не втечемо́
„І тебе не ввеземо́:
„Бо із города Озіва буде погоня вставати,
„Тебе пішого на тернах та в байраках минати,
„А нас кінних буде доганяти,
„Стріляти-рубати,
„Або живих в полон завертати.
„А як жив-здоров будеш,
„Сам у землю християнську увійдеш.“

I теє промовляли,
Відтіль побігали.
А меньший брат, піша пішаниця,
За кінними братами вганяє,
Коні за стреме́на хватає,
I словами промовляє,
Слізми обливає:
„Братіки мої ріднéнькі,
„Голубоньки сивéнькі!
„Коли ж мене, братця, не хочете ждати,
„Хоч одно ж ви милосердие майте:
„Назад коней завертайте,
„Із піхов шаблі виймайте,
„Міні з пліч голову здиймайте,
„Тіло мое порубайте,
„В чистім полю поховайте,
„Звіру та птиці на поталу не дайте!“

И ті брати́ теє зачували,

Словами промовляли:
„Братіку милий,
„Голубоньку сивий!
„Щó ти кажеш?
„Мов наше серце ножем пробиваеш!
„Що наши мечі на тебе не здиймуться,
„На дванадцять частей розлетяться,
„І наша душа гріхів до віку не відкупиться.
„Сёго, брате, із роду нігде не чували,
„Щоб рідною кровъю шаблі обмивали,
„Або гострим списом опрощеннє брали.“

—„Коли-ж не хочете, братця, мене рубати,
„То прошу вас, братця, як будете до байраків прибувати,
„Тернові вітки в запіллє рубайте,
„Мині признáку покидайте!“

То вже два козаки в байраки вїжжае;
Середульший брат милосердиє мае:
Верховіття у тернів зтинае,
Меншому брату приміту покидае.
Отоді ж то до Савур-могили добігали,
На Савур-могилі три дні, три ночі спочивали,
Свого найменшого брата, пішу піщаницю, піджидали.

II.

А меньший брат, піша пішаниця,
До тернів до байраків добігае.
И тернове віття, верхи у руки бере-хапае,
До серця козацького прикладае,
Слізми обливае:
„Сюди мої два брати кінні пробігали,
„Тернові віття, верхи стинали
„І мині, найменьшому брату, пішій пішаниці,
„На признáку покидали,
Щоб знав я з тяжкої неволі

„В землю християнську,
До батька, до матері, до роду утікати."

Тееє промовляє,
Віттіля побігає,
Із байраків, із мелюсів вибігає.
Нема ні тернів, ни байраків,
Ніяких признаків.
І тілько поле лиліє,
На ёму трава зеленіє.

III.

То став же брат старший та середульший на полівку ізбігати
На степи високі, на великі дороги росхідниї, —
Не стало тернів та байраків рубати,
Меншому брату прикмету покидати;
До став же брат середульшай до старшого промовляти:
„Нум брате, ми з себе зелені жупани скидати,
„Червону та жовту китайку видирати,
„Пішому брату меншому, прикмету покладати:
„Нехай він бідний знає, куди за нами, кінними, тікати."

До став же брат старший згорда словами промовляти:
„Чи подобенство, брате, щоб я своє добро турецьке на шматки драв,
„Брату меншому на признаку давав?
„Як він жив-здоров буде,
„Так сам у землі християнські, без наших признаків усяких прибуде."

До брат середульший милосердие має,
Із свого жупана червону та жовту китайку видирає,
По шляху стеле-покладає,
Меншому брату прикмету зоставляє.

То середульший брат старшому брату словами промовляє:
„Брате мій старшій, ріднéнькій! прошу я тебе:
„Тут трави зелені, води здорові, очерети́ удобні;
„Станьмо хоч мало немного коні свої попасімо,
„Свого пішого брата хоч трохи подождімо,
„На коней возьмімо,
„В городи християнські хоч мало надвезімо.
„Нехай же наш найменшій брат буде знати,
„Куди в городи християнські до отця до матки дохождати.“

То старшій брат до середульшого брата словами промовляє:
„Чи ще ж тобі катерга турецька не ввірилася,
„Сприця у руки не въїдалася?
„Як будемо свого брата пішого наджидати,
„То буде за нами з города Озіва велика погонь уганяти,
„Буде нас кінних братів доганяти,
„Буде нас на три штуки рубати,
„Або буде нас в гіршу неволю жевцéм завертати,
„А нашого найменьшого пішого брата
„Буде в тернах, в байраках на спочинках минати;
„То ми свого брата пішого не ввеземó,
„А сами́ з Озівськой турецькой неволі не втечемó.“ —

IV.

То як став пішеходець із тернів вихóдити,
Став червону китайку нахóдити:
У руки хватає, дрібними слёзами обливає.
„Не дурно, промовляє, червона китайка по шляху валяє:
„Мабуть, моїх братів на світі немає!...
„Мабуть, за ними з города Озіва погоня вставала,
„Мене в тернах на спочиві минала,
„Братів моїх доганяла, стреляла, рубала!
„Колиб я мог знати,
„Чи моїх братів пострéляно,
„Чі їх пору́бано,
„Чи їх живих у руки зáбрано;

„Ей, до пішов би я по тернах, по байраках блукати,
„Тіла козацького-молодецького шукати,
„Да тіло козацьке-молодецьке
„У чістім полі поховати.
„Звіру-птиці на пота́лу не подати."

На шлях Муравський вибігає,
И тількі своих братів трошки рідних сліди забачає.
Та побило ж меншого брата в полі
Три недолі:
Що одно — безвідде, друге — безхлібье
Третє — буйний вітер в полі повіває,
Бідного козака з ніг валяє....

До Осавур-могили прибуває.
На Осавур-могилу зіхожає,
Там собі безпечно девятого дня спочивок має,
Девятого дня із неба води-погоди вижидає.

Мало-немного спочивав,
Ажъ ось до ёго во́вці-сірохманці нахождали,
Орли-чорнокрильці налітали,
В головках сідали, —
Хотіли заздалегоди́ живота темний похорон одправляти.
Тоді він іх забачає,
Словами промовляє:
„Вовці-сірохманці, орли-чорнокрильці,
„Гості мої милі!
„Хоть мало-немного обождіте,
„Поки козацька душа з тілом розлучиться.
„Тоді будете мині з лоба чорні очи висмикати,
„Біле тіло коло жовтої кості оббірати
„Попідъ зеленими яворами ховати
„І комишами вкривати."

Мало-немножко спочивав....
От, руками не візьме,
Ногами не пійде
І ясно очима на небо не згляне....
На небо взирає,

Тяжко воздихає:
„Голово моя козацька,
„Голово моя молодецька!
„Бувала ти у землях Турецьких,
„У вірах бусурменських,
„А тепер припало на безвідді, на безхлібъі погибати.
„Девятий день хліба в устах не маю,
„На безвідді, на безхлібі погибаю!“

Тут теє промовляв,—і не чорна хмара налітала,
Не буйни вітри віну́ли,
Як душа козацька-молодецька з тілом розлучалась.
Тоді вовці-сирохманці нахождали,
Біле тіло козацькое жваковали,
І орли-чорнокрильці налітали,
В головках сідали,
На чорні кучері наступали,
Из під лоба очі висмикали,
Тоді ще й дрібна птиця налітала,
Коло жовтої кости тіло оббирала.
Ще й зозулі налітали, у головах сідали,
Як рідні сестри кукували.
Ще й вовки сіромани нахождали,
Жовту кость по балках, по тернах разношали,
По-під зеленими яворами ховали,
І комишами вкривали.
Жалобненько квили́ли-проквиляли:
Тож вони козацький похорон одправляли.

V.

А ще стали два старші брати до річки Самарки прибігати,
Стала їх темна нічка обіймати;
Став брат старший до середульшого промовляти:
„Станьмо, братіку, тута, коні попасімо:
„Тут могили великі,
„Трава хороша

„І вода погожа;
„Станьмо тутечка підождімо,
„Поки сонце обітріє: [1])
„Чи не прибуде ік нам наш пішпй-піхотинець.
„Тоді на єго велике усердиє маю,
„Усю добич скидаю,
„Єго, пішого, міждо коні хватаю."

— „Було б тоді, брате, як я казав, хватати!
„Тепер девятий день минув,
„Як хліб-сіль їв,
„Воду пив,
„Досі й на світі немає."

Тоді вони коней пустопаш попускали,
Кульбаки під себе послали,
Ружжя по комишах поховали,
Безпечно спать полягали,
Світової зорі дожидали.
Став Божий світ світати,
Стали вони на коні сідати,
Через річку Самарку у християнськи землі утікати, —
Став брат старший до середульшого промовляти:
„Як ми будем, братіку, до отця до матки прибувати,
„Як ми їм будем повідати?
„Будем ми, брате, по правді казати, —
„Буде нас отець-мати проклинати;
„А будемо ми перед отцем, перед маткою олгати,—

[1]) Перепечатывая думу эту изъ моего сборника, издатели „Историческихъ Пѣсень Малорусскаго Народа", поправили слово *обітріє*, воображая, что въ немъ сдѣлана опечатка. Они напечатали въ своемъ изданіи *обігріє*. Нѣтъ, *обітріє* значитъ *обвітріє*; по двѣ согласныя губныя не позволяетъ украинская фонетика произнести, и потому кобзарь Архипъ Никоненко пѣлъ такъ, какъ у меня напечатано. Я у него спросилъ: „Що воно таке, Архипе, обітріє? Ми там по городах останній розум губимо". (Я долженъ былъ такъ говорить, желая быть любезнымъ по-народному: народъ говоритъ: у городъ—по гроши, а въ село—по розумъ). Архипъ отвѣчалъ; „Се, якъ вітромъ перейде підъ часъ исходу сонця, отъ сонце и обітріє".

„Так буде нас Господь милосердний і видимо, й невидимо карати.
„А хиба, брате, так іскажемо:
„Що не в одного пана пробували,
„Не одну неволю мали,
„І ночної доби з тяжкої неволі втікали,
„Так ми й до його забігали:
„Устань, брате, з нами, козаками, з тяжкої неволі втікати!"
„Либонь-то він так іськазав:
„Тікайте ж ви, братці,
„А я буду тут оставаться:
„Чи не буду собі луччого щастя-долі мати."
„А буде отець-мати помірати
„І будем грунта-худобу на дві часті паювати,
„І трете меж нами не буде мішати."

VI.

Тут теє промовляли,
І не сизі орли заклекотали,
Як їх турки-яниченьки із-за могили напали, —
Постреляли, порубали,
Коні з здобиччу назад у город, у Турещину позавертали.
Полягла двох братів голова вище річки Самарки,
Третя у Осаур-могили.
А слава не вмре, не поляже
Однині до віка;
А вам на многая літа!

ПРО КІШКУ САМІЙЛА.

I.

Ой із города із Трапезонта виступала галера,
Трёма цвітами процвітана, малёвана.
Ой первим цвітом процвітана —
Златосиніми киндяками побивана;

А другим цвітом процвітана —
Гарматами арештóвана; [1])
Третім цвітом процвітана —
Турецькою білою габóю покрóвена.

То в тій галері Алкан-баша,
Трапезонськее княжя гуляє;
Ізбранного люду собі має:
Сімсот турків, яничар чотириста,
Та бідного невольника півчвартаста,
Без старшини військової.
Первий старший між ними пробуває
Кішка Самійло, гетьман запорозький;
Другий — Марко Рудий,
Суддя військовий;
Третій — Мусій Грач,
Військовий трубач;
Четвертий — лях-потурнак [2]),
Клюшник галерський,
Сотник переяслáвський,
Недовірок християнський,
Що був тридцять літ у неволі,
Двадцять-чотирі як став на волі, [3])
Потурчився, побусурманився,
Для панства великого,
Для лакомства нещастного.

II.

В тій галері од пристані далеко одпускали,
Чорнім морем далеко гуляли:

---

[1]) Отъ нѣмецкаго rüsten.

[2]) Кобзарь, вмѣсто *потурнакъ* пѣлъ *Бутурлакъ*, такъ какъ это слово потеряло уже значеніе въ памяти народа. Потурнаками назывались тѣ христіяне, которые *потурчились*, какъ сдѣлалъ это и переяславскій сотникъ, ляхъ.

[3]) Народъ любитъ крупныя и поэтическія цифры, какъ 24, 30, 40.

Проти Кефи города приставали,
Там собі великий та довгий опочинок мали.
То представиться Алкану-башаті,
Трапезонському княжаті, молодому паняті,
Сон дивен, барзо дивен, на прочудо.
То Алкан-баша,
Трапезонськеє княжя,
На турків-яничар, на бідних невольників покликає:
„Турки, каже, турки-яничари,
„І ви, бідниї невольники!
„Котрий би мог турчин-яничар сей сон одгадати,
„Мог би ёму три гради турецькиї даровати;
„А котрий би мог бідний невольник одгадати,
„Мог би ёму листи визволéні писати,
„Щоб не мог ніхто нігде зачіпати“.

Сеє турки зачували, нічóго не сказали;
Бідні невольники, хоч добре знали,
Собі промовчали.
Тільки обізветься між турків лях-потурнак,
Ключник галерський,
Сотник переяславський,
Недовірок християнський:
„Як же, каже, Алкане-башо, твій сон одгадати,
„Що ти не хочеш нам повідати!“

— „Такий мині, небожята, сон приснився,
„Бодай нікóли не явився!
„Видиться: моя галера цвіткòвана, малёвана,
„Стала вся обідрана, на пожар іспýскана;
„Видиться: мої турки-яничари
„Стали всі в пень порубані;
„А видиться: мої бідниї невольникі,
„Которії були у неволі,
„То всі стали по волі;
„Видиться мене гетьман Кішка

„На три части ростяв,
„У Чорнее море пометав...“

„То скоро тее лях-потурнак зачував,
К ёму словами промовляв:
„Алкане-башо, трапезонський княжату,
„Молодий паняту!
„Сей тобі сон не буде ні трохи зачіпати;
„Скажи мині получче бідного невольника доглядати,
„З ряду до ряду сажати,
„По два по три, стариї кайдани і новиї исправляти,
„На руки, на ноги надівати;
„Червоної таволги [1]) по два дубці брати,
„По шиях затинати,
„Кров християньскую на землю проливати!“

III.

Скоро то сее зачували,
Од пристани галеру далеко одпускали;
До города до Козлова,
До дівки санджаківни на залети поспішали.
То до города Козлова прибували,—
Дівка санджаківна на встрічу выхожає,
Алкана-башу в город Козлов зо всім війском затягає.
Алкана-башу за білу руку брала,
У світлиці-камяниці зазивала,
За білу скамью сажала,
Дорогими напитками наповала;
А військо серед ринку сажала.

То Алкан-баша,
Трапезонськее княжя,
Не барзо дорогиї напитки уживає,

---

1) Spirea.

Як до галери двох турчинів на-підслухи посилає:
Щоб не мог лях-потурнак Кішки Самійла одмикати,
Упóруч сéбе сажати.

IV.

То скоро ся тиї два турчини до галери прибували.
То Кішка Самійло, гетьман запорзький
Словами промовляє:
„Ой ляше-потурначе, брате старéсенький!
Колись і ти був у такій неволі, як ми тепера:
„Добро нам учини,
„Хоч нас старшину одомкни;
„Хай би і ми у городі побували,
„Панське весілля добре знали."

Каже лях-потурнак:
„Ой Кішко Самійлу, гетьмане запорозький,
„Батьку козацький!
„Добро ти вчини:
„Віру християнську під нозі підтопчи,
„Хрест на собі поламни.
„Аще будеш віру християнську під нозі топтати,
„Будеш у нашого пана молодого за рідного брата пробувати."

То скоро Кішка Самійло теє зачував,
Словами промовляв:
„Ой ляше-потурначе, сотнику переяславський.
„Недовірку християнський!
„Бодай же ти того не дождав,
„Щоб я віру християнську під нозі топтав!
„Хоч буду до смерти біду та неволю приймати,
„А буду в землі козацькій голову християнську покладати.
„Ваша віра погана,
„Земля проклята".

Скоро лях-потурнак теє зачуває,
Кішку Самійла у щоку затинає.
„Ой, каже, Кішко Самійлу, гетьмане запорозький!
„Будеш ти мене в вірі християнській укоряти,
„Буду тебе паче всіх невольників доглядати,
„Стариї і новиї кайдáни направляти,
„Ланцюгами за-пóперек втроє буду тебе брати.“

V.

То тиї два турчини теє зачували,
До Алкана-баши прибували:
„Алкане-башо, трапезонське княжя!
„Безпечно гуляй:
„Доброго і вірного клюшника маєш:
„Кішку Самійла в щоку затинає,
„В турецьку віру ввертає.“

То Алкан-баша,
Трапезонськеє княжя
Великую радость мало,
Пополам дорогиї напитки розділяло:
Половину на галеру одсилало,
Половину з дівкою санджаківною уживало.

VI.

Став лях-потурнак дорогиї напитки піти-підпивати,
Стали умисли козацьку голову клюшника розбивати.
„Господи! єсть у мене що испити і исходити,
„Тільки ні-з-ким об вірі християнській поговорити...“

До Кішки Самійла прибуває,
Пóруч себе сажає,
Дорогого напитка метає,
По два по три кубки в руки наливає.

То Кішка Самійло по два по три кубки в руки брав,
То в рука́ва, то в пазуху, скрізь хусту третю додолу пускав.
Лях-потурнак по єдиному випивав,
То так напився,
Що з ніг звалився.

VII.

То Кішка Самійло тай угадав:
Ляха-потурнака до ліжка вмісто дітики спати клав;
Сам восімдесят-чотирі ключи з-під голів виймав,
На пяти чоловік по ключу давав:
„Козаки пано́ве! добре дбайте,
„Один дру́гого одмикайте,
„Кайда́ни із ніг, із рук не скидайте,
„Полуночної години дожидайте.“

Тоді козаки один другого одмикали;
Кайдани із рук, із ніг не скидали,
Полуночної години дожидали.
А Кішка Самійло чогось догадав,
За бідного невольника ланцюгами втрое себе прийняв;
Полуночної години дожидав.

VIII.

Стала полуночная година наступати,
Став Алкан-баша з військом до галери прибувати.
То до галери прибував,
Словами промовляв:
„Ви, турки-яничари, помаленьку ячіте,
„Моёго вірного клюшника не збудіте;
„Сами́ же добре поміж рядами прохожайте,
„Всякого чоловіка осмотряйте.
Бо тепера він підгуляв,
Щобъ кому пільги не дав...“

То турки-яничари свічі у руки брали,
Поміж рядів прохожали,
Всякого чоловіка осмотряли...
Бог поміг: за замок руками не приймали!

„Алкане-башо, безпечно почивай:
„Доброго і вірного клюшника маєш:
„Він бідного невольника з ряду до ряду посажав,
„По три, по два, старúї кайдáни посправляв;
„А Кішку Самійла ланцюгами у троє прийняв.“

Тоді турки-яничари у галеру вхожали,
Безпечно спати лягали;
А которії хмельні бували, на сон знемагали,
Коло пристані Козловської спати полягали.

IX.

Тогді Кішка Самійло полуночної години дождав,
Сам між козаків устав,
Кайдáни із рук, із ніг у Чорнеє море пороняв;
У галеру вхожає, козаків пробужає,
Шаблі булатнії на вибір вибірає,
До козаків промовляє:
„Ви, панóве молодці, кайдáнами не стучіте,
„Ясúни не вчиніте,
„Ні которого турчина въ галері не збудіте!...“

То козаки добре зачували:
Сами з сéбе кайдáни скидали,
У Чорнеє море метали,
Ясúни не вчинили,
Ні одного турчина в галері не збудили.

Тогді Кішка Самійло до козаків промовляє:
„Ви, козаки молодці! добре, браттє, дбайте:
„Од города Козлова забігайте,

„Турків-яничарів у пень рубайте,
„Которих живцём у Чорнеє море метайте!“
Тоді козаки од города Козлова забігали,
Турків-яничар у пень рубали,
Которих живцём у Чорнеє море метали.

А Кішка-Самойло Алкана-башу із ліжка взяв,
На три части ростяв,
У Чорнеє море пометав,
До козаків промовляв:
„Панове молодці! добре дбайте:
„Всіх у Чорнеє море метайте,
„Тільки ляха-потурнака не рубайте, —
„Между військом для порядку, за яризу військового, зоставляйте.“

Тогді козаки добре мали:
Всіх турків у Чорнеє море пометали,
Тільки ляха-потурнака не зрубали, —
Между військом, для порядку, за ярызу військового зоставляли.
Тоді галеру од пристані одпускали,
Сами́ Чорним морем далеко гуляли.

X.

Та ще у неділю, барзо рано-пораненьку
Не сива зозуля заковала,
Як дівка санджаківна коло пристані похожала
Та біли руки ламала, словами промовляла:
„Алкане-башо, трапезонськеє княжату!
„На́ що ти на ме́не такеє великеє пересердиє маєш,
„Що од ме́не сёгодні барзо рано виїжжаєш?
„Когда би була од матері
„Сорома и наруги прийняла,
„З тобою хоч едину ноч переночувала“! [1])

[1]) Въ этихъ стихахъ употреблены пѣвцомъ москализмы, для того, чтобы оттѣнить панское сословіе, къ которому принадлежала дочь санджака (комендапта, губернатора.)

XI.

Скоро ся тоє промовляли,
Галеру од пристани одпускали,
Сами Чорним морем далеко гуляли.
А ще у неділеньку,
У полуденну годиноньку,
Лях-потурнак од сна пробуждає,
По галері поглядає, що ни єдиного турчина на галері немає.
Тогді лях-потурнак із ліжка вставає,
До Кішки Самійла прибуває, у ноги впадає:
„Ой Кішко Самійлу, гетьмане запорозький,
„Батьку козацький!
„Не будь же ти на мéне,
„Як я був на останці віка моёго на тéбе!
„Бог тобі допоміг неприятеля побідити,
„Та не вмітимеш у землю християнську входити!
„Добре ти вчини:
„Половину козаків у окови до опачи́н посади,
„А половину у турецькеє дорогеє платтяи наряди:
„Бо ще будемо од города Козлова до города Цареграда гуляти,
„Будуть із города Цареграда дванадцять галер вибігати,
„Будуть Алкана-башу з дівкою санджаківною
„По залетах поздравляти;
„То як будеш одвіт давати?..“

Як лях-потурнак научив,
Так Кішка Самійло, гетьман запорозький учинив:
Половину козаків до опачи́н у окови посадив,
А половину у турецькеє дорогеє платтяи нарядив.

XII.

Стали од города Козлова до города Цареграда гуляти,
Стали із Цареграда дванадцять галер вибігати
І галеру із гармати торкати,—

Стали Алкана-башу з дівкою санджаківною
По залётах поздравляти.

То лях-потурнак чогось догадав:
Сам на чердак виступав,
Турецьким біле́ньким зави́валом махав;
Разто мовить погрецьки,
У друге потурецьки;
Каже: „ви, турки-яничари, помале́ньку, браттє, ячіте,
Од галери одверніте:
Бо тепера він підгуляв, на упокої почиває,
На похміллє знемогає,
До вас не встане, голови не зведе.
Казав: як буду назад гуляти,
То не буду вашої молости і по вік забувати.“

Тогді турки-яничари од галери одвертали,
До города Цареграда убігали,
Із дванадцяти штук гармат гремали,
Ясу́ воздавали.
Тогді козаки собі добре дбали:
Сім штук гармат собі арештовали,
Ясу́ воздавали,
На лиман-ріку іспадали,
К Дніпру-Славуті низенько укланяли:
„Хвалим Тя, Господи, і благодарим!
„Були пятдесят-чотирі годи у неволі,
„А тепера чи не дасть нам Бог хоть на час по волі“!

XIII.

А у Тендрові острові Семен Скалозуб
З військом на заставі стояв,
Та на тую галеру поглядав,
До козаків словами промовляв:
„Козаки, пано́вє молодці! що сия галера: чи блу́дить.

„Чи світом ну́дить,
„Чи много люду царсько́го має,
„Чи за великою здо́биччю ганяє?
„То ви добре дбайте:
„По дві штук гармат набивайте,
„Тую галеру з грозної гармати привітайте,
„Гостинця їй дайте."
Тогді козаки теє зачували,
До його промовляли:
„Семене Скалозубе, гетьмане запорозький,
„Батьку козацький!
„Десь ти сам боїсся
„І нас козаків страмисся:
„Єсть сия галера не блудить,
„Ні світом нудить,
„Ні много люду царсько́го має,
„Ні за великою здо́биччю ганяє:
„Се, може, є давній, бідний невольник із неволі утікає..."

То Семен Скалозуб теє зачуває,
До козаків промовляє:
„А ви-таки віри не доймайте,
„Хоч по дві гармати набивайте,
„Тую галеру із грозної гармати привітайте,
„Гостинця їй дайте.
„Як турки-яничари, то у пень рубайте,
„А як бідний невольник, то помочі дайте."

XIV.

Тогді козаки, як діти, не гаразд починали,
По дві штуки гармат набивали:
Тую галеру із грозної гармати привітали,
Три дошки у судні вибивали,
Води вніпрово́ї напускали....

Тогді Кішка Самійло, гетьман запорозький,
Чогось догадав,

Сам на чердак виступав;
Червониї, хрещатиї, давниї корогви́ із кишені виймав,
Роспустив,
До води похилив;
Сам низенько уклонив:
„Козаки, панове-молодці! сия галера не блудить,
„Ні світом нудить,
„Ні много люду царсько́го має,
„Ні за великою здо́биччю ганяє:
„Се єсть давній, бідний невольник,
„Кішка Самійло, із неволі утікає.
„Були пятдесят-чотирі годи у неволі,
„Тепер чи не дасть Бог хоч на час по волі“!

Тогді козаки у каюки скакали,
Тую галеру за малёвані облавки брали,
Та на пристань стягали,
Од дуба до дуба
На Семена Скалозуба
Паёвали,
Тую галеру та на пристань стягали.

XV.

Тогді: златосиниї киндяки—на козаки,
Златоглави—на отамани,
Турецькую білую габу—на козаки на біляки;
А галеру на пожар спускали.
А срібро-злато на три части паёвали:
Первую часть брали, на церкви́ накладали:
На Святого Межигорського Спаса,
На Трехтемировський манастир,
На Святую Січовую Покро́ву давали,
Которі давнім козацьким скарбом будовали,
Щоб за їх, встаючи й лягаючи,
Милосердного Бога благали;
А другую часть по-між собою паёвали;

А третюю часть брали,
Очертами сідали,
Пили та гуляли,
Із семипядних пищалей гремали,
Кішку Самійла поздоровляли:
„Здоров, кажуть, здоров, Кішко Самійлу,
„Гетьмане запорозький!
„Не загинув єси у неволі,
„Не загинеш із нами козаками по волі“!

Правда, панове, полягла
Кішки Самійла голова,
В Києво-Каневі манастирі....
Слава не вмре, не поляже!
Буде слава славна
Поміж козаками,
Поміж друззями,
Поміж лицарями,
Поміж добрими молодцями.
Утверди, Боже, люду царського
Народу християнського,
Війська Запорозського,
Донського,
З усією черню дніпровою,
Низовою,
На многая літа,
До конця віка!

ПРО КОЗАКА ГОЛОТУ.

I.

Ой на полі та й на Килиїмскім,
На шляху битому гординськім,
Ой там гуляв, гуляв козак Голота;
Не боїтся ні огня, ні меча, ні третёго болота.

*

Правда, на козакові шати дорогиї —
Три семирязі лихиї:
Одна недобра, друга негожа,
А третя й на хлів незгожа.
А ще, правда, на козакові постоли вязові,
А унучи китайчáні —
Щирі жіноцькі ряднянї;
Волоки шовкові—
Удвоє, жіноцькі щирі валóві.
Правда, на козакові шапка бирка,
Зверху дірка,
Травою пошита,
А вітром підбита,
Куди віє, туди й провіває,
Козака молодого прохоложає.

II.

То гуляє козак Голота, погуляє,
Ні города, ні села не займає, —
На город Килию́ поглядає.
У городі Килиї татарин сидить бородатий;
По гірницях похожає,
До татарки словами промовляє:
„Татарко, татарко!
„Ой чи ти думаєш те, що я думаю?
„Ой чи ти бачиш те, що я бачу?“

Каже: „Татарине, ой, сідий, бородатий!
„Я тількі бачу, що ти передо мною по гірницях похожаєш,
„А не знаю, що ти думаєш да гадаєш.“

„Каже: „Татарко!
„Я те бачу: в чистім полі не орел літає:
„То козак Голота добрим конем гуляє.
„Я єго хóчу живцéм у руки взяти
„Да в город Килию́ запродати,

„Іще ж ним перед великими панами башами вихваляти,
„За ёго много червоних не лічачи брати,
„Дорогиї сукна не мірячи пощитати.“

III.

То тее промовляв,—дороге платтє надіває,
Чоботи обуває,
Шлик бархотний на свою голову надівас,
На коня сідає,
Безпечно за козаком Голотою ганяє.
А козаченько оглядаеться,
І карбачем одбиваеться.
То вже ж той козак Голота добре козацький звичай знає,—
Ой на татарина скрива, як вовк, поглядає.
Каже: „Татарине, татарине!
На віщо ж ти важиш:
„Чи на свою ясенькую зброю,
„Чи на свого коня вороного,
„Чи на себе татарюгу старого?

—„Я“, каже: „важу на мою ясенькую зброю,
„А ще лучче — на мого коня вороного,
„А ще лучче — на себе татарюгу старого.
„Я тебе хочу живцем у руки взяти,
„В город Килию запродати,
„Перед великими панами башами вихваляти
„І много червоних не лічачи набрати,
„Дорогиї сукна не мірячи пощитати.“

То козак Голота добре звичай козацькій знае,
Ой на татарина скрива, як вовк, поглядае,
„Ой“, каже, „татарине, ой сідий же ти, бородатий!
„Либонь же ти на розум не багатий:
„Ще ти козака у руки не взяв,
„А вже козакові вірп доняв,
„А вже за ёго й гроші пощитав.

„А ще ж ти між козаками не бував,
„Козацької каши не їдав
„І козацьких звичаїв не знаєш.“

А татарин єго озирає,
З єго насміхає:
„Ой ти, каже, козаче козаче нетяго!
„Звідкіля́ ти розуму набрався,
„Що вельми оді́жно убрався?
„Ой на що ж ти уповаєш?
„Чи на свою шапку бирку,
„Що травою шита,
„Вітром підбита, —
„А зверху дірка?
„Чи на свої постоли боброві,
„Що шовко́ві волоки —
„Вв одно́сталь з валу?
„Чи на свою сермягу семилатную?“

— „Ой татарю́го старий, бородатий,
Що твоя одежа зможе?
Ще побачим, кому Бог поможе.“

IV.

Ой на полі та й на Килиимським,
На шляху битім ординськім,
То не ясний сокіл літає, —
То козак Голота, сердечний, добрим конем гуляє.
Ой став татарин ік єму приїзжати,
Став тугого лука напинати,
Сердечного козака Голоту стріляти, рубати.
То козак Голота нагайкою стріли отбиває,
Ой на татарина скрива як вовк поглядає.
„Ой ти татарин, старий бородатий,
„Да на розум не багатий!
„Ти між козаками не бував,

„І козацької каші не їдав,
„І козацьких жартів не знаєш...
„Десь у мене був з кулями гаман;
„Я ж тобі гостинця дам.“

Як став ёму гостинці посилати,
Став татарин із коня похиляти.
„Ой ти, татарин старий бородатий,
„Да на розум небагатий!
„Іще ти мене не піймав,
„Да уже в город-Килию́ запродав,
„І срібниї за мене гроші побрав!
„От-тепер твого одного коня вороного
„Поведу до шинкарки пропивати,
„А другим твоїм конем вороним
„По городу Килиї гуляти, —
„Ой, гуляти, гуляти, гуляти,
„Да единого Бога споминати!“

V.

Тоді козак добре дбавъ,
Чоботи татарські изтягав,
На свої козацькі ноги обував;
Жупан татарський изтягав,
На свої козацькі плечі надівав;
Бархатний шлик издиймав,
На свою козацьку голову надівав;
На коня татарського сідає,
Поле килиімське вихваляє:
„Ой поле, каже, поле килиімське!
„Скількі я на тобі гуляв,
„Да такої здо́бичи не здобував!
„Бодай же ти літо й зіму зеленіно,
„Як ти мене при несщасливій годині сподобило!

Дай же, Боже, щоб козаки пили та гуляли,
Хороші мислі мали,
Од мéне більшу здобич брали,
Неприятеля під ноги топтали!
Слава не вмре, не поляже
Од нині до віка.
Даруй, Боже, на многі літа.

ПРО ОЛЕКСІЯ ПОПОВИЧА.

I.

Ой як на Чорному морі,
Та на білому камені,
Там сидить ясен сокіл-білозірець,
Смутно себе має, на Чорнеє море спильна поглядає,
Що на Чорному морю недобре ся починає,
Що на небі усі звізди потьмарило,
Половину місяця в храми вступило,
А із низу буйний вітер повіває,
А по Чорному морю супротивна хвиля вставає,
Якорі зриває,
Судна козацькі на три часті розбиває.
Одну часть узяло—в землю Огарску занесло,
Другу часть гірло Дунайське пожерло, [1])
А третя—где ся має!—в Чорному морю потопає.

II.

При тій части був Грицко Зборовській,
Отáман козацькій запорозькій,

[1]) Въ одномъ варіантѣ этотъ стихъ поется такъ:
У Дунай в гірло забило,
чтó совпадаетъ съ слѣдующею формою выраженія, встрѣчаемою въ письмѣ королевскаго посла Лавріна Пісочинскаго 1601 года: „....w Kiliei, gdzie okręt wiatry zaniosły i w Dunaj wbiły.“

Той по судну похожає, словами промовляє:
„Хтось між нами, панóве, великій гріх на собі має:
„Щось дуже злая хуртóвина на нас налягає.
„Сповідайтесь, панóве, милосердному Богу,
„Чорному морю, і мені, отáману кошовому,
„В Чорнеє море впадіте,
„Війська козацького не губіте!"

То козаки теє зачували, усі замовчали:
Бо в гріхах себе не знавали.
Тільки обізвався писарь військóвий, козак лейстрóвий,
Пирятиньский попович Олексій:
„Добре ви, братця, вчиніте, мене самого візьміте,
„Мені чорною китайкою очі завяжіте,
„До шиї білий камінь причепіте,
„Да й у Чорнеє море зіпхніте!
„Нехай буду один погибати,
„Козацького війська не збавляти!"

То козаки теє зачували, до Олексія поповича промовляли:
„Ти ж бо по трійчі письмо святеє у руки береш на день та й читаєш,
„Нас, прóстих козаків, на все добре наставляєш, —
„Чом ти гріхів більше на собі од усіх нас маєш"?

— „Хоч я й по трійчі на день письмо святеє у руки беру та й читаю,
„Вас, козаків прóстих, на все добре наставляю,
„А я все сам не гаразд починаю;
„То ще більше гріхів од усіх вас на собі маю.
„Як я із города Пирятина, панóве, виїжджав,
„Опрощення з пан-отцем із пані-маткою не брав,
„І на свого старшого брата великій гнів покладав,
„І близьких сусідів хліба-й-соли безневинно збавляв,
„Діти малиї топтав, вдови стариї стремням у груди штовхав,
„Та ще конем добрим по улиці виґравав,
„Против церкви, дому Божого, проїжджав,
„Шапки з сéбе не знімав, хреста на сéбе не клав.

„То ще я їхав селами і городами,
„І всякими чу́дними сторонами;
„То там жени стариї стояли;
„Може, думали та й гадали против мене що добре сказати,
Да я й там за гордостю, за пишностю противним словом одказав.
„Не питався: яка в вас церква святая?
„Та питався: де в вас корчма нова́я,
„І шинкарка молодая?
„Чужі козаки по церквах молебні наймали,
„А ми в шинку пьєм-гуляєм,
„Музи́ки наймаєм,
„Танці справляєм
„От за те я, пано́ве, великий гріх маю,
„Тепер погибаю!
„Не єсть се, пано́ве, по Чорному морю хвиля вставає,
„А єсть се—мене отцевська і материнська молитва карає!
„Колиб мене сяя хурто́вина злая въ морі не втопила,
„Од смерти молитва боронила,
„То знав би я отця й матір шановати-поважати,
„То знав би я старшого брата за рідного отця почитати,
„І сестру рідне́ньку за неньку у себе мати"!

III.

Тогді козаки добре дбали,
Узяли ёму назад руки ізвязали,
Чорним оксамитом очі затмили....
То ще такого козака у море пускать пощадили;
На лівій руці мизинного пальця втинали,
Ёго кровь у Чорнеє море метали.
То скоро стало Чорнеє море кров християнську заживати,
То стала злая хурто́вина по Чорному морю стихати,
Судна козацькі до-гори як руками підіймала,
До Тентрова острова прибивала.

То всі тогді козаки дивом дивовали:
„Що в якому то страху ми бували,

„На Чорному морю, на бистрої хвилі потопали,
„А ні одного козака з-межи війська не втеряли“!

От-же тогді Олексій попович із судна вихождає,
Бере святеє письмо в руки, читає,
Усіх простих козаків на все добре научає, до козаків промовляє:
„От-тим би то, панóве, треба людей поважати,
„Пан-отця й пані-матку добре шановати:
„Бо котри́й чоловік теє уробляє,
„По вік той счастє собі має,
„Смертельний меч того минає:
„Отцева й матчина молитва зо дна моря виймає,
„Од гріхів смертельних душу одкупляє,
„На полі й на морі на поміч помагає!“

